Полн. собр. сочин. Т. 1-41.

„KULTURA"
Sienkiewicza 14

72
N dub

Гравировано у Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ.

зволено Цензурою С.П.Б.

Печ. въ артистическомъ зав. А.Ф. Маркса, Ср. Подъяч. N

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

ПОЧИНЕНІЙ

Ѳ. М. Достоевскаго.

[illegible]

[illegible]

ЧАСТЬ ПЕРВЫЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

[illegible]рафическимъ очеркомъ

о

[illegible] ДОСТОЕВСКОМЪ,

[illegible] В. В. РОЗАНОВЫМЪ,

и

[illegible] Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО,

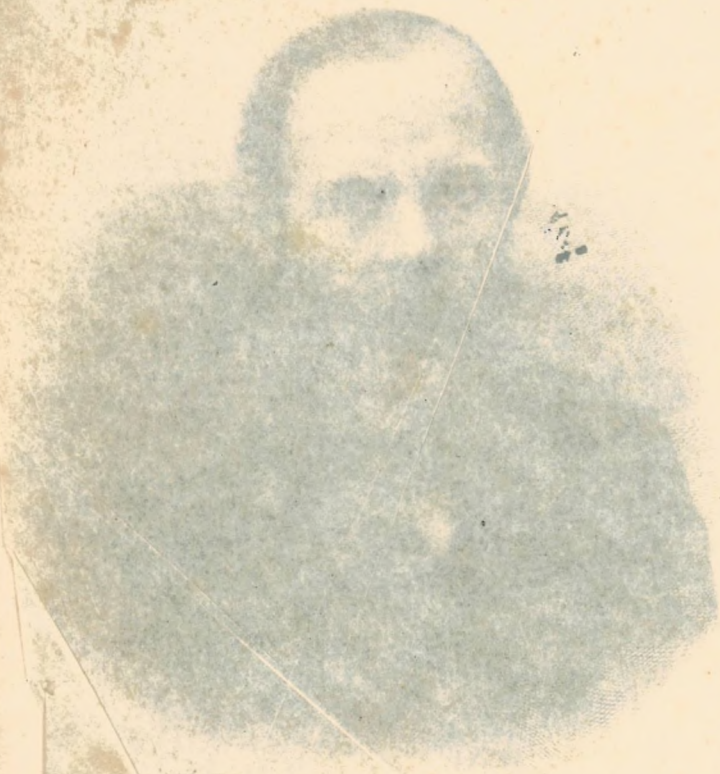
[illegible] за стали Ф. А. Брокгаузомъ.

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ.

[illegible]платное приложеніе къ журналу „НИВА" на 1894 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1894.

14.26
[illegible]
KUL[illegible]
Warsza[illegible]



brak
brak

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Ѳ. М. Достоевскаго.

CZYTELNIA NOWA
Koszykowa 24

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Съ критико-біографическимъ очеркомъ
о
Ѳ. М. ДОСТОЕВСКОМЪ,
составленнымъ В. В. РОЗАНОВЫМЪ.
и
съ портретомъ Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО,
гравированнымъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ.

II 263-1
KSIĄŻKA
Warszawa, Sienkiewicza 14

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ.

Безплатное приложеніе къ журналу „НИВА“ на 1894 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1894.

201549

Biblioteka Główna w Kielcach
BIBLIOTEKA GŁÓWNA
w Kielcach
162065

Дозволено цензурою. СПБ. 29 ноября 1893 г.

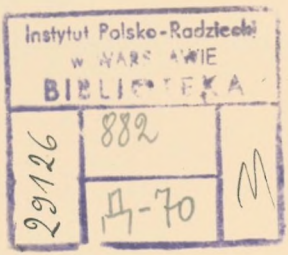
Типографія А. Ф. МАРКСА, Средняя Подъяческая, д. № 1.

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКІЙ.

(Критико-біографическій очеркъ).

CZYTELNIA
„KULTURA"
Warszawa, Sienkiewicza 14

BIBLIOTEKA IP-R
Dar D/68/54



CZYTELNIA
„KULTURA"
Warszawa, Sienkiewicza 14

Ѳ. М. Достоевскій.

(Критико-біографическій очеркъ).

I.

Теперь, когда съ нумерами «Нивы» полное собраніе сочиненій покойнаго Достоевскаго будетъ разнесено по самымъ далекимъ и укромнымъ уголкамъ Россіи, дѣйствіе его на умственное и нравственное развитіе нашего общества получитъ, наконецъ, тѣ размѣры, къ какимъ оно способно по внутреннимъ своимъ качествамъ, безъ всякихъ внѣшнихъ задерживающихъ обстоятельствъ. Толпа слушателей, какую только можетъ пожелать себѣ мыслитель или художникъ, невидимо, неощутимо собрана: что скажетъ *онъ* ей, въ этомъ и ни въ чемъ другомъ теперь весь вопросъ. Невольно является смущеніе при мысли: что́ же въ немногихъ строкахъ, въ краткія минуты, какія мнѣ удѣлены на то, чтобы сказать этой толпѣ объ этомъ писателѣ, *слѣдуетъ* сказать?

Что́ нужно ей отъ писателя? Зачѣмъ, отрываясь отъ насущныхъ дѣлъ, заботъ, иногда обязанностей, читатель беретъ книгу и уединяется съ нею, — уединяется въ себя, но зачѣмъ-то въ сообществѣ съ человѣкомъ, давно умершимъ или далекимъ, котораго онъ не знаетъ и, однако, въ эти минуты уединенія предпочитаетъ всѣмъ, кого знаетъ? Какой смыслъ въ книгѣ, въ чтеніи? Наслажденіе-ли? Но въ непосредственныхъ созерцаніяхъ, въ реальныхъ ощущеніяхъ дѣйствительности оно можетъ быть всегда ярче. Красота-ли? Но развѣ для нея уединяется человѣкъ? Онъ уединяется, чтобы, на минуту оторвавшись отъ частностей, отъ подробностей своей жизни, своихъ тревогъ, обнять ихъ въ цѣломъ, понять эту жизнь въ ея общемъ значеніи. Что́ скажетъ, что́ можетъ сказать онъ мнѣ *обо мнѣ* самомъ и обо всемъ, что такъ тяготитъ меня и смущаетъ въ жизни—вотъ вопросъ, который опредѣляетъ выборъ нами того, кого мы зовемъ съ собою въ уединеніе, или книги, какую избираемъ. «Помоги мнѣ разобраться въ моей жизни, освѣти, научи» — вотъ самая серьезная мысль, съ какою можетъ читатель обратиться къ писателю; думаемъ даже, что это есть единственная серьезная мысль, на ко-

торой можетъ истинно скрѣпиться ихъ общеніе. Внѣ этого, внѣ отношенія писателя къ нашимъ индивидуальнымъ тревогамъ, заботамъ, опасеніямъ празденъ смыслъ самого чтенія, незначаще появленіе книги, мишурно все, что въ необъятныхъ размѣрахъ мы называемъ литературою и чѣмъ любуемся или гордимся, какъ народъ, но можемъ гордиться и любоваться съ правомъ тогда лишь, когда она удовлетворяетъ только-что опредѣленной нуждѣ.

Въ индивидуальномъ — основаніе исторіи, ея главный центръ, ея смыслъ, ея значительность; вѣдь, человѣкъ, въ противоположность животному, всегда *лицо*, ни съ кѣмъ не сливаемое, никого не повторяющее собою; онъ — никогда не «родъ»; родовое — въ немъ несущественно, а существенно особенное, чего ни въ комъ нѣтъ, что впервые пришло съ нимъ на землю и уйдетъ съ нея, когда онъ самъ отойдетъ отъ нея въ «міры иные». Не отъ этого-ли и попытки дать философію исторіи въ смыслѣ законовъ историческаго развитія всегда были напрасны: вѣдь, эти законы, если они и есть, обнимаютъ самое незначащее въ исторіи; въ противоположность природѣ, гдѣ, обнимая родовое, общее — они обнимаютъ все существенное. Въ Цезарѣ, въ Петрѣ, въ тебѣ, читатель, и во мнѣ, который пишетъ эти строки, развѣ главное— то, въ чемъ мы не отличаемся отъ всѣхъ другихъ людей? Какъ главное въ планетахъ, конечно, не ихъ разное разстояніе отъ солнца, а фигура эллипсиса и законы, повинуясь которымъ онѣ по этой фигурѣ всѣ одинаково движутся. Здѣсь—тайна безуспѣшности науки и философіи понять человѣка, его жизнь, его исторію; тайна безуспѣшности ихъ истинно въ ней наставить, просвѣтить; и, къ удивленію, проблески истиннаго знанія о себѣ, какое человѣкъ почерпаетъ въ областяхъ, ничего общаго съ его умствованіями не имѣющихъ — въ религіи и высокомъ художествѣ. Онѣ не знаютъ законовъ и не ищутъ ихъ; но, не находя ихъ, не находятъ только несущественнаго; онѣ обращены къ сердцу человѣка, всегда говорятъ его лицу—главному, что есть въ немъ; и, зная это сердце, проникая въ самыя его сокровенныя движенія, говорятъ этому лицу съ глубочайшимъ знаніемъ, какого только можетъ онъ допытываться о себѣ самомъ. Вотъ гдѣ понятная намъ, уразумѣваемая въ исторіи сторона значительности религіи: вотъ гдѣ тайна, почему такъ прилѣпляется человѣкъ къ высокому художеству, первое любитъ его въ исторіи, съ послѣднимъ имъ разстается, обращается къ нему въ тревожныя и свѣтлыя минуты своей жизни.

Какъ, однако, художникъ достигаетъ этой силы наученія, и въ чемъ, вообще, значеніе генія въ исторіи? Не въ другомъ чемъ, какъ въ обширности духовнаго опыта, которымъ онъ превосходитъ другихъ людей, зная то, что порознь разсѣяно въ тысячахъ

ихъ, что иногда скрываетъ въ самыхъ темныхъ, невысказывающихся характерахъ; знаетъ, наконецъ, и многое такое, что никогда еще не было пережито человѣкомъ, и только имъ, въ необъятно богатой его внутренней жизни, было уже испытано, измѣрено и оцѣнено. Можно сказать, что въ то время, какъ другіе люди по преимуществу только существуютъ, геній — по преимуществу *живетъ;* т. е., онъ никогда не остается все тѣмъ же, разныя душевныя состоянія слагаются въ немъ и разлагаются, міры созданій проходятъ черезъ его сердце, — и все это безъ сколько-нибудь прочнаго, уловимаго отношенія къ дѣйствительности. Посмотрите на великихъ художниковъ, поэтовъ: развѣ жизнь ихъ особенно богата событіями, развѣ поле ихъ наблюденій такъ особенно превосходитъ наше? И, однако, какое необъятное множество лицъ, положеній, движеній сердца, просвѣтлѣній человѣка и паденій его совѣсти отражено въ ихъ произведеніяхъ? Какъ узко поле ихъ фактической жизни сравнительно съ полемъ какой-то другой жизни, гдѣ все это они видѣли уже, все поняли, и, понявъ, по одной чертѣ сходства опредѣляютъ характеръ и судьбу реальныхъ явленій ихъ окружающей дѣйствительности. Высокій поэтъ или художникъ есть всегда вмѣстѣ и провидѣцъ; и это потому, что онъ уже *видѣлъ* многое, что для остальныхъ людей остается на степени возможнаго, что для нихъ только будущій вѣроятный фактъ. Отъ этого, посмотрите, какъ много встревоженнаго въ лицѣ ихъ, когда такъ мало причинъ для этихъ тревогъ въ дѣйствительности; какой перевѣсъ въ задумчивости надъ другими людьми, когда предметовъ для нея у нихъ вовсе не болѣе, чѣмъ у остальныхъ людей; и еще болѣе удивительный, столь же общій фактъ: какая растерянность среди практической жизни, разсѣянное невниманіе къ ней. Къ чему же, на что, не отрываясь, устремлено это вниманіе?.. Но если все, что мы сказали, дѣйствительно такъ, то какъ не искать намъ въ самомъ дѣлѣ ученія у того, кто столь превосходитъ насъ опытомъ, и, слѣдовательно, плодомъ его—мудростью?

Какая же мудрость заключается въ произведеніяхъ, лежащихъ теперь передъ читателемъ? Въ чемъ духовный опытъ творца ихъ? На что главнымъ образомъ было устремлено его вниманіе.

Три момента мы можемъ различить въ душевномъ развитіи каждаго человѣка, пожалуй, всякаго народа и цѣлаго человѣчества: не всѣ они переживаются каждымъ, развитіе можетъ быть не окончено у индивидуума-ли, у народа или, даже, у цѣлой ихъ группы, слагающей совокупною жизнью обширный циклъ исторіи. Но всегда, когда это развитіе полно, оно протекаетъ три фазиса: непосредственной первоначальной ясности, паденія, возрожденія. Есть цѣлыя эпохи исторіи, которыя выражаютъ собою

только одинъ который-нибудь изъ этихъ моментовъ; такъ жизнь нѣкоторыхъ людей, которымъ мы удивляемся, которыхъ понять не можемъ, является утвержденіемъ и развитіемъ подобнаго же единичнаго момента. Въ обоихъ случаяхъ, однако, это суть только части цѣльнаго процесса, однородность которыхъ объясняется изъ совершенной ихъ противоположности съ другими смежными частями. Все, что, рождаясь, достигаетъ естественнаго конца и вмѣстѣ одарено высшимъ сознаніемъ, не можетъ избѣгнуть ни одного изъ этихъ моментовъ.

Если, однако, мы всмотримся въ ихъ соотношеніе, то увидимъ, что въ наблюдаемой дѣйствительности средній моментъ чрезмѣрно преобладаетъ надъ остальными двумя. Въ исторіи паденіе, преступленіе, грѣхъ—это центральное явленіе *); въ немъ бьются безсильно индивидуумы, народы; о немъ учитъ и съ нимъ борется религія; тѣнью своею оно задѣваетъ, наконецъ, и высокое художество. И, между тѣмъ, смыслъ этого момента только относительный: преступное, грѣховное—это преступное противъ чего-то, что ранѣе ему предшествовало и было лучше его; это — паденіе, отъ котораго нужно подняться къ чему-то, вновь возродиться. Этимъ значеніемъ своимъ, обращеннымъ къ прошедшему и будущему, онъ указываетъ на другіе два момента, которыхъ, однако, только просвѣтъ, только краевое сіяніе мы наблюдаемъ въ текущей дѣйствительности и исторіи; и вотъ почему ихъ яркое выраженіе, полное осуществленіе человѣкъ переноситъ за границы имъ проходимаго на землѣ бытія—къ своему до-земному существованію и послѣ—загробному. Мысль о безсмертіи своей души, такъ трудная, такъ непостижимая **), не только постигается

*) Мы говоримъ «центральное» по тѣмъ усиліямъ, по той степени вниманія къ себѣ, какой требуетъ грѣхъ, преступленіе, вызывая на борьбу съ собою религію, законодательство, поэзію. Но не слѣдуетъ забывать, однако, что въ нихъ содержится отступленіе отъ нормы, и въ жизни норма естественно преобладаетъ надъ своимъ исключеніемъ, *не возбуждая къ себѣ, тѣмъ не менѣе, нашего вниманія*, не вызывая ужаса, удивленія, сожалѣнія—и потому какъ бы затѣняется въ своей значительности порокомъ. Какой-нибудь всемірно-извѣстный примѣръ, взятый хотя бы изъ поэзіи, лучше всего пояснитъ нашу мысль: Гретхенъ (въ «Фаустѣ») только разъ согрѣшила, долгіе годы она была безпорочна,—и *долгіе* годы были забыты, ея окружающими—не припомнены: *имъ* помнится, и *намъ* внушаетъ горесть, вызываетъ на размышленія день только ея паденія. Въ судьбѣ ея—онъ центральный, не будучи центральнымъ по времени, преобладающимъ по положенію въ ряду другихъ фактовъ ея жизни.

**) Здѣсь и ниже, и, вообще, во всей оцѣнкѣ разсматриваемаго писателя, читатель да проститъ мнѣ освѣщеніе, субъективность котораго онъ не можетъ не почувствовать, и я не хочу ее скрыть. Но какъ иначе, какъ, не исходя изъ *частностей* своего душевнаго склада, могъ бы критикъ искренно и внимательно освѣтить писателя, — не

человѣкомъ, но и становится неотдѣлимою отъ его сознанія, какъ только онъ глубоко погружается въ смыслъ грѣха, и еще болѣе, когда онъ погружается въ него не мыслью одною своею, но всею природою,—когда онъ глубоко грѣховенъ, преступенъ. Нѣтъ человѣка, кто бы онъ ни былъ, какъ бы ни былъ полонъ отрицанія, сомнѣнія, который, преступивъ какой-нибудь коренной законъ своего существа, въ мѣру того, какъ преступилъ—не почувствовалъ бы тотчасъ, какъ напрасны были всѣ его вѣрованія, что съ землею для него кончается все; нѣтъ народовъ, которые на

забывая, если онъ разсудителенъ, ни на минуту, что въ освѣщающемъ источникѣ здѣсь есть именно частности, и, слѣдовательно, требуетъ поправокъ, оговорокъ, дополненій самое освѣщеніе. Такъ и въ идеѣ безсмертія души человѣческой: конечно, необозримымъ народнымъ массамъ она ясна, отчетлива въ себѣ самой, непоколебима въ ихъ сердцѣ; и остается трудна для всѣхъ слоевъ общества, въ силу неблагопріятныхъ историческихъ условій потерявшихъ со своимъ народомъ связь,—что не затрогиваетъ и не предрѣшаетъ вопроса о томъ, на чьей сторонѣ остается истина. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, и цѣлымъ народамъ, не знавшимъ, собственно, умственнаго развитія, идея единобожія ясна, отчетлива, необходима отъ рожденія (семитическія племена); тогда какъ греки, напримѣръ, до той же идеи возвысились путемъ долгихъ и мучительныхъ усилій мысли (не ранѣе, какъ ко времени Платона и Аристотеля). Мы можемъ, взявъ другой циклъ идей, понять, гдѣ здѣсь истина: можемъ представить народъ, уже отъ рожденія одаренный совершенно яснымъ геометрическимъ созерцаніемъ, не путающійся въ геометрическихъ опредѣленіяхъ, не затрудняющійся въ выводахъ, твердый въ аксіомахъ и во всемъ, что изъ нихъ слѣдуетъ: прочіе народы смотрѣли бы на него съ удивленіемъ, его знаніямъ не довѣряли бы,—до тѣхъ поръ, пока съ трудомъ и медленно сами до нихъ не возвысились бы. Такого народа-геометра нѣтъ; но есть народъ-единобожецъ, и мы можемъ даже понять, почему изъ всѣхъ идей человѣческихъ эта стала врожденною для обширнаго и до сихъ поръ не умирающаго племени; идея единобожія, какъ показываетъ этнографія и исторія, необыкновенно трудна для человѣка, и, предоставивъ до остального восходить ему, это нужно было ему открыть. Такъ точно и идея безсмертія души не менѣе трудна для «*естественнаго*» разума,—припомнимъ только затрудненія Федона, не говоря о слабѣйшихъ. Эта, какъ и другія родственныя идеи, *данныя* человѣку, а не найденныя имъ, для ума, который, пройдя путь искусственнаго и ложнаго образованія, возвратился къ ограниченности своихъ естественныхъ логическихъ силъ, не ясна, трудна—и вотъ, нужно что-нибудь особенное, чтобы онъ ихъ почувствовалъ. Къ этому особенному, исключительному, рѣдкому принадлежитъ и грѣхъ, преступное, что совершивъ, человѣкъ думаетъ, что погрѣшилъ лишь противъ человѣка, но по особенностямъ, по необъяснимымъ свойствамъ своего внутренняго страданія, начинаетъ понимать, что онъ погрѣшилъ противъ кого-то еще, открываетъ Бога; не находя наказанія на землѣ, ищетъ его за гробомъ, понимаетъ безсмертіе души своей. Вотъ путь, далекій отъ естественнаго, отъ *даннаго* человѣку, но которымъ по необходимости онъ бредетъ, потерявъ этотъ естественный путь.

исходѣ своего историческаго труда, и труда серьезнаго, не были бы проникнуты этимъ же убѣжденіемъ. Только въ свѣтлые, юные моменты жизни своей народы-ли, или отдѣльные люди, равно бываютъ далеко отъ этихъ идей: рождаясь и умирая въ въ томъ краевомъ сіяніи, о которомъ мы упомянули, они думаютъ, что имъ, этою смѣсью относительной темноты и относительнаго свѣта, исчерпывается все возможное бытіе. Какъ бы то ни было, но въ законѣ, что именно среди глубочайшаго мрака человѣкомъ постигается главная истина его бытія, содержится условіе перехода его къ утвержденію этой истины въ своемъ сознаніи и жизни; сущность грѣха такова, что она предполагаетъ возрожденіе:

Чѣмъ ночь темнѣй — тѣмъ ярче звѣзды,
Чѣмъ глубже скорбь — тѣмъ ближе Богъ.

Въ этихъ двухъ стихахъ—смыслъ всей исторіи, и исторія душевнаго развитія тысячъ душъ.

Проникновеніе въ законъ этотъ, и не только умомъ своимъ, но сердцемъ, совѣстью—составляетъ особую, ни съ кѣмъ не раздѣленную сферу духовнаго опыта Достоевскаго. Можно сказать, что въ то время, какъ другіе великіе художники, его современники (Гончаровъ, Тургеневъ, Островскій, гр. Л. Толстой), заняты были воспроизведеніемъ перваго момента—это было великолѣпное рисованіе общества и народа въ его исторически сложившемся бытѣ, въ его непосредственной ясности,— всѣ его произведенія посвящены изображенію момента второго и указанію изъ него выхода. Въ этомъ послѣднемъ указаніи — объясненіе особаго характера его романовъ, повѣстей, все зовущихъ куда-то, или грозящихъ, хотя, повидимому, они только изображаютъ, рисуютъ. Онъ кончилъ «Дневникомъ Писателя», субъективнѣйшею формой бесѣды-ли съ собою, или, какъ въ данномъ случаѣ, обращенія къ окружающимъ; страницами этого дневника, въ сущности, были и всѣ его романы, повѣсти, съ однообразнымъ колоритомъ, на всѣхъ ихъ лежащимъ, однимъ языкомъ, которымъ говорятъ всѣ лица. Это относится къ формѣ его творчества; напротивъ, если мы обратимся къ главному въ немъ, къ содержанію, мы и самый «Дневникъ», и всѣ остальныя произведенія поймемъ, какъ обширный и разнообразный комментарій къ самому совершенному его произведенію — «Преступленіе и наказаніе». Въ романѣ этомъ намъ дано изображеніе всѣхъ тѣхъ условій, которыя, захватывая душу человѣческую, влекутъ ее къ преступленію; видимъ самое преступленіе; и тотчасъ, какъ совершено оно, съ душою преступника мы вступаемъ въ незнакомую намъ ранѣе атмосферу ужаса и мрака, въ которой намъ почти такъ же трудно дышать, какъ и ему. Общій духъ романа, неулови-

мый, неопредѣлимый, еще гораздо замѣчательнѣе всѣхъ отдѣльныхъ поразительныхъ его эпизодовъ: какъ — это тайна автора — но онъ, дѣйствительно, подноситъ намъ и даетъ ощутить преступность всѣми внутренними фибрами нашего существа; сами мы, вѣдь, не совершили ничего, и, однако, окончивъ чтеніе, точно выходимъ на воздухъ изъ какой-то тѣсной могилы, гдѣ были заключены съ живымъ лицомъ, въ ней похоронившимъ себя, и съ нимъ вмѣстѣ дышали отравленнымъ воздухомъ мертвыхъ костей и разлѣзающихся внутренностей. Колоритъ этого романа, и уже затѣмъ эпизоды его, весь онъ въ своей неразрывной цѣльности—есть новое и удивительное явленіе во всемірной литературѣ, есть одно изъ глубочайшихъ словъ, подуманныхъ человѣкомъ о себѣ. Возрожденіе—здѣсь только издали показано намъ; «его исторія должна бы составить новый романъ...» никогда не написанный; мы и въ другихъ произведеніяхъ Достоевскаго имѣемъ все только этотъ же колоритъ, дышимъ все тою же атмосферой душевнаго ужаса и мрака; среди его играютъ лучи ослѣпительнаго свѣта, также ни откуда еще намъ неизвѣстной душевной чистоты и свѣтлости. Вотъ все, что мы у него находимъ; но, вѣдь, это и *все*, чѣмъ въ глубочайшей сущности исчерпывается человѣкъ и его земное странствіе. Прочее — за гробомъ, прочее — въ ожиданіи, въ надеждѣ; да и могли-ли бы мы, въ этой бренной оболочкѣ своей, въ этихъ земныхъ условіяхъ, надолго вынести этотъ ослѣпительный свѣтъ? Умереть, узнавъ о себѣ окончательную истину, это такъ естественно, почти необходимо; для чего бы еще жить, мястись душою, измѣняться, когда самого условія для этого, невѣдѣнія—нѣтъ болѣе?

Зовъ къ этому свѣту, къ этому выходу—вотъ что составляетъ второй моментъ въ дѣятельности покойнаго писателя, то, что такъ поверхностно, такъ не глубоко, приравнивая къ *своему*, звали его «публицистикой»; о, конечно, это было обращеніе, но уже почти не къ читателю, а къ *ближнему* своему, котораго онъ предостерегалъ, которому грозилъ, отъ котораго требовалъ. Да, это былъ, если ужъ нельзя отвязаться отъ непріятнаго слова, всемірно-историческій публицистъ, интересы котораго были внѣ своего дня, зовъ котораго былъ обращенъ къ вѣкамъ и народамъ, взоръ—обращенъ въ вѣчность. Нѣтъ, это ошибка сказать, что онъ былъ «публицистъ 60—70 годовъ»: къ этимъ-ли годамъ относится «Легенда о Великомъ Инквизиторѣ» (въ «Братьяхъ Карамазовыхъ»), къ нимъ-ли — изображеніе будущаго атеистическаго состоянія людей (разговоръ Версилова со своимъ сыномъ въ «Подросткѣ»), «Сонъ смѣшного человѣка» (въ «Дневникѣ Писателя»)? Конечно, не болѣе къ нимъ, чѣмъ и къ цѣльной всемірной исторіи, возвести къ глубочайшему смыслу которой свой

преходящій моментъ—вотъ что составляло его задачу и что сказать о немъ—значитъ, дѣйствительно, опредѣлить его значеніе. Печать эпохи его, встревоженной, мятущейся, лежитъ и на его взволнованныхъ трудахъ; къ счастью, однако, онъ убережся отъ обычныхъ путей своего времени даже еще въ ученическіе годы *), и въ своемъ мощномъ воображеніи, геніальномъ умѣ и сердцѣ, на тѣхъ уединенныхъ путяхъ, которыми проходилъ жизнь, нѣсколько переиначивъ дѣйствительность, возвелъ ее къ вѣчному смыслу и значительности. 60-е—70-е годы почти уже умерли въ своемъ *точномъ* и *ограниченномъ* смыслѣ; не такъ уже смотримъ мы на дѣла ихъ и рѣчи, многое растеряли изъ нихъ и не особенно дорожимъ оставшимся; еще всплескъ исторической волны, и все будетъ залито тамъ; но какое время, какія новыя заботы, болѣе высокія созерцанія зальютъ безсмертныя страницы «Преступленія и наказанія», «Братьевъ Карамазовыхъ», гдѣ все, что *было* въ то время, что на минуту, условно и ограниченно, *мелькнуло*,—въ геніальномъ умѣ ихъ творца взошло на вѣчное *есть*, стало для всѣхъ временъ неумирающей *ихъ* тревогой?

Всѣ остальныя черты въ творчествѣ Достоевскаго, нерѣдко выставляемыя, какъ главныя, составляютъ только детальную разработку этой основной темы. Неутолимое страданіе, нищета, развратъ—что такъ широко разлито на его страницахъ—это только гноище, на которомъ по закону необходимости вырастаетъ преступное; искаженные характеры, то возвышающіеся до геніальности, то ниспадающіе до слабоумія—это отраженіе того же преступнаго въ человѣческихъ генераціяхъ, наконецъ, это борьба съ нимъ человѣка и безсиліе его побѣдить; среди хаоса безпорядочныхъ сценъ, забавно-нелѣпыхъ разговоровъ (быть можетъ, умышленно нагроможденныхъ авторомъ)—чудные діалоги и монологи, содержащіе высочайшее созерцаніе судебъ человѣка на землѣ—здѣсь и бредъ, и ропотъ, и высокое умиленіе его страдающей души. Все въ общемъ образуетъ картину, одновременно и изумительно вѣрную дѣйствительности, и удаленную отъ нея въ какую-то безконечную абстракцію, гдѣ черты высокаго художества перемѣшиваются съ чертами морали, политики, философіи, наконецъ, религіи, вездѣ съ жаждою, скорѣе потребностью не столько передать, сколько сотворить, или, по крайней мѣрѣ, переиначить. Удивительно, въ эпоху совершенно безрелигіозную, въ эпоху существеннымъ образомъ разлагающуюся,

*) Я хочу сказать, что, пройди онъ обычную школу, напримѣръ Университетъ (смотри на него не изъ *дали* своего воображенія), фигуръ Раскольникова и Ивана Карамазова онъ не могъ бы создать; а безъ этихъ двухъ образовъ и ими сказаннаго—чѣмъ было бы все остальное, имъ написанное? Прекраснымъ тѣломъ безъ головы.

хаотически смѣшивающуюся,—создается рядъ произведеній, образующихъ въ цѣломъ что-то напоминающее религіозную эпопею, однако со всѣми чертами кощунства и хаоса своего времени. Всѣ подробности здѣсь — *наше*; это — *мы*, въ своей плоти и крови, безконечномъ грѣхѣ и искаженіи говоримъ въ его произведеніяхъ; и, однако, во всѣ эти подробности вложенъ не нашъ смыслъ, или, по крайней мѣрѣ, смыслъ, котораго мы въ себѣ не знали. Точно кто-то, взявъ наши хулящіе Бога языки и ничего не измѣняя въ нихъ, сложилъ ихъ такъ, такъ сочеталъ тысячи разнородныхъ ихъ звуковъ, что уже не хулу мы слышимъ въ окончательномъ и общемъ созвучіи, но хвалу Богу; и, сей удивляясь, ея дичась—къ ней влечемся.

II.

Сказаннаго мы считаемъ достаточнымъ, чтобы ввести читателя въ духъ и въ смыслъ произведеній Достоевскаго; теперь скажемъ нѣсколько словъ о его жизни.

Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій род. 30 октября 1821 г., въ Москвѣ, гдѣ отецъ его состоялъ докторомъ при Маріинской больницѣ для бѣдныхъ; семья, гдѣ онъ росъ, съ братьями и сестрами, была небогатая, трудовая, религіозно настроенная; съ ранняго утра и почти цѣлый день отецъ былъ занятъ службою и практикой въ городѣ; съ 4—5 лѣтъ началось обученіе дѣтей чтенію; рѣдки были выходы изъ дому, какъ и пріемы гостей; сверхъ обычая—общественныя удовольствія (театръ); вся жизнь сосредоточивалась въ семьѣ, и потому эта семья была въ высшей степени воспитательна для дѣтей. Изрѣдка, разъ въ годъ, они ѣздили съ матерью въ Троице-Сергіевскую лавру; вечеромъ, когда отецъ былъ свободенъ отъ занятій, собирались всѣ вмѣстѣ и читали избранныя мѣста изъ «Исторіи» Карамзина или что-нибудь изъ серьезной литературы (отецъ и мать читали попеременно; подросши, имъ помогали старшія дѣти; младшія слушали); вмѣстѣ же, семейно, совершались прогулки въ близъ лежащей Марьиной рощѣ. Печать упорядоченности, благообразія, строгости лежала здѣсь на всемъ строѣ, и отсюда же она ложилась, какъ первое основное впечатлѣніе, и на душу дѣтей.

Когда Ѳедору исполнилось 10 лѣтъ, отецъ его купилъ небольшое имѣніе, въ Тульской губ., въ 150 верстахъ отъ Москвы, и съ тѣхъ поръ съ ранней весны и до поздней осени лѣто проводилось здѣсь; къ этому времени относятся первыя впечатлѣнія его изъ деревенской, крестьянской жизни, давшія, безъ сомнѣнія, запасъ непреднамѣренно сдѣланныхъ наблюденій, послужившихъ основою его позднѣйшихъ упорныхъ утвержденій о нашемъ простомъ народѣ. Почти въ то же время началось болѣе серьезное

подготовленіе дѣтей отцомъ къ средней школѣ, куда Ѳедоръ поступилъ 14 лѣтъ; казенное заведеніе при этомъ было благоразумно обойдено; частный пансіонъ Л. И. Чермака, куда онъ поступилъ вслѣдъ за старшимъ братомъ Михаиломъ, отличался чистымъ, семейнымъ характеромъ внутри, и высокою постановкою учебнаго дѣла (въ числѣ преподавателей старшихъ классовъ было нѣсколько профессоровъ университета); здѣсь проводили мальчики недѣлю, а въ субботу они возвращались домой, куда въ то же время возвращались изъ пансіона сестры. Въ 1837 г. они потеряли нѣжно любимую мать, умершую отъ чахотки, и, нужно думать, это былъ моментъ, когда окончилось для старшихъ братьевъ безпечное отрочество и началась юность. Ѳедоръ былъ отвезенъ въ Петербургъ и отданъ въ Инженерное училище. Хотя это учебное заведеніе было выдающимся въ свое время (оно пользовалось особымъ вниманіемъ великихъ князей сперва Николая Павловича, а потомъ Михаила Павловича), но оно не оказало, повидимому, какого-либо вліянія на Достоевскаго. Духъ и интересы, здѣсь господствовавшіе, имѣя много въ себѣ хорошаго (отсюда вышли, между прочимъ, Тотлебенъ, Радецкій и мн. др.), были не тѣмъ хорошимъ, къ чему влеклась его душа, уже начинавшая окрыляться. И по воспоминаньямъ, и по письмамъ судя, онъ является здѣсь угрюмымъ, любившимъ уединяться юношей, не принимавшимъ участія въ жизни товарищей. Это было для него время обильнаго чтенія; а отсутствіе сверстниковъ, которые жили бы тѣми же интересами, какъ и онъ, сдѣлало то, что въ тысячахъ оцѣнокъ, взглядовъ, словомъ, во всѣхъ первыхъ изгибахъ своего развитія, онъ могъ опереться только на свой умъ и сердце, что не могло не повести къ преждевременной серьезности его и самостоятельности. До чего ранне было его развитіе, и какъ глубоко онъ былъ отъединенъ отъ окружающей его среды, можно судить изъ того, что уже здѣсь, вставая потихоньку ночью, онъ создавалъ своихъ «Бѣдныхъ людей»—трудъ, по которому мы должны оцѣнивать его душевное состояніе за это время, и въ этой оцѣнкѣ не можемъ не признать въ немъ человѣка, совершенно сформировавшагося въ своихъ взглядахъ; поэтому, всѣ послѣдующія его подчиненія (Бѣлинскому, или въ кружкѣ Петрашевскаго) разнороднымъ вліяніямъ были, безспорно, только кажущимися,—только слѣдованіемъ правилу *audiatur et altera pars*, безъ какого-либо внутренняго подчиненія этой другой сторонѣ, и очень часто, вѣроятно, съ большою долею къ ней пренебреженія.

Въ 1843 г. онъ вышелъ изъ училища (отца онъ потерялъ еще ранѣе, въ 1839 г.), и первые годы, затѣмъ слѣдовавшіе, посвящалъ служебнымъ занятіямъ, безъ какого-либо къ нимъ

влеченія, и страстно любимому литературному труду, долго безъ какого-либо опредѣленнаго результата. Мало-по-малу, однако, онъ сосредоточился вновь на давно выношенныхъ образахъ и въ 1845 г. передалъ товарищу своему по училищу, Д. В. Григоровичу, оконченную рукопись «*Бѣдныхъ людей*» для задуманнаго Некрасовымъ «Петербургскаго Сборника». Повѣсть произвела чрезвычайное впечатлѣніе, хотя смыслъ ея не былъ очень ясенъ въ то время даже для Бѣлинскаго (восторженно ее встрѣтившаго); особеннаго, оригинальнаго, чѣмъ Достоевскій, тогда еще съ немногимъ двадцатилѣтній юноша, стоялъ выше старѣющаго поколѣнія 30—40-хъ годовъ, въ немъ не было замѣчено, да и онъ самъ, кажется, не настаивалъ на немъ, зная, что время высказаться еще не уйдетъ, а пока не безъ ребячества отдаваясь упоенію успѣха того, что было въ немъ понято. Впослѣдствіи онъ сблизился съ Бѣлинскимъ, а потомъ съ кружкомъ лицъ, группировавшихся около Петрашевскаго, въ обоихъ случаяхъ скорѣе съ цѣлями выслушать и оспорить, нежели сколько-нибудь подчиниться. Вообще, какого-либо перелома на всемъ протяженіи развитія Достоевскаго мы не наблюдаемъ; ничего, кромѣ расширенія духовнаго опыта, захвата новыхъ сферъ въ область обдумываемаго и изображаемаго, дальнѣйшаго углубленія, но все въ однѣ идеи—мы у него не видимъ. Въ этихъ коренныхъ своихъ идеяхъ онъ уже съ самаго начала расходился и съ Бѣлинскимъ, и съ Петрашевцами, сходясь и съ первымъ, и со вторыми на отсутствіи какой-либо скрѣпленности съ текущею дѣйствительностью. Долгое вращеніе, и въ пору самой яркой воспріимчивости, въ кружкахъ съ идеями «о переустроеніи человѣчества» оставило, однако, одинъ сильный слѣдъ на всей его послѣдующей дѣятельности: онъ какъ будто и во всемъ, что потомъ дѣлалъ, о чемъ писалъ, продолжалъ оспариваніе этихъ идей — въ «Запискахъ изъ подполья», въ «Преступленіи и наказаніи», въ «Бѣсахъ», «Подросткѣ», «Братьяхъ Карамазовыхъ»; только темы безгранично расширились, сила оспаривающаго возросла, но онъ, который оспариваетъ, все тотъ же — съ слезами, выступающими на глазахъ, когда говорятъ неподобающе о Христѣ (споры съ Бѣлинскимъ), съ признаніемъ народной правды, съ ожиданіемъ всего отъ исторически сложившейся власти и съ недовѣріемъ, пренебреженіемъ почти, къ нашему верхнему вывѣтрившемуся слою общества. Но это, конечно, не могло быть сколько-нибудь понято офиціальною властью, которая въ своихъ посредствующихъ инстанціяхъ есть только выразительница текущей дѣйствительности, и отверженіе послѣдней уже считаетъ преступленіемъ, хотя бы преступное было именно въ отвергаемой дѣйствительности. Это неразличеніе и отразилось на судьбѣ Достоевскаго.

23 апрѣля 1849 г. послѣдовалъ арестъ Петрашевцевъ, и въ числѣ ихъ Достоевскаго, который обвинялся, главнымъ образомъ, за чтеніе въ одномъ собраніи рукописнаго письма къ Гоголю Бѣлинскаго, въ которомъ послѣдній отвѣчалъ на «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями». Рѣзкое осужденіе въ этомъ письмѣ нашей тогдашней дѣйствительности и сочувствіе этому осужденію со стороны Достоевскаго дало поводъ и его занести въ кругъ лицъ, злоумышлявшихъ на нашъ государственно-историческій строй, и онъ, вмѣстѣ съ остальными 34 арестованными, былъ приговоренъ къ смертной казни черезъ разстрѣляніе. Приговоръ суда былъ, однако, смягченъ государемъ Николаемъ Павловичемъ, и смертная казнь отмѣнена для всѣхъ; но осужденные узнали объ этомъ только на эшафотѣ; когда онъ былъ имъ прочтенъ, имъ предложено было исповѣдоваться, и всѣ командныя слова разстрѣлянія, кромѣ послѣдняго, были произнесены. Минуты ожиданія смерти были для каждаго таковы, что одинъ изъ приговоренныхъ, Григорьевъ, когда его отвязали отъ столба, оказался помѣшавшимся въ разсудкѣ.

Для Ѳ. М. Достоевскаго смертная казнь замѣнена была 4 годами каторги, съ зачисленіемъ потомъ въ рядовые. «И въ каторгѣ не звѣри, а люди, — можетъ еще и лучше меня, можетъ достойнѣе меня», эти слова, сказанныя въ ночь передъ Рождествомъ, при окончательномъ прощаніи, любимому брату Михаилу, вполнѣ точно выражаютъ отношеніе его къ тому, что предстояло вынести; это именно отношеніе, въ которомъ сказалась вся его душа — глубокая, простая и кроткая, — и спасла его въ каторгѣ, и не только спасла, но умудрила, очистила отъ наносной гари, которая въ обычномъ теченіи всегда образуется на поверхности души каждаго изъ насъ. Громадная сфера для наблюденій открылась ему здѣсь; и продолжительное время одиночества — для размышленій *). Здѣсь видѣлъ онъ человѣка обнаженнымъ, голымъ; видѣлъ его въ неистощимомъ разнообразіи душевныхъ типовъ; наконецъ — въ паденіи, среди котораго ясно можно было различить, какъ образъ Божій, все-таки, не снятъ ни съ одного изъ нихъ.

2 марта 1854 г. для него окончился срокъ испытанія; еще въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ мы его видимъ въ Семипалатинскѣ, рядовымъ Сибирскаго линейнаго № 7 батальона. И почти въ

*) «Несмотря на сотни товарищей, я былъ въ страшномъ уединеніи и полюбилъ наконецъ это уединеніе... Я пересматривалъ всю прошлую жизнь мою, судилъ себя неумолимо и строго и даже въ иной часъ благословлялъ судьбу за то, что она послала мнѣ это уединеніе, безъ котораго не состоялись бы ни этотъ судъ надъ собой, ни этотъ строгій пересмотръ прежней жизни».

то же время замыслы новыхъ художественныхъ созданій начинаютъ тѣсниться въ его умѣ; къ этому времени относятся первые наброски его «Мертваго дома» и замысловъ, въ неясныхъ еще очеркахъ, двухъ большихъ романовъ. Но ранѣе, чѣмъ они успѣли сколько-нибудь вырисоваться въ его воображеніи, онъ набросалъ «Дядюшкинъ сонъ» и «Село Степанчиково и его обитатели»; это была, кажется, жажда давно умершаго для литературы и жизни человѣка вновь ощутить себя живущимъ—видѣть страницы, замелькавшія сценами, вышедшими изъ этой вотъ, давно похороненной, головы. Къ этому же времени, еще до возвращенія въ Россію, относится его первый бракъ (въ 1857 г.) съ вдовою Марьей Дм. Исаевой, принесшій, какъ кажется, ему на ряду съ радостями и много мучительнаго.

Въ 1859 г. послѣдовало увольненіе его изъ военной службы и возвращеніе въ Россію, сперва безъ права жить въ столицахъ, а наконецъ—и безъ какихъ-либо ограниченій. И тотчасъ, вслѣдъ за этимъ, развертывается во всей широтѣ его литературная дѣятельность, художественная и публицистическая. Вторая, главнымъ образомъ, выразилась въ изданіи (вмѣстѣ съ братомъ Михаиломъ) журналовъ «*Время*» (1861—1863 гг., закрытъ былъ цензурою по недоразумѣнію) и «*Эпоха*» (съ января 1864 — по февраль 1865 г.), но главнымъ образомъ въ его полномъ высокаго одушевленія и разнообразія таланта, «*Дневникѣ Писателя*» (1876—1877 гг.). Міросозерцаніе народное, какъ общая *почва*, на которой можетъ единственно правильно возрастать всякое индивидуальное развитіе; Россія, исторически возникшая—какъ фундаментъ и рядъ звеньевъ, на который налагая дальнѣйшія звенья, мы только и можемъ правильно трудиться, вотъ вкратцѣ формула тѣхъ взглядовъ, которые онъ проводилъ въ своей публицистической дѣятельности и на которыхъ онъ сошелся съ рядомъ писателей, образующихъ единственную у насъ школу оригинальной мысли (И. Кирѣевскій, Хомяковъ, Константинъ и Иванъ Аксаковы, Ю. Самаринъ, Ап. Григорьевъ, Н. Данилевскій, К. Леонтьевъ, Н. Страховъ и мн. др.); это, такъ называемая, школа *славянофиловъ* — названіе очень узкое и едва-ли точно выражающее смыслъ школы. Правильнѣе было бы назвать ее школою протеста психическаго склада русскаго народа противъ всего, что создано психическимъ складомъ романо-германскихъ народовъ,—протеста, сперва выразившагося въ смутномъ, безотчетномъ отчужденіи, а потомъ и въ полной сознанія критикѣ и отверженіи этихъ созданій и тѣхъ началъ, изъ которыхъ они вышли. Начала противоположныя, и частью высшія, были указаны ими въ народѣ нашемъ: гармоніи, *согласія* частей взамѣнъ антагонизма ихъ, какой мы видимъ на Западѣ въ

борьбѣ сословій, положеній, классовъ, въ противоположеніи церкви государству; начало *довѣрія*, какъ естественное выраженіе этого согласія, которое, при его отсутствіи, замѣнилось подозрительнымъ подсматриваніемъ другъ за другомъ, системою договоровъ, гарантій, хартій,—конституціонализмомъ Запада, его парламентаризмомъ; начало *цѣльности* въ отношеніи ко всякой дѣйствительности, даже къ самой истинѣ, которую народъ нашъ различаетъ и ищетъ не обособленнымъ разсудкомъ (раціонализмъ, философія), но и нравственною стороною своею, полнотою своего существа; наконецъ, въ церкви—начало *соборности*, вѣнчающая все собою любовь, сліянность съ ближнимъ,—что такъ противоположно римскому католицизму, съ его внѣшнимъ механизмомъ папства, подавляющимъ собою, но не организующимъ въ себѣ, жизнь духа,—и не похоже также на протестантизмъ, который, отвергнувъ это давящее извнѣ единство, не понявъ начала внутренняго согласія, кинулся въ разрозненность, думая въ ней сохранить свободу, и сохраняя только произволъ. Всѣ эти начала, слѣды которыхъ еще сохраняются въ нашемъ простомъ народѣ, въ его «мірскомъ» владѣніи землей, въ его склонности къ артельной формѣ труда, въ преданности его верховной власти, безусловно свободной въ своихъ рѣшеніяхъ, но и за то прислушивающейся безъ страха къ свободному же выраженію боли, страданія, къ голосу «земли» (народа),—начала эти обѣщали-бы въ полномъ своемъ развитіи жизнь болѣе высокую, гармоничную, примиренную, нежели въ какой томится Европа, вовсе не догадывающаяся о причинахъ этого томленія, о ложности самыхъ принциповъ, на которыхъ построена ея цивилизація. Славянофильская школа, долгое время гонимая официально и пренебрегаемая нашимъ темнымъ обществомъ, только въ послѣднее время получила если не въ жизни (все еще текущей по инерціи въ прежнемъ направленіи), то въ сознаніи лучшей части образованныхъ круговъ Россіи, свое признаніе и торжество. И ничто не способствовало этому въ такой мѣрѣ, какъ распространеніе Достоевскаго: его творенія, всюду читаемыя, его рѣчь на Пушкинскомъ праздникѣ—это такія памятныя слова, которыя не могли не врѣзаться въ мысль каждаго; и съ ними—новыя начала сознанія, внесенныя славянофилами, стали печатью въ душевномъ складѣ каждаго, только болѣе или менѣе мѣшающеюся съ другими, но никогда и ни въ комъ не исчезающею. «Правда народная» получила въ лицѣ Достоевскаго такого по силѣ и настойчивости выразителя, какого не имѣла никогда ранѣе. Онъ былъ ея Ааономъ; и рѣчь его потому именно звучала такъ твердо, что онъ чувствовалъ за собою несмѣтныя народныя толпы, которыя, не будь онѣ нѣмы, заговорили-бы то именно и такъ именно, что и какъ говорилъ онъ.

Одновременно съ этимъ развивалась и его художественная дѣятельность, въ которой онъ былъ уже не выразителемъ, а творцомъ. Начиная съ 1861 г., появляется длинный рядъ его произведеній, уже гораздо болѣе глубокихъ по замыслу и широкихъ по рисунку, чѣмъ прежнія: «*Записки изъ Мертваго дома*»—рядъ очерковъ каторги, въ которыхъ мы имѣемъ единственное изображеніе этого забытаго и отверженнаго людьми міра; «*Униженные и оскорбленные*»—романъ, отличающійся мягкимъ, грустнымъ и вмѣстѣ простымъ своимъ колоритомъ; «*Записки изъ подполья*»—одно изъ глубочайшихъ по мысли и самыхъ оригинальныхъ по характеру созданій Достоевскаго; «*Игрокъ*»—произведеніе, замѣчательное тѣмъ, что здѣсь въ характерѣ лица, ведущаго отъ своего имени разсказъ, есть много біографическаго *). «*Вѣчный мужъ*»; «*Преступленіе и наказаніе*»—самое законченное въ своей формѣ и глубокое по содержанію произведеніе, въ которомъ онъ выразилъ свой взглядъ на природу человѣка, его назначеніе и законы, которымъ онъ подчиненъ, какъ личность; «*Идіотъ*»—это было его любимое созданіе, кажется—самое свободное, наименѣе связанное съ волненіями текущей дѣйствительности; странный колоритъ лежитъ на этомъ романѣ; все фантастично здѣсь, и, вмѣстѣ, какъ будто это фантастическое — звѣздный, мерцающій свѣтъ, падающій на сѣрую нашу дѣйствительность изъ далекаго, далекаго будущаго. Колоритъ этого романа, но уже съ чертами болѣе ясными и поразительными въ своемъ смыслѣ, повторяется въ двухъ только произведеніяхъ: «Сонъ смѣшного человѣка» (въ «Дневникѣ Писателя») и въ разговорѣ Версилова съ «подросткомъ» (см. «Подростокъ»), и, отчасти, въ знаменитой Пушкинской рѣчи;

*) Подобныя біографическія черты, чрезвычайно значащія для объясненія душевнаго склада самого Достоевскаго, мы еще находимъ въ «Униженныхъ и оскорбленныхъ» (и его прототипѣ—«Бѣлыхъ ночахъ»), «Идіотѣ» и «Запискахъ изъ подполья»; можно сказать, что повсюду въ письмахъ, въ воспоминаніяхъ, въ самомъ художественномъ творчествѣ онъ является съ чертами котораго-нибудь изъ главныхъ выведенныхъ здѣсь лицъ: какъ *теоретикъ*—это человѣкъ угрюмаго Подполья, геніальный діалектикъ, недовѣрчивый и презирающій людей,—и въ то же время ненавидящій дѣйствительность скептикъ; какъ журналистъ, какъ человѣкъ своего времени, отчасти какъ членъ общества—это задушевный, простой, измученный своимъ сердцемъ и нуждою другъ Наташи («Униж. и оскорбл.»); въ своемъ дурачествѣ, пренебреженіи къ жизни, къ будущему, въ своей вульгарной сторонѣ—это «игрокъ». Въ «идіотѣ» отражено его сердце въ идеальномъ успокоеніи, вмѣстѣ и отчужденное отъ людей на какую-то безконечную высоту, и совершенно слитое съ ихъ нуждами, страданіями; этотъ странный образъ есть до извѣстной степени то, что каждый поэтъ зоветъ своею «музою».

аскетизмомъ, чистотой, высшимъ духомъ примиренія и съ страданіемъ человѣка, и съ его бѣдностью духовною, вѣетъ отъ всѣхъ этихъ произведеній, глубоко однородныхъ и представляющихъ какъ бы антитезу мучительно-безпокойнымъ созданіямъ въ родѣ «Записокъ изъ подполья», «Pro и Contra» и «Легенды о Великомъ Инквизиторѣ»; это—рафаэлевскія черты, это—его успокоеніе, которое мелькаетъ намъ сквозь бури Микель-Анджело. За этимъ романомъ слѣдовали «*Бѣсы*» и «*Подростокъ*», первый изъ нихъ—единственная у Достоевскаго широкая бытовая картина, второй представляетъ въ характерѣ главнаго лица кое-что, что мы находимъ въ «Игрокѣ»; это—онъ же, но еще въ отрочествѣ и не съ такимъ печальнымъ концомъ; несмотря на недостатки въ построеніи цѣлаго, есть отдѣльныя мѣста въ этомъ романѣ удивительнаго изящества. Послѣднимъ художественнымъ трудомъ Достоевскаго былъ романъ «*Братья Карамазовы*»; «карамазовщина»—это названіе все болѣе и болѣе становится столь же нарицательнымъ и употребительнымъ, какъ ранѣе его возникшее названіе «обломовщина»; въ послѣднемъ думали видѣть опредѣленіе русскаго характера; но вотъ оказывается, что онъ опредѣляется и въ «карамазовщинѣ»; не правильнѣе-ли будетъ думать, что «обломовщина»—это состояніе человѣка въ его первоначальной непосредственной ясности: это онъ, дѣтски чистый, эпически спокойный, въ моментъ, когда выходитъ изъ лона безсознательной исторіи, чтобы перейти въ ея бури, въ хаосъ ея мучительныхъ и уродливыхъ усилій ко всякому новому рожденію; «карамазовщина»—это именно уродливость и муки, когда законы повседневной жизни сняты съ человѣка, новыхъ онъ еще не нашелъ, но, въ жаждѣ найти ихъ, испытываетъ движенія во всѣ стороны, чтобы изъ самаго страданія своего въ моментъ нарушенія истинныхъ и священныхъ—найти, наконецъ, эти послѣдніе и подчиниться имъ. Какъ художественное произведеніе, романъ «Братья Карамазовы» отличается недостатками построенія; но онъ выдѣляется по совершенно особенной силѣ и значительности нѣкоторыхъ своихъ эпизодовъ. Таковы уже указанныя нами главы «*Pro* и *Contra*» и «*Великій Инквизиторъ*», центральныя не только по отношенію къ роману, въ которомъ онѣ содержатся, но и по отношенію ко всему длинному ряду произведеній Достоевскаго, которыя можно разсматривать, какъ предварительныя, неясныя и неполныя варіаціи мучительной темы, вылившейся неожиданно почти, почти безъ связи съ романомъ, въ этихъ названныхъ главахъ, по времени написанья—почти предсмертныхъ. Геній писателя поднимается здѣсь на высоту, на которую еще не восходилъ до него никто въ художествѣ: въ чудной сценѣ, гдѣ представляются, въ узкомъ подземельи, вновь сведенными Хри-

стосъ и человѣкъ,—Богъ принимаетъ исповѣдь отъ твари своей за всѣ тысячелѣтія ея страданій, смрада, грѣха и могучихъ и напрасныхъ усилій превозмочь это; было бы затруднительно въ цѣлой всемірной литературѣ найти какія-нибудь аналогіи этой сценѣ; чтобы отыскать ихъ, нужно обратиться къ памятникамъ письменности совсѣмъ другого рода. Это опять передъ нами Іовъ, но, сообразно новымъ тысячелѣтіямъ страданій и опыта, рѣчь его становится сложнѣе, мысль проникновеннѣе, да и онъ самъ говоритъ уже не о своихъ страданіяхъ, не о странной причудливости своей только судьбы, но за все человѣчество, за всѣ вѣка его необъяснимыхъ судебъ. Событіе тѣсное, частный эпизодъ въ землѣ Уцъ, съ похищенными стадами, потерянными дѣтьми, какъ будто раздвинулось въ необозримую панораму всемірной исторіи, сохранивъ однако свой смыслъ и имѣя для себя тѣхъ же виновниковъ. Только положеніе этихъ виновниковъ взаимно перемѣстилось, и это есть, кажется, самая важная черта, какую новые вѣка внесли въ смыслъ сѣтованій, столь древнихъ: дерзкій вопросъ уже не находитъ себѣ отвѣта, спрашивающій—до конца спрашиваетъ, и, наконецъ, мы не различаемъ, *кто* же именно спрашиваетъ? Граница между человѣкомъ и искушающимъ Бога дьяволомъ исчезаетъ, ихъ образы сливаются, смыслъ ихъ словъ становится тожественъ, и весь эпизодъ получаетъ невыразимо тягостный смыслъ. Нѣтъ болѣе праведнаго Іова, и не будетъ для него утѣшенія; есть Іовъ другой, безъ утѣшенія, безъ вѣры, который такъ же покрытъ проказой, на томъ же сидитъ гноищѣ, но уже безъ какого-либо смысла своего страданія, только ощущающій его боль, ропотъ котораго переходитъ въ темный хаосъ словъ. Вѣра-ли это? Безвѣріе-ли? Какой окончательный смыслъ сцены? Его договоритъ исторія,—мы же знаемъ только, что никогда не являлось болѣе точнаго, болѣе правильнаго выраженія того, до чего Высшимъ Промысломъ доведена эта исторія къ нашему многозначительному и тревожному моменту.

Намъ остается сказать очень немного словъ о внѣшней жизни Ѳ. М. Достоевскаго, послѣ возвращенія его въ Россію и основанія журнала. Въ 1862 г. онъ совершилъ первую поѣздку за границу, впечатлѣнія которой разсказаны имъ въ рядѣ прекрасныхъ очерковъ: «*Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ*». Въ 1864 г. онъ потерялъ первую жену и старшаго брата, Михаила, съ которымъ въ сотрудничествѣ велъ журналъ. Это былъ годъ самый тяжелый для него и по внѣшнимъ стѣсненнымъ обстоятельствамъ (онъ принялъ на себя всѣ денежныя обязательства брата по вскорѣ закрывшемуся журналу), и по грустному внутреннему настроенію: «изъ всего запаса силъ и энергіи осталось у меня въ душѣ что-то тревожное и смутное,

„KULTURA"
Warszawa, Sienkiewicza 14

что-то близкое къ отчаянію. Тревога, горечь, самая холодная суетня, и вдобавокъ — одинъ, прежнихъ и прежняго, сорокалѣтняго, нѣтъ уже при мнѣ», такъ пишетъ онъ, и странно заканчиваетъ: «а между тѣмъ все мнѣ кажется, что я только-что собираюсь жить; смѣшно, не правда-ли? кошачья живучесть!»

И онъ не обманывался: лучшая половина жизни лежала впереди. Въ 1867 г. онъ вступилъ въ новый бракъ (съ Анной Григорьевной, урожденной Сниткиной), которая принесла ему и полную семью (4 дѣтей), и, судя по воспоминаніямъ близкихъ людей, успокоеніе, ставъ около него заботливымъ другомъ. Дѣятельность его могла теперь развиваться спокойнѣе, и, вмѣстѣ, труды его—получить лучшее выраженіе. Черезъ два мѣсяца послѣ свадьбы онъ уѣхалъ съ молодою женой за границу, и на этотъ разъ пробылъ тамъ цѣлые четыре года. Онъ посѣтилъ Германію, Швейцарію, Францію, Италію; живя на очень ограниченныя средства, они вели уединенный образъ жизни, и весь досугъ ихъ уходилъ на обозрѣніе сокровищъ искусства и памятниковъ исторіи, такъ обильно разсѣянныхъ на Западѣ. Можно предполагать, что, послѣ Сибири, это путешествіе легло второю образующею чертою на сложеніе его идей и сердца; онъ видѣлъ Европу и обдумывалъ Россію,—обдумывалъ въ отдаленіи, не имѣя передъ глазами тысячи мѣшающихъ дробныхъ впечатлѣній, и, слѣдовательно, въ окончательномъ ея смыслѣ, въ цѣльномъ ея назначеніи. Съ этого именно времени мы встрѣчаемъ у него (въ «Подросткѣ», «Братьяхъ Карамазовыхъ», «Дневникѣ Писателя») самыя проникновенныя слова объ Европѣ и зоркое прозрѣніе въ будущность Россіи, сближенія и противопоставленія этихъ двухъ столь несхожихъ міровъ. Въ 1871 г. онъ вернулся въ Россію; зимы проводилъ онъ, обыкновенно, въ Петербургѣ, а лѣто—въ Старой Руссѣ, гдѣ вскорѣ купилъ домъ съ большимъ стариннымъ садомъ и куда, вмѣсто дачи, переселялся на лѣто. Время отъ времени онъ возобновлялъ поѣздки въ Эмсъ, на два лѣтніе мѣсяца, для поправленія здоровья. Еще до ссылки въ Сибирь, у него были признаки неопредѣлившагося какого-то нервнаго заболѣванія; позднѣе, развиваясь болѣе и болѣе, болѣзнь обнаружилась, наконецъ, какъ падучая. Припадки возобновлялись нѣсколько разъ въ году,—въ трудное для него время учащаясь (описаніе ихъ мы находимъ въ «Идіотѣ»; о томъ, какъ только назрѣваетъ эта болѣзнь, упоминается въ «Бѣсахъ»). Такъ, болѣе и болѣе улегаясь отъ волновавшихъ ее прежде нуждъ и огорченій, текла теперь мирно его жизнь. Высшимъ моментомъ ея, въ смыслѣ торжества его генія, яркости выраженія его натуры, можно считать дни Пушкинскаго праздника (открытіе памятника Пушкину

въ Москвѣ, въ іюнѣ 1880 г.). Въ теченіе всей жизни, съ раннихъ лѣтъ, Достоевскій хранилъ въ себѣ какой-то особенный культъ Пушкина; нѣтъ сомнѣнія, что въ натурѣ своей тревожной, мятущейся, тоскливой, онъ не только не имѣлъ ничего родственнаго съ спокойнымъ и яснымъ Пушкинымъ, но и былъ какъ бы противоположеніемъ ему, сближаясь съ Гоголемъ, и, еще далѣе, быть можетъ, съ Лермонтовымъ; съ тѣмъ различіемъ, однако, что онъ вѣчно жаждалъ успокоенія, какъ тѣ, тревожась, искали новыхъ тревогъ. Пушкинъ былъ для него этимъ успокоеніемъ; онъ любилъ его, какъ хранителя своего, какъ лучшаго оберегателя отъ смущающихъ идей, позывовъ, — всего, что онъ хотѣлъ бы согнать въ темь небытія и никогда не могъ. Этимъ оберегателемъ, онъ чувствовалъ, Пушкинъ можетъ стать и для каждаго; можетъ стать имъ, наконецъ, для народовъ, и особенно въ моменты великихъ внутреннихъ тревогъ, въ которые, повидимому, всѣ они болѣе и болѣе входятъ. Съ дивною гармоніей его поэзіи не могутъ бороться хаотическія начала человѣческой души; они улегаются отъ нея, противорѣчія смолкаютъ, сомнѣнія и темные помыслы отходятъ далѣе; его муза — это, какъ арфа Давида, она и невыносима для нашего слуха, но, если бы мы могли ее вынести, принять въ свое сердце, въ ея звукахъ нашли бы успокоеніе для своей души. Вотъ невысказанныя и, быть можетъ, не сознанныя основы великой любви творца «Легенды объ Инквизиторѣ», «Pro и Contra» къ творцу «Онѣгина», «Капитанской дочки», создателя образовъ Свидригайлова, Карамазовыхъ—къ создателю Татьяны, лѣтописца Пимена.

Во всемъ этомъ есть, однако, нѣкоторая ошибка, скорѣе иллюзія, и она сказалась въ знаменитой Пушкинской рѣчи *): этотъ экстазъ, этотъ призывъ къ всемірному братству, этотъ вопросъ объ единичной человѣческой душѣ, на замученности которой посмѣетъ-ли человѣчество устроить свое окончательное счастье — развѣ это Пушкинское? Развѣ это *его* покой? Развѣ это покой какой-нибудь? Пушкинское осталось въ безграничной дали, отдѣленное отъ словъ этихъ безпросвѣтнымъ хаосомъ, изъ котораго, однако, душа великаго художника имѣла силы подняться къ новому свѣту. Но тотъ-ли это свѣтъ? Первоначальный-ли, естественный, эпически ясный? Это *про*свѣтлѣніе, *воз*рожденіе, это уже свѣтъ другой и по происхожденію, и по природѣ, и по его вліянію на человѣческую душу. Извѣстенъ взрывъ особенныхъ чувствъ, который вызвала рѣчь Достоевскаго; здѣсь были слезы, кажется, мучительныя слезы. И Пушкинъ читалъ свои произве-

*) Она помѣщена въ «Дневникѣ Писателя», 1880 г., августъ (единственный нумеръ за этотъ годъ).

денія, — тамъ былъ восторгъ; но кто же «едва имѣя силы добраться до эстрады, упалъ безъ чувствъ»... Мы хотимъ сказать, что не въ слушающихъ только, но и въ сердцѣ, изъ котораго лились эти проникновенныя слова, была уже совершенно другая психическая атмосфера, нежели какою жили и дышали люди Пушкинской эпохи; то время умерло, и навсегда; худшее или лучшее, но навсегда же наступило другое время.

Послѣ этой рѣчи онъ жилъ всего нѣсколько мѣсяцевъ. Въ январѣ 1881 г. онъ захворалъ припадкомъ давнишней своей болѣзни, эмфиземы, которая въ ночь на 26-е осложнилась разрывомъ легочной артеріи; разсказываютъ, что во всѣ сомнительныя минуты жизни онъ имѣлъ обыкновеніе раскрывать на удачу то Евангеліе, которое было съ нимъ въ Сибири, и читать верхнія строки открывшейся страницы. Такъ онъ сдѣлалъ и теперь, въ день кончины (28 января), когда ему было трудно. Открылось Матѳ. гл. III, ст. 11: «Іоаннъ же удерживалъ Его и говорилъ: мнѣ надобно креститься отъ Тебя и Ты ли приходишь ко Мнѣ? Но Іисусъ сказалъ ему въ отвѣтъ: не удерживай, ибо такъ надлежитъ намъ исполнить великую правду». Когда жена прочла ему эти строки, онъ сказалъ ей: «ты слышишь — *не удерживай*; значитъ, я умру». Въ тотъ же вечеръ, благословивъ дѣтей и жену, онъ умеръ.

Необозримыя массы народа собрались къ его гробу въ день похоронъ; и какъ, въ теченіе жизни, онъ не былъ для людей *только* писателемъ, такъ не писателя только собрались хоронить эти люди: всегда, и прежде, и теперь, онъ имѣлъ силу волновать человѣческія сердца совершенно особымъ родомъ чувствъ. Что же это были за чувства? Кого хоронили тогда? Кого потеряла Россія въ немъ? Проще всего будетъ сказать, что это былъ одинъ изъ насъ, отъ нашей кости и плоти человѣкъ, но такъ неизмѣримо болѣе насъ пережившій, такъ въ неизмѣримо большее прозрѣвшій, что это прозрѣніе естественно представляется намъ, какъ мудрость; не та мудрость, что̀ составляетъ плодъ умственныхъ выкладокъ, и которую мы любимъ, какъ предметъ любопытства, но не считаемъ ее достаточно серьезною, чтобы по ней жить,—но мудрость сердца, которой мы ищемъ именно для того, чтобы научиться, какъ жить. Всѣ другіе дары дала ему природа, этотъ онъ пріобрѣлъ и имъ сталъ великъ.

31 іюля 1893 г.

В. Розановъ.

БѢДНЫЕ ЛЮДИ.

РОМАНЪ.

CZYTELNIA
„KULTURA"
Warszawa, Sienkiewicza 14

Въ первый разъ напечатанъ въ „Петербургскомъ Сборникѣ“ (Изд. Н. Некрасова. СПБ. 1846).

Охъ, ужъ эти мнѣ сказочники! Нѣтъ чтобы написать что-нибудь полезное, пріятное, усладительное, а то всю подноготную въ землѣ вырываютъ!.. Вотъ ужъ запретилъ-бы имъ писать! Ну, на что это похоже: читаешь... невольно задумаешься, — а тамъ всякая дребедень и пойдетъ въ голову; право-бы запретилъ имъ писать; такъ-таки просто вовсе-бы запретилъ.

Кн. В. Ѳ. Одоевскій.

Апрѣля 8.

Безцѣнная моя Варвара Алексѣевна!

Вчера я былъ счастливъ, чрезмѣрно счастливъ, до нельзя счастливъ! Вы хоть разъ въ жизни, упрямица, меня послушались. Вечеромъ, часовъ въ восемь, просыпаюсь (вы знаете, маточка, что я часочекъ-другой люблю поспать послѣ должности), свѣчку досталъ, приготовляю бумаги, чиню перо, вдругъ невзначай подымаю глаза, — право, у меня сердце вотъ такъ и запрыгало! Такъ вы таки поняли чего мнѣ хотѣлось, чего сердчишку моему хотѣлось! Вижу уголочекъ занавѣски у окна вашего загнутъ и прицѣпленъ къ горшку съ бальзаминомъ, точнехонько такъ, какъ я вамъ тогда намекалъ; тутъ-же показалось мнѣ, что и личико ваше мелькнуло у окна, что и вы ко мнѣ изъ комнатки вашей смотрѣли, что вы обо мнѣ думали. И какъ-же мнѣ досадно было, голубчикъ мой, что миловиднаго личика-то вашего я не могъ разглядѣть хорошенько! Было время, когда и мы свѣтло видѣли, маточка. Не радость старость, родная моя! Вотъ и теперь все какъ-то рябитъ въ глазахъ; чуть поработаешь вечеромъ, попишешь что-нибудь, на утро и глаза раскраснѣются, и слезы текутъ, что даже совѣстно передъ чужими бываетъ. Однакоже, въ воображеніи моемъ такъ и засвѣтлѣла ваша улыбочка, ангельчикъ, ваша добренькая, привѣтливая улыбочка; и на сердцѣ моемъ было точно такое ощущеніе, какъ тогда, какъ я поцѣловалъ васъ, Варинька,—помните-ли, ангельчикъ? Знаете-ли, голубчикъ мой, мнѣ даже показалось, что вы тамъ мнѣ пальчикомъ погрозили? Такъ-

ли, шалунья? Непремѣнно вы это все опишите подробнѣе въ вашемъ письмѣ.

Ну, а какова наша придумочка насчетъ занавѣски вашей, Варинька? Премило, не правда-ли? Сижу-ли за работой, ложусь-ли спать, просыпаюсь-ли, ужъ знаю, что и вы тамъ обо мнѣ думаете, меня помните, да и сами-то здоровы и веселы. Опустите занавѣску—значитъ прощайте, Макаръ Алексѣевичъ, спать пора! Подымете—значитъ съ добрымъ утромъ, Макаръ Алексѣевичъ, каково-то вы спали, или каково-то вы въ вашемъ здоровьи, Макаръ Алексѣевичъ? что-же до меня касается, то я, слава Творцу, здорова и благополучна! Видите-ли, душечка моя, какъ это ловко придумано; и писемъ не нужно! Хитро, не правда-ли? А вѣдь придумочка-то моя! А что, каковъ я на эти дѣла, Варвара Алексѣевна?

Доложу я вамъ, маточка моя, Варвара Алексѣевна, что спалъ я сію ночь добрымъ порядкомъ, вопреки ожиданій, чѣмъ и весьма доволенъ; хотя на новыхъ квартирахъ, съ новоселья, и всегда какъ-то не спится; все что-то такъ, да не такъ! Всталъ я сегодня такимъ яснымъ соколомъ—любо-весело! Что это какое утро сегодня хорошее, маточка! У насъ растворили окошко; солнышко свѣтитъ, птички чирикаютъ, воздухъ дышитъ весенними ароматами, и вся природа оживляется — ну, и остальное тамъ все было тоже соотвѣтственное; все въ порядкѣ, по-весеннему. Я даже и помечталъ сегодня довольно пріятно, и все объ васъ были мечтанія мои, Варинька. Сравнилъ я васъ съ птичкой небесной, на утѣху людямъ и для украшенія природы созданной. Тутъ-же подумалъ я, Варинька, что и мы, люди, живущіе въ заботѣ и треволненіи, должны тоже завидовать беззаботному и невинному счастію небесныхъ птицъ,—ну и остальное все такое-же, сему-же подобное; то есть я все такія сравненія отдаленныя дѣлалъ. У меня тамъ книжка есть одна, Варинька, такъ въ ней то же самое, все такое-же весьма подробно описано. Я къ тому пишу, что вѣдь разныя бываютъ мечтанія, маточка. А вотъ теперь весна, такъ и мысли все такія пріятныя, острыя, затѣйливыя, и мечтанія приходятъ нѣжныя; все въ розовомъ цвѣтѣ. Я къ тому и написалъ это все; а впрочемъ, я это все взялъ изъ книжки. Тамъ сочинитель обнаруживаетъ такое-же желаніе въ стишкахъ и пишетъ—

„Зачѣмъ я не птица, не хищная птица!“

Ну, и т. д. Тамъ и еще есть разныя мысли, да, Богъ съ ними! А вотъ, куда это вы утромъ ходили сегодня,

Варвара Алексѣевна? Я еще и въ должность не собирался, а вы, ужъ подлинно какъ пташка весенняя, изъ комнаты и по двору прошли такая веселенькая. Какъ мнѣ-то было весело на васъ глядя! Ахъ, Варинька, Варинька!—Вы не грустите; слезами горю помочь нельзя; это я знаю, маточка моя, это я на опытѣ знаю. Теперь-же вамъ такъ покойно, да и здоровьемъ вы немного поправились.—Ну, что ваша Ѳедора? Ахъ, какая-же она добрая женщина! Вы мнѣ, Варинька, напишите, какъ вы съ нею тамъ живете теперь, и всѣмъ-ли вы довольны? Ѳедора-то немного ворчлива; да вы на это не смотрите, Варинька. Богъ съ нею! Она такая добрая.

Я уже вамъ писалъ о здѣшней Терезѣ,—тоже и добрая, и вѣрная женщина. А ужъ какъ я безпокоился объ нашихъ письмахъ! Какъ они передаваться-то будутъ? А вотъ какъ тутъ послалъ Господь на наше счастіе Терезу. Она женщина добрая, кроткая, безсловесная. Но наша хозяйка просто безжалостная. Затираетъ ее въ работу словно ветошку какую-нибудь.

Ну, въ какую-же я трущобу попалъ, Варвара Алексѣевна! Ну, ужъ квартира! Прежде вѣдь я жилъ такимъ глухаремъ, сами знаете:—смирно, тихо, у меня, бывало, муха летитъ, такъ и муху слышно. А здѣсь шумъ, крикъ, гвалтъ! Да вѣдь вы еще и не знаете, какъ это все здѣсь устроено. Вообразите, примѣрно, длинный коридоръ, совершенно темный и нечистый. По правую его руку будетъ глухая стѣна, а по лѣвую все двери, да двери, точно номера, все такъ въ рядъ простираются. Ну, вотъ и нанимаютъ эти номера, а въ нихъ по одной комнатѣ въ каждомъ; живутъ въ одной и по двое, и по трое. Порядку не спрашивайте — Ноевъ ковчегъ! Впрочемъ, кажется, люди хорошіе, все такіе образованные, ученые. Чиновникъ одинъ есть (онъ гдѣ-то по литературной части), человѣкъ начитанный: и о Гомерѣ, и о Брамбеусѣ, и о разныхъ у нихъ тамъ сочинителяхъ говоритъ, обо всемъ говоритъ;—умный человѣкъ! Два офицера живутъ и все въ карты играютъ. Мичманъ живетъ; англичанинъ-учитель живетъ.—Постойте, а васъ потѣшу, маточка; опишу ихъ въ будущемъ письмѣ сатирически, то есть какъ они тамъ сами по себѣ, со всею подробностію. Хозяйка наша,—очень маленькая и нечистая старушонка, цѣлый день въ туфляхъ да въ шлафрокѣ ходитъ, и цѣлый день все кричитъ на Терезу. Я живу въ кухнѣ, или гораздо правильнѣе будетъ сказать вотъ какъ: тутъ подлѣ кухни есть одна комната (а у насъ, нужно вамъ

замѣтить, кухня чистая, свѣтлая, очень хорошая), комнатка небольшая, уголокъ такой скромный... то есть или еще лучше сказать, кухня большая въ три окна, такъ у меня вдоль поперечной стѣны перегородка, такъ что и выходитъ какъ-бы еще комната, номеръ сверхштатный; все просторное, удобное, и окно есть и все,—однимъ словомъ, все удобное. Ну, вотъ это мой уголочекъ. Ну, такъ вы и не думайте, маточка, чтобы тутъ что-нибудь такое иное и таинственный смыслъ какой былъ; что вотъ, дескать, кухня!—то есть я, пожалуй, и въ самой этой комнатѣ за перегородкой живу, но это ничего; я себѣ ото всѣхъ особнякомъ, помаленьку живу, въ тихомолочку живу. Поставилъ я у себя кровать, столъ, комодъ, стульевъ парочку, образъ повѣсилъ. Правда, есть квартиры и лучше, — можетъ быть, есть и гораздо лучшія, да удобство-то главное; вѣдь это я все для удобства, и вы не думайте, что для другого чего-нибудь. Ваше окошко напротивъ, черезъ дворъ; и дворъ-то узенькій, васъ мимоходомъ увидишь—все веселѣе мнѣ горемычному, да и дешевле. У насъ здѣсь самая послѣдняя комната, со столомъ, 35 руб. ассигн. стоитъ. Не по карману! А моя квартира стоитъ мнѣ семь руб. ассигн., да столъ пять цѣлковыхъ, вотъ 24 съ полтиною, а прежде ровно 30 платилъ, зато во многомъ себѣ отказывалъ; чай пивалъ не всегда, а теперь вотъ и на чай, и на сахаръ выгадалъ. Оно, знаете-ли, родная моя, чаю не пить какъ-то стыдно; здѣсь все народъ достаточный, такъ и стыдно. Ради чужихъ и пьешь его, Варинька, для вида, для тона; а по мнѣ все равно, я не прихотливъ. Положите такъ, для карманныхъ денегъ—все сколько-нибудь требуется—ну, сапожишки какіе-нибудь, платьишко—много-ль останется? Вотъ и все мое жалованье. Я-то не ропщу и доволенъ. Оно достаточно. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ достаточно; награжденія тоже бываютъ. — Ну, прощайте, мой ангельчикъ. Я тамъ купилъ парочку горшковъ съ бальзаминчикомъ, и геранькy—не дорого. А вы, можетъ быть, и резеду любите? Такъ и резеда есть, вы напишите; да знаете-ли, все какъ можно подробнѣе напишите. Вы, впрочемъ, не думайте чего-нибудь и не сомнѣвайтесь, маточка, обо мнѣ, что я такую комнату нанялъ. Нѣтъ, это удобство заставило, и одно удобство соблазнило меня. Я вѣдь, маточка, деньги коплю, откладываю: у меня денежка водится. Вы не смотрите на то, что я такой тихонькой, что, кажется, муха меня крыломъ перешибетъ. Нѣтъ, маточка, я про себя не промахъ, и ха-

рактера совершенно такого, какъ прилично твердой и безмятежной души человѣку. Прощайте, мой ангельчикъ? Расписался я вамъ чуть не на двухъ листахъ, а на службу давно пора. Цѣлую ваши пальчики, маточка, и пребываю вашимъ нижайшимъ слугою и вѣрнѣйшимъ другомъ,

Макаромъ Дѣвушкинымъ.

P. S. Объ одномъ прошу: отвѣчайте мнѣ, ангельчикъ мой, какъ можно подробнѣе. Я вамъ при семъ посылаю, Варинька, фунтикъ конфектъ; такъ вы ихъ скушайте на здоровье, да ради Бога обо мнѣ не заботьтесь и не будьте въ претензіи. Ну, такъ прощайте-же, маточка.

Апрѣля 8.

Милостивый Государь,
Макаръ Алексѣевичъ!

Знаете-ли, что придется, наконецъ, совсѣмъ поссориться съ вами? Клянусь вамъ, добрый Макаръ Алексѣевичъ, что мнѣ даже тяжело принимать ваши подарки. Я знаю, чего они вамъ стоятъ, какихъ лишеній и отказовъ въ необходимѣйшемъ себѣ самому. Сколько разъ я вамъ говорила, что мнѣ не нужно ничего, совершенно ничего; что я не въ силахъ вамъ воздать и за тѣ благодѣянія, которыми вы доселѣ осыпали меня. И зачѣмъ мнѣ эти горшки? Ну, бальзаминчики еще ничего, а геранька зачѣмъ? Одно словечко стоитъ неосторожно сказать, какъ, напримѣръ, объ этой герани, ужъ вы тотчасъ и купите; вѣдь вѣрно дорого? Что за прелесть на ней цвѣты! Пунсовые, крестиками. Гдѣ это вы достали такую хорошенькую геранькy? Я ее посреди нѣ окна поставила, на самомъ видномъ мѣстѣ; на полу-же поставлю скамейку, а на скамейку еще цвѣтовъ поставлю; вотъ только дайте мнѣ самой разбогатѣть! Ѳедора не нарадуется; у насъ теперь словно рай въ комнатѣ,—чисто, свѣтло! Ну, а конфекты зачѣмъ? И, право, я сейчасъ-же по письму угадала, что у васъ что-нибудь да не такъ, — и рай, и весна, и благоуханія летаютъ, и птички чирикаютъ. Что это, я думаю, ужъ нѣтъ-ли тутъ и стиховъ? Вѣдь, право, однихъ стиховъ и недостаетъ въ письмѣ вашемъ, Макаръ Алексѣевичъ! И ощущенія нѣжныя, и мечтанія въ розовомъ цвѣтѣ—все здѣсь есть! Про занавѣску и не думала; она вѣрно сама зацѣпилась, когда я горшки переставляла; вотъ вамъ!

Ахъ, Макаръ Алексѣевичъ! Что вы тамъ ни говорите, какъ ни разсчитывайте свои доходы, чтобъ обмануть меня,

чтобы показать, что они всѣ сплошь идутъ на васъ одного, но отъ меня не утаите и не скроете ничего. Ясно, что вы необходимаго лишаетесь изъ-за меня. Что это вамъ вздумалось, напримѣръ, такую квартиру нанять? Вѣдь васъ безпокоятъ, тревожатъ; вамъ тѣсно, неудобно. Вы любите уединеніе, а тутъ и чего-чего нѣтъ около васъ! А вы-бы могли гораздо лучше жить, судя по жалованью вашему. Ѳедора говоритъ, что вы прежде и не въ примѣръ лучше теперешняго жили. Неужели-же вы такъ всю свою жизнь прожили, въ одиночествѣ, въ лишеніяхъ, безъ радости, безъ дружескаго привѣтливаго слова, у чужихъ людей углы нанимая? Ахъ, добрый другъ, какъ мнѣ жаль васъ! Щадите хоть здоровье свое, Макаръ Алексѣевичъ! Вы говорите, что у васъ глаза слабѣютъ, такъ не пишите при свѣчахъ; зачѣмъ писать? Ваша ревность къ службѣ и безъ того, вѣроятно, извѣстна начальникамъ вашимъ.

Еще разъ умоляю васъ, не тратьте на меня столько денегъ. Знаю, что вы меня любите, да сами-то вы не богаты... Сегодня я тоже весело встала. Мнѣ было такъ хорошо; Ѳедора давно уже работала, да и мнѣ работу достала. Я такъ обрадовалась; сходила только шелку купить, да и принялась за работу. Цѣлое утро мнѣ было такъ легко на душѣ, я такъ была весела! А теперь опять все черныя мысли, грустно; все сердце изныло.

Ахъ, что-то будетъ со мною, какова-то будетъ моя судьба! Тяжело то, что я въ такой неизвѣстности, что я не имѣю будущности, что я и предугадывать не могу о томъ, что со мной станется. Назадъ и посмотрѣть страшно. Тамъ все такое горе, что сердце пополамъ рвется при одномъ воспоминаніи. Вѣкъ буду я плакаться на злыхъ людей, меня погубившихъ!

Смеркается. Пора за работу. Я вамъ о многомъ хотѣлабы написать, да некогда, къ сроку работа. Нужно спѣшить. Конечно, письма хорошее дѣло; все не такъ скучно. А зачѣмъ вы сами къ намъ никогда не зайдете? Отчего это, Макаръ Алексѣевичъ? Вѣдь теперь вамъ близко, да и время иногда у васъ выгадывается свободное. Зайдите, пожалуйста! Я видѣла вашу Терезу. Она, кажется, такая больная; жалко было; я ей дала 20 копѣекъ. Да! Чуть было не забыла: непремѣнно напишите все, какъ можно подробнѣе, о вашемъ житьѣ-бытьѣ. Что за люди такіе кругомъ васъ, и ладно-ли вы съ ними живете? Мнѣ очень хочется все это знать. Смотрите-же, непремѣнно напишите! Сегодня ужъ я нарочно уголъ загну. Ло-

житесь пораньше; вчера я до полночи у васъ огонь видѣла. Ну, прощайте. Сегодня и тоска, и скучно, и грустно! Знать ужъ день такой! Прощайте.

Ваша

Варвара Доброселова.

Апрѣля 8.

Милостивая Государыня,

Варвара Алексѣевна!

Да, маточка, да, родная моя, знать ужъ денекъ такой на мою долю горемычную выдался! Да; подшутили вы надо мной старикомъ, Варвара Алексѣевна! Впрочемъ, самъ виноватъ, кругомъ виноватъ! Не пускаться-бы на старости лѣтъ съ клочкомъ волосъ въ амуры, да въ экивоки... И еще скажу, маточка: чуденъ иногда человѣкъ, очень чуденъ. И, святые вы мои! о чемъ заговоритъ, занесетъ подчасъ! А что выходитъ-то, что слѣдуетъ-то изъ этого? Да ровно ничего не слѣдуетъ, а выходитъ такая дрянь, что убереги меня, Господи! Я, маточка, я не сержусь, а такъ досадно только очень вспоминать обо всемъ, досадно, что я вамъ написалъ такъ фигурно и глупо. И въ должность-то я пошелъ сегодня такимъ гоголемъ-щеголемъ; сіяніе такое было на сердцѣ. На душѣ ни съ того, ни съ сего такой праздникъ былъ; весело было! За бумаги принялся рачительно — да что вышло-то потомъ изъ этого! Ужъ потомъ только какъ осмотрѣлся, такъ все стало попрежнему,—и сѣренько, и темненько. Все тѣ-же чернильныя пятна, все тѣ-же столы и бумаги, да и я все такой-же; такъ какимъ былъ, совершенно такимъ-же и остался, — такъ чего-же тутъ было на Пегасѣ-то ѣздить? Да изъ чего это вышло-то все? Что солнышко проглянуло, да небо полазоревѣло! Отъ этого что-ли? Да и что за ароматы такіе, когда на нашемъ дворѣ подъ окнами и чему-чему не случается быть! Знать, это мнѣ все съ-дуру такъ показалось. А вѣдь случается-же иногда заблудиться такъ человѣку въ собственныхъ чувствахъ своихъ, да занести околесную. Это не отъ чего иного происходитъ, какъ отъ излишней, глупой горячности сердца. Домой-то я не пришелъ, а приплелся; ни съ того, ни съ сего голова у меня разболѣлась; ужъ, это, знать, все одно къ одному. (Въ спину что-ли надуло мнѣ). Я веснѣ-то обрадовался дуракъ-дуракомъ, да въ холодной шинели пошелъ. И въ чувствахъ-то вы моихъ ошиблись, родная моя! Изліяніе-то ихъ, со-

вершенно въ другую сторону приняли. Отеческая пріязнь одушевляла меня, единственная чистая отеческая пріязнь, Варвара Алексѣевна; ибо я занимаю у васъ мѣсто отца родного, по горькому сиротству вашему; говорю это отъ души, отъ чистаго сердца, по-родственному. Ужъ какъ-бы тамъ ни было, а я вамъ хоть дальній родной, хотя по пословицѣ и седьмая вода на киселѣ, а все-таки родственникъ, и теперь ближайшій родственникъ и покровитель; ибо тамъ, гдѣ вы ближе всего имѣли право искать покровительства и защиты, нашли вы предательство и обиду. А насчетъ стишковъ скажу я вамъ, маточка, что не прилично мнѣ на старости лѣтъ въ составленіи стиховъ упражняться. Стихи вздоръ! За стишки и въ школахъ теперь ребятишекъ сѣкутъ... вотъ оно что, родная моя.

Что это вы пишете мнѣ, Варвара Алексѣевна, про удобства, про покой и про разныя разности? Маточка моя, я не брезгливъ и не требователенъ, никогда лучше теперешняго не жилъ; такъ чего-же на старости-то лѣтъ привередничать? Я сытъ, одѣтъ, обутъ; да и куда намъ затѣи затѣвать!—Не графскаго рода!—Родитель мой былъ не изъ дворянскаго званія, а со всей-то семьей своей былъ бѣднѣе меня по доходу. Я не нѣженка! Впрочемъ, если на правду пошло, то на старой квартирѣ моей все было не въ примѣръ лучше; попривольнѣе было, маточка. Конечно, и теперешняя моя квартира хороша, даже въ нѣкоторомъ отношеніи веселѣе и, если хотите, разнообразнѣе; я противъ этого ничего не говорю, да все старой жаль. Мы, старые, то-есть, пожилые люди! къ старымъ вещамъ, какъ къ родному чему, привыкаемъ. Квартирка-то была, знаете, маленькая такая; стѣны были... ну, да что говорить!—стѣны были какъ и всѣ стѣны, не въ нихъ и дѣло, а вотъ воспоминанія-то обо всемъ моемъ прежнемъ на меня тоску нагоняютъ... Странное дѣло—тяжело, а воспоминанія какъ будто пріятныя. Даже что дурно было, на что подчасъ я досадовалъ, и то въ воспоминаніяхъ какъ-то очищается отъ дурного и предстаетъ воображенію моему въ привлекательномъ видѣ. Тихо жили мы, Варинька, я да хозяйка моя, старушка, покойница. Вотъ и старушку-то мою съ грустнымъ чувствомъ припоминаю теперь! Хорошая была она женщина и не дорого брала за квартиру. Она, бывало, все вязала изъ лоскутковъ разныхъ одѣяла на аршинныхъ спицахъ; только этимъ и занималась. Огонь-то мы съ нею вмѣстѣ держали, такъ за однимъ столомъ и работали. Внучка у ней Маша была—

ребенкомъ еще помню ее—лѣтъ тринадцати теперь будетъ дѣвочка. Такая шалунья была, веселенькая, все насъ смѣшила, вотъ мы втроемъ такъ и жили. Бывало, въ длинный зимній вечеръ присядемъ къ круглому столу, выпьемъ чайку, а потомъ и за дѣло примемся. А старушка, чтобъ Машѣ не скучно было, да чтобъ не шалила шалунья, сказки, бывало, начнетъ сказывать. И какія сказки-то были! Не то что дитя, и толковый и умный человѣкъ заслушается. Чего! Самъ я, бывало, закурю себѣ трубочку, да такъ заслушаюсь, что и про дѣло забуду. А дитя-то, шалунья-то наша, призадумается; подопретъ рученкой розовую щечку, ротикъ свой раскроетъ хорошенькій, и чуть страшная сказка, такъ жмется - жмется къ старушкѣ. А намъ-то любо было смотрѣть на нее; и не увидишь, какъ свѣчка нагоритъ, не слышишь, какъ на дворѣ подчасъ вьюга злится, и мятель мететъ.—Хорошо было намъ жить, Варинька; и вотъ такъ-то мы чуть-ли не двадцать лѣтъ вмѣстѣ прожили.—Да что я тутъ заболтался! Вамъ, можетъ быть, такая матерія не нравится, да и мнѣ вспоминать не такъ-то легко,—особливо теперь: время сумерки. Тереза съ чѣмъ-то возится, у меня болитъ голова, да и спина немного болитъ, да и мысли-то такія чудныя, какъ-будто и онѣ тоже болятъ; грустно мнѣ сегодня, Варинька!—Что-же это вы пишете, родная моя? Какъ-же я къ вамъ приду? Голубчикъ мой, что люди-то скажутъ? Вѣдь вотъ черезъ дворъ перейти нужно будетъ, наши замѣтятъ, разспрашивать станутъ,—толки пойдутъ, сплетни пойдутъ, дѣлу дадутъ другой смыслъ. Нѣтъ, ангельчикъ мой, я ужъ васъ лучше завтра у всенощной увижу; это будетъ благоразумнѣе и для обоихъ насъ безвреднѣе. Да не взыщите на мнѣ, маточка, за то, что я вамъ такое письмо написалъ; какъ перечелъ, такъ и вижу, что все такое безсвязное. Я, Варинька, старый, неученый человѣкъ; смолоду не выучился, а теперь и въ умъ ничего не пойдетъ, коли снова учиться начинать. Сознаюсь, маточка, не мастеръ описывать и знаю, безъ чужого иного указанія и пересмѣиванія, что если захочу что - нибудь написать позатѣйливѣе, такъ вздору нагорожу. — Видѣлъ васъ у окна сегодня, видѣлъ, какъ вы стору опустили. Прощайте, прощайте, храни васъ Господь! Прощайте, Варвара Алексѣевна.

Вашъ безкорыстный другъ

Макаръ Дѣвушкинъ.

P. S. Я, родная моя, сатиры-то ни объ комъ не пишу

теперь. Старъ я сталъ, матушка, Варвара Алексѣевна, чтобъ попусту зубы скалить! И надо мной посмѣются, по русской пословицѣ:—кто, дескать, другому яму роетъ, такъ тотъ... и самъ туда-же.

Апрѣля 9.

Милостивый Государь,
Макаръ Алексѣевичъ!

Ну, какъ вамъ не стыдно, другъ мой и благодѣтель, Макаръ Алексѣевичъ, такъ закручиниться и закапризничать. Неужели вы обидѣлись! Ахъ, я часто бываю неосторожна, но не думала, что вы слова мои примете за колкую шутку. Будьте увѣрены, что я никогда не осмѣлюсь шутить надъ вашими годами и надъ вашимъ характеромъ. Случилось-же это все по моей вѣтрености, а болѣе потому, что ужасно скучно, а отъ скуки и за что не возьмешься? Я-же полагала, что вы сами въ своемъ письмѣ хотѣли посмѣяться. Мнѣ ужасно грустно стало, когда я увидѣла, что вы недовольны мною. Нѣтъ, добрый другъ мой и благодѣтель, вы ошибаетесь, если будете подозрѣвать меня въ нечувствительности и неблагодарности. Я умѣю оцѣнить въ моемъ сердцѣ все, что вы для меня сдѣлали, защитивъ меня отъ злыхъ людей, отъ ихъ гоненія и ненависти. Я вѣчно буду за васъ Бога молить, и если моя молитва доходна къ Богу и Небо внемлетъ ей, то вы будете счастливы.

Я сегодня чувствую себя очень нездоровою. Во мнѣ жаръ и ознобъ попеременно. Ѳедора за меня очень безпокоится. Вы напрасно стыдитесь ходить къ намъ, Макаръ Алексѣевичъ. Какое другимъ дѣло! Вы съ нами знакомы и дѣло съ концомъ!.. Прощайте, Макаръ Алексѣевичъ. Болѣе писать теперь не о чемъ, да и не могу: ужасно нездоровится. Прошу васъ еще разъ не сердиться на меня и быть увѣрену въ томъ всегдашнемъ почтеніи и въ той привязанности,

съ каковыми честь имѣю пребыть наипреданнѣйшею
и покорнѣйшею услужницей вашей

Варварой Доброселовой.

Апрѣля 12.

Милостивая Государыня,
Варвара Алексѣевна!

Ахъ, маточка моя, что это съ вами! Вѣдь вотъ каждый-то разъ вы меня такъ пугаете. Пишу вамъ въ каждомъ

письмѣ, чтобъ вы береглись, чтобъ вы кутались, чтобъ не выходили въ дурную погоду, осторожность во всемъ наблюдали-бы, — а вы, ангельчикъ мой, меня и не слушаетесь. Ахъ, голубчикъ мой, ну словно вы дитя какое-нибудь! Вѣдь вы слабенькія, какъ соломинка слабенькія, это я знаю. Чуть вѣтерочекъ какой, такъ ужъ вы и хвораете. Такъ остерегаться нужно, самой о себѣ стараться, опасности избѣгать, и друзей своихъ въ горе и въ уныніе не вводить.

Изъявляете желаніе, маточка, въ подробности узнать о моемъ житьѣ-бытьѣ и обо всемъ меня окружающемъ. Съ радостью спѣшу исполнить ваше желаніе, родная моя. Начну съ начала, маточка: больше порядку будетъ. Во-первыхъ, въ домѣ у насъ на чистомъ входѣ лѣстницы весьма посредственныя; особливо парадная — чистая, свѣтлая, широкая, все чугунъ да красное дерево. Зато ужъ про черную и не спрашивайте: винтовая, сырая, грязная, ступеньки поломаны, и стѣны такія жирныя, что рука прилипаетъ, когда на нихъ опираешься. На каждой площадкѣ стоятъ сундуки, стулья и шкафы поломанные, ветошки развѣшаны, окна повыбиты; лоханки стоятъ со всякою нечестью, съ грязью, съ соромъ, съ яичною скорлупою да съ рыбьими пузырями; запахъ дурной... однимъ словомъ, нехорошо.

Я уже описывалъ вамъ расположеніе комнатъ; оно,— нечего сказать,—удобно, это правда, но какъ-то въ нихъ душно, то есть не то чтобы оно пахло дурно, а такъ, если можно выразиться, немного гнилой, остро-услащенный запахъ какой-то. На первый разъ впечатлѣніе невыгодное, но это все ничего, стоитъ только минуты двѣ побыть у насъ, такъ и пройдетъ и не почувствуешь, какъ все пройдетъ, потому что и самъ какъ-то дурно пропахнешь, и платье пропахнетъ, и руки пропахнутъ, и все пропахнетъ,—ну и привыкнешь. У насъ чижики такъ и мрутъ. Мичманъ ужъ пятаго покупаетъ,—не живутъ въ нашемъ воздухѣ да и только. Кухня у насъ большая, обширная, свѣтлая. Правда, по утрамъ чадно немного, когда рыбу или говядину жарятъ, да и налютъ и намочатъ вездѣ, зато ужъ вечеромъ рай. Въ кухнѣ у насъ на веревкахъ всегда бѣлье виситъ старое; а такъ какъ моя комната не далеко, то-есть почти примыкаетъ къ кухнѣ, то запахъ отъ бѣлья меня безпокоитъ немного; но ничего: поживешь и попривыкнешь.

Съ самаго ранняго утра, Варинька, у насъ возня начинается, встаютъ, ходятъ, стучатъ, — это поднимаются всѣ, кому надо, кто въ службѣ или такъ, самъ по себѣ;

всѣ пить чай начинаютъ. Самовары у насъ хозяйскіе, большею частію, мало ихъ, ну такъ мы всѣ очередь держимъ; а кто попадетъ не въ очередь со своимъ чайникомъ, такъ сейчасъ тому голову вымоютъ. Вотъ я было попалъ въ первый разъ, да... впрочемъ, что-же писать! Тутъ-то я со всѣми и познакомился. Съ мичманомъ съ первымъ познакомился; откровенный такой, все мнѣ разсказалъ: про батюшку, про матушку, про сестрицу, что за тульскимъ засѣдателемъ, и про городъ Кронштадтъ. Обѣщалъ мнѣ во всемъ покровительствовать, и тутъ-же меня къ себѣ на чай пригласилъ. Отыскалъ я его въ той самой комнатѣ, гдѣ у насъ обыкновенно въ карты играютъ. Тамъ мнѣ дали чаю и непремѣнно хотѣли, чтобъ я въ азартную игру съ ними игралъ. Смѣялись-ли они, нѣтъ-ли надо мною, не знаю; только сами они всю ночь напролетъ проиграли, и когда я вошелъ, такъ тоже играли. Мѣлъ, карты, дымъ такой ходилъ по всей комнатѣ, что глаза ѣло. Играть я не сталъ и мнѣ сейчасъ замѣтили, что я про философію говорю. Потомъ ужъ никто со мною и не говорилъ все время: да я, по правдѣ, радъ былъ тому. Не пойду къ нимъ теперь: азартъ у нихъ, чистый азартъ! Вотъ у чиновника по литературной части бываютъ также собранія по вечерамъ. Ну, у того хорошо, скромно, невинно и деликатно; все на тонкой ногѣ.

Ну, Варинька, замѣчу вамъ еще мимоходомъ, что прегадкая женщина наша хозяйка, къ тому-же сущая вѣдьма. Вы видѣли Терезу. Ну, что она такое на самомъ-то дѣлѣ? Худая, какъ общипанный, чахлый цыпленокъ. Въ домѣ и людей-то всего двое: Тереза да Фальдони, хозяйскій слуга. Я не знаю, можетъ быть, у него есть и другое какое имя, только онъ и на это откликается; всѣ его такъ и зовутъ. Онъ рыжій, чухна какая-то, кривой, курносый, грубіянъ: все съ Терезой бранится, чуть не дерутся. Вообще сказать, жить мнѣ здѣсь не такъ, чтобы совсѣмъ было хорошо... Чтобъ этакъ всѣмъ разомъ ночью заснуть и успокоиться—это никогда не бываетъ. Ужъ вѣчно гдѣ-нибудь сидятъ да играютъ, а иногда и такое дѣлается, что зазорно разсказывать. Теперь ужъ я все-таки пообвыкъ, а вотъ удивляюсь, какъ въ такомъ содомѣ семейные люди уживаются. Цѣлая семья бѣдняковъ какихъ-то у нашей хозяйки комнату нанимаетъ, только не рядомъ съ другими номерами, а по другую сторону, въ углу, отдѣльно. Люди смирные! Объ нихъ никто ничего и не слышитъ. Живутъ они въ одной комнаткѣ, огородясь въ ней перегородкою.

Онъ какой-то чиновникъ безъ мѣста, изъ службы лѣтъ семь тому исключенный за что-то. Фамилія его Горшковъ; такой сѣденькій, маленькій; ходитъ въ такомъ засаленномъ, въ такомъ истертомъ платьѣ, что больно смотрѣть; куда хуже моего! Жалкій, хилый такой (встрѣчаемся мы съ нимъ иногда въ коридорѣ); колѣнки у него дрожатъ, руки дрожатъ, голова дрожитъ, ужъ отъ болѣзни что-ли какой, Богъ его знаетъ; робкій, боится всѣхъ, ходитъ стороночкой; ужъ я застѣнчивъ подчасъ, а этотъ еще хуже. Семейства у него—жена и трое дѣтей. Старшій, мальчикъ, весь въ отца, тоже такой чахлый. Жена была когда-то собою весьма недурна, и теперь замѣтно; ходитъ, бѣдная, въ такомъ жалкомъ отрепьи. Они, я слышалъ, задолжали хозяйкѣ; она съ ними что-то не слишкомъ ласкова. Слышалъ тоже, что у самого-то Горшкова непріятности есть какія-то, по которымъ онъ и мѣста лишился... процессъ не процессъ, подъ судомъ не подъ судомъ, подъ слѣдствіемъ какимъ-то, что-ли ужъ, истинно не могу вамъ сказать. Бѣдны-то они бѣдны,—Господи, Богъ мой! Всегда у нихъ въ комнатѣ тихо и смирно, словно и не живетъ никто. Даже дѣтей не слышно. И не бываетъ этого, чтобы когда-нибудь порѣзвились, поиграли дѣти, а ужъ это худой знакъ. Какъ-то мнѣ разъ, вечеромъ, случилось мимо ихъ дверей пройти; на ту пору въ домѣ стало что-то не по обычному тихо; слышу всхлипываніе, потомъ шопотъ, опять всхлипываніе, точно какъ будто плачутъ, да такъ тихо, такъ жалко, что у меня все сердце надорвалось, и потомъ всю ночь мысль объ этихъ бѣднякахъ меня не покидала, такъ что и заснуть не удалось хорошенько.

Ну, прощайте, дружочекъ безцѣнный мой, Варинька! Описалъ я вамъ все, какъ умѣлъ. Сегодня я весь день все только объ васъ и думаю. У меня за васъ, родная моя, все сердце изныло. Вѣдь вотъ, душечка моя, я вотъ знаю, что у васъ теплаго салопа нѣтъ. Ужъ эти мнѣ петербургскія весны, вѣтры, да дождички со снѣжочкомъ,—ужъ это смерть моя, Варинька! Такое благорастворѐніе воздуховъ, что убереги меня, Господи! Не взыщите, душенька, на писаніи; слогу нѣтъ, Варинька, слогу нѣтъ никакого. Хоть-бы какой-нибудь былъ! Пишу, что̀ на умъ взбредетъ, такъ, чтобы васъ только поразвеселить чѣмъ-нибудь. Вѣдь вотъ, если-бъ я учился какъ-нибудь, дѣло другое; а то, вѣдь, какъ я учился? Даже и не на мѣдныя деньги.

Вашъ всегдашній и вѣрный другъ

Макаръ Дѣвушкинъ.

Апрѣля 25.

М. Г. Макаръ Алексѣевичъ!

Сегодня двоюродную сестру мою Сашу встрѣтила! Ужасъ! И она погибнетъ, бѣдная! Услышала я тоже со стороны, что Анна Ѳедоровна все обо мнѣ вывѣдываетъ. Она, кажется, никогда не перестанетъ меня преслѣдовать. Она говоритъ, что хочетъ *простить меня*, забыть все прошедшее, и что непремѣнно сама навѣститъ меня. Говоритъ, что вы мнѣ вовсе не родственникъ, что она ближе мнѣ родственница, что въ семейныя отношенія наши вы не имѣете никакого права входить, и что мнѣ стыдно и неприлично жить вашей милостыней и на вашемъ содержаніи... говоритъ, что я забыла ея хлѣбъ-соль, что она меня съ матушкой, можетъ быть, отъ голодной смерти избавила, что она насъ поила-кормила, и слишкомъ два съ половиной года на насъ убыточилась, что она намъ, сверхъ всего этого, долгъ простила. И матушку-то она пощадить не хотѣла! А если-бы знала бѣдная матушка, что̀ они со мною сдѣлали! Богъ видитъ!... Анна Ѳедоровна говоритъ, что я по глупости моей своего счастія удержать не умѣла, что она сама меня на счастіе наводила, что она ни въ чемъ остальномъ не виновата, и что я сама за честь свою не умѣла, а можетъ быть, и не хотѣла вступиться. А кто-же тутъ виноватъ, Боже великій! Она говоритъ, что господинъ Быковъ правъ совершенно, и что не на всякой-же жениться, которая... да что писать! Жестоко слышать такую неправду, Макаръ Алексѣевичъ! Я не знаю, что̀ со мной теперь дѣлается. Я дрожу, плачу, рыдаю; это письмо я вамъ два часа писала. Я думала, что она, по крайней мѣрѣ, сознаетъ свою вину предо мною; а она вотъ какъ теперь!—Ради Бога, не тревожьтесь, другъ мой, единственный доброжелатель мой! Ѳедора все преувеличиваетъ: я не больна. Я только простудилась немного вчера, когда ходила на Волково къ матушкѣ панихиду служить. Зачѣмъ вы не пошли вмѣстѣ со мною;—я васъ такъ просила. Ахъ, бѣдная, бѣдная моя матушка, если-бъ ты встала изъ гроба, если-бъ ты знала, если-бъ ты видѣла, что̀ они со мною сдѣлали!..

В. Д.

Мая 20.

Голубчикъ мой, Варинька!

Посылаю вамъ винограду немного, душечка; для выздоравливающей это, говорятъ, хорошо, да и докторъ рекомендовалъ для утоленія жажды, такъ только единственно

BIBLIOTEKA GŁÓWNA

для жажды. Вамъ розанчиковъ намедни захотѣлось, маточка; такъ вотъ я вамъ ихъ теперь посылаю. Есть-ли у васъ аппетитъ, душечка?—вотъ что̀ главное. Впрочемъ, слава Богу, что все прошло и кончилось, и что несчастія наши тоже совершенно оканчиваются. Воздадимъ благодареніе Небу! А что до книжекъ касается, то достать покамѣстъ нигдѣ не могу. Есть тутъ, говорятъ, хорошая книжка одна, и весьма высокимъ слогомъ написанная; говорятъ, что хороша, я самъ не читалъ, а здѣсь очень хвалятъ. Я просилъ ее для себя; обѣщались препроводить. Только будете-ли вы-то читать? Вы у меня на этотъ счетъ привередница; трудно угодить на вашъ вкусъ, ужъ я васъ знаю, голубчикъ вы мой; вамъ вѣрно все стихотворство надобно, воздыханій, амуровъ,—ну, и стиховъ достану, всего достану; тамъ есть тетрадка одна переписанная.

Я-то живу хорошо. Вы, маточка, обо мнѣ не безпокойтесь, пожалуйста. А что̀ Ѳедора вамъ насказала на меня, такъ все это вздоръ; вы ей скажите, что она налгала, непремѣнно скажите ей, сплетницѣ!.. Я новаго вицъ-мундира совсѣмъ не продавалъ. Да и зачѣмъ, сами разсудите, зачѣмъ продавать? Вотъ, говорятъ, мнѣ сорокъ рублей серебромъ награжденія выходитъ, такъ зачѣмъ-же продавать? Вы, маточка, не безпокойтесь;—она мнительна, Ѳедора-то, она мнительна. Заживемъ мы, голубчикъ мой! Только вы-то, ангельчикъ, выздоравливайте, ради Бога, выздоравливайте, не огорчите старика. Кто это говоритъ вамъ, что я похудѣлъ? Клевета, опять клевета! Здоровёхонекъ и растолстѣлъ такъ, что самому становится совѣстно, сытъ и доволенъ по горло: вотъ только-бы вы-то выздоравливали! Ну, прощайте, мой ангельчикъ; цѣлую всѣ ваши пальчики и пребываю

вашимъ вѣчнымъ неизмѣннымъ другомъ

Макаромъ Дѣвушкинымъ.

P. S. Ахъ, душенька моя, что это вы опять въ самомъ дѣлѣ стали писать?.. О чемъ вы блажите-то! Да какъ-же мнѣ ходить къ вамъ такъ часто, маточка, какъ? Я васъ спрашиваю. Развѣ темнотою ночною пользуясь; да вотъ теперь и ночей-то почти не бываетъ: время такое. Я и то, маточка моя, ангельчикъ, васъ почти совсѣмъ не покидалъ во все время болѣзни вашей, во время безпамятства-то вашего; но и тутъ я и самъ ужъ не знаю, какъ я всѣ эти дѣла обдѣлывалъ; да и то потомъ пересталъ ходить; ибо любопытствовать и разспрашивать начали. Здѣсь ужъ и

Instytut Polsko-Kaszubski
w WARSZAWIE
BIBLIOTEKA

безъ того сплетня заплелась какая-то. Я на Терезу надѣюсь; она не болтлива; но все-же, сами разсудите вы, маточка, каково это будетъ, когда они все узнаютъ про насъ? Что-то они подумаютъ и что они скажутъ тогда?—Такъ вотъ вы скрѣпите сердечко, маточка, да переждите до выздоровленія; а мы потомъ ужъ такъ, внѣ дома, гдѣ-нибудь рандеву дадимъ.

Іюня 1.

Любезнѣйшій Макаръ Алексѣевичъ!

Мнѣ такъ хочется сдѣлать вамъ что-нибудь угодное и пріятное за всѣ ваши хлопоты и старанія обо мнѣ, за всю вашу любовь ко мнѣ, что я рѣшилась, наконецъ, на скуку порыться въ моемъ комодѣ и отыскать мою тетрадь, которую теперь и посылаю вамъ. Я начала ее еще въ счастливое время жизни моей. Вы часто съ любопытствомъ разспрашивали о моемъ прежнемъ житьѣ-бытьѣ, о матушкѣ, о Покровскомъ, о моемъ пребываніи у Анны Ѳедоровны и, наконецъ, о недавнихъ несчастіяхъ моихъ, и такъ нетерпѣливо желали прочесть эту тетрадь, гдѣ мнѣ вздумалось, Богъ знаетъ для чего, отмѣтить кое-какія мгновенія изъ моей жизни, что я не сомнѣваюсь принести вамъ большое удовольствіе моею посылкою. Мнѣ-же какъ-то грустно было перечитывать это. Мнѣ кажется, что я уже вдвое постарѣла съ тѣхъ поръ какъ написала въ этихъ запискахъ послѣднюю строчку. Все это писано въ разные сроки. Прощайте, Макаръ Алексѣевичъ! Мнѣ ужасно скучно теперь и меня часто мучитъ безсонница. Прескучное выздоровленіе!

В. Д.

I.

Мнѣ было только четырнадцать лѣтъ, когда умеръ батюшка. Дѣтство мое было самымъ счастливымъ временемъ моей жизни. Началось оно не здѣсь, но далеко отсюда, въ провинціи, въ глуши. Батюшка былъ управителемъ огромнаго имѣнія князя П—го, въ Т—й губерніи. Мы жили въ одной изъ деревень князя, и жили тихо, неслышно, счастливо... Я была такая рѣзвая маленькая; только и дѣлаю, бывало, что бѣгаю по полямъ, по рощамъ, по саду, а обо мнѣ никто и не заботился. Батюшка безпрерывно былъ занятъ дѣлами, матушка занималась хозяйствомъ; меня ничему не учили, а я тому и рада была. Бывало, съ самаго ранняго утра убѣгу или на прудъ, или въ рощу, или на сѣнокосъ, или къ жнецамъ—и нужды нѣтъ, что

солнце печетъ, что забѣжишь сама не знаешь куда отъ селенья, исцарапаешься объ кусты, разорвешь свое платье;— дома послѣ бранятъ, а мнѣ и ничего.

И мнѣ кажется, я-бы такъ была счастлива, если бъ пришлось хоть всю жизнь мою не выѣзжать изъ деревни и жить на одномъ мѣстѣ. А между тѣмъ, я еще дитею принуждена была оставить родныя мѣста. Мнѣ было еще только двѣнадцать лѣтъ, когда мы въ Петербургъ переѣхали. Ахъ, какъ я грустно помню наши печальные сборы! Какъ я плакала, когда прощалась со всѣмъ, что̀ такъ было мило мнѣ. Я помню, что я бросилась на шею батюшкѣ и со слезами умоляла остаться хоть немножко въ деревнѣ. Батюшка закричалъ на меня, матушка плакала; говорила, что надобно, что дѣла этого требовали. Старый князь П—й умеръ. Наслѣдники отказали батюшкѣ отъ должности. У батюшки были кой-какія деньги въ оборотахъ въ рукахъ частныхъ лицъ въ Петербургѣ. Надѣясь поправить свои обстоятельства, онъ почелъ необходимымъ свое личное здѣсь присутствіе. Все это я узнала отъ матушки. Мы здѣсь поселились на Петербургской сторонѣ и прожили на одномъ мѣстѣ до самой кончины батюшки.

Какъ тяжело мнѣ привыкать къ новой жизни! Мы въѣхали въ Петербургъ осенью. Когда мы оставляли деревню, день былъ такой свѣтлый, теплый, яркій; сельскія работы кончались; на гумнахъ уже громоздились огромныя скирды хлѣба и толпились крикливыя стаи птицъ; все было такъ ясно и весело: а здѣсь, при въѣздѣ нашемъ въ городъ, дождь, гнилая осенняя изморозь, непогода, слякоть и толпа новыхъ незнакомыхъ лицъ, негостепріимныхъ, недовольныхъ, сердитыхъ! Кое-какъ мы устроились. Помню, всѣ такъ суетились у насъ, все хлопотали, обзаводились новымъ хозяйствомъ. Батюшки все не было дома, у матушки не было покойной минуты—меня позабыли совсѣмъ. Грустно мнѣ было вставать поутру послѣ первой ночи на нашемъ новосельи. Окна наши выходили на какой-то желтый заборъ. На улицѣ постоянно была грязь. Прохожіе были рѣдки, и всѣ они такъ плотно кутались, всѣмъ такъ было холодно.

А дома у насъ по цѣлымъ днямъ была страшная тоска и скука. Родныхъ и близкихъ знакомыхъ у насъ почти не было. Съ Анной Ѳедоровной батюшка былъ въ ссорѣ. (Онъ былъ ей что-то долженъ). Ходили къ намъ довольно часто люди по дѣламъ. Обыкновенно спорили, шумѣли, кричали. Послѣ каждаго посѣщенія, батюшка дѣлался та-

кимъ недовольнымъ, сердитымъ; по цѣлымъ часамъ ходитъ, бывало, изъ угла въ уголъ, нахмурясь и ни съ кѣмъ слова не вымолвитъ. Матушка не смѣла тогда и заговорить съ нимъ и молчала. Я садилась куда-нибудь въ уголокъ за книжку—смирно, тихо, пошевелиться, бывало, не смѣю.

Три мѣсяца спустя по пріѣздѣ нашемъ въ Петербургъ, меня отдали въ пансіонъ. Вотъ грустно-то было мнѣ сначала въ чужихъ людяхъ! Все такъ сухо, непривѣтливо было;—гувернантки такія крикуньи, дѣвицы такія насмѣшницы, а я такая дикарка. Строго, взыскательно! Часы на все положенные, общій столъ, скучные учителя—все это меня сначала истерзало, измучило. Я тамъ и спать не могла. Плачу, бывало, цѣлую ночь, длинную, скучную, холодную ночь. Бывало, по вечерамъ всѣ повторяютъ или учатъ уроки; я сижу себѣ за разговорами или вокабулами, шевельнуться не смѣю, а сама все думаю про домашній нашъ уголъ, про батюшку, про матушку, про мою старушку-няню, про нянины сказки... ахъ, какъ сгрустнется! Объ самой пустой вещицѣ въ домѣ, и о той съ удовольствіемъ вспоминаешь. Думаешь-думаешь: вотъ какъ-бы хорошо теперь было дома! Сидѣла-бы я въ маленькой комнаткѣ нашей у самовара, вмѣстѣ съ нашими; было-бы такъ тепло, хорошо, знакомо. Какъ-бы, думаешь, обняла теперь матушку, крѣпко-крѣпко, горячо-горячо!—Думаешь-думаешь, да и заплачешь тихонько съ тоски, давя въ груди слезы, и нейдутъ на умъ вокабулы. Къ завтраму урока не выучишь; всю ночь снятся учитель, мадамъ, дѣвицы; всю ночь во снѣ уроки твердишь, а на другой день ничего не знаешь. Поставятъ на колѣни, дадутъ одно кушанье. Я была такая невеселая, скучная. Сначала всѣ дѣвицы надо мной смѣялись, дразнили меня, сбивали, когда я говорила уроки, щипали, когда мы въ рядахъ шли къ обѣду или къ чаю, жаловались на меня ни за что ни про что гувернанткѣ. Зато какой рай, когда няня придетъ, бывало, за мной въ субботу вечеромъ. Такъ и обниму, бывало, мою старушку въ изступленіи радости. Она меня одѣнетъ, укутаетъ, дорогою не поспѣваетъ за мной, а я ей все болтаю, болтаю, разсказываю. Домой приду веселая, радостная, крѣпко обниму нашихъ, какъ будто послѣ десятилѣтней разлуки. Начнутся толки, разговоры, разсказы; со всѣми здороваешься, смѣешься, хохочешь, бѣгаешь, прыгаешь. Съ батюшкой начнутся разговоры серьезные, о наукахъ, о нашихъ учителяхъ, о французскомъ языкѣ, о грамматикѣ

Ломонда—и всѣ мы такъ веселы, такъ довольны. Мнѣ и теперь весело вспоминать объ этихъ минутахъ. Я всѣми силами старалась учиться и угождать батюшкѣ. Я видѣла, что онъ послѣднее на меня отдавалъ, а самъ бился Богъ знаетъ какъ. Съ каждымъ днемъ онъ становился все мрачнѣе, недовольнѣе, сердитѣе, характеръ его совсѣмъ испортился; дѣла не удавались, долговъ было пропасть. Матушка, бывало, и плакать боялась, слово сказать боялась, чтобы не разсердить батюшку, сдѣлалась больная такая; все худѣла, худѣла и стала дурно каплять. Я, бывало, приду изъ пансіона—все такія грустныя лица; матушка потихоньку плачетъ, батюшка сердится. Начнутся упреки, укоры. Батюшка начнетъ говорить, что я ему не доставляю никакихъ радостей, никакихъ утѣшеній; что они изъза меня послѣдняго лишаются, а я до сихъ поръ не говорю по-французски; однимъ словомъ, всѣ неудачи, всѣ несчастія, все, все вымещалось на мнѣ и на матушкѣ. А какъ можно было мучить бѣдную матушку? Глядя на нее, сердце разрывалось, бывало; щеки ея ввалились, глаза впали, въ лицѣ былъ такой чахоточный цвѣтъ. Мнѣ доставалось больше всѣхъ. Начиналось всегда изъ пустяковъ, а потомъ ужъ Богъ знаетъ до чего доходило; часто я даже не понимала о чемъ идетъ дѣло. Чего не причиталось!.. И французскій языкъ, и что я большая дура, и что содержательница нашего пансіона нерадивая, глупая женщина; что она объ нашей нравственности не заботится; что батюшка службы себѣ до сихъ поръ не можетъ найти, и что грамматика Ломонда скверная грамматика, а Запольскаго гораздо лучше; что на меня денегъ много бросили попустому; что я, видно, безчувственная, каменная—однимъ словомъ, я, бѣднал, изъ всѣхъ силъ билась, твердя разговоры и вокабулы, а во всемъ была виновата, за все отвѣчала! И это совсѣмъ не оттого, чтобы батюшка не любилъ меня: во мнѣ и матушкѣ онъ души не слышалъ. Но ужъ это такъ, характеръ былъ такой.

Заботы, огорченія, неудачи измучили бѣднаго батюшку до крайности: онъ сталъ недовѣрчивъ, желченъ; часто былъ близокъ къ отчаянію, началъ пренебрегать своимъ здоровьемъ, простудился, и вдругъ заболѣлъ, страдалъ недолго и скончался такъ внезапно, такъ скоропостижно, что мы всѣ нѣсколько дней были внѣ себя отъ удара. Матушка была въ какомъ-то оцѣпенѣніи; я даже боялась за ея разсудокъ. Только что скончался батюшка, кредиторы явились къ намъ какъ изъ земли, нахлынули гурь-

бою. Все, что у насъ ни было, мы отдали. Нашъ домикъ на Петербургской сторонѣ, который батюшка купилъ полгода спустя послѣ переселенія нашего въ Петербургъ, былъ также проданъ. Не знаю, какъ уладили остальное, но сами мы остались безъ крова, безъ пристанища, безъ пропитанія. Матушка страдала изнурительною болѣзнію, прокормить мы себя не могли, жить было нечѣмъ, впереди была гибель. Мнѣ тогда только минуло четырнадцать лѣтъ. Вотъ тутъ-то насъ и посѣтила Анна Ѳедоровна. Она все говоритъ, что она какая-то помѣщица и намъ доводится какою-то роднею. Матушка тоже говорила, что она намъ родня, только очень дальняя. При жизни батюшки, она къ намъ никогда не ходила. Явилась она со слезами на глазахъ, говорила, что принимаетъ въ насъ большое участіе; соболѣзновала о нашей потерѣ, о нашемъ бѣдственномъ положеніи, прибавила, что батюшка былъ самъ виноватъ: что онъ не по силамъ жилъ, далеко забирался, и что ужъ слишкомъ на свои силы надѣялся. Обнаружила желаніе сойтись съ нами короче, предложила забыть обоюдныя непріятности; а когда матушка объявила, что никогда не чувствовала къ ней непріязни, то она прослезилась, повела матушку въ церковь и заказала панихиду по голубчикѣ (такъ она выразилась о батюшкѣ). Послѣ этого она торжественно помирилась съ матушкой.

Послѣ долгихъ вступленій и предувѣдомленій, Анна Ѳедоровна, изобразивъ въ яркихъ краскахъ наше бѣдственное положеніе, сиротство, безнадежность, безпомощность, пригласила насъ, какъ она сама выразилась, у ней пріютиться. Матушка благодарила, но долго не рѣшалась: но такъ какъ дѣлать было нечего, и иначе распорядиться никакъ нельзя, то и объявила, наконецъ, Аннѣ Ѳедоровнѣ, что ея предложеніе мы принимаемъ съ благодарностью. Какъ теперь помню утро, въ которое мы перебирались съ Петербургской стороны на Васильевскій островъ. Утро было осеннее, ясное, сухое, морозное. Матушка плакала: мнѣ было ужасно грустно; грудь у меня разрывалась, душу томило отъ какой-то неизъяснимой, страшной тоски... Тяжкое было время. . . . . .

. . . . . .

II.

Сначала, покамѣстъ еще мы, то есть я и матушка, не обжились на нашемъ новоселье, намъ обѣимъ было какъ-то жутко, дико у Анны Ѳедоровны. Анна Ѳедоровна жила

въ собственномъ домѣ, въ шестой линіи. Въ домѣ всего было пять чистыхъ комнатъ. Въ трехъ изъ нихъ жила Анна Ѳедоровна и двоюродная сестра моя Саша, которая у ней воспитывалась, ребенокъ, сиротка, безъ отца и матери. Потомъ, въ одной комнатѣ жили мы, и, наконецъ, въ послѣдней комнатѣ, рядомъ съ нами, помѣщался одинъ бѣдный студентъ Покровскій, жилецъ у Анны Ѳедоровны. Анна Ѳедоровна жила очень хорошо, богаче, чѣмъ бы можно было предполагать; но состояніе ея было загадочно, такъ же какъ и ея занятія. Она всегда суетилась, всегда была озабочена, выѣзжала и выходила по нѣскольку разъ въ день; но что она дѣлала, о чемъ заботилась и для чего заботилась, этого я никакъ не могла угадать. Знакомство у ней было большое и разнообразное. Къ ней все, бывало, гости ѣздили, и все Богъ знаетъ какіе люди, всегда по какимъ-то дѣламъ и на минутку. Матушка всегда уводила меня въ нашу комнату, бывало, только что зазвенитъ колокольчикъ. Анна Ѳедоровна ужасно сердилась за это на матушку и безпрерывно твердила, что ужъ мы слишкомъ горды, что не по силамъ горды, что было бы еще чѣмъ гордиться, и по цѣлымъ часамъ не умолкала. Я не понимала тогда этихъ упрековъ въ гордости: точно такъ же я только теперь узнала, или, по крайней мѣрѣ, предугадываю, почему матушка не рѣшалась жить у Анны Ѳедоровны. Злая женщина была Анна Ѳедоровна; она безпрерывно насъ мучила. До сихъ поръ для меня тайна, зачѣмъ именно она приглашала насъ къ себѣ? Сначала она была съ нами довольно ласкова, — а потомъ ужъ и выказала свой настоящій характеръ вполнѣ, какъ увидала, что мы совершенно безпомощны и что намъ идти некуда. Впослѣдствіи со мной она сдѣлалась весьма ласкова, даже какъ-то грубо ласкова, до лести, но сначала и я терпѣла заодно съ матушкой. Поминутно попрекала она насъ; только и дѣлала, что твердила о своихъ благодѣяніяхъ. Постороннимъ людямъ рекомендовала насъ, какъ своихъ бѣдныхъ родственницъ, вдовицу и сироту безпомощныхъ, которыхъ она изъ милости, ради любви христіанской, у себя пріютила. За столомъ каждый кусокъ, который мы брали, слѣдила глазами, а если мы не ѣли, такъ опять начиналась исторія: дескать, мы гнушаемся; не взыщите, чѣмъ богата, тѣмъ и рада; было-ли бы еще у насъ самихъ лучше. Батюшку поминутно бранила; говорила, что лучше другихъ хотѣлъ быть, да худо и вышло; дескать, жену съ дочерью пустилъ по-міру, и что

не нашлось бы родственницы благодѣтельной, христіанской души, сострадательной, такъ еще Богъ знаетъ, пришлось бы, можетъ-быть, среди улицы съ голоду сгнить. Чего-чего она ни говорила! Не такъ горько, какъ отвратительно было ее слушать. Матушка поминутно плакала; здоровье ея становилось день ото дня хуже, она видимо чахла, а между тѣмъ мы съ нею работали съ утра до ночи, доставали заказную работу, шили, что очень не нравилось Аннѣ Ѳедоровнѣ: она поминутно говорила, что у нея не модный магазинъ въ домѣ. Но нужно было одѣваться; нужно было на непредвидимые расходы откладывать; нужно было непремѣнно свои деньги имѣть. Мы на всякій случай копили, надѣялись, что можно будетъ со временемъ переѣхать куда-нибудь. Но матушка послѣднее здоровье свое потеряла на работѣ: она слабѣла съ каждымъ днемъ. Болѣзнь, какъ червь, видимо подтачивала жизнь ея и близила къ гробу. Я все видѣла, все чувствовала, все выстрадала; все это было на глазахъ моихъ!

Дни проходили за днями и каждый день былъ похожъ на предыдущій. Мы жили тихо, какъ будто и не въ городѣ. Анна Ѳедоровна мало-по-малу утихала, по мѣрѣ того, какъ сама стала вполнѣ сознавать свое владычество. Ей, впрочемъ, никогда и никто не думалъ прекословить. Въ нашей комнатѣ мы были отдѣлены отъ ея половины коридоромъ, а рядомъ съ нами, какъ я уже упоминала, жилъ Покровскій. Онъ училъ Сашу французскому и нѣмецкому языкамъ, исторіи, географіи — всѣмъ наукамъ, какъ говорила Анна Ѳедоровна, и за то получалъ отъ нея квартиру и столъ; Саша была препонятливая дѣвочка, хотя рѣзвая и шалунья; ей было тогда лѣтъ тринадцать. Анна Ѳедоровна замѣтила матушкѣ, что не дурно бы было, если бы и я стала учиться, затѣмъ, что въ пансіонѣ меня не доучили. Матушка съ радостью согласилась, и я цѣлый годъ училась у Покровскаго вмѣстѣ съ Сашей.

Покровскій былъ бѣдный, очень бѣдный молодой человѣкъ; здоровье его не позволяло ему ходить постоянно учиться, и его такъ, по привычкѣ только, звали у насъ студентомъ. Жилъ онъ скромно, смирно, тихо, такъ что и не слышно бывало его изъ нашей комнаты. Съ виду онъ былъ такой странный; такъ неловко ходилъ, такъ неловко раскланивался, такъ чудно говорилъ, что я сначала на него безъ смѣху и смотрѣть не могла. Саша безпрерывно надъ нимъ проказничала, особенно, когда онъ намъ уроки давалъ. А онъ, вдобавокъ, былъ раздражи-

тельнаго характера, безпрестанно сердился, за каждую малость изъ себя выходилъ, кричалъ на насъ, жаловался на насъ и часто, не докончивъ урока, разсерженный уходилъ въ свою комнату. У себя же онъ по цѣлымъ днямъ сидѣлъ за книгами. У него было много книгъ, и все такія дорогія, рѣдкія книги. Онъ кое-гдѣ еще училъ, получалъ кое-какую плату, такъ что чуть бывало у него заведутся деньги, такъ онъ тотчасъ идетъ себѣ книгъ покупать.

Со временемъ я узнала его лучше, короче. Онъ былъ добрѣйшій, достойнѣйшій человѣкъ, наилучшій изъ всѣхъ, которыхъ мнѣ встрѣчать удавалось. Матушка его весьма уважала. Потомъ онъ и для меня былъ лучшимъ изъ друзей,—разумѣется, послѣ матушки.

Сначала я, такая большая дѣвушка, шалила заодно съ Сашей, и мы, бывало, по цѣлымъ часамъ ломаемъ головы, какъ бы раздразнить и вывесть его изъ терпѣнія. Онъ ужасно смѣшно сердился, а намъ это было чрезвычайно забавно. (Мнѣ даже и вспоминать это стыдно). Разъ мы раздразнили его чѣмъ-то чуть не до слезъ, и я слышала ясно какъ онъ прошепталъ: „Злыя дѣти“. Я вдругъ смутилась; мнѣ стало и стыдно, и горько, и жалко его. Я помню, что я покраснѣла до ушей и чуть не со слезами на глазахъ стала просить его успокоиться и не обижаться нашими глупыми шалостями, но онъ закрылъ книгу, не докончилъ намъ урока и ушелъ въ свою комнату. Я цѣлый день надрывалась отъ раскаянія. Мысль о томъ, что мы, дѣти, своими жестокостями довели его до слезъ, была мнѣ нестерпима. Мы, стало-быть, ждали его слезъ. Намъ, стало-быть, ихъ хотѣлось; стало-быть, мы успѣли его изъ послѣдняго терпѣнія вывесть; стало-быть, мы насильно заставили его несчастнаго, бѣднаго, о своемъ лютомъ жребіи вспомнить! Я всю ночь не спала отъ досады, отъ грусти, отъ раскаянія. Говорятъ, что раскаяніе облегчаетъ душу — напротивъ. Не знаю, какъ примѣшалось къ моему горю и самолюбіе. Мнѣ не хотѣлось, чтобы онъ считалъ меня за ребенка. Мнѣ тогда было уже пятнадцать лѣтъ.

Съ этого дня я начала мучить воображеніе мое, создавая тысячи плановъ, какимъ бы образомъ вдругъ заставить Покровскаго измѣнить свое мнѣніе обо мнѣ. Но я была подчасъ робка и застѣнчива; въ настоящемъ положеніи моемъ, я ни на что не могла рѣшиться и ограничивалась одними мечтаніями (и Богъ знаетъ какими мечтаніями!). Я перестала только проказничать вмѣстѣ съ

Сашей; онъ пересталъ на насъ сердиться; но для самолюбія моего этого было мало.

Теперь скажу нѣсколько словъ объ одномъ самомъ странномъ, самомъ любопытномъ и самомъ жалкомъ человѣкѣ изъ всѣхъ, которыхъ когда-либо мнѣ случалось встрѣчать. Потому говорю о немъ теперь, именно въ этомъ мѣстѣ моихъ записокъ, что до самой этой эпохи я почти не обращала на него никакого вниманія; — такъ все касавшееся Покровскаго стало для меня вдругъ занимательно!

У насъ въ домѣ являлся иногда старичокъ, запачканный, дурно одѣтый, маленькій, сѣденькій, мѣшковатый, неловкій, однимъ словомъ, странный до-нельзя. Съ перваго взгляда на него можно было подумать, что онъ какъ будто чего-то стыдится, какъ будто ему себя самого совѣстно. Оттого онъ все какъ-то ежился, какъ-то кривлялся; такія ухватки, ужимки были у него, что можно было почти не ошибаясь заключить, что онъ не въ своемъ умѣ. Придетъ, бывало, къ намъ, да стоитъ въ сѣняхъ у стеклянныхъ дверей, и въ домъ войти не смѣетъ. Кто изъ насъ мимо пройдетъ — я или Саша, или изъ слугъ, кого онъ зналъ подобрѣе къ нему — то онъ сейчасъ машетъ, манитъ къ себѣ, дѣлаетъ разные знаки, и развѣ только когда кивнешь ему головою и позовешь его — условный знакъ, что въ домѣ нѣтъ никого постороннаго и что ему можно войти, когда ему угодно—только тогда старикъ тихонько отворялъ дверь, радостно улыбался, потиралъ руки отъ удовольствія и на цыпочкахъ прямо отправлялся въ комнату Покровскаго. Это былъ его отецъ.

Потомъ я узнала подробно всю исторію этого бѣднаго старика. Онъ когда-то гдѣ-то служилъ, былъ безъ малѣйшихъ способностей, и занималъ самое послѣднее, самое незначительное мѣсто на службѣ. Когда умерла первая его жена (мать студента Покровскаго), то онъ вздумалъ жениться во второй разъ, и женился на мѣщанкѣ. При новой женѣ, въ домѣ все пошло вверхъ дномъ; никому житья отъ нея не стало; она всѣхъ къ рукамъ прибрала. Студентъ Покровскій былъ тогда еще ребенкомъ, лѣтъ десяти. Мачиха его возненавидѣла. Но маленькому Покровскому благопріятствовала судьба. Помѣщикъ Быковъ, знавшій чиновника Покровскаго и бывшій нѣкогда его благодѣтелемъ, принялъ ребенка подъ свое покровительство и помѣстилъ его въ какую-то школу. Интересовался же онъ имъ потому, что зналъ его покойную мать, которая еще въ дѣвушкахъ была облагодѣтельствована

Анной Ѳедоровной, и выдана ею замужъ за чиновника Покровскаго. Господинъ Быковъ, другъ и короткій знакомый Анны Ѳедоровны, движимый великодушіемъ, далъ за невѣстой пять тысячъ рублей приданаго. Куда эти деньги пошли—неизвѣстно. Такъ мнѣ разсказывала все это Анна Ѳедоровна; самъ же студентъ Покровскій никогда не любилъ говорить о своихъ семейныхъ обстоятельствахъ. Говорятъ, что его мать была очень хороша собою, и мнѣ странно кажется, почему она такъ неудачно вышла замужъ за такого незначительнаго человѣка... Она умерла еще въ молодыхъ лѣтахъ, года четыре спустя послѣ замужества.

Изъ школы молодой Покровскій поступилъ въ какую-то гимназію, и потомъ въ университетъ. Господинъ Быковъ, весьма часто пріѣзжавшій въ Петербургъ, и тутъ не оставилъ его своимъ покровительствомъ. За разстроеннымъ здоровьемъ своимъ, Покровскій не могъ продолжать занятій своихъ въ университетѣ. Господинъ Быковъ познакомилъ его съ Анной Ѳедоровной, самъ рекомендовалъ его, и такимъ образомъ молодой Покровскій былъ принятъ на хлѣбы, съ уговоромъ учить Сашу всему, чему ни потребуется.

Старикъ же Покровскій, съ горя отъ жестокостей жены своей, предался самому дурному пороку и почти всегда бывалъ въ нетрезвомъ видѣ. Жена его бивала, сослала жить на кухню, и до того довела, что онъ, наконецъ, привыкъ къ побоямъ и къ дурному обхожденію и не жаловался. Онъ былъ еще не очень старый человѣкъ, но отъ дурныхъ наклонностей почти изъ ума выжилъ. Единственнымъ же признакомъ человѣческихъ благородныхъ чувствъ была въ немъ неограниченная любовь къ сыну. Говорили, что молодой Покровскій похожъ какъ двѣ капли воды на покойную мать свою. Не воспоминанія-ли о прежней, доброй женѣ породили въ сердцѣ погибшаго старика такую безпредѣльную любовь къ нему? Старикъ и говорить больше ни о чемъ не могъ, какъ о сынѣ, и постоянно два раза въ недѣлю навѣщалъ его. Чаще же приходить онъ не смѣлъ, потому что молодой Покровскій терпѣть не могъ отцовскихъ посѣщеній. Изъ всѣхъ его недостатковъ, безспорно, первымъ и важнѣйшимъ было неуваженіе къ отцу. Впрочемъ, и старикъ былъ подчасъ пренесноснѣйшимъ существомъ на свѣтѣ. Во-первыхъ, онъ былъ ужасно любопытенъ, во-вторыхъ, разговорами и разспросами, самыми пустыми и безтолковыми, онъ поминутно мѣшалъ сыну заниматься, и, наконецъ, являлся иногда

„KULTURA"
Warszawa, Sienkiewicza 14

въ нетрезвомъ видѣ. Сынъ понемногу отучалъ старика отъ пороковъ, отъ любопытства и поминутнаго болтанія, и, наконецъ, довелъ до того, что тотъ слушалъ его во всемъ, какъ оракула, и рта не смѣлъ разинуть безъ его позволенія.

Бѣдный старикъ не могъ надивиться и нарадоваться на своего Петиньку (такъ онъ называлъ сына). Когда онъ приходилъ къ нему въ гости, то почти всегда имѣлъ какой-то озабоченный, робкій видъ, вѣроятно, отъ неизвѣстности, какъ-то его приметъ сынъ, обыкновенно долго не рѣшался войти, и если я тутъ случалась, такъ онъ меня минутъ двадцать, бывало, разспрашивалъ — что, каковъ Петинька? Здоровъ-ли онъ? Въ какомъ именно расположеніи духа, и не занимается-ли чѣмъ-нибудь важнымъ? Что онъ именно дѣлаетъ? Пишетъ-ли, или размышленіями какими занимается? Когда я его достаточно ободряла и успокоивала, то старикъ, наконецъ, рѣшался войти и тихотихо, осторожно-осторожно отворялъ двери, просовывалъ сначала одну голову, и если видѣлъ, что сынъ не сердится, и кивнулъ ему головой, то тихонько проходилъ въ комнату, снималъ свою шинельку, шляпу, которая вѣчно у него была измятая, дырявая, съ оторванными полями,— все вѣшалъ на крюкъ, все дѣлалъ тихо, неслышно; потомъ садился гдѣ-нибудь осторожно на стулъ и съ сына глазъ не спускалъ, всѣ движенія его ловилъ, желая угадать расположеніе духа своего Петиньки. Если сынъ чуть-чуть былъ не въ духѣ, и старикъ примѣчалъ это, то тотчасъ приподымался съ мѣста и объяснялъ, „что, дескать, я такъ, Петинька, я на минутку. Я, вотъ, далеко ходилъ, проходилъ мимо и отдохнуть зашелъ“. И потомъ безмолвно, покорно бралъ свою шинельку, шляпенку, опять потихоньку отворялъ дверь и уходилъ, улыбаясь черезъ силу, чтобы удержать въ душѣ накипѣвшее горе и не выказать его сыну.

Но когда сынъ приметъ, бывало, отца хорошо, то старикъ себя не слышитъ отъ радости. Удовольствіе проглядывало въ его лицѣ, въ его жестахъ, въ его движеніяхъ. Если сынъ съ нимъ заговаривалъ, то старикъ всегда приподымался немного со стула, и отвѣчалъ тихо, подобострастно, почти съ благоговѣніемъ, и всегда стараясь употреблять отборнѣйшія, то есть самыя смѣшныя выраженія. Но даръ слова ему не давался: всегда смѣшается и сробѣетъ, такъ что не знаетъ куда руки дѣвать, куда себя дѣвать, и послѣ еще долго про себя отвѣтъ шепчетъ, какъ бы желая поправиться. Если же удавалось

отвѣчать хорошо, то старикъ охорашивался, оправлялъ на себѣ жилетку, галстукъ, фракъ и принималъ видъ собственнаго достоинства. А, бывало, до того ободрялся, до того простиралъ свою смѣлость, что тихонько вставалъ со стула, подходилъ къ полкѣ съ книгами, бралъ какую-нибудь книжку, и даже тутъ же прочитывалъ что-нибудь, какая бы ни была книга. Все это онъ дѣлалъ съ видомъ притворнаго равнодушія и хладнокровія, какъ будто бы онъ и всегда могъ такъ хозяйничать съ сыновними книгами, какъ будто ему и не въ диковину ласка сына. Но мнѣ разъ случилось видѣть, какъ бѣднякъ испугался, когда Покровскій просилъ его не трогать книгъ. Онъ смѣшался, заторопился, поставилъ книгу вверхъ ногами, потомъ хотѣлъ поправиться, перевернулъ и поставилъ обрѣзомъ наружу, улыбался, краснѣлъ, и не зналъ, чѣмъ загладить свое преступленіе. Покровскій своими совѣтами отучалъ понемногу старика отъ дурныхъ наклонностей, и какъ только видѣлъ его раза три сряду въ трезвомъ видѣ, то при первомъ посѣщеніи давалъ ему на прощаньи по четвертачку, по полтинничку или больше. Иногда покупалъ ему сапоги, галстукъ или жилетку. Зато старикъ въ своей обновѣ былъ гордъ какъ пѣтухъ. Иногда онъ заходилъ къ намъ. Приносилъ мнѣ и Сашѣ пряничныхъ пѣтушковъ, яблоковъ, и все, бывало, толкуетъ съ нами о Петинькѣ. Просилъ насъ учиться внимательно, слушаться, говорилъ, что Петинька добрый сынъ, примѣрный сынъ, и вдобавокъ ученый сынъ. Тутъ онъ такъ, бывало, смѣшно намъ подмигивалъ лѣвымъ глазкомъ, такъ забавно кривлялся, что мы не могли удержаться отъ смѣха и хохотали надъ нимъ отъ души. Маменька его очень любила. Но старикъ ненавидѣлъ Анну Ѳедоровну, хотя былъ предъ нею тише воды, ниже травы.

Скоро я перестала учиться у Покровскаго. Меня онъ попрежнему считалъ ребенкомъ, рѣзвой дѣвочкой, на одномъ ряду съ Сашей. Мнѣ было это очень больно, потому что я всѣми силами старалась загладить мое прежнее поведеніе. Но меня не замѣчали. Это раздражало меня болѣе и болѣе. Я никогда почти не говорила съ Покровскимъ внѣ классовъ, да и не могла говорить. Я краснѣла, мѣшалась, и потомъ гдѣ-нибудь въ уголку плакала отъ досады.

Я не знаю, чѣмъ бы это все кончилось, если-бъ сближенію нашему не помогло одно странное обстоятельство. Однажды вечеромъ, когда матушка сидѣла у Анны Ѳе-

доровны, я тихонько вошла въ комнату Покровскаго. Я знала, что его не было дома, и, право, не знаю отчего, мнѣ вздумалось войти къ нему. До сихъ поръ я никогда не заглядывала къ нему, хотя мы прожили рядомъ уже слишкомъ годъ. Въ этотъ разъ сердце у меня билось такъ сильно, такъ сильно, что, казалось, изъ груди хотѣло выпрыгнуть. Я осмотрѣлась кругомъ съ какимъ-то особеннымъ любопытствомъ. Комната Покровскаго была весьма бѣдно убрана; порядка было мало. На столѣ и на стульяхъ лежали бумаги. Книги да бумаги! Меня посѣтила странная мысль, и вмѣстѣ съ тѣмъ какое-то непріятное чувство досады овладѣло мною. Мнѣ казалось, что моей дружбы, моего любящаго сердца было мало ему. Онъ былъ ученъ, а я была глупа и ничего не знала, ничего не читала, ни одной книги... Тутъ я завистливо поглядѣла на длинныя полки, которыя ломились подъ книгами. Мною овладѣла досада, тоска, какое-то бѣшенство. Мнѣ захотѣлось, и я тутъ же рѣшилась прочесть его книги, всѣ до одной, и какъ можно скорѣе. Не знаю, можетъ-быть, я думала, что, научившись всему, что онъ зналъ, буду достойнѣе его дружбы. Я бросилась къ первой полкѣ; не думая, не останавливаясь, схватила въ руки первый попавшійся запыленный, старый томъ, и, краснѣя, блѣднѣя, дрожа отъ волненія и страха, утащила къ себѣ краденую книгу, рѣшившись прочесть ее ночью, у ночника, когда заснетъ матушка.

Но какъ же мнѣ стало досадно, когда я, придя въ нашу комнату, торопливо развернула книгу и увидала какое-то старое, полусгнившее, все изъѣденное червями, латинское сочиненіе. Я воротилась, не теряя времени. Только что я хотѣла поставить книгу на полку, послышался шумъ въ коридорѣ и чьи-то близкіе шаги. Я заспѣшила, заторопилась, но несносная книга была такъ плотно поставлена въ рядъ, что когда я вынула одну, всѣ остальныя раздались сами собою, и сплотились такъ, что теперь для прежняго ихъ товарища не оставалось болѣе мѣста. Втиснуть книгу у меня недоставало силъ. Однакожъ, я толкнула книги какъ только могла сильнѣе. Ржавый гвоздь, на которомъ крѣпилась полка, и который, кажется, нарочно ждалъ этой минуты, чтобъ сломаться — сломался. Полка полетѣла однимъ концомъ внизъ. Книги съ шумомъ посыпалась на полъ. Дверь отворилась и Покровскій вошелъ въ комнату.

Нужно замѣтить, что онъ терпѣть не могъ, когда кто-

нибудь хозяйничалъ въ его владѣніяхъ. Бѣда тому, кто дотрогивался до книгъ его! Судите же о моемъ ужасѣ, когда книги, маленькія, большія, всевозможныхъ форматовъ, всевозможной величины и толщины, ринулись съ полки, полетѣли, запрыгали подъ столомъ, подъ стульями, по всей комнатѣ. Я было хотѣла бѣжать, но было поздно.— Кончено, думаю, кончено! Я пропала, погибла! Я балую, рѣзвлюсь какъ десятилѣтній ребенокъ; я глупая дѣвчонка! Я большая дура!—Покровскій разсердился ужасно.—„Ну, вотъ этого недоставало еще! закричалъ онъ. — Ну, не стыдно-ли вамъ такъ шалить!.. Умейтесь-ли вы когда-нибудь?“ и самъ бросился подбирать книги. Я было нагнулась помогать ему. — „Не нужно, не нужно, закричалъ онъ. — Лучше бы вы сдѣлали, если-бъ не ходили туда, куда васъ не просятъ“.—Но, впрочемъ, немного смягченный моимъ покорнымъ движеніемъ, онъ продолжалъ уже тише, въ недавнемъ, наставническомъ тонѣ, пользуясь недавнимъ правомъ учителя:—„Ну, когда вы остепенитесь, когда вы одумаетесь? Вѣдь, вы на себя посмотрите, вѣдь, ужъ вы не ребенокъ, не маленькая дѣвочка, вѣдь, вамъ уже пятнадцать лѣтъ!“ — И тутъ, вѣроятно, желая повѣрить, справедливо-ли то, что я ужъ не маленькая, онъ взглянулъ на меня и покраснѣлъ до ушей. Я не понимала; я стояла передъ нимъ и смотрѣла на него во всѣ глаза въ изумленіи. Онъ привсталъ, подошелъ съ смущеннымъ видомъ ко мнѣ, смѣшался ужасно, что-то заговорилъ, кажется, въ чемъ-то извинялся, можетъ-быть, въ томъ, что только теперь замѣтилъ, что я такая большая дѣвушка. Наконецъ, я поняла. Я не помню, что со мной тогда сталось;—я смѣшалась, потерялась, покраснѣла еще больше Покровскаго, закрыла лицо руками и выбѣжала изъ комнаты.

Я не знала, что мнѣ оставалось дѣлать, куда было дѣваться отъ стыда. Одно то, что онъ засталъ меня въ своей комнатѣ! Цѣлыхъ три дня я на него взглянуть не могла. Я краснѣла до слезъ. Мысли самыя страшныя, мысли смѣшныя вертѣлись въ головѣ моей. Одна изъ нихъ, самая сумасбродная, была та, что я хотѣла идти къ нему, объясниться съ нимъ, признаться ему во всемъ, откровенно разсказать ему все, и увѣрить его, что я поступила не какъ глупая дѣвочка, но съ добрымъ намѣреніемъ. Я было и совсѣмъ рѣшилась идти, но, слава Богу, смѣлости недостало. Воображаю, что бы я надѣлала! Мнѣ и теперь обо всемъ этомъ вспоминать совѣстно.

CZYTELNIA „KULTURA“ Warszawa, Sienkiewicza 11

Нѣсколько дней спустя, матушка вдругъ сдѣлалась опасно больна. Она уже два дня не вставала съ постели и на третью ночь была въ жару и въ бреду. Я уже не спала одну ночь, ухаживая за матушкой, сидѣла у ея кровати, подносила ей питье и давала въ опредѣленные часы лѣкарства. На вторую ночь я измучилась совершенно. По временамъ меня клонилъ сонъ, въ глазахъ зеленѣло, голова шла кругомъ, и я каждую минуту готова была упасть отъ утомленія, но слабые стоны матери пробуждали меня, я вздрагивала, просыпалась на мгновеніе, а потомъ дремота опять одолѣвала меня. Я мучилась. Я не знаю, я не могу припомнить себѣ—но какой-то страшный сонъ, какое-то ужасное видѣніе посѣтило мою разстроенную голову въ томительную минуту борьбы сна съ бдѣніемъ. Я проснулась въ ужасѣ. Въ комнатѣ было темно, ночникъ погасалъ, полосы свѣта то вдругъ обливали всю комнату, то чуть-чуть мелькали по стѣнѣ, то исчезали совсѣмъ. Мнѣ стало отчего-то страшно, какой-то ужасъ напалъ на меня; воображеніе мое взволновано было ужаснымъ сномъ; тоска сдавила мое сердце... Я вскочила со стула и невольно вскрикнула отъ какого-то мучительнаго страшнотягостнаго чувства. Въ это время отворилась дверь, и Покровскій вошелъ къ намъ въ комнату.

Я помню только то, что я очнулась на его рукахъ. Онъ бережно посадилъ меня въ кресла, подалъ мнѣ стаканъ воды и засыпалъ вопросами. Не помню, что я ему отвѣчала.—„Вы больны, вы сами очень больны, сказалъ онъ, взявъ меня за руку: — у васъ жаръ, вы себя губите, вы своего здоровья не щадите; успокойтесь, лягте, засните. Я васъ разбужу черезъ два часа, успокойтесь немного... Ложитесь же, ложитесь!“ продолжалъ онъ, не давая мнѣ выговорить ни одного слова въ возраженіе. Усталость отняла у меня послѣднія силы; глаза мои закрывались отъ слабости. Я прилегла въ кресла, рѣшившись заснуть только на полчаса, и проспала до утра. Покровскій разбудилъ меня только тогда, когда пришло время давать матушкѣ лѣкарство.

На другой день, когда я, отдохнувъ немного днемъ, приготовилась опять сидѣть въ креслахъ у постели матушки, твердо рѣшившись въ этотъ разъ не засыпать, Покровскій часовъ въ одиннадцать постучался въ нашу комнату. Я отворила. „Вамъ скучно сидѣть одной, сказалъ онъ мнѣ; — вотъ вамъ книга; возьмите; все не такъ скучно будетъ“. Я взяла; я не помню, какая это была

книга; врядъ-ли я тогда въ нее заглянула, хоть всю ночь не спала. Странное внутреннее волненіе не давало мнѣ спать; я не могла оставаться на одномъ мѣстѣ; нѣсколько разъ вставала съ креселъ и начинала ходить по комнатѣ. Какое-то внутреннее довольство разливалось по всему существу моему. Я такъ была рада вниманію Покровскаго. Я гордилась безпокойствомъ и заботами его обо мнѣ. Я продумала и промечтала всю ночь. Покровскій не заходилъ болѣе; и я знала, что онъ не придетъ, и загадывала о будущемъ вечерѣ.

Въ слѣдующій вечеръ, когда въ домѣ ужъ всѣ улеглись, Покровскій отворилъ свою дверь и началъ со мной разговаривать, стоя у порога своей комнаты. Я не помню теперь ни одного слова изъ того, что мы сказали тогда другъ другу; помню только, что я робѣла, мѣшалась, досадовала на себя, и съ нетерпѣніемъ ожидала окончанія разговора, хотя сама всѣми силами желала его, цѣлый день мечтала о немъ и сочиняла мои вопросы и отвѣты... Съ этого вечера началась первая завязка нашей дружбы. Во все продолженіе болѣзни матушки, мы каждую ночь по нѣскольку часовъ проводили вмѣстѣ. Я мало-по-малу побѣдила свою застѣнчивость, хотя, послѣ каждаго разговора нашего, все еще было за что на себя подосадовать. Впрочемъ, я съ тайною радостью и съ гордымъ удовольствіемъ видѣла, что онъ изъ-за меня забывалъ свои несносныя книги. Случайно, въ шутку, разговоръ зашелъ разъ о паденіи ихъ съ полки. Минута была странная, я какъ-то *слишкомъ* была откровенна и чистосердечна; горячность, странная восторженность увлекли меня, и я призналась ему во всемъ... въ томъ, что мнѣ хотѣлось учиться, что-нибудь знать, что мнѣ досадно было, что меня считаютъ дѣвочкой, ребенкомъ... Повторяю, что я была въ престранномъ расположеніи духа; сердце мое было мягко, въ глазахъ стояли слезы, — я не утаила ничего, и разсказала все, все — про мою дружбу къ нему, про желаніе любить его, жить съ нимъ заодно сердцемъ, утѣшить его, успокоить его. Онъ посмотрѣлъ на меня какъ-то странно, съ замѣшательствомъ, съ изумленіемъ, и не сказалъ мнѣ ни слова. Мнѣ стало вдругъ ужасно больно, грустно. Мнѣ показалось, что онъ меня не понимаетъ, что онъ, можетъ-быть, надо мною смѣется. Я заплакала вдругъ, какъ дитя, зарыдала, сама себя удержать не могла; точно я была въ какомъ-то припадкѣ. Онъ схватилъ мои руки, цѣловалъ ихъ, прижималъ къ груди своей,

уговаривалъ, утѣшалъ меня; онъ былъ сильно тронутъ; не помню, что онъ мнѣ говорилъ, но только я и плакала, и смѣялась, и опять плакала, краснѣла, не могла слова вымолвить отъ радости. Впрочемъ, несмотря на волненіе мое, я замѣтила, что въ Покровскомъ все-таки оставалось какое-то смущеніе и принужденіе. Кажется, онъ не могъ надивиться моему увлеченію, моему восторгу, такой внезапной, горячей, пламенной дружбѣ. Можетъ-быть, ему было только любопытно сначала; впослѣдствіи нерѣшительность его исчезла, и онъ, съ такимъ же простымъ, прямымъ чувствомъ, какъ и я, принималъ мою привязанность къ нему, мои привѣтливыя слова, мое вниманіе, и отвѣчалъ на все это тѣмъ же вниманіемъ, такъ же дружелюбно и привѣтливо, какъ искренній другъ мой, какъ родной братъ мой. Моему сердцу было такъ тепло, такъ хорошо... Я не скрывалась, не таилась ни въ чемъ; онъ все это видѣлъ, и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе привязывался ко мнѣ.

И, право, не помню, о чемъ мы ни переговорили съ нимъ въ эти мучительные и вмѣстѣ сладкіе часы нашихъ свиданій, ночью, при дрожащемъ свѣтѣ лампадки, и почти у самой постели моей бѣдной больной матушки?.. Обо всемъ, что на умъ приходило, что съ сердца срывалось, что просилось высказаться,—и мы почти были счастливы... Охъ, это было и грустное, и радостное время, — все вмѣстѣ; и мнѣ и грустно, и радостно теперь вспоминать о немъ. Воспоминанія, радостныя-ли, горькія-ли, всегда мучительны; по крайней мѣрѣ, такъ у меня; но и мученіе это сладостно. И когда сердцу становится тяжело, больно, томительно, грустно, тогда воспоминанія свѣжатъ и живятъ его, какъ капли росы въ влажный вечеръ, послѣ жаркаго дня, свѣжатъ и живятъ бѣдный, чахлый цвѣтокъ, сгорѣвшій отъ зноя дневного.

Матушка выздоравливала, но я еще продолжала сидѣть по ночамъ у ея постели. Часто Покровскій давалъ мнѣ книги; я читала сначала чтобъ не заснуть, потомъ внимательнѣе, потомъ съ жадностію; передо мной внезапно открылось много новаго, доселѣ невѣдомаго, незнакомаго мнѣ. Новыя мысли, новыя впечатлѣнія разомъ, обильнымъ потокомъ прихлынули къ моему сердцу. И чѣмъ болѣе волненія, чѣмъ болѣе смущенія и труда стоилъ мнѣ пріемъ новыхъ впечатлѣній, тѣмъ милѣе они были мнѣ, тѣмъ сладостнѣе потрясали всю душу. Разомъ, вдругъ, втолпились они въ мое сердце, не давая ему отдохнуть. Ка-

кой-то странный хаосъ сталъ возмущать все существо мое. Но это духовное насиліе не могло и не въ силахъ было разстроить меня совершенно. Я была слишкомъ мечтательна, и это спасло меня.

Когда кончилась болѣзнь матушки, наши вечернія свиданія и длинные разговоры прекратились; намъ удавалось иногда мѣняться словами, часто пустыми и малозначащими, но мнѣ любо было давать всему свое значеніе, свою цѣну особую, подразумѣваемую. Жизнь моя была полна, я была счастлива, покойно, тихо счастлива. Такъ прошло нѣсколько недѣль...

Какъ-то разъ зашелъ къ намъ старикъ Покровскій. Онъ долго съ нами болталъ, былъ не по-обыкновенному веселъ, бодръ, разговорчивъ; смѣялся, острилъ по-своему, и, наконецъ, разрѣшилъ загадку своего восторга и объявилъ намъ, что ровно черезъ недѣлю будетъ день рожденія Петиньки, и что по сему случаю онъ непремѣнно придетъ къ сыну; что онъ надѣнетъ новую жилетку и что жена обѣщалась купить ему новые сапоги. Однимъ словомъ, старикъ былъ счастливъ вполнѣ и болталъ обо всемъ, что ему на умъ попадалось.

День его рожденія! Этотъ день рожденія не давалъ мнѣ покоя ни днемъ, ни ночью. Я непремѣнно рѣшилась напомнить о своей дружбѣ Покровскому и что-нибудь подарить ему. Но что? Наконецъ, я выдумала подарить ему книгъ. Я знала, что ему хотѣлось имѣть полное собраніе сочиненій Пушкина, въ послѣднемъ изданіи, и я рѣшила купить Пушкина. У меня своихъ собственныхъ денегъ было рублей тридцать, заработанныхъ рукодѣліемъ. Эти деньги были отложены у меня на новое платье. Тотчасъ я послала нашу кухарку, старуху Матрену, узнать, что стоитъ весь Пушкинъ. Бѣда! Цѣна всѣхъ одиннадцати книгъ, присовокупивъ сюда издержки на переплетъ, была, по крайней мѣрѣ, рублей шестьдесятъ. Гдѣ взять денегъ? Я думала-думала и не знала на что рѣшиться. У матушки просить не хотѣлось. Конечно, матушка мнѣ непремѣнно бы помогла; но тогда всѣ бы въ домѣ узнали о нашемъ подаркѣ; да къ тому же этотъ подарокъ обратился бы въ благодарность, въ плату за цѣлый годъ трудовъ Покровскаго. Мнѣ хотѣлось подарить одной, тихонько отъ всѣхъ. А за труды его со мною я хотѣла быть ему навсегда одолженною безъ какой бы то ни было уплаты, кромѣ дружбы моей.—Наконецъ, я выдумала какъ выйти изъ затрудненія.

Я знала, что у букинистовъ въ Гостиномъ Дворѣ можно купить книгу иногда въ полцѣны дешевле, если только поторговаться, часто мало-подержанную и почти совершенно новую. Я положила непремѣнно отправиться въ Гостиный Дворъ. Такъ и случилось; на завтра же встрѣтилась какая-то надобность и у насъ, и у Анны Ѳедоровны. Матушкѣ понездоровилось, Анна Ѳедоровна очень кстати полѣнилась, такъ что пришлось всѣ порученія возложить на меня, и я отправилась вмѣстѣ съ Матреной.

Къ моему счастію, я нашла весьма скоро Пушкина, и въ весьма красивомъ переплетѣ. Я начала торговаться. Сначала запросили дороже чѣмъ въ лавкахъ; но потомъ, впрочемъ, не безъ труда, уходя нѣсколько разъ, я довела купца до того, что онъ сбавилъ цѣну и ограничилъ свои требованія только десятью рублями серебромъ. Какъ мнѣ весело было торговаться!.. Бѣдная Матрена не понимала, что̀ со мной дѣлается, и зачѣмъ я вздумала покупать столько книгъ. Но, ужасъ! Весь мой капиталъ былъ въ тридцать рублей ассигнаціями, а купецъ никакъ не соглашался уступить дешевле. Наконецъ, я начала упрашивать, просила-просила его, наконецъ, упросила. Онъ уступилъ, но только два съ полтиною, и побожился, что и эту уступку онъ только ради меня дѣлаетъ, что я такая барышня хорошая, а что для другого кого онъ ни за что бы не уступилъ. Двухъ съ половиною рублей недоставало! Я готова была заплакать съ досады. Но самое неожиданное обстоятельство помогло мнѣ въ моемъ горѣ.

Недалеко отъ меня, у другого стола съ книгами, я увидала старика Покровскаго. Вокругъ него столпились четверо или пятеро букинистовъ; они его сбили съ послѣдняго толку, затормошили совсѣмъ. Всякій изъ нихъ предлагалъ ему свой товаръ, и чего-чего ни предлагали они ему, и чего-чего ни хотѣлъ онъ купить! Бѣдный старикъ стоялъ посреди ихъ какъ будто забитый какой-нибудь, и не зналъ, за что взяться изъ того, что̀ ему предлагали. Я подошла къ нему и спросила, что онъ здѣсь дѣлаетъ? Старикъ мнѣ очень обрадовался; онъ любилъ меня безъ памяти, можетъ-быть, не менѣе Петиньки.—„Да вотъ книжки покупаю, Варвара Алексѣевна, отвѣчалъ онъ мнѣ, — Петинькѣ покупаю книжки. Вотъ его день рожденія скоро будетъ, а онъ любитъ книжки, такъ вотъ я и покупаю ихъ для него“...—Старикъ и всегда смѣшно изъяснялся, а теперь вдобавокъ былъ въ ужаснѣйшемъ замѣшательствѣ. Къ чему ни прицѣнится, все рубль серебромъ, два рубля,

три рубля серебромъ; ужъ онъ къ большимъ книгамъ и не прицѣнивался, а такъ только завистливо на нихъ посматривалъ, перебиралъ пальцами листочки, вертѣлъ въ рукахъ и опять ихъ ставилъ на мѣсто. „Нѣтъ, нѣтъ, это дорого, говорилъ онъ вполголоса,—а вотъ развѣ отсюдова что-нибудь“—и тутъ онъ начиналъ перебирать тоненькія тетрадки, пѣсенники, альманахи; это все было очень дешево.—Да зачѣмъ вы это все покупаете, спросила я его,—это все ужасные пустяки.—„Ахъ, нѣтъ, отвѣчалъ онъ,—нѣтъ, вы посмотрите только, какія здѣсь есть хорошія книжки; очень-очень хорошія есть книжки!“—И послѣднія слова онъ такъ жалобно протянулъ нараспѣвъ, что мнѣ показалось, что онъ заплакать готовъ отъ досады, зачѣмъ книжки хорошія дороги, и что вотъ сейчасъ капнетъ слезинка съ его блѣдныхъ щекъ на красный носъ. Я спросила, много-ли у него денегъ?—„Да вотъ“—тутъ бѣдненькій вынулъ всѣ свои деньги, завернутыя въ засаленную газетную бумажку—„вотъ полтинничекъ, двугривенничекъ, мѣди копѣекъ двадцать“. Я его тотчасъ потащила къ моему букинисту.—„Вотъ цѣлыхъ одиннадцать книгъ стоитъ всего-то тридцать два рубля съ полтиною; у меня есть тридцать; приложите два съ полтиною, и мы купимъ всѣ эти книги и подаримъ вмѣстѣ“. Старикъ обезумѣлъ отъ радости, высыпалъ всѣ свои деньги, и букинистъ навьючилъ на него всю нашу общую библіотеку. Мой старичокъ наложилъ книгъ во всѣ карманы, набралъ въ обѣ руки, подъ мышки, и унесъ все къ себѣ, давъ мнѣ слово принести всѣ книги на другой день тихонько ко мнѣ.

На другой день старикъ пришелъ къ сыну, съ часочекъ посидѣлъ у него по обыкновенію, потомъ зашелъ къ намъ и подсѣлъ ко мнѣ съ прекомическимъ таинственнымъ видомъ. Сначала съ улыбкой, потирая руки отъ гордаго удовольствія владѣть какой-нибудь тайной, онъ объявилъ мнѣ, что книжки всѣ пренезамѣтно перенесены къ намъ и стоятъ въ уголку, въ кухнѣ, подъ покровительствомъ Матрены. Потомъ разговоръ естественно перешелъ на ожидаемый праздникъ; потомъ старикъ распространился о томъ, какъ мы будемъ дарить, и чѣмъ далѣе углублялся онъ въ свой предметъ, чѣмъ болѣе о немъ говорилъ, тѣмъ примѣтнѣе мнѣ становилось, что у него есть что-то на душѣ, о чемъ онъ не можетъ, не смѣетъ, даже боится выразиться. Я все ждала и молчала. Тайная радость, тайное удовольствіе, что я легко читала доселѣ въ его странныхъ

ухваткахъ, гримасничаньи, подмигиваньи лѣвымъ глазкомъ, исчезли. Онъ дѣлался поминутно все безпокойнѣе и тоскливѣе; наконецъ, онъ не выдержалъ.

— Послушайте, началъ онъ робко вполголоса:—послушайте, Варвара Алексѣевна... знаете-ли что, Варвара Алексѣевна?..—Старикъ былъ въ ужасномъ замѣшательствѣ.—Видите: вы, какъ придетъ день его рожденія, возьмите десять книжекъ и подарите ихъ ему сами, то-есть отъ себя, съ своей стороны; я же возьму тогда одну одиннадцатую и ужъ тоже подарю отъ себя, то-есть собственно съ своей стороны. Такъ вотъ видите-ли—и у васъ будетъ что-нибудь подарить, и у меня будетъ что-нибудь подарить; у насъ обоихъ будетъ что-нибудь подарить. Тутъ старикъ смѣшался и замолчалъ. Я взглянула на него; онъ съ робкимъ ожиданіемъ ожидалъ моего приговора.—„Да зачѣмъ же вы хотите, чтобъ мы не вмѣстѣ дарили, Захаръ Петровичъ?“—Да такъ, Варвара Алексѣевна, ужъ это такъ...—я вѣдь, оно того...—однимъ словомъ, старикъ замѣшался, покраснѣлъ, завязъ въ своей фразѣ и не могъ сдвинуться съ мѣста.

— Видите-ли, объяснилъ онъ, наконецъ.—Я, Варвара Алексѣевна, балуюсь подчасъ... то-есть я хочу доложить вамъ, что я почти и все балуюсь и всегда балуюсь... придерживаюсь того, что нехорошо... то-есть, знаете, этакъ на дворѣ такіе холода бываютъ, также иногда непріятности бываютъ разныя, или тамъ какъ-нибудь грустно сдѣлается; или что-нибудь изъ нехорошаго случится, такъ и не удержусь подчасъ, и забалуюсь, и выпью иногда лишнее. Петрушѣ это очень непріятно. Онъ, вотъ видите-ли, Варвара Алексѣевна, сердится, бранитъ меня и мнѣ морали разныя читаетъ. Такъ вотъ бы мнѣ и хотѣлось теперь самому доказать ему подаркомъ моимъ, что я исправлюсь и начинаю вести себя хорошо. Что вотъ я копилъ, чтобы книжку купить, долго копилъ, потому что у меня и денегъ-то почти никогда не бываетъ, развѣ случится, Петруша кое-когда дастъ. Онъ это знаетъ. Слѣдовательно, вотъ онъ увидитъ употребленіе денегъ моихъ, и узнаетъ, что все это я для него одного дѣлаю.

Мнѣ стало ужасно жаль старика. Я думала недолго. Старикъ смотрѣлъ на меня съ безпокойствомъ. „Да слушайте, Захаръ Петровичъ, сказала я:—вы подарите ихъ ему всѣ“.—„Какъ всѣ? То есть книжки всѣ?“—„Ну да, книжки всѣ“.—„И отъ себя?“—„Отъ себя“.—„Отъ одного себя? То-есть, отъ своего имени?“—„Ну, да, отъ своего

имени"... Я, кажется, очень ясно толковала, но старикъ очень долго не могъ понять меня.

— Ну да, говорилъ онъ,—задумавшись, да! Это будетъ очень хорошо, это было бы весьма хорошо, только вы-то какъ же, Варвара Алексѣевна?—„Ну, да я ничего не подарю".—Какъ! закричалъ старикъ, почти испугавшись;—такъ вы ничего Петинькѣ не подарите, такъ вы ему ничего дарить не хотите? Старикъ испугался; въ эту минуту онъ, кажется, готовъ былъ отказаться отъ своего предложенія, затѣмъ, чтобы и я могла чѣмъ-нибудь подарить его сына. Добрякъ былъ этотъ старикъ! Я увѣрила его, что я бы рада была подарить что-нибудь, да только у него не хочу отнимать удовольствія.—„Если сынъ вашъ будетъ доволенъ, прибавила я,—и вы будете рады, то и я буду рада, потому что втайнѣ-то, въ сердцѣ-то моемъ, буду чувствовать, какъ будто и на самомъ дѣлѣ я подарила". Этимъ старикъ совершенно успокоился. Онъ пробылъ у насъ еще два часа, но все это время на мѣстѣ не могъ усидѣть, вставалъ, возился, шумѣлъ, шалилъ съ Сашей, цѣловалъ меня украдкой, щипалъ меня за руку и дѣлалъ тихонько гримасы Аннѣ Ѳедоровнѣ. Анна Ѳедоровна прогнала его, наконецъ, изъ дома. Однимъ словомъ, старикъ отъ восторга такъ расходился, какъ, можетъ-быть, никогда еще не бывало съ нимъ.

Въ торжественный день онъ явился ровно въ одиннадцать часовъ, прямо отъ обѣдни, во фракѣ, прилично заштопанномъ, и дѣйствительно въ новомъ жилетѣ и въ новыхъ сапогахъ. Въ обѣихъ рукахъ было у него по связкѣ книгъ. Мы всѣ сидѣли тогда въ залѣ у Анны Ѳедоровны и пили кофе (было воскресенье). Старикъ началъ, кажется, съ того, что Пушкинъ былъ весьма хорошій стихотворецъ; потомъ, сбиваясь и мѣшаясь, перешелъ вдругъ на то, что нужно вести себя хорошо, и что, если человѣкъ не ведетъ себя хорошо, то значитъ, что онъ балуется; что дурныя наклонности губятъ и уничтожаютъ человѣка; исчислялъ даже нѣсколько пагубныхъ примѣровъ невоздержанія и заключилъ тѣмъ, что онъ съ нѣкотораго времени совершенно исправился, и что теперь ведетъ себя примѣрно, хорошо. Что онъ и прежде чувствовалъ справедливость сыновнихъ наставленій, что онъ все это давно чувствовалъ и все на сердцѣ слагалъ, но теперь и на дѣлѣ сталъ удерживаться. Въ доказательство чего даритъ книги, на скопленныя имъ, въ продолженіе долгаго времени, деньги.

Я не могла удержаться отъ слезъ и смѣха, слушая

бѣднаго старика; вѣдь умѣлъ же налгать, когда нужда пришла! Книги были перенесены въ комнату Покровскаго и поставлены на полку. Покровскій тотчасъ угадалъ истину. Старика пригласили обѣдать. Этотъ день мы всѣ были такъ веселы. Послѣ обѣда играли въ фанты, въ карты; Саша рѣзвилась, я отъ нея не отставала. Покровскій былъ ко мнѣ внимателенъ и все искалъ случая поговорить со мною наединѣ, но я не давалась. Это былъ лучшій день въ цѣлые четыре года моей жизни.

А теперь все пойдутъ грустныя, тяжелыя воспоминанія, начнется повѣсть о моихъ черныхъ дняхъ. Вотъ отчего, можетъ-быть, перо мое начинаетъ двигаться медленнѣе и какъ будто отказывается писать далѣе. Вотъ отчего, можетъ-быть, я съ такимъ увлеченіемъ и съ такою любовью переходила въ памяти моей малѣйшія подробности моего маленькаго житья-бытья въ счастливые дни мои. Эти дни были такъ недолги; ихъ смѣнило горе, черное горе, которое Богъ одинъ знаетъ, когда кончится.

Несчастія мои начались болѣзнію и смертію Покровскаго. Онъ заболѣлъ два мѣсяца спустя послѣ послѣднихъ происшествій, мною здѣсь описанныхъ. Въ эти два мѣсяца онъ неутомимо хлопоталъ о способахъ жизни, ибо до сихъ поръ онъ еще не имѣлъ опредѣленнаго положенія. Какъ и всѣ чахоточные, онъ не разставался, до послѣдней минуты своей, съ надеждою жить очень долго. Ему выходило куда-то мѣсто въ учителя; но къ этому ремеслу онъ имѣлъ отвращеніе. Служить гдѣ-нибудь въ казенномъ мѣстѣ онъ не могъ за нездоровьемъ. Къ тому же долго бы нужно было ждать перваго окладка жалованья. Короче, Покровскій видѣлъ вездѣ только однѣ неудачи; характеръ его портился. Здоровье его разстраивалось, онъ этого не примѣчалъ. Подступила осень. Каждый день выходилъ онъ въ своей легкой шинелькѣ хлопотать по своимъ дѣламъ, просить и вымаливать себѣ гдѣ-нибудь мѣста,—что его внутренно мучило; промачивалъ ноги, мокъ подъ дождемъ, и, наконецъ, слегъ въ постель, съ которой не вставалъ уже болѣе... Онъ умеръ въ глубокую осень, въ концѣ октября мѣсяца.

Я почти не оставляла его комнаты во все продолженіе его болѣзни, ухаживала за нимъ и прислуживала ему. Часто не спала цѣлыя ночи. Онъ рѣдко былъ въ памяти, часто былъ въ бреду; говорилъ Богъ знаетъ о чемъ, о своемъ мѣстѣ, о своихъ книгахъ, обо мнѣ, объ отцѣ... и тутъ-то я услышала многое изъ его обстоятельствъ, чего

прежде не знала и о чемъ даже не догадывалась. Въ первое время болѣзни его всѣ наши смотрѣли на меня какъ-то странно; Анна Ѳедоровна качала головою. Но я посмотрѣла всѣмъ прямо въ глаза и за участіе мое къ Покровскому меня не стали осуждать болѣе,—по крайней мѣрѣ, матушка.

Иногда Покровскій узнавалъ меня, но это было рѣдко. Онъ былъ почти все время въ безпамятствѣ. Иногда по цѣлымъ ночамъ онъ говорилъ съ кѣмъ-то долго-долго, неясными, темными словами, и хриплый голосъ его глухо отдавался въ тѣсной его комнатѣ, словно въ гробу; мнѣ тогда становилось страшно. Особенно въ послѣднюю ночь онъ былъ какъ изступленный; онъ ужасно страдалъ, тосковалъ; стоны его терзали мою душу. Всѣ въ домѣ были въ какомъ-то испугѣ. Анна Ѳедоровна все молилась, чтобъ Богъ его прибралъ поскорѣе. Призвали доктора. Докторъ сказалъ, что больной умретъ къ утру непремѣнно.

Старикъ Покровскій цѣлую ночь провелъ въ коридорѣ, у самой двери въ комнату сына; тутъ ему постлали какую-то рогожку. Онъ поминутно входилъ въ комнату; на него страшно было смотрѣть. Онъ былъ такъ убитъ горемъ, что казался совершенно безчувственнымъ и безсмысленнымъ. Голова его тряслась отъ страха. Онъ самъ весь дрожалъ, и все что-то шепталъ про себя, о чемъ-то разсуждалъ самъ съ собою. Мнѣ казалось, что онъ съ ума сойдетъ съ горя.

Передъ разсвѣтомъ, старикъ, усталый отъ душевной боли, заснулъ на своей рогожкѣ какъ убитый. Въ восьмомъ часу сынъ сталъ умирать, я разбудила отца. Покровскій былъ въ полной памяти и простился со всѣми нами. Чудно! Я не могла плакать, но душа моя разрывалась на части.

Но всего болѣе истерзали и измучили меня его послѣднія мгновенія. Онъ чего-то все просилъ долго-долго, коснѣющимъ языкомъ своимъ, а я ничего не могла разобрать изъ словъ его. Сердце мое надрывалось отъ боли! Цѣлый часъ онъ былъ безпокоенъ, объ чемъ-то все тосковалъ, силился сдѣлать какой-то знакъ охолодѣлыми руками своими, и потомъ опять началъ просить жалобно, хриплымъ, глухимъ голосомъ; но слова его были одни безсвязные звуки, и я опять ничего понять не могла. Я подводила ему всѣхъ нашихъ, давала ему пить, но онъ все грустно качалъ головою. Наконецъ, я поняла, чего онъ хотѣлъ. Онъ просилъ поднять занавѣсъ у окна и от-

крыть ставни. Ему вѣрно хотѣлось взглянуть въ послѣдній разъ на день, на свѣтъ Божій, на солнце. Я отдернула занавѣсь, но начинающійся день былъ печальный и грустный, какъ угасающая бѣдная жизнь умирающаго. Солнца не было. Облака застилали небо туманною пеленою; оно было такое дождливое, хмурое, грустное. Мелкій дождь дробилъ въ стекла и омывалъ ихъ струями холодной, грязной воды; было тускло и темно. Въ комнату чуть-чуть проходили лучи блѣднаго дня и едва оспаривали дрожащій свѣтъ лампадки, затепленной передъ образомъ. Умирающій взглянулъ на меня грустно-грустно и покачалъ головою. Черезъ минуту онъ умеръ.

Похоронами распорядилась сама Анна Ѳедоровна. Купили гробъ простой-простой, и наняли ломового извозчика. Въ обезпеченіе издержекъ, Анна Ѳедоровна захватила всѣ книги и всѣ вещи покойнаго. Старикъ съ ней спорилъ, шумѣлъ, отнялъ у ней книгъ сколько могъ, набилъ ими всѣ свои карманы, наложилъ ихъ въ шляпу, куда могъ, носился съ ними всѣ три дня, и даже не разстался съ ними и тогда, когда нужно было идти въ церковь. Всѣ эти дни онъ былъ какъ безпамятный, какъ одурѣлый, и съ какою-то странною заботливостью все хлопоталъ около гроба; то оправлялъ вѣнчикъ на покойникѣ, то зажигалъ и снималъ свѣчи. Видно было, что мысли его ни на чемъ не могли остановиться порядкомъ. Ни матушка, ни Анна Ѳедоровна не были въ церкви на отпѣваніи. Матушка была больна, а Анна Ѳедоровна совсѣмъ было ужъ собралась, да поссорилась со старикомъ Покровскимъ, и осталась. Была только одна я, да старикъ. Во время службы на меня напалъ какой-то страхъ — словно предчувствіе будущаго. Я едва могла выстоять въ церкви.— Наконецъ, гробъ закрыли, заколотили, поставили на телѣгу и повезли. Я проводила его только до конца улицы. Извозчикъ поѣхалъ рысью. Старикъ бѣжалъ за нимъ и громко плакалъ, плачъ его дрожалъ и прерывался отъ бѣга. Бѣдный потерялъ свою шляпу и не остановился поднять ее. Голова его мокла отъ дождя, поднимался вѣтеръ; изморозь сѣкла и колола лицо. Старикъ, кажется, не чувствовалъ непогоды и съ плачемъ перебѣгалъ съ одной стороны телѣги на другую. Полы его ветхаго сюртука развѣвались по вѣтру, какъ крылья. Изъ всѣхъ кармановъ торчали книги, въ рукахъ его была какая-то огромная книга, за которую онъ крѣпко держался. Прохожіе снимали шапки и крестились. Иные останавливались и

дивились на бѣднаго старика. Книги поминутно падали у него изъ кармановъ въ грязь. Его останавливали, показывали ему на потерю, онъ поднималъ и опять пускался въ догонку за гробомъ. На углу улицы увязалась съ нимъ вмѣстѣ провожать гробъ какая-то нищая-старуха. Телѣга поворотила, наконецъ, за уголъ и скрылась отъ глазъ моихъ. Я пошла домой. Я бросилась въ страшной тоскѣ на грудь матушки. Я сжимала ее крѣпко-крѣпко въ рукахъ своихъ, цѣловала ее и навзрыдъ плакала, боязливо прижимаясь къ ней, какъ бы стараясь удержать въ своихъ объятіяхъ послѣдняго друга моего и не отдавать его смерти... Но смерть уже стояла надъ бѣдной матушкой . . . . . .

. . . . . .

Іюня 11.

Какъ я благодарна вамъ за вчерашнюю прогулку на острова, Макаръ Алексѣевичъ! Какъ тамъ свѣжо, хорошо, какая тамъ зелень! — Я такъ давно не видала зелени,— когда я была больна, мнѣ все казалось, что я умереть должна и что умру непремѣнно,—судите же, что̀ я должна была вчера ощущать, какъ чувствовать! — Вы не сердитесь на меня за то, что я была вчера такая грустная; мнѣ было очень хорошо, очень легко, но въ самыя лучшія минуты мои мнѣ всегда отчего-то грустно. А что я плакала, такъ это пустяки, я и сама не знаю, отчего я все плачу. Я больно, раздражительно чувствую; впечатлѣнія мои болѣзненны. Безоблачное блѣдное небо, закатъ солнца, вечернее затишье,—все это,—я ужъ не знаю,— но я какъ-то настроена была вчера принимать всѣ впечатлѣнія тяжело и мучительно, такъ что сердце переполнялось и душа просила слезъ. Но зачѣмъ я вамъ все это пишу? Все это трудно сердцу сказывается, а пересказывать еще труднѣе. Но вы меня, можетъ быть, и поймете. — И грусть, и смѣхъ! Какой вы, право, добрый, Макаръ Алексѣевичъ! Вчера вы такъ и смотрѣли мнѣ въ глаза, чтобъ прочитать въ нихъ то, что̀ я чувствую, и восхищались восторгомъ моимъ. Кусточекъ-ли, аллея, полоса воды — ужъ вы тутъ, такъ и стоите передо мной, охорашиваясь, и все въ глаза мнѣ заглядываете, точно вы мнѣ свои владѣнія показывали. Это доказываетъ, что у васъ доброе сердце, Макаръ Алексѣевичъ. За это-то я васъ и люблю. Ну, прощайте. Я сегодня опять больна: вчера

я ноги промочила и оттого простудилась; Ѳедора тоже чѣмъ-то больна, такъ что мы обѣ теперь хворыя. Не забывайте меня, заходите почаще.

Ваша

В. Д.

Іюня 12.

Голубчикъ мой, Варвара Алексѣевна!

А я-то думалъ, мамочка, что вы мнѣ все вчерашнее настоящими стихами опишите, а у васъ и всего-то вышелъ одинъ простой листикъ. Я къ тому говорю, что вы хотя и мало мнѣ въ листкѣ вашемъ написали, но за то необыкновенно хорошо и сладко описали. И природа, и разныя картины сельскія, и все остальное про чувства— однимъ словомъ, все это вы очень хорошо описали. А вотъ у меня такъ нѣтъ таланту. Хоть десять страницъ намарай, никакъ ничего не выходитъ, ничего не опишешь. Я ужъ пробовалъ. — Пишете вы мнѣ, родная моя, что я человѣкъ добрый, незлобивый, ко вреду ближняго неспособный, и благость Господню, въ природѣ являемую, разумѣющій, и разныя, наконецъ, похвалы воздаете мнѣ. Все это правда, маточка, все это совершенная правда; я и дѣйствительно таковъ, какъ вы говорите, и самъ это знаю; но какъ прочтешь такое, какъ вы пишете, такъ поневолѣ умилится сердце, а потомъ разныя тягостныя разсужденія придутъ. А вотъ прослушайте меня, маточка, я кое-что разскажу вамъ, родная моя.

Начну съ того, что было мнѣ всего семнадцать годочковъ, когда я на службу явился, и вотъ уже скоро тридцать лѣтъ стукнетъ моему служебному поприщу. Ну, нечего сказать, износилъ я вицъ-мундировъ довольно; возмужалъ, поумнѣлъ, людей посмотрѣлъ; пожилъ, могу сказать, что пожилъ на свѣтѣ, такъ, что меня хотѣли даже разъ къ полученію креста представить. Вы, можетъ-быть, не вѣрите, а я вамъ, право, не лгу. Такъ что же, маточка,—нашлись на все это злые люди! А скажу я вамъ, родная моя, что я хоть и темный человѣкъ, глупый человѣкъ пожалуй, но сердце-то у меня такое же, какъ и у другого кого. Такъ знаете-ли, Варинька, что сдѣлалъ мнѣ злой человѣкъ? А срамно сказать, что онъ сдѣлалъ; спросите—отчего сдѣлалъ? А оттого, что я смиренькій, а оттого, что я тихонькій, а оттого, что добренькій! Не пришелся имъ по нраву, такъ вотъ и пошло на меня. Сначала началось тѣмъ, что „дескать, вы, Ма-

каръ Алексѣевичъ, того да сего", а потомъ стало, — „что, дескать, у Макара Алексѣевича и не спрашивайте". А теперь заключили тѣмъ, — что „ужъ, конечно, это Макаръ Алексѣевичъ!" Вотъ, маточка, видите-ли, какъ дѣло пошло; все на Макара Алексѣевича; они только и умѣли сдѣлать, что въ пословицу ввели Макара Алексѣевича въ цѣломъ вѣдомствѣ нашемъ. Да мало того, что изъ меня пословицу и чуть-ли не бранное слово сдѣлали,—до сапоговъ, до мундира, до волосъ, до фигуры моей добрались: все не по нихъ, все передѣлать нужно! И вѣдь это все съ незапамятныхъ временъ каждый Божій день повторяется. Я привыкъ, потому что я ко всему привыкаю, потому что я смирный человѣкъ, потому что я маленькій человѣкъ; но, однакоже, за что это все? Что я кому дурного сдѣлалъ? Чинъ перехватилъ у кого-нибудь, что-ли? Передъ высшими кого-нибудь очернилъ? Награжденіе перепросилъ! Кабалу стряпалъ, что-ли, какую-нибудь? Да грѣхъ вамъ и подумать-то такое, маточка! Ну, куда мнѣ все это? Да вы только разсмотрите, родная моя, имѣю-ли я способности достаточныя для коварства и честолюбія? Такъ за что же напасти такія на меня, прости Господи? Вѣдь вы же находите меня человѣкомъ достойнымъ, а вы не въ примѣръ лучше ихъ всѣхъ, маточка. Вѣдь какая самая наибольшая гражданская добродѣтель? Отнеслись намедни въ частномъ разговорѣ Евстафій Ивановичъ, что наиважнѣйшая добродѣтель гражданская—деньгу умѣть зашибить. Говорили они шуточкой (я знаю, что шуточкой), нравоученіе же то, что не нужно быть никому въ тягость собою, — а я никому не въ тягость! У меня кусокъ хлѣба есть свой; правда, простой кусокъ хлѣба, подчасъ даже черствый; но онъ есть, трудами добытый, законно и безукоризненно употребляемый. Ну, что-жъ дѣлать! Я вѣдь и самъ знаю, что я немного дѣлаю тѣмъ, что переписываю; да все-таки я этимъ горжусь: я работаю, я потъ проливаю. Ну, что-жъ тутъ въ самомъ дѣлѣ такого, что переписываю? Что грѣхъ переписывать, что-ли? „Онъ, дескать, переписываетъ!" Да что же тутъ безчестнаго такого? Письмо такое четкое, хорошее, пріятно смотрѣть, и его превосходительство довольны; я для нихъ самыя важныя бумаги переписываю. Ну, слогу нѣтъ, вѣдь я это самъ знаю, что нѣтъ его, проклятаго; вотъ потому-то я и службой не взялъ, и даже вотъ къ вамъ теперь, родная моя, пишу спроста, безъ затѣй и такъ, какъ мнѣ мысль на сердце ложится... Я это все

знаю; да, однакоже, если бы всѣ сочинять стали, такъ кто же бы сталъ переписывать? Я вотъ какой вопросъ дѣлаю, и васъ прошу отвѣчать на него, маточка. Ну, такъ я и сознаю теперь, что я нуженъ, что я необходимъ, и что нечего вздоромъ человѣка съ толку сбивать. Ну, пожалуй, пусть крыса, коли сходство нашли! Да крыса-то эта нужна, да крыса-то пользу приноситъ, да за крысу-то эту держатся, да крысѣ-то этой награжденіе выходитъ,— вотъ она крыса какая! — Впрочемъ, довольно объ этой матеріи, родная моя; я вѣдь и не о томъ хотѣлъ говорить, да такъ погорячился немного. Все-таки пріятно отъ времени до времени себѣ справедливость воздать. Прощайте, родная моя, голубчикъ мой, утѣшительница вы моя добренькая! Зайду, непремѣнно къ вамъ зайду, провѣдаю васъ, моя ясочка. А вы не скучайте покамѣстъ. Книжку вамъ принесу. Ну, прощайте же, Варинька.

Вашъ сердечный доброжелатель

Макаръ Дѣвушкинъ.

Іюня 20.

М. Г., Макаръ Алексѣевичъ!

Пишу я къ вамъ на-скоро, спѣшу, работу къ сроку кончаю. Видите-ли въ чемъ дѣло: можно покупку сдѣлать хорошую. Ѳедора говоритъ, что продается у ея знакомаго какого-то вицъ-мундиръ форменный, совершенно новехонькій, нижнее платье, жилетка и фуражка, и, говорятъ, все весьма дешево; такъ вотъ вы бы купили. Вѣдь вы теперь не нуждаетесь, да и деньги у васъ есть; вы сами говорите, что есть. Полноте, пожалуйста, не скупитесь; вѣдь это все нужное. Посмотрите-ка на себя, въ какомъ вы старомъ платьѣ ходите. Срамъ! Все въ заплаткахъ. Новаго-то у васъ нѣтъ; это я знаю, хоть вы и увѣряете, что есть. Ужъ Богъ знаетъ, куда вы его съ рукъ сбыли. Такъ послушайтесь же меня, купите, пожалуйста. Для меня это сдѣлайте; коли меня любите, такъ купите.

Вы мнѣ прислали бѣлья въ подарокъ; но послушайте, Макаръ Алексѣевичъ, вѣдь вы разоряетесь. Шутка-ли, сколько вы на меня истратили, — ужасъ сколько денегъ! Ахъ, какъ же вы любите мотать! Мнѣ не нужно; все это было совершенно лишнее. Я знаю, я увѣрена, что вы меня любите; право, лишнее напоминать мнѣ это подарками; а мнѣ тяжело ихъ принимать отъ васъ; я знаю, чего они вамъ стоятъ. Единожды навсегда — полноте! слышите-ли? Прошу

васъ, умоляю васъ. Просите вы меня, Макаръ Алексѣевичъ, прислать продолженіе записокъ моихъ, желаете, чтобъ я ихъ докончила. Я не знаю, какъ написалось у меня и то, что у меня написано! Но у меня силъ не достанетъ говорить теперь о моемъ прошедшемъ; я и думать объ немъ не желаю; мнѣ страшно становится отъ этихъ воспоминаній. Говорить же о бѣдной моей матушкѣ, оставившей свое бѣдное дитя въ добычу этимъ чудовищамъ, мнѣ тяжелѣе всего. У меня сердце кровью обливается при одномъ воспоминаніи. Все это еще такъ свѣжо: я не успѣла одуматься, не только успокоиться, хотя всему этому уже слишкомъ годъ. Но вы знаете все.

Я вамъ говорила о теперешнихъ мысляхъ Анны Ѳедоровны; она меня же винитъ въ неблагодарности и отвергаетъ всякое обвиненіе о сообществѣ ея съ господиномъ Быковымъ! Она зоветъ меня къ себѣ; говоритъ, что я христорадничаю, что я по худой дорогѣ пошла. Говоритъ, что если я ворочусь къ ней, то она берется уладить все дѣло съ господиномъ Быковымъ, и заставитъ его загладить всю вину его передо мною. Она говоритъ, что г. Быковъ хочетъ мнѣ дать приданое. Богъ съ ними! Мнѣ хорошо и здѣсь, съ вами, у доброй моей Ѳедоры, которая своею привязанностію ко мнѣ напоминаетъ мнѣ мою покойницу няню. Вы хоть дальній родственникъ мой, но защищаете меня своимъ именемъ. А ихъ не знаю; я позабуду ихъ, если смогу. Чего еще они хотятъ отъ меня? Ѳедора говоритъ, что это все сплетни, что они оставятъ, наконецъ, меня. Дай-то Богъ!

В. Д.

Іюня 21.

Голубушка моя, маточка!

Хочу писать, а не знаю съ чего начать. Вѣдь вотъ какъ же это странно, маточка, что мы теперь такъ съ вами живемъ. Я къ тому говорю, что я никогда моихъ дней не проводилъ въ такой радости. Ну, точно домкомъ и семействомъ меня благословилъ Господь! Дѣточка вы моя, хорошенькая! Да что это вы тамъ толкуете про четыре рубашечки-то, которыя я вамъ послалъ. Вѣдь надобно же вамъ ихъ было,—я отъ Ѳедоры узналъ. Да мнѣ, маточка, это особое счастіе васъ удовлетворять; ужъ это мое удовольствіе, ужъ вы меня оставьте, маточка; не троньте меня и не прекословьте мнѣ. Никогда со мною не бывало такого, маточка. Я вотъ въ свѣтъ пустился теперь. Во-первыхъ, живу вдвойнѣ, потому что и вы тоже

живете весьма близко отъ меня и на утѣху мнѣ; а во-вторыхъ, пригласилъ меня сегодня на чай одинъ жилецъ, сосѣдъ мой, Ратазяевъ, тотъ самый чиновникъ, у котораго сочинительскіе вечера бываютъ. Сегодня собраніе; будемъ литературу читать. Вотъ мы теперь какъ, маточка, — вотъ! Ну, прощайте. Я вѣдь это все такъ написалъ, безо всякой видимой цѣли, и единственно для того, чтобъ увѣдомить васъ о моемъ благополучіи. Приказали вы, душенька, черезъ Терезу сказать, что вамъ шелчку цвѣтного для вышиванья нужно: куплю, маточка, куплю, и шелчку куплю. Завтра же буду имѣть наслажденіе удовлетворить васъ вполнѣ. Я и купить-то гдѣ знаю. А самъ теперь пребываю

другомъ вашимъ искреннимъ

Макаромъ Дѣвушкинымъ.

Іюня 22.

М. Г., Варвара Алексѣевна!

Увѣдомляю васъ, родная моя, что у насъ въ квартирѣ случилось прежалостное происшествіе, истинно-истинно жалости достойное! Сегодня, въ пятомъ часу утра, умеръ у Горшкова маленькій. Я не знаю только отчего, скарлатина что-ли была какая-то, Господь его знаетъ! Навѣстилъ я этихъ Горшковыхъ. Ну, маточка, вотъ бѣдно-то у нихъ! И какой безпорядокъ. Да и не диво: все семейство живетъ въ одной комнатѣ, только что ширмочками для благопристойности разгороженной. У нихъ ужъ и гробикъ стоитъ—простенькій, но довольно хорошенькій гробикъ; готовый купили, мальчикъ-то былъ лѣтъ девяти; надежды, говорятъ, подавалъ. А жалость смотрѣть на нихъ, Варинька! Мать не плачетъ, но такая грустная, бѣдная. Имъ, можетъ-быть, и легче, что вотъ ужъ одинъ съ плечъ долой; — а у нихъ еще двое осталось, грудной, да дѣвочка маленькая, такъ лѣтъ шести будетъ съ небольшимъ. Что за пріятность, въ самомъ дѣлѣ, видѣть, что вотъ-де страдаетъ ребенокъ, да еще дѣтище родное, а ему и помочь даже нечѣмъ! Отецъ сидитъ въ старомъ, засаленномъ фракѣ, на изломанномъ стулѣ. Слезы текутъ у него, да, можетъ-быть, и не отъ горести, а такъ, по привычкѣ, глаза гноятся. Такой онъ чудной! Все краснѣетъ, когда съ нимъ заговоришь, смѣшается и не знаетъ, что отвѣчать. Маленькая дѣвочка, дочка, стоитъ прислонившись къ гробу, да такая, бѣдняжка, скучная, задумчивая! А не люблю я, маточка Варинька, когда ребе-

покъ задумывается; смотрѣть непріятно! Кукла какая-то изъ тряпокъ на полу возлѣ нея лежитъ, — не играетъ; на губахъ пальчикъ держитъ; стоитъ себѣ — не пошевелится. Ей хозяйка конфетку дала; взяла, а не ѣла. Грустно, Варинька—а?

Макаръ Дѣвушкинъ...

Іюня 25.

Любезнѣйшій Макаръ Алексѣевичъ! Посылаю вамъ вашу книжку обратно. Это пренегодная книжонка!—и въ руки брать нельзя. Откуда выкопали вы такую драгоцѣнность? Кромѣ шутокъ, неужели вамъ нравятся такія книжки, Макаръ Алексѣевичъ? Вотъ мнѣ такъ обѣщались надняхъ достать чего-нибудь почитать. Я и съ вами подѣлюсь, если хотите. А теперь до свиданія. Право, некогда писать болѣе.

В. Д.

Іюня 26.

Милая Варинька! Дѣло-то въ томъ, что я дѣйствительно не читалъ этой книжонки, маточка. Правда, прочелъ нѣсколько, вижу, что блажь, такъ, ради смѣхотворства одного написано, чтобы людей смѣшить; ну, думаю, оно, должнобыть, и въ самомъ дѣлѣ весело; авось и Варинькѣ понравится; взялъ да и послалъ ее вамъ.

А вотъ обѣщался мнѣ Ратазяевъ дать почитать чего-нибудь настоящаго литературнаго, ну, вотъ вы и будете съ книжками, маточка. Ратазяевъ-то смекаетъ—дока; самъ пишетъ, ухъ, какъ пишетъ! Перо такое бойкое и слогу пропасть, то-есть этакъ въ каждомъ словѣ,—чего-чего,— въ самомъ пустомъ, вотъ-вотъ въ самомъ обыкновенномъ, подломъ словѣ, что хоть бы и я иногда Фальдони или Терезѣ сказалъ, вотъ и тутъ у него слогъ есть. Я и на вечерахъ у него бываю. Мы табакъ куримъ, а онъ намъ читаетъ, часовъ до пяти читаетъ, а мы все слушаемъ. Объяденіе, а не литература! Прелесть такая, цвѣты, просто цвѣты; со всякой страницы букетъ вяжи! Онъ обходительный такой, добрый, ласковый. Ну, что я передъ нимъ, ну, что?—Ничего. Онъ человѣкъ съ репутаціей, а я что?— Просто — не существую: а и ко мнѣ благоволитъ. Я ему кое-что переписываю. Вы только не думайте, Варинька, что тутъ продѣлка какая-нибудь, что онъ вотъ именно оттого и благоволитъ ко мнѣ, что я переписываю. Вы сплетнямъ-то не вѣрьте, маточка, вы сплетнямъ-то подлымъ не вѣрьте! Нѣтъ, это я самъ по себѣ, по своей волѣ,

для его удовольствія дѣлаю, а что онъ ко мнѣ благоволитъ, такъ это ужъ онъ для моего удовольствія дѣлаетъ. Я деликатность-то поступка понимаю, маточка. Онъ добрый, очень добрый человѣкъ и безподобный писатель.

А хорошая вещь литература, Варинька, очень хорошая, это я отъ нихъ третьяго дня узналъ. Глубокая вещь! Сердце людей укрѣпляющая, поучающая, и—разное тамъ еще обо всемъ объ этомъ въ книжкѣ у нихъ написано. Очень хорошо написано! Литература—это картина, то-есть въ нѣкоторомъ родѣ картина и зеркало; страсти, выраженье, критика такая тонкая, поученіе къ назидательности и документъ. Это я все у нихъ наметался. Откровенно скажу вамъ, маточка, что вѣдь сидишь между ними, слушаешь (тоже, какъ и они, трубку куришь, пожалуй)— а какъ начнутъ они состязаться, да спорить объ разныхъ матеріяхъ, такъ ужъ тутъ я просто пасую, тутъ, маточка, намъ съ вами чисто пасовать придется. Тутъ я просто болванъ-болваномъ оказываюсь, самого себя стыдно, такъ что цѣлый вечеръ пріискиваешь, какъ бы въ общую-то матерію хоть полсловечка ввернуть, да вотъ этого-то полсловечка какъ нарочно и нѣтъ! И пожалѣешь, Варинька, о себѣ, что самъ-то не того, да не такъ, что по пословицѣ — выросъ, а ума не вынесъ. Вѣдь что я теперь въ свободное время дѣлаю?—Сплю, дуракъ-дуракомъ. А то бы вмѣсто спанья-то ненужнаго можно было бы и пріятнымъ заняться; этакъ сѣсть бы да и пописать. И себѣ полезно, и другимъ хорошо. Да что, маточка, вы посмотрите-ка только, сколько берутъ они, прости имъ Господь! Вотъ хоть бы и Ратазяевъ,—какъ беретъ. Что ему листъ написать? Да онъ въ иной день и по пяти писывалъ, а по триста рублей, говоритъ, за листъ беретъ. Тамъ анекдотецъ какой-нибудь, или изъ любопытнаго что-нибудь — пятьсотъ, дай не дай, хоть тресни, да дай! а нѣтъ—такъ мы и по тысячѣ другой разъ въ карманъ кладемъ! Каково, Варвара Алексѣевна? Да что! — Тамъ у него стишковъ тетрадочка есть, и стишокъ все такой небольшой, — семь тысячъ, маточка, семь тысячъ проситъ, подумайте! Да вѣдь это имѣніе недвижимое, домъ капитальный! Говоритъ, что пять тысячъ даютъ ему, да онъ не беретъ. Я его урезониваю, говорю — возьмите, дескать, батюшка, пять-то тысячъ отъ нихъ, да и плюньте имъ, — вѣдь деньги пять тысячъ! — нѣтъ, говоритъ, семь дадутъ, мошенники. Увертливый, право, такой!

А что, маточка, ужъ если на то пошло, такъ я вамъ,

такъ и быть, выпишу изъ *Итальянскихъ страстей* мѣстечко. Это у него сочиненіе такъ называется. Вотъ прочтите-ка, Варинька, да посудите сами.

„... Владиміръ вздрогнулъ, и страсти бѣшено заклокотали въ немъ, и кровь вскипѣла...

„— Графиня, вскричалъ онъ,—графиня! Знаете-ли вы, какъ ужасна эта страсть, какъ безпредѣльно это безуміе? Нѣтъ, мои мечты меня не обманывали! Я люблю, люблю восторженно, бѣшено, безумно! Вся кровь твоего мужа не зальетъ бѣшенаго, клокочущаго восторга души моей! Ничтожныя препятствія не остановятъ всеразрушающаго, адскаго огня, бороздящаго мою истомленную грудь. О, Зинаида, Зинаида!..

„— Владиміръ!.. прошептала графиня внѣ себя, склонясь къ нему на плечо...

„— Зинаида! вскричалъ восторженный Смѣльскій.

„Изъ груди его испарился вздохъ. Пожаръ вспыхнулъ яркимъ пламенемъ на алтарѣ любви, и взбороздилъ грудь несчастныхъ страдальцевъ.

„— Владиміръ!.. шептала въ упоеніи графиня. Грудь ея вздымалась, щеки ея багровѣли, очи горѣли...

„Новый, ужасный бракъ былъ совершенъ!

. . . . . .

„Черезъ полчаса старый графъ вошелъ въ будуаръ жены своей.

„— А что, душечка, не приказать-ли для дорогого гостя самоварчикъ поставить? сказалъ онъ, потрепавъ жену по щекѣ“.

Ну, вотъ, я васъ спрошу, маточка, послѣ этого — ну, какъ вы находите? Правда, немножко вольно, въ этомъ спору нѣтъ, но за то хорошо. Ужъ что хорошо, такъ хорошо! А вотъ, позвольте, я вамъ еще отрывочекъ выпишу изъ повѣсти: *Ермакъ и Зюлейка.*

Представьте себѣ, маточка, что казакъ Ермакъ, дикій и грозный завоеватель Сибири, влюбленъ въ Зюлейку, дочь сибирскаго царя Кучума, имъ въ полонъ взятую. Событіе прямо изъ временъ Ивана Грознаго, какъ вы видите. Вотъ разговоръ Ермака и Зюлейки.

„— Ты любишь меня, Зюлейка! О, повтори, повтори!..

„— Я люблю тебя, Ермакъ! прошептала Зюлейка.

„— Небо и земля, благодарю васъ! Я счастливъ!.. Вы дали мнѣ все, все, къ чему съ отроческихъ лѣтъ стремился взволнованный духъ мой. Такъ вотъ куда вела ты меня, моя звѣзда путеводная, такъ вотъ для чего ты при-

вела меня сюда, за Каменный Поясъ! Я покажу всему свѣту мою Зюлейку, и люди, бѣшеныя чудовища, не посмѣютъ обвинять меня! О, если имъ понятны эти тайныя страданія ея нѣжной души, если они способны видѣть цѣлую поэму въ одной слезинкѣ моей Зюлейки! О, дай мнѣ стереть поцѣлуями эту слезинку, дай мнѣ выпить ее, эту небесную слезинку... неземная!

„— Ермакъ, сказала Зюлейка: — свѣтъ золъ, люди несправедливы! Они будутъ гнать, они осудятъ насъ, мой милый Ермакъ! Что будетъ дѣлать бѣдная дѣва, взросшая среди родныхъ снѣговъ Сибири, въ юртѣ отца своего, въ вашемъ холодномъ, ледяномъ, бездушномъ, самолюбивомъ свѣтѣ? Люди не поймутъ меня, желанный мой, мой возлюбленный!

„— Тогда казацкая сабля взовьется надъ ними и свиснетъ! вскричалъ Ермакъ, дико блуждая глазами“.

Каковъ же теперь Ермакъ, Варинька, когда онъ узнаетъ, что его Зюлейка зарѣзана. Слѣпой старецъ Кучумъ, пользуясь темнотою ночи, прокрался, въ отсутствіе Ермака, въ его шатеръ и зарѣзалъ дочь свою, желая нанесть смертельный ударъ Ермаку, лишившему его скипетра и короны.

„— Любо мнѣ шаркать желѣзомъ о камень! закричалъ Ермакъ въ дикомъ остервенѣніи, точа булатный ножъ свой о шаманскій камень.—Мнѣ нужно ихъ крови, крови! Ихъ нужно пилить, пилить, пилить!!!“

И послѣ всего этого, Ермакъ, будучи не въ силахъ пережить свою Зюлейку, бросается въ Иртышъ, и тѣмъ все кончается.

Ну, а это, напримѣръ, такъ, маленькій отрывочекъ: въ шуточно описательномъ родѣ, собственно для смѣхотворства написанный.

„Знаете-ли вы Ивана Прокофьевича Желтопуза? Ну, вотъ тотъ самый, что укусилъ за ногу Прокофія Ивановича. Иванъ Прокофьевичъ человѣкъ крутого характера, но за то рѣдкихъ добродѣтелей; напротивъ того, Прокофій Ивановичъ чрезвычайно любитъ рѣдьку съ медомъ. Вотъ когда еще была съ нимъ знакома Пелагея Антоновна... А вы знаете Пелагею Антоновну? Ну, вотъ та самая, которая всегда юбку надѣваетъ на изнанку“.

Да вѣдь это умора, Варинька, просто умора! Мы со смѣху катались, когда онъ читалъ намъ это. Этакой онъ, прости его Господи! Впрочемъ, маточка, оно хоть и немного затѣйливо, и ужъ слишкомъ игриво, но за то не-

винно, безъ малѣйшаго вольнодумства и либеральныхъ мыслей. Нужно замѣтить, маточка, что Ратазяевъ прекраснаго поведенія, и потому превосходный писатель, не то, что другіе писатели.

А что, въ самомъ дѣлѣ, вѣдь вотъ иногда придетъ же мысль въ голову... ну, что, если-бъ я написалъ что-нибудь, ну, что тогда будетъ? Ну, вотъ, напримѣръ, положимъ, что вдругъ, ни съ того, ни съ сего, вышла бы въ свѣтъ книжка, подъ титуломъ—*Стихотворенія Макара Дѣвушкина!* Ну, что бы вы тогда сказали, мой ангельчикъ? Какъ бы вамъ это представилось и подумалось? А про себя скажу, маточка, что какъ моя книжка-то вышла бы въ свѣтъ, такъ я бы рѣшительно тогда на Невскій не смѣлъ бы показаться. Вѣдь каково это было бы, когда бы всякій сказалъ, что вотъ-де идетъ сочинитель литературы и піита Дѣвушкинъ, что вотъ, дескать, это и есть самъ Дѣвушкинъ! Ну, что бы я тогда, напримѣръ, съ моими сапогами сталъ дѣлать? Они у меня, замѣчу вамъ мимоходомъ, маточка, почти всегда въ заплаткахъ, да и подметки, по правдѣ сказать, отстаютъ иногда весьма неблагопристойно. Ну, что тогда-бъ было, когда бы всѣ узнали, что вотъ у сочинителя Дѣвушкина сапоги въ заплаткахъ! Какая-нибудь тамъ контесса-дюшесса узнала бы, ну, что бы она-то, душка, сказала? Она-то, можетъ-быть, и не замѣтила бы: ибо, какъ я полагаю, контессы не занимаются сапогами, къ тому же чиновничьими сапогами (потому что вѣдь сапоги сапогамъ рознь), да ей бы разсказали про все, свои бы пріятели меня выдали. Да вотъ Ратазяевъ бы первый выдалъ; онъ къ графинѣ В. ѣздитъ; говоритъ, что каждый разъ бываетъ у ней, и запросто бываетъ. Говоритъ, душка такая она, литературная, говоритъ, дама такая. Петля этотъ Ратазяевъ!

Да, впрочемъ, довольно объ этой матеріи; я вѣдь это все такъ пишу, ангельчикъ мой, ради баловства, чтобы васъ потѣшить. Прощайте, голубчикъ мой. Много я вамъ тутъ настрочилъ, но это собственно оттого, что я сегодня въ самомъ веселомъ душевномъ расположеніи. Обѣдали-то мы всѣ вмѣстѣ сегодня у Ратазяева, такъ (шалуны они, маточка!) пустили въ ходъ такой романеи... ну, да ужъ что вамъ писать объ этомъ! Вы только смотрите, не придумайте тамъ чего про меня, Варинька. Я вѣдь это все такъ. Книжекъ пришлю, непремѣнно пришлю... Ходитъ здѣсь по рукамъ Поль-де-Кока одно сочиненіе, только Поль-де-Кока-то вамъ, маточка, и не будетъ... Ни-ни!

Для васъ Поль-де-Кокъ не годится. Говорятъ про него, маточка, что онъ всѣхъ критиковъ петербургскихъ въ благородное негодованіе приводитъ. Посылаю вамъ фунтикъ конфетокъ,—нарочно для васъ купилъ. Скушайте, душечка, да при каждой конфеткѣ меня поминайте. Только леденецъ-то вы не грызите, а такъ пососите его только, а то зубки разболятся. А вы, можетъ-быть, и цукаты любите?—вы напишите. Ну, прощайте же, прощайте. Христосъ съ вами, голубчикъ мой. А я пребуду навсегда

вашимъ вѣрнѣйшимъ другомъ

Макаромъ Дѣвушкинымъ.

Іюня 27.

Милостивый Государь,
Макаръ Алексѣевичъ!

Ѳедора говоритъ, что если я захочу, то нѣкоторые люди съ удовольствіемъ примутъ участіе въ моемъ положеніи, и выхлопочутъ мнѣ очень хорошее мѣсто въ одинъ домъ, въ гувернантки. Какъ вы думаете, другъ мой—идти или нѣтъ? Конечно, я вамъ тогда не буду въ тягость, да и мѣсто, кажется, выгодное; но съ другой стороны, какъ-то жутко идти въ незнакомый домъ. Они какіе-то помѣщики. Станутъ обо мнѣ узнавать, начнутъ разспрашивать, любопытствовать—ну, что я скажу тогда? Къ тому же я такая нелюдимка, дикарка; люблю пообжиться въ привычномъ углѣ надолго. Какъ-то лучше тамъ, гдѣ привыкнешь: хоть и съ горемъ пополамъ живешь, а все-таки лучше. Къ тому же на выѣздъ; да еще Богъ знаетъ какая должность будетъ; можетъ-быть, просто дѣтей няньчить заставятъ. Да и люди-то такіе: мѣняютъ ужъ третью гувернантку въ два года. Посовѣтуйте же мнѣ, Макаръ Алексѣевичъ, ради Бога, идти или нѣтъ?—Да что вы никогда сами не зайдете ко мнѣ? Изрѣдка только глаза покажете. Почти только по воскресеньямъ у обѣдни и видимся. Экой же вы нелюдимъ какой! Вы точно какъ я! А вѣдь я вамъ почти родная. Не любите вы меня, Макаръ Алексѣевичъ, а мнѣ иногда одной очень грустно бываетъ. Иной разъ, особенно въ сумерки, сидишь себѣ одна-одинешенька. Ѳедора уйдетъ куда-нибудь. Сидишь, думаешь-думаешь,—вспоминаешь все старое, и радостное, и грустное,—все идетъ передъ глазами, все мелькаетъ какъ изъ тумана. Знакомыя лица являются (я почти на-яву начинаю видѣть),—матушку вижу чаще всего... А какіе бываютъ сны у меня! Я чувствую, что здоровье мое раз-

строено; я такъ слаба; вотъ и сегодня, когда вставала утромъ съ постели, мнѣ дурно сдѣлалось; сверхъ того у меня такой дурной кашель! Я чувствую, я знаю, что скоро умру. Кто-то меня похоронитъ? Кто-то за гробомъ моимъ пойдетъ? Кто-то обо мнѣ пожалѣетъ!... И вотъ придется, можетъ-быть, умереть въ чужомъ мѣстѣ, въ чужомъ домѣ, въ чужомъ углѣ!... Боже мой, какъ грустно жить, Макаръ Алексѣевичъ!—Что вы меня, другъ мой, все конфетами кормите? Я, право, не знаю, откудова вы денегъ столько берете? Ахъ, другъ мой, берегите деньги, ради Бога, берегите ихъ.—Ѳедора продаетъ коверъ, который я вышила; даютъ 50 руб. ассигн. Это очень хорошо: я думала меньше будетъ. Я Ѳедорѣ дамъ три цѣлковыхъ, да себѣ сошью платьице, такъ, простенькое, потеплѣе. Вамъ жилетку сдѣлаю, сама сдѣлаю, и матеріи хорошей выберу.

Ѳедора мнѣ достала книжку—*Повѣсти Бѣлкина*, которую вамъ посылаю, если хотите читать. Пожалуйста только не запачкайте и не задержите: книга чужая;—это Пушкина сочиненіе. Два года тому назадъ мы читали эти повѣсти вмѣстѣ съ матушкой, и теперь мнѣ такъ грустно было ихъ перечитывать. Если у васъ есть какія-нибудь книги, то пришлите мнѣ,—только въ такомъ случаѣ, когда вы ихъ не отъ Ратазяева получили. Онъ навѣрно дастъ своего сочиненія, если онъ что-нибудь напечаталъ. Какъ это вамъ нравятся его сочиненія, Макаръ Алексѣевичъ? Такіе пустяки...—Ну, прощайте! Какъ я заболталась! Когда мнѣ грустно, такъ я рада болтать, хоть объ чемъ-нибудь. Это лѣкарство: тотчасъ легче сдѣлается, а особливо, если выскажешь все, что лежитъ на сердцѣ. Прощайте, прощайте, мой другъ!

Ваша *В. Д.*

Іюня 28.

Маточка, Варвара Алексѣевна!

Полно кручиниться! Какъ же это не стыдно вамъ! Ну, полноте, ангельчикъ мой; какъ это вамъ такія мысли приходятъ? Вы не больны, душечка, вовсе не больны; вы цвѣтете, право, цвѣтете: блѣденьки немножко, а все-таки цвѣтете. И что это у васъ за сны да за видѣнія такія! Стыдно, голубчикъ мой, полноте; вы плюньте на сны-то эти, просто плюньте. Отчего же я сплю хорошо? Отчего же мнѣ ничего не дѣлается? Вы посмотрите-ка на меня, маточка. Живу себѣ, сплю покойно, здоровехонекъ, молодецъ-молодцомъ; любо смотрѣть. Полноте, полноте, ду-

шечка, стыдно. Исправьтесь. Я вѣдь головку-то вашу знаю, маточка, чуть что-нибудь найдетъ, вы ужъ и пошли мечтать, да тосковать о чемъ-то. Ради меня, перестаньте, душечка. Въ люди идти?—Никогда! Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ, да и что это вамъ думается такое, что это находитъ на васъ? Да еще и на выѣздъ! Да нѣтъ же, маточка, не позволю, вооружаюсь всѣми силами противъ такого намѣренія. Мой фракъ старый продамъ, и въ одной рубашкѣ стану ходить по улицамъ, а ужъ вы у насъ нуждаться не будете. Нѣтъ, Варинька, нѣтъ; ужъ я знаю васъ! Это блажь, чистая блажь! А что вѣрно, такъ это то, что во всемъ Ѳедора одна виновата: она, видно, глупая баба, васъ на все надоумила. А вы ей, маточка, не вѣрьте. Да вы еще вѣрно не знаете всего-то, душенька?... Она баба глупая, сварливая, вздорная; она и мужа своего покойника со свѣту выжила. Или она, вѣрно, васъ разсердила тамъ какъ-нибудь? Нѣтъ, нѣтъ, маточка, ни за что! И я-то какъ же буду тогда, что мнѣ-то останется дѣлать? Нѣтъ, Варинька душенька, вы это изъ головки-то выкиньте. Чего вамъ недостаетъ у насъ? Мы на васъ не парадуемся, вы насъ любите, такъ и живите себѣ тамъ смирненько; шейте или читайте, а, пожалуй, и не шейте,— все равно, только съ нами живите. А то вы сами посудите, ну, на что это будетъ похоже тогда?... Вотъ я вамъ книжекъ достану, а потомъ, пожалуй, и опять куда-нибудь гулять соберемся. Только вы-то полноте, маточка, полноте, наберитесь ума и изъ пустяковъ не блажите! Я къ вамъ приду, и въ весьма скоромъ времени, только вы за это мое прямое и откровенное признаніе примите: не хорошо, душенька, очень не хорошо! Я, конечно, неученый человѣкъ и самъ знаю, что неученый, что на мѣдныя деньги учился, да я не къ тому и рѣчь клоню, не во мнѣ тутъ и дѣло-то, а за Ратазяева заступлюсь, воля ваша! Онъ мнѣ другъ, потому я за него и заступлюсь. Онъ хорошо пишетъ, очень, очень, и опять-таки очень хорошо пишетъ. Не соглашаюсь я съ вами и никакъ не могу согласиться. Писано цвѣтисто, отрывисто, съ фигурами, разныя мысли есть; очень хорошо! Вы, можетъ-быть, безъ чувства читали, Варинька, или не въ духѣ были, когда читали, на Ѳедору на что-нибудь разсердились, или что-нибудь у васъ тамъ нехорошее вышло. Нѣтъ, вы прочтите-ка это съ чувствомъ, получше, когда вы довольны и веселы и въ расположеніи духа пріятномъ находитесь, вотъ, напримѣръ, когда конфетку во рту держите — вотъ когда про-

чтите. Я не спорю (кто же противъ этого), есть и лучше Ратазяева писатели, есть даже и очень лучшіе, но и они хороши, и Ратазяевъ хорошъ; они хорошо пишутъ, и онъ хорошо пишетъ. Онъ себѣ особо, онъ такъ себѣ пописываетъ, и очень хорошо дѣлаетъ, что пописываетъ. Ну, прощайте, маточка; писать болѣе не могу; нужно спѣшить, дѣло есть. Смотрите же, маточка, ясочка ненаглядная, успокойтесь, и Господь да пребудетъ съ вами, а я пребываю

вашимъ вѣрнымъ другомъ
Макаромъ Дѣвушкинымъ.

P. S. Спасибо за книжку, родная моя, прочтемъ и Пушкина; а сегодня я, по вечеру, непремѣнно зайду къ вамъ.

Дорогой мой Макаръ Алексѣевичъ!

Нѣтъ, другъ мой, нѣтъ, мнѣ не житье между вами. Я раздумала и нашла, что очень дурно дѣлаю, отказываясь отъ такого выгоднаго мѣста. Тамъ будетъ у меня, по крайней мѣрѣ, хоть вѣрный кусокъ хлѣба; я буду стараться, я заслужу ласку чужихъ людей, даже постараюсь перемѣнить свой характеръ, если будетъ надобно. Оно, конечно, больно и тяжело жить между чужими, искать чужой милости, скрываться и принуждать себя, да Богъ мнѣ поможетъ. Не оставаться же вѣкъ нелюдимкой. Со мною ужъ бывали такіе же случаи. Я помню, когда я, бывало, еще маленькая, въ пансіонъ хаживала. Бывало, все воскресенье дома рѣзвишься, прыгаешь, иной разъ и побранитъ матушка,—все ничего, все хорошо на сердцѣ, свѣтло на душѣ. Станетъ подходить вечеръ и грусть нападетъ смертельная, нужно въ девять часовъ въ пансіонъ идти, и тамъ все чужое, холодное, строгое, гувернантки по понедѣльникамъ такія сердитыя, такъ и щемитъ, бывало, за душу, плакать хочется; пойдешь въ уголокъ и поплачешь одна-одинешенька, слезы скрываешь,—скажутъ лѣнивая; а я вовсе не о томъ и плачу, бывало, что учиться надобно.—Ну, что-жъ? Я привыкла, и потомъ, когда выходила изъ пансіона, такъ тоже плакала, прощаясь съ подружками. Да и не хорошо я дѣлаю, что живу въ тягость обоимъ вамъ. Эта мысль—мнѣ мученье. Я вамъ откровенно говорю все это, потому что привыкла быть съ вами откровенною. Развѣ я не вижу, какъ Ѳедора встаетъ каждый день ранымъ-ранехонько, да за стирку свою принимается, и до поздней ночи работаетъ?—а старыя кости любятъ покой. Развѣ я не вижу, что вы на

CZYTELNIA „KULTURA"

меня разоряетесь, послѣднюю копѣйку ребромъ ставите, да на меня ее тратите? Не съ вашимъ состояніемъ, мой другъ! Пишете вы, что послѣднее продадите, а меня въ нуждѣ не оставите. Вѣрю, другъ мой, я вѣрю въ ваше доброе сердце,—но это вы теперь такъ говорите. Теперь у васъ есть деньги неожиданныя, вы получили награжденіе; но потомъ? Вы знаете сами—я больная всегда; я не могу такъ же, какъ и вы работать, хотя бы душою рада была, да и работа не всегда бываетъ. Что же мнѣ остается? Надрываться съ тоски, глядя на васъ обоихъ, сердечныхъ. Чѣмъ я могу оказать вамъ хоть малѣйшую пользу? И отчего я вамъ такъ необходима, другъ мой! Что я вамъ хорошаго сдѣлала? Я только привязана къ вамъ всею душою, люблю васъ крѣпко, сильно, всѣмъ сердцемъ, но—горька судьба моя!—я умѣю любить, и могу любить, но только, а не творить добро, не платить вамъ за ваши благодѣянія. Не держите же меня болѣе, подумайте и скажите ваше послѣднее мнѣніе. Въ ожиданіи пребываю

васъ любящая
В. Д.

Іюля 1.

Блажь, блажь, Варинька, просто блажь! Оставь васъ такъ, такъ вы тамъ головкой своей и чего-чего не передумаете. И то не такъ, и это не такъ! А я вижу теперь, что это все блажь. Да чего же вамъ недостаетъ у насъ, маточка, вы только это скажите! Васъ любятъ, вы насъ любите, мы всѣ довольны и счастливы,—чего же болѣе? Ну, а что вы въ чужихъ-то людяхъ будете дѣлать? Вѣдь вы вѣрно еще не знаете, что такое чужой человѣкъ?... Нѣтъ, вы меня извольте-ка поразспросить, такъ я вамъ скажу, что такое чужой человѣкъ. Знаю я его, маточка; хорошо знаю; случалось хлѣбъ его ѣсть. Золъ онъ, Варинька, золъ, ужъ такъ золъ, что сердечка твоего недостанетъ, такъ онъ его истерзаетъ укоромъ, попрекомъ, да взглядомъ дурнымъ. У насъ вамъ тепло, хорошо,—словно въ гнѣздышкѣ пріютились. Да и насъ-то вы какъ безъ головы оставите. Ну, что мы будемъ дѣлать безъ васъ; что я, старикъ, буду дѣлать тогда? Вы намъ не нужны? Не полезны? Какъ не полезны? Нѣтъ, вы, маточка, сами разсудите какъ же вы не полезны? Вы мнѣ очень полезны, Варинька. Вы этакое вліяніе имѣете благотворное... Вотъ я объ васъ думаю теперь и мнѣ весело... Я вамъ иной разъ письмо напишу и всѣ чувства въ немъ изложу, на

что подробный отвѣтъ отъ васъ получаю.—Гардеробцу вамъ накупилъ, шляпку сдѣлалъ; отъ васъ комиссія подчасъ выходитъ какая-нибудь, я и комиссію... Нѣтъ, какъ же вы не полезны? Да и что я одинъ буду дѣлать на старости, на что годиться буду? Вы, можетъ-быть, объ этомъ и не подумали, Варинька; нѣтъ, вы именно объ этомъ подумайте—что вотъ, дескать, на что онъ будетъ безъ меня-то годиться? Я привыкъ къ вамъ, родная моя.—А то что изъ этого будетъ? Пойду къ Невѣ, да и дѣло съ концомъ. Да, право же, будетъ такое, Варинька, что же мнѣ безъ васъ дѣлать останется! Ахъ, душечка моя, Варинька! Хочется, видно, вамъ, чтобы меня ломовой извозчикъ на Волково свезъ; чтобы какая-нибудь тамъ нищая старуха-пошлепница одна мой гробъ провожала, чтобы меня тамъ пескомъ засыпали, да прочь пошли, да одного тамъ оставили. Грѣшно, грѣшно, маточка! Право, грѣшно, ей Богу, грѣшно! Отсылаю вамъ вашу книжку, дружочекъ мой, Варинька, и если вы, дружочекъ мой, спросите мнѣнія моего насчетъ вашей книжки, то я скажу, что въ жизнь мою не случилось мнѣ читать такихъ славныхъ книжекъ. Спрашиваю я теперь себя, маточка, какъ же это я жилъ до сихъ поръ такимъ олухомъ, прости Господи? Что дѣлалъ? Изъ какихъ я лѣсовъ? Вѣдь ничего-то я не знаю, маточка, ровно ничего не знаю! Совсѣмъ ничего не знаю! Я вамъ, Варинька, спроста скажу,—я человѣкъ не ученый: читалъ я до сей поры мало, очень мало читалъ, да почти ничего: *Картину человѣка*, умное сочиненіе, читалъ; *Мальчика, напрывающаго разныя штуки на колокольчикахъ* читалъ, да *Ивиковы журавли*—вотъ только и всего, а больше ничего никогда не читалъ. Теперь я *Станціоннаго смотрителя* здѣсь въ вашей книжкѣ прочелъ; вѣдь вотъ скажу я вамъ, маточка, случается же такъ, что живешь, а не знаешь, что подъ бокомъ тамъ у тебя книжка есть, гдѣ вся-то жизнь твоя какъ по пальцамъ разложена. Да и что самому прежде не вдогадъ было, такъ вотъ здѣсь, какъ начнешь читать въ такой книжкѣ, такъ самъ все, помаленьку, и припомнишь, и разыщешь, и разгадаешь. И, наконецъ, вотъ отчего еще я полюбилъ вашу книжку: иное твореніе, какое тамъ ни есть, читаешь-читаешь, иной разъ хоть тресни—такъ хитро, что какъ будто бы его и не понимаешь. Я, напримѣръ,—я тупъ, я отъ природы моей тупъ, такъ я не могу слишкомъ важныхъ сочиненій читать; а это, читаешь,—словно самъ написалъ, точно это, примѣрно говоря, мое собственное сердце, ка-

кое ужъ оно тамъ ни есть, взялъ его, людямъ выворотилъ изнанкой, да и описалъ все подробно,—вотъ какъ! Да и дѣло-то простое, Богъ мой; да чего! Право, и я такъ же бы написалъ; отчего же бы и не написать?—Вѣдь я тоже самое чувствую, вотъ совершенно такъ, какъ и въ книжкѣ, да я и самъ въ такихъ же положеніяхъ подчасъ находился, какъ примѣрно сказать этотъ Самсонъ-то Выринъ, бѣдняга. Да сколько между нами-то ходитъ Самсоновъ Выриныхъ, такихъ же горемыкъ сердечныхъ! И какъ ловко описано все! Меня чуть слезы не прошибли, маточка, когда я прочелъ, что онъ спился, грѣшный, такъ, что память потерялъ, горькимъ сдѣлался и спитъ себѣ цѣлый день подъ овчиннымъ тулупомъ, да горе пуншикомъ захлебываетъ, да плачетъ жалостно, грязной полою глаза утирая, когда вспоминаетъ о заблудшей овечкѣ своей, объ дочкѣ Дуняшѣ! Нѣтъ, это натурально! Вы прочтите-ка: это натурально! Это живетъ! Я самъ это видалъ;—это вотъ все около меня живетъ; вотъ хоть Тереза—да чего далеко ходить!—Вотъ хоть бы и нашъ бѣдный чиновникъ,—вѣдь онъ, можетъ-быть, такой же Самсонъ Выринъ, только у него другая фамилія, *Горшковъ*.—Дѣло-то оно общее, маточка, и надъ вами, и надо мной можетъ случиться. И графъ, что̀ на Невскомъ или на набережной живетъ, и онъ будетъ то же самое, такъ только казаться будетъ другимъ, потому что у нихъ все по-своему, по высшему тону, но и онъ будетъ то же самое, все можетъ случиться, и со мною то же самое можетъ случиться. Вотъ оно что, маточка, а вы еще тутъ отъ насъ отходить хотите; да вѣдь грѣхъ, Варинька, можетъ застигнуть меня. И себя, и меня сгубить можете, родная моя. Ахъ, ясочка вы моя, выкиньте, ради Бога, изъ головки своей всѣ эти вольныя мысли, и не терзайте меня напрасно. Ну гдѣ же, птенчикъ вы мой слабенькій, не оперившійся, гдѣ же вамъ самое себя прокормить, отъ погибели себя удержать, отъ злодѣевъ защититься! Полноте, Варинька, поправьтесь; вздорныхъ совѣтовъ и наговоровъ не слушайте, а книжку вашу еще разъ прочтите, со вниманіемъ прочтите: вамъ это пользу принесетъ.

Говорилъ я про „Станціоннаго смотрителя“ Ратазяеву. Онъ мнѣ сказалъ, что это все старое, и что теперь все пошли книжки съ картинками, и съ разными описаніями; ужъ я, право, въ толкъ не взялъ хорошенько, что онъ тутъ говорилъ такое. Заключилъ же, что Пушкинъ хорошъ, и что онъ святую Русь прославилъ, и много еще мнѣ

про него говорилъ. Да, очень хорошо, Варинька, очень, хорошо; прочтите-ка книжку еще разъ со вниманіемъ, совѣтамъ моимъ послѣдуйте, и послушаніемъ своимъ меня, старика, осчастливьте. Тогда Самъ Господь наградитъ васъ, моя родная, непремѣнно наградитъ.

Вашъ искренній другъ

Макаръ Дѣвушкинъ.

М. Г., Макаръ Алексѣевичъ!

Ѳедора принесла мнѣ сегодня пятнадцать рублей серебромъ. Какъ она была рада, бѣдная, когда я ей три цѣлковыхъ дала! Пишу вамъ на-скоро. Я теперь крою вамъ жилетку,—прелесть какая матерія,—желтенькая съ цвѣточками. Посылаю вамъ одну книжку: тутъ все разныя повѣсти; я прочла кое-какія, прочтите одну изъ нихъ подъ названіемъ *Шинель*. — Вы меня уговариваете въ театръ идти вмѣстѣ съ вами; не дорого-ли это будетъ? Развѣ ужъ куда-нибудь въ галлерею. Я ужъ очень давно не была въ театрѣ, да и, право, не помню когда. Только опять все боюсь, не дорого-ли будетъ стоить эта затѣя? Ѳедора только головой покачиваетъ. Она говоритъ, что вы совсѣмъ не по достаткамъ жить начали; да я и сама это вижу; сколько вы на меня одну истратили! Смотрите, другъ мой, не было бы бѣды. Ѳедора и такъ мнѣ говорила про какіе-то слухи—что вы имѣли, кажется, споръ съ вашей хозяйкой за неуплату ей денегъ; я очень боюсь за васъ. Ну, прощайте, я спѣшу. Дѣло есть маленькое; я перемѣняю ленты на шляпкѣ.

P. S. Знаете-ли, если мы пойдемъ въ театръ, то я надѣну мою новенькую шляпку, а на плечи черную мантилью. Хорошо-ли это будетъ?

Іюля 7.

Милостивая Государыня,

Варвара Алексѣевна.

...Такъ вотъ я все про вчерашнее.—Да, маточка, и на насъ въ оно время блажь находила. Врѣзался въ эту актрисочку, по уши врѣзался, да это бы еще ничего, а самое-то чудное то, что я ее почти совсѣмъ не видалъ, и въ театрѣ былъ всего одинъ разъ, а при всемъ томъ врѣзался. Жили тогда со мною стѣнка-объ-стѣнку человѣкъ пятеро молодого, раззадорнаго народу. Сошелся я съ ними, поневолѣ сошелся, хотя всегда былъ отъ нихъ въ пристойныхъ границахъ. Ну, чтобы не отстать, я и

самъ имъ во всемъ поддакиваю. Насказали они мнѣ объ этой актрискѣ! Каждый вечеръ, какъ только театръ идетъ, вся компанія—на нужное у нихъ никогда гроша не было—вся компанія отправлялась въ театръ, въ галлерею, и ужъ хлопаютъ-хлопаютъ, вызываютъ-вызываютъ эту актриску—просто бѣснуются! А потомъ и заснуть не дадутъ; всю ночь напролетъ объ ней толкуютъ, всякой ее своей Глашей зоветъ, всѣ въ одну въ нее влюблены, у всѣхъ одна канарейка на сердцѣ. Раззадорили они и меня беззащитнаго; я тогда еще молоденекъ былъ. Самъ не знаю, какъ очутился я съ ними въ театрѣ, въ четвертомъ ярусѣ, въ галлереѣ. Видѣть-то я одинъ только краешекъ занавѣски видѣлъ, за то все слышалъ. У актрисочки точно голосокъ былъ хорошенькій; — звонкій, соловьиный, медовый. Мы всѣ руки у себя отхлопали, кричали-кричали,—однимъ словомъ, до насъ чуть не добрались, одного ужъ и вывели, правда. Пришелъ я домой,—какъ въ чаду хожу! въ карманѣ только одинъ цѣлковый-рубль оставался, а до жалованья еще добрыхъ дней десять. Такъ какъ вы думали, маточка? На другой день, прежде чѣмъ на службу идти, завернулъ я къ парфюмеру-французу, купилъ у него духовъ какихъ-то, да мыла благовоннаго на весь капиталъ,—ужъ и самъ не знаю, зачѣмъ я тогда накупилъ всего этого? Да и не обѣдалъ дома, а все мимо ея оконъ ходилъ. Она жила на Невскомъ, въ четвертомъ этажѣ. Пришелъ домой, часочекъ какой-нибудь тамъ отдохнулъ, и опять на Невскій пошелъ, чтобы только мимо ея окошекъ пройти. Полтора мѣсяца я ходилъ такимъ образомъ, волочился за нею; извозчиковъ-лихачей нанималъ поминутно, и все мимо ея оконъ концы давалъ: замотался совсѣмъ, задолжалъ, а потомъ ужъ и разлюбилъ ее:—наскучило! Такъ вотъ что актриска изъ порядочнаго человѣка сдѣлать въ состояніи, маточка! Впрочемъ, молоденекъ-то я, молоденекъ былъ тогда!..

М. Д.

Іюля 8.

Милостивая Государыня моя,

Варвара Алексѣевна!

Книжку вашу, полученную мною 6-го сего мѣсяца, спѣшу возвратить вамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, спѣшу въ семъ письмѣ моемъ объясниться съ вами. Дурно, маточка, дурно то, что вы меня въ такую крайность поставили. Позвольте, маточка: всякое состояніе опредѣлено Всевышнимъ на долю

человѣческую. Тому опредѣлено быть въ генеральскихъ эполетахъ, этому служить титулярнымъ совѣтникомъ; такому-то повелѣвать, а такому-то безропотно и въ страхѣ повиноваться. Это уже по способности человѣка разсчитано; иной на одно способенъ, а другой на другое, а способности устроены Самимъ Богомъ. — Состою я уже около тридцати лѣтъ на службѣ; служу безукоризненно, поведенія трезваго, въ безпорядкахъ никогда не замѣченъ. Какъ гражданинъ, считаю себя, собственнымъ сознаніемъ моимъ, какъ имѣющаго свои недостатки, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и добродѣтели. Уважаемъ начальствомъ, и сами его превосходительство мною довольны; и хотя еще они доселѣ не оказывали мнѣ особенныхъ знаковъ благорасположенія, но я знаю, что они довольны. Письмо мое довольно четкое и красивое, такъ, не слишкомъ крупное, но и не слишкомъ мелкое, болѣе на курсивъ сбивающееся, но при каждомъ случаѣ удовлетворительное; у насъ развѣ-развѣ только одинъ Иванъ Прокофьевичъ такъ пишетъ. Дожилъ до сѣдыхъ волосъ; грѣха за собою большого не знаю. Конечно, кто же въ маломъ не грѣшенъ? Всякій грѣшенъ, и даже вы грѣшны, маточка! Но въ большихъ проступкахъ и продерзостяхъ никогда не замѣченъ, чтобы этакъ противъ постановленій что-нибудь, или въ нарушеніи общественнаго спокойствія, въ этомъ я никогда не замѣченъ, этого не было; даже крестикъ выходилъ—ну да ужъ что! Все это вы по совѣсти должны бы были знать, маточка, и онъ долженъ бы былъ знать; ужъ какъ взялся описывать, такъ долженъ бы былъ все знать. Нѣтъ, я этого не ожидалъ отъ васъ, маточка, нѣтъ, Варинька! Вотъ отъ васъ-то именно такого и не ожидалъ.

Какъ! Такъ послѣ этого и жить себѣ смирно нельзя въ уголочкѣ своемъ,—каковъ ужъ онъ тамъ ни есть,—жить водой не замутя, по пословицѣ, никого не трогая, зная страхъ Божій, да себя самого, чтобы и тебя не затронули, чтобы и въ твою конуру не пробрались, да не посмотрѣли—что, дескать, какъ ты себѣ тамъ по-домашнему, что вотъ есть-ли, напримѣръ, у тебя жилетка хорошая, водится-ли у тебя что слѣдуетъ изъ нижняго платья, есть-ли сапоги, да и чѣмъ подбиты они; что ѣшь, что пьешь, что переписываешь? Да и что же тутъ такого, маточка, что вотъ хоть бы и я, гдѣ мостовая плоховата, пройду иной разъ на цыпочкахъ, что я сапоги берегу! Зачѣмъ писать про другого, что вотъ-де онъ иной разъ нуждается, что чаю не пьетъ? А точно всѣ и должны ужъ

такъ непремѣнно чай пить! Да развѣ я смотрю въ ротъ каждому, что, дескать, какой онъ тамъ кусокъ жуетъ? Кого же я обижалъ такимъ образомъ? Нѣтъ, маточка, зачѣмъ же другихъ обижать, когда тебя не затрагиваютъ! Ну, и вотъ вамъ примѣръ, Варвара Алексѣевна, вотъ что значитъ оно: служишь-служишь, ревностно, усердно;—чего!—и начальство само тебя уважаетъ (ужъ какъ бы тамъ ни было, а все-таки уважаетъ),—и вотъ кто-нибудь подъ самымъ носомъ твоимъ, безо всякой видимой причины, ни съ того, ни съ сего, испечетъ тебѣ пашквиль. Конечно, правда, иногда сошьешь себѣ что-нибудь новое,—радуешься, не спишь, а радуешься, сапоги новые, напримѣръ, съ такимъ сладострастіемъ надѣваешь;—это правда, я ощущалъ, потому что пріятно видѣть свою ногу въ тонкомъ щегольскомъ сапогѣ,—это вѣрно описано! Но я все-таки истинно удивляюсь, какъ Ѳедоръ-то Ѳедоровичъ безъ вниманія книжтакую пропустили, и за себя не вступились. Правда, что онъ еще молодой сановникъ, и любитъ подчасъ покричать; отчего же и не покричать? Отчего же не распечь, коли нужно нашего брата распечь. Ну да, положимъ, и такъ, напримѣръ, для тона распечь—ну и для тона нужно; нужно пріучать; нужно острастку давать; потому что—между нами будь это, Варинька—нашъ братъ ничего безъ острастки не сдѣлаетъ, всякій норовитъ только гдѣ-нибудь числиться, что вотъ, дескать, я тамъ-то и тамъ-то, а отъ дѣла-то бочкомъ да стороночкой. А такъ какъ разные чины бываютъ, и каждый чинъ требуетъ совершенно соотвѣтственной по чину распеканціи, то естественно, что послѣ этого и тонъ распеканціи выходитъ разночинный,—это въ порядкѣ вещей! Да вѣдь на томъ и свѣтъ стоитъ, маточка, что всѣ мы одинъ предъ другимъ тону задаемъ, что всякъ изъ насъ одинъ другого распекаетъ. Безъ этой предосторожности и свѣтъ бы не стоялъ, и порядка бы не было. Истинно удивляюсь, какъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ такую обиду пропустили безъ вниманія!

И для чего же такое писать? И для чего оно нужно? Что мнѣ за это шинель кто-нибудь изъ читателей сдѣлаетъ, что-ли? Сапоги, что-ли, новые купитъ?—Нѣтъ, Варинька, прочтетъ, да еще продолженія потребуетъ. Прячешься иногда, прячешься, скрываешься въ томъ, чѣмъ не взялъ, боишься носъ подчасъ показать—куда бы тамъ ни было, потому что пересуда трепещешь, потому что изъ всего что ни есть на свѣтѣ, изъ всего тебѣ пашквиль сработаютъ—и вотъ ужъ вся гражданская и семейная жизнь

твоя по литературѣ ходитъ, все напечатано, прочитано, осмѣяно, пересужено! Да тутъ и на улицу нельзя показаться будетъ; вѣдь тутъ это все такъ доказано, что нашего брата по одной походкѣ узнаешь теперь. Ну, добро бы онъ подъ концомъ-то хоть исправился, что-нибудь бы смягчилъ, помѣстилъ бы, напримѣръ, хоть послѣ того пункта, какъ ему бумажки на голову сыпали:—что вотъ, дескать, при всемъ этомъ онъ былъ добродѣтеленъ, хорошій гражданинъ, такого обхожденія отъ своихъ товарищей не заслуживалъ, послушествовалъ старшимъ (тутъ бы примѣръ можно какой-нибудь), никому зла не желалъ, вѣрилъ въ Бога и умеръ (если ему хочется, чтобы онъ уже непремѣнно умеръ)—оплаканный. А лучше всего было бы не оставлять его умирать, бѣднягу, а сдѣлать бы такъ, чтобы шинель его отыскалась, чтобы Ѳедоръ Ѳедоровичъ, то-есть что я!—чтобы тотъ генералъ, узнавши подробнѣе объ его добродѣтеляхъ, перепросили бы его въ свою канцелярію, повысили бы чиномъ и дали бы хорошій окладъ жалованья, такъ что, видите-ли, какъ бы это было: зло было бы наказано, а добродѣтель восторжествовала бы, и канцеляристы-товарищи всѣ бы ни съ чѣмъ и остались. Я бы, напримѣръ, такъ сдѣлалъ, а то что тутъ у него особеннаго, что у него тутъ хорошаго? Такъ, пустой какой-то примѣръ изъ вседневнаго, подлаго быта. Да и какъ вы-то рѣшились мнѣ такую книжку прислать, родная моя. Да вѣдь это злонамѣренная книжка, Варинька; это просто неправдоподобно, потому что и случиться не можетъ, чтобы былъ такой чиновникъ. Нѣтъ, я буду жаловаться, Варинька, формально жаловаться.

Покорнѣйшій слуга вашъ

Макаръ Дѣвушкинъ.

Іюля 27.

М. Г., Макаръ Алексѣевичъ!

Послѣднія происшествія и письма ваши испугали, поразили меня и повергли въ недоумѣніе, а разсказы Ѳедоры объяснили мнѣ все. Но зачѣмъ же было такъ отчаиваться и вдругъ упасть въ такую бездну, въ какую вы упали, Макаръ Алексѣевичъ? Ваши объясненія вовсе не удовольствовали меня. Видите-ли, была-ли я права, когда настаивала взять то выгодное мѣсто, которое мнѣ предлагали? Къ тому же и послѣднее мое приключеніе пугаетъ меня не на шутку. Вы говорите, что любовь ваша ко мнѣ заставила васъ таиться отъ меня. Я и тогда уже видѣла,

что многимъ обязана вамъ, когда вы увѣряли, что издерживаете на меня только запасныя деньги свои, которыя, какъ говорили, у васъ въ Ломбардѣ на всякій случай лежали. Теперь же, когда я узнала, что у васъ вовсе не было никакихъ денегъ, что вы, случайно узнавши о моемъ бѣдственномъ положеніи и тронувшись имъ, рѣшились издержать свое жалованье, забравъ его впередъ, и продали даже свое платье, когда я больна была,—теперь я, открытіемъ всего этого, поставлена въ такое мучительное положеніе, что до сихъ поръ не знаю, какъ принять все это и что думать объ этомъ. Ахъ, Макаръ Алексѣевичъ! Вы должны были остановиться на первыхъ благодѣяніяхъ своихъ, внушенныхъ вамъ состраданіемъ и родственною любовью, а не расточать деньги впослѣдствіи на ненужное. Вы измѣнили дружбѣ нашей, Макаръ Алексѣевичъ, потому что не были откровенны со мною, и теперь, когда я вижу, что ваше послѣднее пошло мнѣ на наряды, на конфеты, на прогулки, на театръ и на книги, то за все это я теперь дорого плачу сожалѣніемъ о своей непростительной вѣтрености (ибо я принимала отъ васъ все, не заботясь о васъ самихъ); и все то, чѣмъ вы хотѣли доставить мнѣ удовольствіе, обратилось теперь въ горе для меня и оставило по себѣ одно безполезное сожалѣніе. Я замѣчала вашу тоску въ послѣднее время, и хотя сама тоскливо ожидала чего-то, но то, что случилось теперь, мнѣ и въ умъ не входило. Какъ! Вы до такой уже степени могли упасть духомъ, Макаръ Алексѣевичъ! Но что теперь о васъ подумаютъ, что теперь скажутъ о васъ всѣ, кто васъ знаетъ? Вы, котораго я и всѣ уважали за доброту души, скромность и благоразуміе, вы теперь вдругъ впали въ такой отвратительный порокъ, въ которомъ, кажется, никогда не были замѣчены прежде. Что со мною было, когда Ѳедора разсказала мнѣ, что васъ нашли на улицѣ въ нетрезвомъ видѣ и привезли на квартиру съ полиціей! Я остолбенѣла отъ изумленія, хотя и ожидала чего-то необыкновеннаго, потому что вы четыре дня пропадали. Но подумали-ли вы, Макаръ Алексѣевичъ, что скажутъ ваши начальники, когда узнаютъ настоящую причину вашего отсутствія? Вы говорите, что надъ вами смѣются всѣ, что всѣ узнали о нашей связи, и что и меня упоминаютъ въ насмѣшкахъ своихъ сосѣди ваши. Не обращайте вниманія на это, Макаръ Алексѣевичъ, и ради Бога, успокойтесь. Меня пугаетъ еще ваша исторія съ этими офицерами; я объ ней темно слышала. Растол-

куйте мнѣ, что все это значитъ? Пишете вы, что боялись открыться мнѣ, боялись потерять вашимъ признаніемъ мою дружбу, что были въ отчаяніи, не зная, чѣмъ помочь мнѣ въ моей болѣзни, что продали все, чтобы поддержать меня и не пускать въ больницу, что задолжали сколько возможно задолжать, и имѣете каждый день непріятности съ хозяйкой,—но скрывая все это отъ меня, вы выбрали худшее. Но, вѣдь, теперь же я все узнала. Вы совѣстились заставить меня сознаться, что я была причиною вашего несчастнаго положенія, а теперь вдвое болѣе принесли мнѣ горя своимъ поведеніемъ. Все это меня поразило, Макаръ Алексѣевичъ. Ахъ, другъ мой! Несчастіе заразительная болѣзнь. Несчастнымъ и бѣднымъ нужно сторониться другъ отъ друга, чтобъ еще болѣе не заразиться. Я принесла вамъ такія несчастія, которыхъ вы и не испытывали прежде въ вашей скромной и уединенной жизни. Все это мучаетъ и убиваетъ меня. Напишите мнѣ теперь все откровенно, что̀ съ вами было и какъ вы рѣшились на такой поступокъ. Успокойте меня, если можно. Не самолюбіе заставляетъ меня писать теперь о моемъ спокойствіи, но моя дружба и любовь къ вамъ, которыя ничѣмъ не изгладятся изъ моего сердца. Прощайте. Жду отвѣта вашего съ нетерпѣніемъ. Вы худо думали обо мнѣ, Макаръ Алексѣевичъ.

Васъ сердечно любящая

Варвара Доброселова.

Іюля 28.

Безцѣнная моя Варвара Алексѣевна!

Ну ужъ, какъ теперь все кончено, и все мало-по-малу приходитъ въ прежнее положеніе, то вотъ что скажу я вамъ, маточка: вы безпокоитесь объ томъ, что̀ обо мнѣ подумаютъ, на что спѣшу объявить вамъ, Варвара Алексѣевна, что амбиція моя мнѣ дороже всего. Вслѣдствіе чего и донося вамъ объ несчастіяхъ моихъ и о всѣхъ этихъ безпорядкахъ, увѣдомляю васъ, что изъ начальства еще никто ничего не знаетъ, да и не будетъ знать, такъ что они всѣ будутъ питать ко мнѣ уваженіе попрежнему. Одного боюсь: сплетень боюсь. Дома у насъ хозяйка только кричитъ, а теперь, когда я съ помощію вашихъ десяти рублей уплатилъ ей часть долга, только ворчитъ, а болѣе ничего. Что же касается до прочихъ, то и они ничего; у нихъ только не нужно денегъ взаймы просить, а то и они ничего. А въ заключеніе объясненій моихъ,

скажу вамъ, маточка, что ваше уваженіе ко мнѣ считаю я выше всего на свѣтѣ и тѣмъ утѣшаюсь теперь во временныхъ безпорядкахъ моихъ. Слава Богу, что первый ударъ и первыя передряги миновали, и вы приняли это такъ, что не считаете меня вѣроломнымъ другомъ и себялюбцемъ за то, что я васъ у себя держалъ и обманывалъ васъ, не въ силахъ будучи съ вами разстаться и любя васъ, какъ моего ангельчика. Рачительно теперь принялся за службу и должность свою сталъ исправлять хорошо. Евстафій Ивановичъ хоть бы слово сказалъ, когда я мимо ихъ вчера проходилъ. Не скрою отъ васъ, маточка, что убиваютъ меня долги мои и худое положеніе моего гардероба, но это опять ничего, и объ этомъ тоже молю васъ—не отчаивайтесь, маточка. Посылаете мнѣ еще полтинничекъ. Варинька, и этотъ полтинничекъ мнѣ мое сердце пронзилъ. Такъ такъ-то оно теперь стало, такъ вотъ оно какъ! То-есть это не я, старый дуракъ, вамъ, ангельчику, помогаю, а вы, сироточка моя бѣдненькая, мнѣ! Хорошо сдѣлала Ѳедора, что достала денегъ. Я покамѣстъ не имѣю надеждъ никакихъ, маточка, на полученіе, а если чуть возродятся какія-нибудь надежды, то отпишу вамъ обо всемъ подробно. Но сплетни, сплетни меня безпокоятъ болѣе всего. Прощайте, мой ангельчикъ. Цѣлую вашу ручку и умоляю васъ выздоравливать. Пишу оттого не подробно, что въ должность спѣшу, ибо стараніемъ и раченіемъ хочу загладить всѣ вины мои въ упущеніи по службѣ; дальнѣйшее же повѣствованіе о всѣхъ происшествіяхъ и о приключеніи съ офицерами откладываю до вечера.

Васъ уважающій и васъ сердечно любящій

Макаръ Дѣвушкинъ.

Іюля 28.

Маточка Варинька!

Эхъ, Варинька, Варинька! Вотъ именно-то теперь грѣхъ на вашей сторонѣ, и на совѣсти вашей останется. Письмецомъ-то своимъ вы меня съ толку послѣдняго сбили, озадачили, да ужъ только теперь, какъ я на досугѣ во внутренность сердца моего проникъ, такъ и увидѣлъ, что правъ былъ, совершенно былъ правъ. Я не про дебошъ мой говорю (ну его, маточка, ну его!), а про то, что я люблю васъ и что вовсе не неблагоразумно мнѣ было любить васъ, вовсе не неблагоразумно. Вы, маточка, не знаете ничего; а вотъ если бы знали только, отчего

это все, отчего это я долженъ васъ любить, такъ вы бы не то сказали. Вы это все резонное-то только такъ говорите, а я увѣренъ, что на сердцѣ-то у васъ вовсе не то.

Маточка моя, я и самъ-то не знаю и не помню хорошо всего, что̀ было у меня съ офицерами. Нужно вамъ замѣтить, ангельчикъ мой, что до того времени я былъ въ смущеніи ужаснѣйшемъ. Вообразите себѣ, что уже цѣлый мѣсяцъ, такъ сказать, на одной ниточкѣ крѣпился. Положеніе было пребѣдственное. Отъ васъ-то я скрывался, да и дома тоже, но хозяйка моя шуму и крику надѣлала. Оно бы мнѣ и ничего. Пусть бы кричала баба негодная, да одно то, что срамъ, а второе то, что она, Господь ее знаетъ какъ, объ нашей связи узнала, и такое про нее на весь домъ кричала, что я обомлѣлъ да и уши заткнулъ. Да дѣло-то въ томъ, что другіе своихъ ушей не затыкали, а, напротивъ, развѣсили ихъ. Я и теперь, маточка, куда мнѣ дѣваться не знаю...

И вотъ, ангельчикъ мой, все-то это, весь-то этотъ сбродъ всяческаго бѣдствія и докопалъ меня окончательно. Вдругъ странныя вещи слышу я отъ Ѳедоры: что въ домъ къ вамъ явился недостойный искатель и оскорбилъ васъ недостойнымъ предложеніемъ; что онъ васъ оскорбилъ, глубоко оскорбилъ, я по себѣ сужу, маточка, потому что и я самъ глубоко оскорбился. Тутъ-то я, ангельчикъ вы мой, и свихнулся, тутъ-то я и потерялся и пропалъ совершенно. Я, другъ вы мой, Варинька, выбѣжалъ въ бѣшенствѣ какомъ-то неслыханномъ, я къ нему хотѣлъ идти, грѣховоднику; я ужъ и не зналъ, что̀ я дѣлать хотѣлъ, потому что я не хочу, чтобы васъ, ангельчика моего, обижали! Ну, грустно было! А на ту пору дождь, слякоть, тоска была страшная!.. Я было ужъ воротиться хотѣлъ... Тутъ-то я и палъ, маточка. Я Емелю встрѣтилъ, Емельяна Ильича, онъ чиновникъ, т. е. былъ чиновникъ, а теперь ужъ не чиновникъ, потому что его отъ насъ выключили.—Онъ ужъ я и не знаю что дѣлаетъ, какъ-то тамъ мается; вотъ мы съ нимъ и пошли.—Тутъ,—ну, да что вамъ, Варинька, ну, весело что-ли про несчастія друга своего читать, бѣдствія его и исторію искушеній, имъ претерпѣнныхъ? На третій день, вечеромъ, ужъ это Емеля подбилъ меня, я и пошелъ къ нему, къ офицеру-то. Адресъ-то я у нашего дворника спросилъ. Я, маточка, ужъ если къ слову сказать пришлось, давно за этимъ молодцомъ примѣчалъ; слѣдилъ его, когда еще онъ въ домѣ у насъ квартировалъ. Теперь-то я вижу, что я неприличіе сдѣ-

лалъ, потому что я не въ своемъ видѣ былъ, когда обо мнѣ ему доложили. Я, Варинька, ничего, по правдѣ, и не помню; помню только, что у него было очень много офицеровъ, или это двоилось у меня—Богъ знаетъ. Я не помню также, что я говорилъ, только я знаю, что я много говорилъ въ благородномъ негодованіи моемъ. Ну, тутъ-то меня и выгнали, тутъ-то меня и съ лѣстницы сбросили, то-есть оно не то, чтобы совсѣмъ сбросили, а только такъ вытолкали. Вы ужъ знаете, Варинька, какъ я воротился: вотъ оно и все. Конечно, я себя уронилъ, и амбиція моя пострадала, но вѣдь этого никто не знаетъ, изъ постороннихъ-то никто, кромѣ васъ, не знаетъ, ну, а въ такомъ случаѣ, это все равно, что какъ бы его и не было. Можетъ-быть, это и такъ, Варинька, какъ вы думаете? Что мнѣ только достовѣрно извѣстно, такъ это то, что прошлый годъ у насъ Аксентій Осиповичъ такимъ же образомъ дерзнулъ на личность Петра Петровича, но по секрету, онъ это сдѣлалъ по секрету. Онъ его зазвалъ въ сторожевскую комнату, я это все въ щелочку видѣлъ; да ужъ тамъ онъ какъ надобно было и распорядился, но благороднымъ образомъ, потому что этого никто не видалъ, кромѣ меня; ну, а я ничего, то-есть я хочу сказать, что я не объявлялъ никому. Ну, а послѣ этого Петръ Петровичъ и Аксентій Осиповичъ ничего. Петръ Петровичъ, знаете, амбиціонный такой, такъ онъ и никому не сказалъ, такъ что они теперь и кланяются, и руки жмутъ. Я не спорю, я, Варинька, съ вами спорить не смѣю, я глубоко упалъ, и, что всего ужаснѣе, въ собственномъ мнѣніи своемъ проигралъ, но ужъ это вѣрно мнѣ такъ на роду было написано, ужъ, это вѣрно судьба,—а отъ судьбы не убѣжишь, сами знаете.—Ну, вотъ и подробное объясненіе несчастій моихъ и бѣдствій, Варинька, вотъ—все такое, что хоть бы и не читать, такъ въ ту же пору.—Я много нездоровъ, маточка моя, и всей игривости чувствъ лишился. Посему теперь свидѣтельствуя вамъ мою привязанность, любовь и уваженіе, пребываю, милостивая государыня моя, Варвара Алексѣевна,

покорнѣйшимъ слугою вашимъ

Макаромъ Дѣвушкинымъ.

Іюля 29.

Милостивый Государь,

Макаръ Алексѣевичъ!

Я прочла ваши оба письма, да такъ и ахнула! Послу-

шайте, другъ мой, вы или отъ меня умалчиваете что-нибудь и написали мнѣ только часть всѣхъ непріятностей вашихъ, или... право, Макаръ Алексѣевичъ, письма ваши еще отзываются какимъ-то разстройствомъ... Приходите ко мнѣ, ради Бога, приходите сегодня; да послушайте, вы знаете, ужъ такъ прямо приходите къ намъ обѣдать. Я ужъ и не знаю, какъ вы тамъ живете и какъ съ хозяйкой вашей уладились. Вы объ этомъ обо всемъ ничего не пишете и какъ будто съ намѣреніемъ умалчиваете. Такъ до свиданія, другъ мой; заходите къ намъ непремѣнно сегодня; да ужъ лучше бы вы сдѣлали, если-бъ и всегда приходили къ намъ обѣдать. Ѳедора готовитъ очень хорошо. Прощайте.

Ваша

Варвара Доброселова.

Августа 1.

Матушка, Варвара Алексѣевна!

Рады вы, матушка, что Богъ вамъ случай послалъ, въ свою очередь, за добро добромъ отслужить и меня отблагодарить. Я этому вѣрю, Варинька, и въ доброту ангельскаго сердечка вашего вѣрю, и не въ укоръ вамъ говорю,— только не попрекайте меня, какъ тогда, что я на старости лѣтъ замотался. Ну, ужъ былъ грѣхъ такой, что-жъ дѣлать!—Если ужъ хотите непремѣнно, чтобы тутъ грѣхъ какой былъ; только вотъ, отъ васъ-то, дружочекъ мой, слушать такое мнѣ многаго стоитъ! А вы на меня не сердитесь, что я это говорю, у меня въ груди-то, маточка, все изныло. Бѣдные люди капризны:—это ужъ такъ отъ природы устроено. Я это и прежде чувствовалъ. Онъ, бѣдный-то человѣкъ, онъ взыскателенъ; онъ и на свѣтъ-то Божій иначе смотритъ, и на каждаго прохожаго косо глядитъ, да вокругъ себя смущеннымъ взоромъ поводитъ, да прислушивается къ каждому слову—дескать, не про него-ли тамъ что говорятъ? Что вотъ, дескать, что же онъ такой неказистый? Что бы онъ такое именно чувствовалъ? Что вотъ, напримѣръ, каковъ онъ будетъ съ этого боку, каковъ будетъ съ того боку? И вѣдомо каждому, Варинька, что бѣдный человѣкъ хуже ветошки и никакого ни отъ кого уваженія получить не можетъ, что ужъ тамъ ни пиши! они-то, пачкуны-то эти, что ужъ тамъ ни пиши—все будетъ въ бѣдномъ человѣкѣ такъ, какъ и было. А отчего же такъ и будетъ попрежнему? А оттого, что ужъ у бѣднаго человѣка, по-ихнему,

все на изнанку должно быть; что ужъ у него ничего не должно быть завѣтнаго, тамъ амбиціи какой-нибудь ни-ни-ни! Вонъ Емеля говорилъ намедни, что ему гдѣ-то подписку дѣлали, такъ ему за каждый гривенникъ, въ нѣкоторомъ родѣ, офиціальный осмотръ дѣлали. Они думали, что они даромъ свои гривенники ему даютъ—анъ нѣтъ: они заплатили за то, что имъ бѣднаго человѣка показывали. Нынче, маточка, и благодѣянія-то какъ-то чудно дѣлаются... а, можетъ-быть, и всегда такъ дѣлались, кто ихъ знаетъ! Или не умѣютъ они дѣлать, или ужъ мастера большіе—одно изъ двухъ. Вы, можетъ-быть, этого не знали, ну, такъ вотъ вамъ! Въ чемъ другомъ мы пасъ, а ужъ въ этомъ извѣстны! А почему бѣдный человѣкъ знаетъ все это, да думаетъ все такое? А почему?—ну, по опыту! А оттого, напримѣръ, что онъ знаетъ, что есть подъ бокомъ у него такой господинъ, что̀ вотъ идетъ куда-нибудь къ ресторану да говоритъ самъ съ собой: что вотъ, дескать, этотъ голь-чиновникъ, что̀ будетъ ѣсть сегодня? а я соте-папильйотъ буду ѣсть, а онъ, можетъ-быть, кашу безъ масла ѣсть будетъ.—А какое ему дѣло, что я буду кашу безъ масла ѣсть? Бываетъ такой человѣкъ, Варинька, бываетъ, что только объ такомъ и думаетъ. И они ходятъ, пашквилянты неприличные, да смотрятъ, что, дескать, всей-ли ногой на камень ступаешь, али носочкомъ однимъ; что-де вотъ у такого-то чиновника, такого-то вѣдомства, титулярнаго совѣтника, изъ сапога голые пальцы торчатъ, что вотъ у него локти продраны—и потомъ тамъ себѣ это все и описываютъ, и дрянь такую печатаютъ... А какое тебѣ дѣло, что у меня локти продраны? Да, ужъ если вы мнѣ простите, Варинька, грубое слово, такъ я вамъ скажу, что у бѣднаго человѣка на этотъ счетъ тотъ же самый стыдъ, какъ и у васъ, примѣромъ сказать, дѣвическій. Вѣдь вы передъ всѣми—грубое-то словцо мое простите—разоблачаться не станете; вотъ, такъ точно и бѣдный человѣкъ не любитъ, чтобы въ его конуру заглядывали, что, дескать, каковы-то тамъ его отношенія будутъ семейныя—вотъ. А то что̀ было тогда обижать меня, Варинька, купно со врагами моими, на честь и амбицію честнаго человѣка посягающими!

Да и въ присутствіи-то я сегодня сидѣлъ такимъ медвѣжонкомъ, такимъ воробьемъ ощипаннымъ, что чуть самъ за себя со стыда не сгорѣлъ. Стыденько мнѣ было, Варинька! Да, ужъ натурально робѣешь, когда сквозь одежду

голые локти свѣтятся, да пуговки на ниточкахъ мотаются. А у меня, какъ нарочно, все это было въ такомъ безпорядкѣ! Поневолѣ упадешь духомъ. Чего!.. самъ Степанъ Карловичъ сегодня началъ было по дѣлу со мной говорить, говорилъ-говорилъ, да какъ будто невзначай и прибавилъ: „Эхъ, вы, батюшка, Макаръ Алексѣевичъ!“ да и не договорилъ остальнаго-то объ чемъ онъ думалъ, а только я ужъ самъ обо всемъ догадался, да такъ покраснѣлъ, что даже лысина моя покраснѣла. Оно въ сущности-то и ничего, да все-таки безпокойно, на размышленія наводитъ тяжкія. Ужъ не провѣдали-ли чего они! А, Боже сохрани, ну, какъ объ чемъ-нибудь провѣдали! Я, признаюсь, подозрѣваю, сильно подозрѣваю одного человѣчка. Вѣдь этимъ злодѣямъ ни почемъ! Выдадутъ! Всю частную твою жизнь ни за грошъ выдадутъ;—святого ничего не имѣется.

Я знаю теперь, чья это штука: это Ратазяева штука. Онъ съ кѣмъ-то знакомъ въ нашемъ вѣдомствѣ, да вѣрно такъ, между разговоромъ, и передалъ ему все съ прибавленіями; или, пожалуй, разсказалъ въ своемъ вѣдомствѣ, а оно выползло да и приползло въ наше вѣдомство. А въ квартирѣ у насъ всѣ до послѣдняго знаютъ, и къ вамъ въ окно пальцемъ показываютъ; это ужъ я знаю, что показываютъ. А какъ я вчера къ вамъ обѣдать пошелъ, то всѣ они изъ оконъ повысовывались, а хозяйка сказала, что вотъ, дескать, чортъ съ младенцемъ связались, да и васъ она назвала потомъ неприлично. Но все же это ничто передъ гнуснымъ намѣреніемъ Ратазяева насъ съ вами въ литературу свою помѣстить и въ тонкой сатирѣ насъ описать; онъ это самъ говорилъ, а мнѣ добрые люди изъ нашихъ пересказали. Я ужъ и думать ни о чемъ не могу, маточка, и рѣшиться не знаю на что. Нечего грѣха таить, прогнѣвили мы Господа Бога, ангельчикъ мой! Вы, маточка, мнѣ книжку какую-то хотѣли, ради скуки, прислать. А ну ее, книжку, маточка! Что она, книжка? Она небылица въ лицахъ! И романъ вздоръ, и для вздора написанъ, такъ, празднымъ людямъ читать: повѣрьте мнѣ, маточка, опытности моей многолѣтней повѣрьте. И что тамъ, если они васъ заговорятъ Шекспиромъ какимъ-нибудь, что, дескать, видишь-ли, въ литературѣ Шекспиръ есть,—такъ и Шекспиръ вздоръ, все это сущій вздоръ, и все для одного пашквиля сдѣлано!

Вашъ

Макаръ Дѣвушкинъ.

Августа 2.

Милостивый Государь,
Макаръ Алексѣевичъ!

Не безпокойтесь ни объ чемъ; дастъ Господь Богъ—все уладится. Ѳедора достала и себѣ, и мнѣ кучу работы, и мы превесело принялись за дѣло; можетъ-быть, и все поправимъ. Подозрѣваетъ она, что всѣ мои послѣднія непріятности не чужды Анны Ѳедоровны; но теперь мнѣ все равно. Мнѣ сегодня какъ-то необыкновенно весело. Вы хотите занимать деньги,—сохрани васъ Господи! Послѣ не оберетесь бѣды, когда отдавать будетъ нужно. Лучше живите-ка съ нами покороче, приходите къ намъ почаще и не обращайте вниманія на вашу хозяйку. Что же касается до остальныхъ враговъ и недоброжелателей вашихъ, то я увѣрена, что вы мучаетесь напрасными сомнѣніями, Макаръ Алексѣевичъ! Смотрите, вѣдь я вамъ говорила прошедшій разъ, что у васъ слогъ чрезвычайно неровный. Ну, прощайте, до свиданья. Жду васъ непремѣнно къ себѣ.

Ваша

В. Д.

Августа 3.

Ангельчикъ мой, Варвара Алексѣевна!

Спѣшу вамъ сообщить, жизненочекъ вы мой, что у меня надежды родились кое-какія. Да позвольте, дочечка вы моя,—пишете, ангельчикъ, чтобъ мнѣ займовъ не дѣлать? Голубчикъ вы мой, невозможно безъ нихъ; ужъ и мнѣ-то худо, да и съ вами-то, чего добраго, что-нибудь вдругъ да не такъ! Вѣдь вы слабенькія; такъ вотъ я къ тому и пишу, что занять-то непремѣнно нужно. Ну, такъ я и продолжаю.

Замѣчу вамъ, Варвара Алексѣевна, что въ присутствіи я сижу рядомъ съ Емельяномъ Ивановичемъ. Это не съ тѣмъ Емельяномъ, котораго вы знаете. Этотъ, такъ же какъ и я, титулярный совѣтникъ, и мы съ нимъ во всемъ нашемъ вѣдомствѣ чуть-ли не самые старые, коренные служивые. Онъ—добрая душа, безкорыстная душа. да не разговорчивый такой, и всегда настоящимъ медвѣдемъ смотритъ. Зато дѣловой, перо у него чистый англійскій почеркъ, и если ужъ всю правду сказать, то не хуже меня пишетъ,—достойный человѣкъ! Коротко мы съ нимъ никогда не сходились, а такъ только, по обычаю, прощайте да здравствуйте; да если подчасъ мнѣ ножичекъ надобился,

то, случалось, попрошу—дескать, дайте, Емельянъ Ивановичъ, ножичка, однимъ словомъ, было только то, что общежитіемъ требуется. Вотъ онъ и говоритъ мнѣ сегодня: Макаръ Алексѣевичъ, что, дескать, вы такъ призадумались? Я вижу, что добра желаетъ мнѣ человѣкъ, да и открылся ему — дескать, такъ и такъ, Емельянъ Ивановичъ, т. е. всего не сказалъ, да и, Боже сохрани, никогда не скажу, потому что сказать-то нѣтъ духу, а такъ коевъ-чемъ открылся ему, что вотъ, дескать, стѣсненъ, и тому подобное. „А вы бы, батюшка, говоритъ Емельянъ Ивановичъ: — вы бы заняли; вотъ хоть бы у Петра Петровича заняли, онъ даетъ на проценты; я занималъ; и процентъ беретъ пристойный — неотягчительный“. Ну, Варинька, вспрыгнуло у меня сердечко. Думаю-думаю, авось Господь ему на душу положитъ, Петру Петровичу благодѣтелю, да и дастъ онъ мнѣ взаймы. Самъ ужъ и разсчитываю, что вотъ бы-де и хозяйкѣ-то заплатилъ, и вамъ бы помогъ, да и самъ бы кругомъ обчинился, а то такой срамъ, жутко даже на мѣстѣ сидѣть, кромѣ того, что вотъ зубоскалы-то наши смѣются, Богъ съ ними! Да и его-то превосходительство мимо нашего стола иногда проходятъ: ну, сохрани Боже, бросятъ взоръ на меня да примѣтятъ, что я одѣтъ неприлично! А у нихъ главное—чистота и опрятность. Они-то, пожалуй, и ничего не скажутъ, да я-то отъ стыда умру, — вотъ какъ это будетъ. Вслѣдствіе чего, я, скрѣпившись и спрятавъ свой стыдъ въ дырявый карманъ, направился къ Петру Петровичу, и надежды-то полнъ, и ни живъ, ни мертвъ отъ ожиданія — все вмѣстѣ. Ну, что же, Варинька, вѣдь все вздоромъ и кончилось! Онъ что-то былъ занятъ, говорилъ съ Ѳедосѣемъ Ивановичемъ. Я къ нему подошелъ сбоку да и дернулъ его за рукавъ, дескать, Петръ Петровичъ, а Петръ Петровичъ! — Онъ оглянулся, а я продолжаю: что, дескать, вотъ такъ и такъ, рублей тридцать и т. д.— Онъ сначала было не понялъ меня, а потомъ, когда я объяснилъ ему все, такъ онъ и засмѣялся, да и ничего, замолчалъ. Я опять къ нему съ тѣмъ же. А онъ мнѣ— закладъ у васъ есть?—А самъ уткнулся въ свою бумагу, пишетъ и на меня не глядитъ. — Я немного оторопѣлъ. Нѣтъ, говорю, Петръ Петровичъ, заклада нѣтъ,—да и объясняю ему—что вотъ, дескать, какъ будетъ жалованье, такъ я и отдамъ, непремѣнно отдамъ, первымъ долгомъ почту.— Тутъ его кто-то позвалъ, я подождалъ его, онъ воротился, да и сталъ перо чинить, а меня какъ будто не замѣчаетъ. А

я все про свое, что, дескать, Петръ Петровичъ, нельзя-ли какъ-нибудь? Онъ молчитъ и какъ будто не слышитъ, я постоялъ-постоялъ, ну, думаю, попробую въ послѣдній разъ, да и дернулъ его за рукавъ. Онъ хоть бы что-нибудь вымолвилъ, очинилъ перо, да и сталъ писать; я и отошелъ. Они, маточка, видите-ли, можетъ-быть, и достойные люди всѣ, да гордые, очень гордые, — что мнѣ! Куда намъ до нихъ, Варинька! Я къ тому вамъ и написалъ все это.— Емельянъ Ивановичъ тоже засмѣялся, да головой покачалъ, зато обнадежилъ меня, сердечный. Емельянъ Ивановичъ достойный человѣкъ. Обѣщалъ онъ меня рекомендовать одному человѣку; человѣкъ-то этотъ, Варинька, на Выборгской живетъ, тоже даетъ на проценты, 14-го класса какой-то. Емельянъ Ивановичъ говоритъ, этотъ уже непремѣнно дастъ; я завтра, ангельчикъ мой, пойду,—а? Какъ вы думаете? Вѣдь бѣда не запять! Хозяйка меня чуть съ квартиры не гонитъ и обѣдать мнѣ давать не соглашается. Да и сапоги-то у меня больно худы, маточка, да и пуговокъ нѣтъ, да того-ли еще нѣтъ, у меня! А ну какъ изъ начальства-то кто-нибудь замѣтитъ подобное неприличіе? Бѣда, Варинька, бѣда, просто бѣда!

Макаръ Дѣвушкинъ.

Августа 4.

Любезный Макаръ Алексѣевичъ!

Ради Бога, Макаръ Алексѣевичъ, какъ только можно скорѣе займите сколько-нибудь денегъ; я бы ни за что не попросила у васъ помощи въ теперешнихъ обстоятельствахъ, но если бы вы знали, каково мое положеніе? Въ этой квартирѣ намъ никакъ нельзя оставаться. У меня случились ужаснѣйшія непріятности, и если-бы вы знали, въ какомъ я теперь разстройствѣ и волненіи! Вообразите, другъ мой: сегодня утромъ входитъ къ намъ человѣкъ незнакомый, пожилыхъ лѣтъ, почти старикъ, съ орденами. Я изумилась, не понимая, чего ему нужно у насъ? Ѳедора вышла въ это время въ лавочку. Онъ сталъ меня разспрашивать, какъ я живу и что дѣлаю, и, не дождавшись отвѣта, объявилъ мнѣ, что онъ дядя того офицера; что онъ очень сердитъ на племянника за его дурное поведеніе, и за то, что онъ ославилъ насъ на весь домъ; сказалъ, что племянникъ-то его мальчишка и вѣтрогонъ, и что онъ готовъ взять меня подъ свою защиту; не совѣтовалъ мнѣ слушать молодыхъ людей, прибавилъ, что

онъ соболѣзнуетъ обо мнѣ какъ отецъ, что онъ питаетъ ко мнѣ отеческія чувства, и готовъ мнѣ во всемъ помогать. Я вся краснѣла, не знала, что и подумать, но не спѣшила благодарить. Онъ взялъ меня насильно за руку, потрепалъ меня по щекѣ, сказалъ, что я прехорошенькая, и что онъ чрезвычайно доволенъ тѣмъ, что у меня есть на щекахъ ямочки (Богъ знаетъ, что онъ говорилъ!), и, наконецъ, хотѣлъ меня поцѣловать, говоря, что онъ уже старикъ (онъ былъ такой гадкой!).— Тутъ вошла Ѳедора. Онъ немного смутился и опять заговорилъ, что чувствуетъ ко мнѣ уваженіе за мою скромность и благонравіе, и что очень желаетъ, чтобы я его не чуждалась. Потомъ отозвалъ въ сторону Ѳедору и подъ какимъ-то страннымъ предлогомъ хотѣлъ дать ей сколько-то денегъ. Ѳедора, разумѣется, не взяла. Наконецъ, онъ собрался домой, повторилъ еще разъ всѣ свои увѣренія, сказалъ, что еще разъ ко мнѣ пріѣдетъ и привезетъ мнѣ сережки (кажется, онъ самъ былъ очень смущенъ); совѣтовалъ мнѣ перемѣнить квартиру и рекомендовалъ мнѣ одну прекрасную квартиру, которая у него на примѣтѣ и которая мнѣ ничего не будетъ стоить; сказалъ, что онъ очень полюбилъ меня затѣмъ, что я честная и благоразумная дѣвушка, совѣтовалъ остерегаться развратной молодежи, и, наконецъ, объявилъ, что знаетъ Анну Ѳедоровну, и что Анна Ѳедоровна поручила ему сказать мнѣ, что она сама навѣститъ меня. Тутъ я все поняла. Я не знаю, что со мною сталось; въ первый разъ въ жизни я испытывала такое положеніе; я изъ себя вышла; я застыдила его совсѣмъ. Ѳедора помогла мнѣ и почти выгнала его изъ квартиры. Мы рѣшили, что это все дѣло Анны Ѳедоровны: иначе съ какой стороны ему знать о насъ?

Теперь я къ вамъ обращаюсь, Макаръ Алексѣевичъ, и молю васъ о помощи. Не оставляйте меня, ради Бога, въ такомъ положеніи! Займите, пожалуйста, хоть сколько-нибудь достаньте денегъ, намъ не на что съѣхать съ квартиры, а оставаться здѣсь никакъ нельзя болѣе: такъ и Ѳедора совѣтуетъ. Намъ нужно, по крайней мѣрѣ, рублей 25; я вамъ эти деньги отдамъ; я ихъ заработаю; Ѳедора мнѣ на-дняхъ еще работы достанетъ, такъ что если васъ будутъ останавливать большіе проценты, то вы не смотрите на нихъ и согласитесь на все. Я вамъ все отдамъ, только ради Бога не оставьте меня помощію. Мнѣ многаго стóитъ безпокоить васъ теперь, когда вы въ такихъ обстоятельствахъ, но на васъ одного вся надежда

моя! Прощайте, Макаръ Алексѣевичъ, подумайте обо мнѣ, и дай вамъ Богъ успѣха!

В. Д.

Августа 4.

Голубчикъ мой, Варвара Алексѣевна!

Вотъ эти-то всѣ удары неожиданные и потрясаютъ меня! Вотъ такія-то бѣдствія страшныя и убиваютъ духъ мой! Кромѣ того, что сбродъ этихъ лизоблюдчиковъ разныхъ и старикашекъ негодныхъ васъ, моего ангельчика, на болѣзненный одръ свести хочетъ, кромѣ этого всего—они и меня, лизоблюды-то эти, извести хотятъ. И изведутъ, клятву кладу, что изведутъ! Вѣдь вотъ я теперь скорѣе умереть готовъ, чѣмъ вамъ не помочь!—Не помоги я вамъ, такъ ужъ тутъ, смерть моя, Варинька, тутъ ужъ чистая, настоящая смерть, а помоги, такъ вы тогда у меня улетите, какъ пташка изъ гнѣздышка, которую совы-то эти, хищныя птицы заклевать собирались. Вотъ это-то меня и мучаетъ, маточка. Да и вы-то, Варинька, вы-то какія жестокія! Какъ же вы это? Васъ мучаютъ, васъ обижаютъ, вы, птенчикъ мой, страдаете, да еще горюете, что меня безпокоить нужно, да еще обѣщаетесь долгъ заработать, то-есть, по правдѣ сказать, убиваться будете съ вашимъ здоровьемъ слабенькимъ, чтобъ меня къ сроку выручить. Да вѣдь вы, Варинька, только подумайте, о чемъ вы толкуете! Да зачѣмъ же вамъ шить, зачѣмъ же работать, головку свою бѣдную заботою мучить, ваши глазки хорошенькіе портить и здоровье свое убивать? Ахъ, Варинька, Варинька! Видите-ли, голубчикъ мой, я никуда не гожусь, и самъ знаю, что никуда не гожусь, но я сдѣлаю такъ, что буду годиться! Я все превозмогу, я самъ работы посторонней достану, переписывать буду разныя бумаги разнымъ литераторамъ, пойду къ нимъ, самъ пойду, навяжусь на работу, потому что вѣдь они, маточка, ищутъ хорошихъ писцовъ, я это знаю, что ищутъ, а вамъ себя изнурять не дамъ; пагубнаго такого намѣренія не дамъ вамъ исполнить. Я, ангельчикъ мой, непремѣнно займу, и скорѣе умру, чѣмъ не займу. И пишете, голубушка вы моя, чтобы я проценту не испугался большого,—и не испугаюсь, маточка, не испугаюсь, ничего теперь не испугаюсь. Я, маточка, попрошу 40 рублей ассигнаціями; вѣдь не много, Варинька, какъ вы думаете? Можно-ли сорокъ-то рублей мнѣ съ перваго слова повѣрить? То-есть, я хочу сказать, считаете-ли вы меня способнымъ внушить, съ перваго

взгляда, вѣроятіе и довѣренность? По физіономіи-то по первому взгляду, можно-ли судить обо мнѣ благопріятнымъ образомъ? Вы припомните, ангельчикъ, способенъ-ли я ко внушенію-то? Какъ вы тамъ отъ себя полагаете? Знаете-ли, страхъ такой чувствуется,—болѣзненно, истинно сказать, болѣзненно! Изъ сорока рублей двадцать пять отлагаю на васъ, Варинька; два цѣлковыхъ хозяйкѣ, а остальное назначаю для собственной траты. Видите-ли, хозяйкѣ-то слѣдовало бы дать и побольше, даже необходимо; но вы сообразите все дѣло, маточка, перечтите-ка всѣ мои нужды, такъ и увидите, что ужъ никакъ нельзя болѣе дать, слѣдовательно, нечего и говорить объ этомъ, да и упоминать не нужно. На рубль серебромъ куплю сапоги; я ужъ и не знаю, способенъ-ли я буду въ старыхъ-то завтра въ должность явиться. Платочекъ шейный тоже былъ бы необходимъ, ибо старому скоро годъ минетъ: но такъ какъ вы мнѣ изъ стараго фартучка вашего не только платокъ, но и манишку выкроить обѣщались, то я о платкѣ и думать больше не буду. Такъ вотъ сапоги и платокъ есть. Теперь пуговки, дружокъ мой! Вѣдь вы согласитесь, крошечка моя, что мнѣ безъ пуговокъ быть нельзя; а у меня чуть-ли не половина борта обсыпалась. Я трепещу, когда подумаю, что его превосходительство могутъ такой безпорядокъ замѣтить, да скажутъ—да что скажутъ! Я, маточка, и не услышу, что скажутъ, ибо умру, умру, на мѣстѣ умру, такъ-таки возьму да и умру отъ стыда, отъ мысли одной!— Охъ, маточка!—Да вотъ еще останется отъ всѣхъ необходимостей трехрублевикъ, такъ вотъ это на жизнь, и на полфунтика табачку, потому что, ангельчикъ мой, я безъ табаку-то жить не могу, а ужъ вотъ девятый день трубки въ ротъ не бралъ. Я бы, по совѣсти говоря, купилъ бы, да и вамъ ничего не сказалъ, да совѣстно. Вотъ у васъ тамъ бѣда, вы послѣдняго лишаетесь, а я здѣсь разными удовольствіями наслаждаюсь; такъ вотъ для того и говорю вамъ все это, чтобы угрызенія совѣсти не мучили. Я вамъ откровенно признаюсь, Варинька, я теперь въ крайне бѣдственномъ положеніи, то-есть рѣшительно ничего подобнаго никогда со мной не бывало. Хозяйка презираетъ меня, уваженія ни отъ кого нѣтъ никакого; недостатки страшнѣйшіе, долги; а въ должности, гдѣ отъ своего брата чиновника и прежде мнѣ не было масляницы,—теперь, маточка, и говорить нечего. Я скрываю, я тщательно отъ всѣхъ все скрываю, и самъ скрываюсь, и въ должность-то вхожу когда, такъ бочкомъ-бочкомъ, сторонюсь отъ всѣхъ

Вѣдь это вамъ только признаться достаетъ у меня силы душевной... А ну, какъ не дастъ! Ну, нѣтъ, лучше, Варинька, и не думать объ этомъ, и такими мыслями заранѣе не убивать души своей. Къ тому и пишу это, чтобы предостеречь васъ, чтобы сами вы объ этомъ не думали и мыслію злою не мучились. Ахъ, Боже мой, что это съ вами-то будетъ тогда! Оно правда и то, что вы тогда съ этой квартиры не съѣдете, и я буду съ вами,—да, нѣтъ, ужъ я и не ворочусь тогда, я, просто, сгину куда-нибудь, пропаду. Вотъ я вамъ здѣсь расписался, а побриться-бы нужно, оно все благообразнѣе, а благообразіе всегда умѣетъ найти. Ну, дай-то, Господи! Помолюсь, да и въ путь!

М. Дѣвушкинъ.

Августа 5.

Любезнѣйшій Макаръ Алексѣевичъ!

Ужъ хоть вы-то бы не отчаивались! И такъ горя довольно. — Посылаю вамъ тридцать копѣекъ серебромъ; больше никакъ не могу. Купите себѣ тамъ, что вамъ болѣе нужно, чтобы хоть до завтра прожить какъ-нибудь. У насъ у самихъ почти ничего не осталось, а завтра ужъ и не знаю, что будетъ. Грустно, Макаръ Алексѣевичъ! Впрочемъ, не грустите: не удалось, такъ что-жъ дѣлать! Ѳедора говоритъ, что еще не бѣда, что можно до времени и на этой квартирѣ остаться, что если бы и переѣхали, такъ все бы немного выгадали, и что если захотятъ, такъ вездѣ насъ найдутъ. Да только все какъ-то не хорошо здѣсь оставаться теперь. Если бы не грустно было, я бы вамъ кое-что написала.

Какой у васъ странный характеръ, Макаръ Алексѣевичъ! Вы ужъ слишкомъ сильно все принимаете къ сердцу; отъ этого вы всегда будете несчастнѣйшимъ человѣкомъ. Я внимательно читаю всѣ ваши письма и вижу, что въ каждомъ письмѣ вы обо мнѣ такъ мучаетесь и заботитесь, какъ никогда о себѣ не заботились. Всѣ, конечно, скажутъ, что у васъ доброе сердце, но я скажу, что оно ужъ слишкомъ доброе. Я вамъ даю дружескій совѣтъ, Макаръ Алексѣевичъ. Я вамъ благодарна, очень благодарна за все, что вы для меня сдѣлали, я все это очень чувствую; такъ судите же, каково мнѣ видѣть, что вы и теперь, послѣ всѣхъ вашихъ бѣдствій, которыхъ я была невольною причиною,—что и теперь живете только тѣмъ, что я живу: моими радостями, моими горестями, моимъ сердцемъ! Если принимать все чужое такъ къ сердцу и если такъ сильно

всему сочувствовать, то, право, есть отчего быть несчастнѣйшимъ человѣкомъ. Сегодня, когда вы вошли ко мнѣ послѣ должности, я испугалась, глядя на васъ. Вы были такой блѣдный, перепуганный, отчаянный: на васъ лица не было,—и все оттого, что вы боялись мнѣ разсказать о своей неудачѣ, боялись меня огорчить, меня испугать, а какъ увидѣли, что я чуть не засмѣялась, то у васъ почти все отлегло отъ сердца. Макаръ Алексѣевичъ! Вы не печальтесь, не отчаивайтесь, будьте благоразумнѣе,—прошу васъ, умоляю васъ объ этомъ. Ну, вотъ вы увидите, что все будетъ хорошо, все перемѣнится къ лучшему; а то вамъ тяжело будетъ жить, вѣчно тоскуя и болѣя чужимъ горемъ. Прощайте, мой другъ: умоляю васъ не безпокойтесь слишкомъ обо мнѣ.

В. Д.

Августа 5.

Голубчикъ мой, Варинька!

Ну, хорошо, ангельчикъ мой, хорошо! Вы рѣшили, что еще не бѣда оттого, что я денегъ не досталъ. Ну, хорошо, я спокоенъ, я счастливъ на вашъ счетъ. Даже радъ, что вы меня, старика, не покидаете и на этой квартирѣ останетесь. Да ужъ если все говорить, такъ и сердце-то мое все радостію переполнилось, когда я увидѣлъ, что обо мнѣ, въ своемъ письмецѣ, такъ хорошо написали и чувствамъ моимъ должную похвалу воздали. Я это не отъ гордости говорю, но оттого, что вижу, какъ вы меня любите, когда объ сердцѣ моемъ такъ безпокоитесь. Ну, хорошо; что ужъ теперь объ сердцѣ-то моемъ говорить! Сердце само по себѣ,—а вотъ вы наказываете, маточка, чтобы я малодушнымъ не былъ. Да, ангельчикъ мой, пожалуй, и самъ скажу, что не нужно его, малодушія-то; да при всемъ этомъ, рѣшите сами, маточка моя, въ какихъ сапогахъ я завтра на службу пойду!—Вотъ оно что, маточка; а вѣдь подобная мысль погубить человѣка можетъ, совершенно погубить. А, главное, родная моя, что я не для себя и тужу, не для себя и страдаю; по мнѣ все равно, хоть бы и въ трескучій морозъ безъ шинели и безъ сапоговъ ходить, я перетерплю, и все вынесу, мнѣ ничего; человѣкъ-то я простой, маленькій,—но что люди скажутъ?—Враги-то мои, злые-то языки эти всѣ что заговорятъ, когда безъ шинели пойдешь? Вѣдь для людей и въ шинели ходишь, да и сапоги, пожалуй, для нихъ же носишь. Сапоги въ такомъ случаѣ, маточка, душечка вы моя, нужны мнѣ для

поддержки чести и добраго имени: въ дырявыхъ же сапогахъ, и то, и другое пропало,—повѣрьте, маточка, опытности моей многолѣтней повѣрьте, меня, старика, знающаго свѣтъ и людей, послушайте, а не пачкуновъ какихъ-нибудь и марателей.

А я вамъ еще и не разсказывалъ въ подробности, маточка, какъ это въ сущности все было сегодня. А того я натерпѣлся, столько тяготы душевной въ одно утро вынесъ, чего иной и въ цѣлый годъ не вынесетъ. Вотъ оно было какъ:—пошелъ, во-первыхъ, я, ранымъ-ранешенько, чтобы и его-то застать, да и на службу поспѣть. Дождь былъ такой, слякоть такая была сегодня! Я, ясочка моя, въ шинель-то закутался, иду-иду, да все думаю:—Господи! прости, дескать, мои согрѣшенія и пошли исполненіе желаній.—Мимо —ской церкви прошелъ, перекрестился, во всѣхъ грѣхахъ покаялся, да вспомнилъ, что недостойно мнѣ съ Господомъ Богомъ уговариваться. Погрузился я въ себя самого, и глядѣть ни на что не хотѣлось; такъ ужъ, не разбирая дороги, пошелъ. На улицахъ было пусто, а кто встрѣчался, такъ все такіе занятые, озабоченные, да и не диво: кто въ такую пору раннюю и въ такую погоду гулять пойдетъ! Артель работниковъ испачканныхъ повстрѣчалась со мною; затолкали меня мужичье! Робость нашла на меня, жутко становилось, ужъ я объ деньгахъ-то и думать, по правдѣ, не хотѣлъ,—на-авось, такъ на-авось! У самаго Воскресенскаго моста у меня подошва отстала, такъ что ужъ и самъ не знаю, на чемъ я пошелъ. А тутъ нашъ писарь Ермолаевъ повстрѣчался со мною, вытянулся, стоитъ, глазами провожаетъ, словно на водку проситъ; эхъ, братецъ, подумалъ я, на водку, ужъ какая тутъ водка! Усталъ я ужасно, пріостановился, отдохнулъ немного, да и потянулся дальше. Нарочно разглядывалъ, къ чему бы мыслями прилѣпиться, развлечься, пріободриться, да нѣтъ; ни одной мысли ни къ чему не могъ прилѣпить, да и загрязнился вдобавокъ такъ, что самого себя стыдно стало. Увидѣлъ, наконецъ, я издали домъ деревянный желтый, съ мезонипомъ въ родѣ бельведера,—ну, такъ, думаю, такъ оно и есть, такъ и Емельянъ Ивановичъ говорилъ,—Маркова домъ. (Онъ и есть этотъ Марковъ, маточка, что на проценты даетъ). Я ужъ и себя тутъ не вспомнилъ, и вѣдь зналъ, что Маркова домъ, а спросилъ-таки будочника—чей, дескать, это, братецъ, домъ? Будочникъ такой грубіянъ, говоритъ нехотя, словно сердится на кого-то, слова сквозь зубы цѣдитъ,—да ужъ такъ говоритъ, это Маркова

домъ.—Будочники эти всѣ такіе нечувствительные, а что мнѣ будочникъ?—А вотъ все какъ-то было впечатлѣніе дурное и непріятное, словомъ, все одно къ одному; изо всего что-нибудь выведешь сходное съ своимъ положеніемъ, и это всегда такъ бываетъ. Мимо дома-то я три конца далъ по улицѣ, и чѣмъ больше хожу, тѣмъ хуже становится,—нѣтъ, думаю, не дастъ, ни за что не дастъ! И человѣкъ-то я незнакомый, и дѣло-то мое щекотливое, и фигурой я не беру,—ну, думаю, какъ судьба рѣшитъ, чтобы послѣ только не каяться, за попытку не съѣдятъ же меня,—да и отворилъ потихоньку калитку. А тутъ другая бѣда: навязалась на меня дрянная, глупая собаченка дворная: лѣзетъ изъ кожи, заливается!—И вотъ такіе-то подлые, мелкіе случаи и взбѣсятъ всегда человѣка, маточка, и робость на него наведутъ, и всю рѣшимость, которую заранѣ обдумалъ, уничтожатъ; такъ что я вошелъ въ домъ ни живъ, ни мертвъ, вошелъ да прямо еще на бѣду,—не разглядѣлъ, что такое внизу впотьмахъ у порога, ступилъ да и споткнулся объ какую-то бабу, а баба молоко изъ подойника въ кувшины цѣдила, и все молоко пролила. Завизжала, затрещала глупая баба,—дескать, куда ты, батюшка, лѣзешь, чего тебѣ надо? да и пошла причитать про нелегкое. Я, маточка, это къ тому замѣчаю, что всегда со мной такое же случалось въ подобнаго рода дѣлахъ; знать ужъ мнѣ написано такъ; вѣчно-то я зацѣпляюсь за что-нибудь постороннее. Высунулась на шумъ старая вѣдьма и чухонка хозяйка, я прямо къ ней,—здѣсь, дескать, Марковъ живетъ? Нѣтъ, говоритъ; постояла, оглядѣла меня хорошенько.—„А вамъ что до него?“ Я объясняю ей, что, дескать, такъ и такъ, Емельянъ Ивановичъ,—ну, и про остальное;—говорю, дѣльцо есть. Старуха крикнула дочку—вошла и дочка, дѣвочка въ лѣтахъ, босоногая,—„кликни отца; онъ наверху, у жильцовъ,—пожалуйте“. Вошелъ я. Комната ничего, на стѣнахъ картинки висятъ, все генераловъ какихъ-то портреты, диванъ стоитъ, столъ круглый, резеда, бальзаминчики,—думаю-думаю, не убраться-ли, полно, мнѣ по-добру по-здорову, уйти или нѣтъ? И вѣдь ей-ей, маточка, хотѣлъ убѣжать! Я лучше, думаю, завтра приду, и погода лучше будетъ, и я-то прежду,—а сегодня вонъ и молоко пролито, и генералы-то смотрятъ такіе сердитые... Я ужъ и къ двери, да онъ-то вошелъ,—такъ себѣ, сѣденькій, глазки такіе вороватенькіе, въ халатѣ засаленномъ и веревкой подпоясанъ. Освѣдомился, въ чемъ и какъ, а я ему: дескать, такъ и такъ, вотъ,

Емельянъ Ивановичъ,—рублей сорокъ, говорю, дѣло такое,—да и не договорилъ. Изъ глазъ его увидалъ, что проиграно дѣло. „Нѣтъ, ужъ что, говоритъ, дѣло, у меня денегъ нѣтъ; а что у васъ закладъ, что-ли, какой?“ Я было сталъ объяснять, что, дескать, заклада нѣтъ, а вотъ, Емельянъ Ивановичъ,—объясняю, однимъ словомъ, что нужно. Выслушалъ все,—нѣтъ, говоритъ, что̀ Емельянъ Ивановичъ! у меня денегъ нѣтъ.—Ну, думаю, такъ, все такъ, зналъ я про это, предчувствовалъ—ну, просто, Варинька, лучше бы было, если бы земля подо мною разступилась, холодъ такой, ноги окоченѣли, мурашки по спинѣ пробѣжали. Я на него смотрю, а онъ на меня смотритъ, да чуть не говоритъ—что, дескать, ступай-ка ты, братъ, здѣсь тебѣ нечего дѣлать,—такъ что, если-бъ въ другомъ случаѣ было бы такое же, такъ совсѣмъ бы засовѣстился.—Да что вамъ, зачѣмъ деньги надобны?—(вѣдь вотъ про что спросилъ, маточка!). Я было ротъ разинулъ, чтобы только такъ не стоять даромъ, да онъ и слушать не сталъ—нѣтъ, говоритъ, денегъ нѣтъ, я бы, говоритъ, съ удовольствіемъ. Ужъ я ему представлялъ, представлялъ, говорю, что вѣдь я немножко, я, дескать, говорю, вамъ отдамъ, въ срокъ отдамъ, и что я еще до срока отдамъ, что и процентъ пусть какой угодно беретъ, и что я ей Богу отдамъ. Я, маточка, въ это мгновеніе васъ вспомнилъ, всѣ ваши несчастія и нужды вспомнилъ, вашъ полтинничекъ вспомнилъ,—да нѣтъ, говоритъ, что̀ проценты, вотъ если бъ закладъ! А то у меня денегъ нѣтъ, ей Богу нѣтъ, я-бы, говоритъ, съ удовольствіемъ.—еще и побожился, разбойникъ!

Ну, тутъ ужъ, родная моя, я и не помню, какъ вышелъ, какъ прошелъ Выборгскую, какъ на Воскресенскій мостъ попалъ, усталъ ужасно, прозябъ, продрогъ и только въ десять часовъ въ должность успѣлъ явиться. Хотѣлъ было себя пообчистить отъ грязи, да Снѣгиревъ сторожъ сказалъ, что нельзя, что щетку испортишь, а щетка, говоритъ, баринъ, казенная. Вотъ они какъ теперь, маточка, такъ что я и у этихъ господъ чуть-ли не хуже ветошки, объ которую ноги обтираютъ. Вѣдь меня что, Варинька, убиваетъ?—Не деньги меня убиваютъ, а всѣ эти тревоги житейскія, всѣ эти шопоты, улыбочки, шуточки. Его превосходительство невзначай какъ-нибудь могутъ отнестись на мой счетъ, — охъ, маточка, времена-то мои прошли золотыя! Сегодня перечиталъ я всѣ ваши письма; грустно, маточка! Прощайте, родная, Господь васъ храни!

М. Дѣвушкинъ.

P. S. Горе-то мое, Варинька, хотѣлъ я вамъ описать пополамъ съ шуточкою, только видно она не дается мнѣ, шуточка-то. Вамъ хотѣлось угодить. Я къ вамъ зайду, маточка, непремѣнно зайду.

Августа 11.

Варвара Алексѣевна! Голубчикъ мой, маточка! Пропалъ я, пропали мы оба, оба вмѣстѣ, безвозвратно пропали. Моя репутація, амбиція — все потеряно! Я погибъ, и вы погибли, маточка, и вы вмѣстѣ со мной, безвозвратно погибли! Это я, я васъ въ погибель ввелъ! Меня гонятъ, маточка, презираютъ, на смѣхъ подымаютъ, а хозяйка просто меня бранить стала; кричала-кричала на меня сегодня, распекала-распекала меня, ниже щепки поставила. А вечеромъ у Ратазяева кто-то изъ нихъ сталъ вслухъ читать одно письмо черновое, которое я вамъ написалъ да выронилъ невзначай изъ кармана. Матушка моя, какую они насмѣшку подняли! Величали-величали насъ, хохотали-хохотали, предатели! Я вошелъ къ нимъ и уличилъ Ратазяева въ вѣроломствѣ, сказалъ ему, что онъ предатель! А Ратазяевъ отвѣчалъ мнѣ, что я самъ предатель, что конкетами разными занимаюсь; говоритъ—вы скрывались отъ насъ, вы, дескать, Ловеласъ; и теперь всѣ меня Ловеласомъ зовутъ, и имени другого нѣтъ у меня! Слышите-ли, ангельчикъ мой, слышите-ли, — они теперь все знаютъ, обо всемъ извѣстны, и объ васъ, родная моя, знаютъ, и обо всемъ, что ни есть у васъ, обо всемъ знаютъ! Да чего! И Фальдони туда же, и онъ заодно съ ними, послалъ я его сегодня въ колбасную, такъ, принести кой-чего; не идетъ да и только, дѣло есть, говоритъ! Да, вѣдь, ты-жъ обязанъ,—я говорю. „Да нѣтъ же, говоритъ, не обязанъ, вы вонъ моей барынѣ денегъ не платите, такъ я вамъ и не обязанъ“. Я не вытерпѣлъ отъ него, отъ необразованнаго мужика, оскорбленія, да и сказалъ ему дуракъ, а онъ мнѣ — „отъ дурака слышалъ“. Я думаю, что онъ съ пьяныхъ глазъ мнѣ такую грубость сказалъ—да и говорю: ты, дескать, пьянъ, мужикъ ты этакой! а онъ мнѣ: „вы, что-ли, мнѣ поднесли-то? У самихъ-то есть-ли на что опохмелиться; сами у какой-то по двугривенничку христарадничаете, да еще прибавилъ:—эхъ, дескать, а еще баринъ!“ Вотъ, маточка, вотъ до чего дошло дѣло! Жить, Варинька, совѣстно! Точно оглашенный какой-нибудь; хуже чѣмъ безпаспортному бродягѣ какому-нибудь. Бѣдствія тяжкія! Погибъ я, просто погибъ! Безвозвратно погибъ!

М. Д.

Августа 13.

Любезнѣйшій Макаръ Алексѣевичъ! Надъ нами все бѣды да бѣды, я ужъ и сама не знаю, что дѣлать! Что съ вами-то будетъ теперь, а на меня надежда плохая; я сегодня обожгла себѣ утюгомъ лѣвую руку; уронила нечаянно, и ушибла, и обожгла, все вмѣстѣ. Работать никакъ нельзя, а Ѳедора ужъ третій день хвораетъ. Я въ мучительномъ безпокойствѣ. Посылаю вамъ тридцать копѣекъ серебромъ; это почти все послѣднее наше, а я, Богъ видитъ, какъ желала бы вамъ помочь теперь въ вашихъ нуждахъ. До слезъ досадно! Прощайте, другъ мой! Весьма бы вы утѣшили меня, если-бъ пришли къ намъ сегодня.

В. Д.

Августа 14.

Макаръ Алексѣевичъ! Что это съ вами! Бога вы не боитесь вѣрно! Вы меня просто съ ума сведете. Не стыдно-ли вамъ! Вы себя губите, вы подумайте только о своей репутаціи! Вы человѣкъ честный, благородный, амбиціонный; ну, какъ всѣ узнаютъ про васъ! Да вы просто со стыда должны будете умереть! Или не жаль вамъ сѣдыхъ волосъ вашихъ? Ну, боитесь-ли вы Бога! Ѳедора сказала, что уже теперь не будетъ вамъ болѣе помогать, да и я тоже вамъ денегъ давать не буду. До чего вы меня довели, Макаръ Алексѣевичъ! Вы думаете вѣрно, что мнѣ ничего, что вы такъ дурно ведете себя; вы еще не знаете, что я изъ-за васъ терплю! Мнѣ по нашей лѣстницѣ и пройти нельзя: всѣ на меня смотрятъ, пальцемъ на меня указываютъ, и такія страшныя вещи говорятъ; да, прямо говорятъ, что *связалась я съ пьяницей*. Каково это слышать! Когда васъ привозятъ, то на васъ всѣ жильцы съ презрѣніемъ указываютъ: вотъ, говорятъ, того чиновника привезли. А мнѣ-то за васъ мочи нѣтъ какъ совѣстно. Клянусь вамъ, что я переѣду отсюда. Пойду куда-нибудь въ горничныя, въ прачки, а здѣсь не останусь. Я вамъ писала, чтобъ вы зашли ко мнѣ, а вы не зашли. Знать, вамъ ничего мои слезы и просьбы, Макаръ Алексѣевичъ! И откуда вы денегъ достали? Ради Создателя поберегитесь! Вѣдь пропадете, ни за что пропадете! И стыдъ-то, и срамъ-то какой! Васъ хозяйка и впустить вчера не хотѣла, вы въ сѣняхъ ночевали: я все знаю. Если-бъ вы знали, какъ мнѣ тяжело было, когда я все это узнала. Приходите ко мнѣ, вамъ будетъ у насъ весело: мы будемъ

вмѣстѣ читать, будемъ старое вспоминать. Ѳедора о своихъ богомольныхъ странствіяхъ разсказывать будетъ. Ради меня, голубчикъ мой, не губите себя и меня не губите. Вѣдь я для васъ одного и живу, для васъ и остаюсь съ вами. Такъ-то вы теперь! Будьте благороднымъ человѣкомъ, твердымъ въ несчастіяхъ; помните, что бѣдность не порокъ. Да и чего отчаиваться: это все временное! Дастъ Богъ — все поправится, только вы-то удержитесь теперь. Посылаю вамъ двугривенный, купите себѣ табаку или всего, что вамъ захочется, только ради Бога на дурное не тратьте. Приходите къ намъ, непремѣнно приходите. Вамъ, можетъ-быть, какъ и прежде стыдно будетъ, но вы не стыдитесь: это ложный стыдъ. Только бы вы искреннее раскаяніе принесли. Надѣйтесь на Бога. Онъ все устроитъ къ лучшему. *В. Д.*

Августа 19.

Варвара Алексѣевна, маточка!

Стыдно мнѣ, ясочка моя, Варвара Алексѣевна, совсѣмъ застыдился. Впрочемъ, что-жъ тутъ такого, маточка, особеннаго? Отчего же сердца своего не поразвеселить? Я тогда про подошвы мои и не думаю, потому что подошва вздоръ, и всегда останется простой, подлой, грязной подошвой. Да и сапоги тоже вздоръ! И мудрецы греческіе безъ сапогъ хаживали, такъ чего же нашему-то брату съ такимъ недостойнымъ предметомъ няньчиться? За что-жъ обижать, за что-жъ презирать меня въ такомъ случаѣ? Эхъ, маточка, маточка, нашли что писать! А Ѳедорѣ скажите, что она баба вздорная, безпокойная, буйная, и вдобавокъ глупая, невыразимо глупая! Что же касается до сѣдины моей, то и въ этомъ вы ошибаетесь, родная моя, потому что я вовсе не такой старикъ, какъ вы думаете. Емеля вамъ кланяется. Пишете вы, что сокрушались и плакали; а я вамъ пишу, что я тоже сокрушался и плакалъ. Въ заключеніе же, желаю вамъ всякаго здоровья и благополучія, а что до меня касается, то я тоже здоровъ и благополученъ и пребываю вашимъ, ангельчикъ мой, другомъ

Макаромъ Дѣвушкинымъ.

Августа 21.

Милостивая Государыня и любезный другъ,
Варвара Алексѣевна!

Чувствую, что я виноватъ, чувствую, что я провинился предъ вами, да и, по-моему, выгоды-то изъ этого нѣтъ

никакой, маточка, что я все это чувствую, ужъ что̀ вы тамъ ни говорите. Я и прежде проступка моего все это чувствовалъ, но вотъ упалъ же духомъ, съ сознаніемъ вины упалъ. Маточка моя, я не золъ и не жестокосердепъ: а для того, чтобы растерзать сердечко ваше, голубка моя, нужно быть ни болѣе, ни менѣе какъ кровожаднымъ тигромъ, ну, а у меня сердце овечье, и я, какъ и вамъ извѣстно, не имѣю позыва къ кровожадности; слѣдственно, ангельчикъ мой, я и не совсѣмъ виноватъ въ проступкѣ моемъ, такъ же какъ и ни сердце, ни мысли мои не виноваты; а ужъ такъ, я и не знаю что̀ виновато. Ужъ такое дѣло темное, маточка! Тридцать копѣекъ серебромъ мнѣ прислали, а потомъ прислали двугривенничекъ: у меня сердце и заныло, глядя на ваши сиротскія денежки. Сами ручку свою обожгли, голодать скоро будете, а пишете, чтобъ я табачку купилъ. Ну, какъ же мнѣ было поступить въ такомъ случаѣ? Или ужъ такъ, безъ зазрѣнія совѣсти, подобно разбойнику, васъ, сироточку, начать грабить! Тутъ-то я и упалъ духомъ, маточка, т. е. сначала, чувствуя, поневолѣ, что никуда не гожусь и что я самъ немногимъ развѣ получше подошвы своей, счелъ неприличнымъ принимать себя за что-нибудь значащее, а, напротивъ, самого себя сталъ считать чѣмъ-то неприличнымъ и въ нѣкоторой степени неблагопристойнымъ. Ну, а какъ потерялъ къ себѣ самому уваженіе, какъ предался отрицанію добрыхъ качествъ своихъ и своего достоинства, такъ ужъ тутъ и все пропадай, тутъ ужъ и паденіе, неминуемое паденіе! Это такъ уже судьбою опредѣлено, и я въ этомъ не виноватъ. Я сначала вышелъ немножко поосвѣжиться. Тутъ ужъ все пришло одно къ одному: и природа была такая слезливая, погода холодная, и дождь; ну, и Емеля тутъ же случился. Онъ, Варинька, уже все заложилъ, что имѣлъ, все у него пошло въ свое мѣсто, и какъ я его встрѣтилъ, такъ онъ уже двое сутокъ маковой росинки во рту не видалъ, такъ что ужъ хотѣлъ такое закладывать, чего никакъ и заложить нельзя, затѣмъ что и закладовъ такихъ не бываетъ. Ну, что же, Варинька, уступилъ я болѣе изъ состраданія къ человѣчеству, чѣмъ по собственному влеченію. Такъ вотъ какъ грѣхъ этотъ произошелъ, маточка! Мы ужъ какъ вмѣстѣ съ нимъ плакали! Васъ вспоминали. Онъ предобрый, онъ очень добрый человѣкъ и весьма чувствительный человѣкъ. Я, маточка, самъ все это чувствую; со мной потому и случается-то все такое, что я очень все

это чувствую. Я знаю, чѣмъ я вамъ, голубчикъ вы мой, обязанъ! Узнавъ васъ, я сталъ, во-первыхъ, и самого себя лучше знать, и васъ сталъ любить; а до васъ, ангельчикъ мой, я былъ одинокъ и какъ будто спалъ, а не жилъ на свѣтѣ. Они, злодѣи-то мои, говорили, что даже и фигура моя не приличная, и гнушались мною, ну, и я сталъ гнушаться собою; говорили, что я тупъ, я и въ самомъ дѣлѣ думалъ, что я тупъ, а какъ вы мнѣ явились, то вы всю мою жизнь освѣтили темную, такъ что и сердце, и душа моя освѣтились, и я обрѣлъ душевный покой, и узналъ, что и я не хуже другихъ; что только такъ, не блещу ничѣмъ, лоску нѣтъ, тону нѣтъ, но все-таки я человѣкъ, что сердцемъ и мыслями я человѣкъ. Ну, а теперь, почувствовавъ, что я гонимъ судьбою, что, униженный ею, предался отрицанію собственнаго своего достоинства, я, удрученный моими бѣдствіями, и упалъ духомъ. И такъ какъ вы теперь все знаете, маточка, то я и умоляю васъ слезно не любопытствовать болѣе объ этой матеріи, ибо сердце мое разрывается и мнѣ становится горько и тягостно.

Свидѣтельствую, маточка, вамъ почтеніе мое и пребываю вашимъ вѣрнымъ

Макаромъ Дѣвушкинымъ.

Сентября 3.

Я не докончила прошлаго письма, Макаръ Алексѣевичъ, потому что мнѣ было тяжело писать. Иногда бываютъ со мной минуты, когда я рада быть одной, одной грустить, одной тосковать, безъ раздѣла, и такія минуты начинаютъ находить на меня все чаще и чаще. Въ воспоминаніяхъ моихъ есть что-то такое необъяснимое для меня, что увлекаетъ меня безотчетно, такъ сильно, что я по нѣскольку часовъ бываю безчувственна ко всему меня окружающему и забываю все, все настоящее. И нѣтъ впечатлѣнія въ теперешней жизни моей, пріятнаго-ль, тяжелаго, грустнаго, которое бы не напоминало мнѣ чего-нибудь подобнаго же въ прошедшемъ моемъ, и чаще всего мое дѣтство, мое золотое дѣтство! Но мнѣ становится всегда тяжело послѣ подобныхъ мгновеній. Я какъ-то слабѣю; моя мечтательность изнуряетъ меня, а здоровье мое и безъ того все хуже и хуже становится.

Но сегодня свѣжее, яркое, блестящее утро, какихъ мало здѣсь осенью, оживило меня, и я радостно его встрѣтила. Итакъ, у насъ уже осень! Какъ я любила осень въ де-

ревнѣ! Я еще ребенкомъ была, но и тогда уже много чувствовала. Осенній вечеръ я любила больше, чѣмъ утро. Я помню, въ двухъ шагахъ отъ нашего дома, подъ горой, было озеро. Это озеро,—я какъ будто вижу его теперь,—это озеро было такое широкое, ровное, свѣтлое, чистое, какъ хрусталь! Бывало, если вечеръ тихъ—озеро покойно; на деревахъ, что по берегу росли, не шелохнетъ, вода неподвижна, словно зеркало. Свѣжо! Холодно! Падаетъ роса на траву, въ избахъ на берегу засвѣтятся огоньки, стада пригонятъ — тутъ-то я и ускользну тихонько изъ дому, чтобы посмотрѣть на мое озеро, и засмотрюсь, бывало. Какая-нибудь вязанка хворосту горитъ у рыбаковъ у самой воды, и свѣтъ далеко-далеко по водѣ льется. Небо такое холодное, синее, и по краямъ разведено все красными огненными полосами, и эти полосы все блѣднѣе и блѣднѣе становятся; выходитъ мѣсяцъ; воздухъ такой звонкій, порхнетъ-ли испуганная пташка, камышъ-ли зазвенитъ отъ легонькаго вѣтерочка, или рыбка всплеснется въ водѣ — все, бывало, слышно. По синей водѣ встаетъ бѣлый паръ, тонкій, прозрачный. Даль темнѣетъ; все какъ-то тонетъ въ туманѣ, а вблизи такъ все рѣзко обточено, словно рѣзцомъ обрѣзано,—лодка, берегъ, острова; бочка какая-нибудь, брошенная, забытая у самаго берега, чуть-чуть колышется на водѣ, вѣтка ракитовая съ пожелтѣлыми листьями путается въ камышѣ, вспорхнетъ чайка запоздалая, то окунется въ холодной водѣ, то опять вспорхнетъ и утонетъ въ туманѣ,—я засматривалась, заслушивалась, — чудно, хорошо было мнѣ! А я еще была ребенокъ, дитя!..

Я такъ любила осень,—позднюю осень, когда уже уберутъ хлѣба, окончатъ всѣ работы, когда уже въ избахъ начнутся посидѣлки, когда уже всѣ ждутъ зимы. Тогда все становится мрачнѣе, небо хмурится облаками, желтые листья стелются тропами по краямъ обнаженнаго лѣса, а лѣсъ синѣетъ, чернѣетъ,—особенно вечеромъ, когда спустится сырой туманъ, и деревья мелькаютъ изъ тумана какъ великаны, какъ безобразныя, страшныя привидѣнія. Запоздаешь, бывало, на прогулкѣ, отстанешь отъ другихъ, идешь одна, спѣшишь,—жутко! Сама дрожишь какъ листъ; вотъ, думаешь, того и гляди, выглянетъ кто-нибудь страшный изъ-за этого дупла; между тѣмъ вѣтеръ пронесется по лѣсу, загудитъ, зашумитъ, завоетъ такъ жалобно, сорветъ тучу листьевъ съ чахлыхъ вѣтокъ, закрутитъ ими по воздуху, и за ними длинною, широкою, шумною стаей,

съ дикимъ пронзительнымъ крикомъ, пронесутся птицы, такъ что небо чернѣетъ и все застилается ими. Страшно станетъ, а тутъ, точно какъ будто заслышишь кого-то—чей-то голосъ—какъ будто кто-то шепчетъ:—„бѣги, бѣги, дитя, не опаздывай, страшно здѣсь будетъ тотчасъ, бѣги, дитя!“ —ужасъ пройдетъ по сердцу, и бѣжишь, бѣжишь такъ, что духъ занимается. Прибѣжишь, запыхавшись, домой; дома шумно, весело; раздадутъ намъ всѣмъ дѣтямъ работу: горохъ или макъ шелушить. Сырыя дрова трещатъ въ печи: матушка весело смотритъ за нашей веселой работой; старая няня, Ульяна, разсказываетъ про старое время или страшныя сказки про колдуновъ и мертвецовъ. Мы, дѣти, жмемся подружка къ подружкѣ, а улыбка у всѣхъ на губахъ. Вотъ, вдругъ замолчимъ разомъ... чу! шумъ! какъ будто кто-то стучитъ!—Ничего не бывало; это гудитъ самопрялка у старой Фроловны; сколько смѣху бывало! А потомъ ночью не спимъ отъ страха, находятъ такіе страшные сны. Проснешься, бывало, шевельнуться не смѣешь и до разсвѣта дрогнешь подъ одѣяломъ. Утромъ встанешь свѣжа какъ цвѣточекъ. Посмотришь въ окно: морозомъ прохватило все поле, тонкій, осенній иней повисъ на обнаженныхъ сучьяхъ, тонкимъ какъ листъ льдомъ подернулось озеро, встаетъ бѣлый паръ по озеру, кричатъ веселыя птицы. Солнце свѣтитъ кругомъ яркими лучами, и лучи разбиваютъ, какъ стекло, тонкій ледъ. Свѣтло, ярко, весело! Въ печкѣ опять трещитъ огонь, подсядемъ всѣ къ самовару, а въ окна подсматриваетъ, продрогшая ночью, черная наша собака Полканъ и привѣтливо махаетъ хвостомъ. Мужичокъ проѣдетъ мимо оконъ на доброй лошадкѣ въ лѣсъ за дровами. Всѣ такъ довольны, такъ веселы!.. На гумнахъ запасено много-много хлѣба; на солнцѣ золотятся крытые соломой скирды большіе-большіе, отрадно смотрѣть! И всѣ спокойны, всѣ радостны: всѣхъ Господь благословилъ урожаемъ; всѣ знаютъ, что будутъ съ хлѣбомъ на зиму; мужичокъ знаетъ, что семья и дѣти его будутъ сыты; оттого по вечерамъ и не умолкаютъ звонкія пѣсни дѣвушекъ и хороводныя игры, оттого всѣ съ благодарными слезами молятся въ домѣ Божіемъ въ праздникъ Господень!.. Ахъ, какое золотое-золотое было дѣтство мое!..

Вотъ я и расплакалась теперь какъ дитя, увлекаясь моими воспоминаніями. Я такъ живо, такъ живо все припомнила, такъ ярко стало передо мною все прошедшее, а настоящее такъ тускло, такъ темно!.. Чѣмъ это кончится, чѣмъ

это все кончится? Знаете-ли, у меня есть какое-то убѣжденіе, какая-то увѣренность, что я умру нынче осенью. Я очень-очень больна. Я часто думаю о томъ, что умру, но все бы мнѣ не хотѣлось такъ умереть, — въ здѣшней землѣ лежать. Можетъ-быть, я опять слягу въ постель, какъ и тогда весной, а я еще оправиться не успѣла. Вотъ и теперь мнѣ очень тяжело. Ѳедора сегодня ушла куда-то на цѣлый день, и я сижу одна. А съ нѣкотораго времени я боюсь оставаться одной; мнѣ все кажется, что со мной въ комнатѣ кто-то бываетъ другой, что кто-то со мной говоритъ; особенно, когда я объ чемъ-нибудь задумаюсь и вдругъ очнусь отъ задумчивости, такъ что мнѣ страшно становится. Вотъ почему я вамъ такое большое письмо написала; когда я пишу, это проходитъ. Прощайте; кончаю письмо, потому что и бумаги, и времени нѣтъ. Изъ вырученныхъ денегъ за платья мои да шляпку остался у меня только рубль серебромъ. Вы дали хозяйкѣ два рубля серебромъ: это очень хорошо; она замолчитъ теперь на время.

Поправьте себѣ какъ-нибудь платье. Прощайте, я такъ устала. Не понимаю, отчего я становлюсь такая слабая, малѣйшее занятіе меня утомляетъ. Случится работа— какъ работать. Вотъ это-то и убиваетъ меня.

В. Д.

Сентября 5.

Голубчикъ мой, Варинька!

Я сегодня, ангельчикъ мой, много испыталъ впечатлѣній. Во-первыхъ, у меня голова цѣлый день болѣла. Чтобы какъ-нибудь освѣжиться, вышелъ я походить по Фонтанкѣ. Вечеръ былъ такой темный, сырой. Въ шестомъ часу уже смеркается,—вотъ какъ теперь! Дождя не было, зато былъ туманъ, не хуже добраго дождя. По небу ходили длинными широкими полосами тучи. Народу ходила бездна по набережной, и народъ-то какъ нарочно былъ съ такими страшными, унылые наводящими, лицами, пьяные мужики, курносыя бабы-чухонки, въ сапогахъ и простоволосыя, артельщики, извозчики, нашъ братъ по какой-нибудь надобности, мальчишки, какой-нибудь слесарскій ученикъ въ полосатомъ халатѣ, испитой, чахлый, съ лицомъ, выкупаннымъ въ копченомъ маслѣ, съ замкомъ въ рукѣ; солдатъ отставной въ сажень ростомъ, поджидавшій купца на перочинный ножичекъ или колечко бронзовое— вотъ какова была публика. Часъ-то видно былъ такой,

что другой публики и быть не могло. Судоходный каналъ Фонтанка! Барокъ такая бездна, что не понимаешь, гдѣ все это могло помѣститься. На мостахъ сидятъ бабы съ мокрыми пряниками да съ гнилыми яблоками, и все такія грязныя, мокрыя бабы. Скучно по Фонтанкѣ гулять! Мокрый гранитъ подъ ногами, по бокамъ дома высокіе, черные, закоптѣлые; подъ ногами туманъ, надъ головой тоже туманъ. Такой грустный, такой темный былъ вечеръ сегодня.

Когда я поворотилъ въ Гороховую, такъ ужъ смеркалось совсѣмъ и газъ зажигать стали. Я давненько-таки не былъ въ Гороховой, — не удавалось. Шумная улица! Какія лавки, магазины богатые; все такъ и блеститъ, и горитъ, матерія, цвѣты подъ стеклами, разныя шляпки съ лентами. Подумаешь, что это все такъ для красы разложено—такъ нѣтъ же: вѣдь есть люди, что̀ все это покупаютъ и своимъ женамъ дарятъ. Богатая улица! Нѣмецкихъ булочниковъ очень много живетъ въ Гороховой, тоже, должно-быть, народъ весьма достаточный. Сколько каретъ поминутно ѣздитъ; какъ это все мостовая выноситъ! Пышные экипажи такіе, стекла какъ зеркало, внутри бархатъ и шелкъ, лакеи дворянскіе, въ эполетахъ, при шпагѣ. Я во всѣ кареты заглядывалъ, все дамы сидятъ, такія разодѣтыя, можетъ-быть, и княжны, и графини. Вѣрно часъ былъ такой, что всѣ на балы и въ собранія спѣшили. Любопытно увидѣть княгиню и вообще знатную даму вблизи; должно-быть, очень хорошо; я никогда не видалъ; развѣ вотъ такъ, какъ теперь, въ карету заглянешь. Про васъ я тутъ вспомнилъ.—Ахъ, голубчикъ мой, родная моя! Какъ вспомню теперь про васъ, такъ все сердце изнываетъ! Отчего вы, Варинька, такая несчастная? Ангельчикъ мой! Да чѣмъ же вы-то хуже ихъ всѣхъ? Вы у меня добрая, прекрасная, ученая, отчего же вамъ такая злая судьба выпадаетъ на долю? Отчего это такъ все случается, что вотъ хорошій-то человѣкъ въ запустѣньи находится, а къ другому кому счастіе само напрашивается? Знаю, знаю, маточка, нехорошо это думать, что это вольнодумство; но по искренности, по правдѣ истинѣ, зачѣмъ одной еще во чревѣ матери прокаркнула счастье ворона-судьба, а другой изъ воспитательнаго дома на свѣтъ Божій выходитъ? И вѣдь бываетъ же такъ, что счастье-то часто Иванушкѣ-дурачку достается. Ты, дескать, Иванушка-дурачокъ, ройся въ мѣшкахъ дѣдовскихъ, пей, ѣшь, веселись, а ты, такой-сякой, только облизывайся; ты,

дескать, на то и годишься, ты, братецъ вотъ какой! Грѣшно, маточка, оно грѣшно этакъ думать, да тутъ поневолѣ какъ-то грѣхъ въ душу лѣзетъ. Ѣздили бы и вы въ каретѣ такой же, родная моя, ясочка. Взгляда благосклоннаго вашего генералы ловили бы,—не то что нашъ братъ, ходили бы вы не въ холстинковомъ ветхомъ платьицѣ, а въ шелку да въ золотѣ. Были бы вы не худенькія, не чахленькія какъ теперь, а какъ фигурка сахарная, свѣженькая, румяная, полная. А ужъ я бы тогда и тѣмъ однимъ счастливъ былъ, что хоть бы съ улицы на васъ въ ярко освѣщенныя окна взглянулъ, что хоть бы тѣнь вашу увидалъ; отъ одной мысли, что вамъ тамъ счастливо и весело, птичка вы моя хорошенькая, и я бы повеселѣлъ. А теперь что! Мало того, что злые люди васъ погубили, какая-нибудь тамъ дрянь, забулдыга васъ обижаетъ. Что фракъ-то на немъ сидитъ гоголемъ, что въ лорнетку-то золотую онъ на васъ смотритъ, безстыдникъ, такъ ужъ ему все съ рукъ сходитъ, такъ ужъ и рѣчь его непристойную снисходительно слушать надо! Полно, такъ-ли, голубчики! А отчего же это все? А оттого, что вы сирота, оттого, что вы беззащитная, оттого, что нѣтъ у васъ друга сильнаго, который бы вамъ опору пристойную далъ. А вѣдь что это за человѣкъ, что это за люди, которымъ сироту оскорбить ни почемъ? Это какая-то дрянь, а не люди, просто дрянь, такъ себѣ, только числятся, а на дѣлѣ ихъ нѣтъ, и въ этомъ я увѣренъ. Вотъ они каковы, эти люди! А по-моему, родная моя, вотъ тотъ шарманщикъ, котораго я сегодня въ Гороховой встрѣтилъ, скорѣе къ себѣ почтеніе внушитъ, чѣмъ они. Онъ хоть цѣлый день ходитъ да мается, ждетъ залежалаго, негоднаго гроша на пропитаніе, да зато онъ самъ себѣ господинъ, самъ себя кормитъ. Онъ милостыни просить не хочетъ; зато онъ для удовольствія людского трудится, какъ заведенная машина — вотъ, дескать, чѣмъ могу, принесу удовольствіе. Нищій, нищій онъ, правда, все тотъ же нищій; но зато благородный нищій; онъ усталъ, онъ прозябъ, но все трудится, хоть по-своему, а все-таки трудится. И много есть честныхъ людей, маточка, а которые хоть немного зарабатываютъ по мѣрѣ и полезности труда своего, но никому не кланяются, ни у кого хлѣба не просятъ. Вотъ и я точно такъ же, какъ и этотъ шарманщикъ, то есть я не то, вовсе не такъ какъ онъ, но въ своемъ смыслѣ, въ благородномъ-то, въ дворянскомъ-то отношеніи точно такъ же, какъ и онъ, по мѣрѣ силъ, тружусь, чѣмъ могу, дес-

кать. Большого нѣтъ отъ меня; ну, да на нѣтъ и суда нѣтъ.

Я къ тому про шарманщика этого заговорилъ, маточка, что случилось мнѣ бѣдность свою вдвойнѣ испытать сегодня. Остановился я посмотрѣть на шарманщика. Мысли такія лѣзли въ голову,—такъ я, чтобы разсѣяться, остановился. Стою я, стоятъ извозчики, дѣвка какая-то, да еще маленькая дѣвочка, вся такая запачканная. Шарманщикъ расположился передъ чьими-то окнами. Замѣчаю малютку, мальчика, такъ себѣ лѣтъ десяти; былъ бы хорошенькой, да на видъ больной такой, чахленькой, въ одной рубашонкѣ, да еще въ чемъ-то, чуть-ли не босой стоитъ, разиня ротъ музыку слушаетъ,—дѣтскій возрастъ! Заглядѣлся, какъ у нѣмца куклы танцуютъ, а у самого и руки, и ноги окоченѣли; дрожитъ да кончикъ рукава грызетъ. Примѣчаю, что въ рукахъ у него бумажечка какая-то. Прошелъ одинъ господинъ и бросилъ шарманщику какую-то маленькую монетку; монетка прямо упала въ тотъ ящикъ съ огородочкой, въ которомъ представленъ французъ, танцующій съ дамами. Только что звякнула монетка, встрепенулся мой мальчикъ, робко осмотрѣлся кругомъ, да видно на меня подумалъ, что я деньги далъ. Подбѣжалъ онъ ко мнѣ, ручонки дрожатъ у него, голосенокъ дрожитъ, протянулъ онъ ко мнѣ бумажку и говоритъ:—записка! Развернулъ я записку—ну, что, все извѣстное: — дескать, благодѣтели мои, мать у дѣтей умираетъ, трое дѣтей голодаютъ, такъ вы намъ теперь помогите; а вотъ какъ я умру, такъ за то, что птенцовъ моихъ теперь не забыли, на томъ свѣтѣ васъ, благодѣтели мои, не забуду.—Ну, что тутъ; дѣло ясное, дѣло житейское, а что мнѣ имъ дать? Ну, и не далъ ему ничего. А какъ было жаль! Мальчикъ бѣдненькій, посинѣлый отъ холода, можетъ-быть, и голодный, и не вретъ, ей-ей не вретъ: я это дѣло знаю. Но только то дурно, что зачѣмъ эти гадкія матери дѣтей не берегутъ и полуголыхъ съ записками на такой холодъ посылаютъ. Она, можетъ быть, глупая баба, характера не имѣетъ; да за нее и постараться, можетъ быть, некому, такъ она и сидитъ, поджавъ ноги, можетъ быть, и вправду больная. Ну, да все обратиться бы куда слѣдуетъ; а, впрочемъ, можетъ быть, и просто мошенница, нарочно голоднаго и чахлаго ребенка обманывать народъ посылаетъ, на болѣзнь наводитъ. И чему научится бѣдный мальчикъ съ этими записками? Только сердце его ожесточается; ходитъ онъ, бѣгаетъ,

проситъ. Ходятъ люди, да некогда имъ. Сердца у нихъ каменныя: слова ихъ жестокія. „Прочь! Убирайся! Шалишь!“ — Вотъ что̀ слышитъ онъ отъ всѣхъ, и ожесточается сердце ребенка, и дрожитъ напрасно на холодѣ бѣдненькій, запуганный мальчикъ, словно птенчикъ, изъ разбитаго гнѣздышка выпавшій. Зябнутъ у него руки и ноги; духъ занимается. Посмотришь, вотъ онъ ужъ и кашляетъ; тутъ не далеко ждать, и болѣзнь, какъ гадъ нечистый, заползетъ ему въ грудь, а тамъ, глядишь, и смерть ужъ стоитъ надъ нимъ, гдѣ-нибудь, въ смрадномъ углу, безъ ухода, безъ помощи — вотъ и вся его жизнь! Вотъ какова она, жизнь-то бываетъ! Охъ, Варинька, мучительно слышать Христа-ради, и мимо пройти и не дать ничего, сказать ему: „Богъ подастъ“. Иное Христа-ради еще ничего. (И Христа-ради-то разныя бываютъ, маточка). Иное долгое, протяжное, привычное, заученое, прямо нищенское; этому еще не такъ мучительно не подать, это долгій нищій, давнишній, по ремеслу нищій, этотъ привыкъ, думаешь, онъ переможетъ и знаетъ какъ перемочь. А иное Христа-ради непривычное, грубое, страшное,—вотъ какъ сегодня, когда я было отъ мальчика записку взялъ, тутъ же у забора какой-то стоялъ, не у всѣхъ и просилъ, говоритъ мнѣ: „Дай, баринъ, грошъ, ради Христа!“ да такимъ отрывистымъ, грубымъ голосомъ, что я вздрогнулъ отъ какого-то страшнаго чувства, а не далъ гроша: не было. А еще люди богатые не любятъ, чтобы бѣдняки на худой жребій вслухъ жаловались — дескать, они безпокоятъ, они-де назойливы! Да и всегда бѣдность назойлива:—спать, что-ли, мѣшаютъ ихъ стоны голодные!

Признательно вамъ сказать, родная моя, началъ я вамъ описывать это все, частію, чтобъ сердце отвести, а болѣе для того, чтобъ вамъ образецъ хорошаго слогу моихъ сочиненій показать. Потому что вы вѣрно сами сознаетесь, маточка, что у меня съ недавняго времени слогъ формируется. Но теперь на меня такая тоска нашла, что я самъ моимъ мыслямъ до глубины души сталъ сочувствовать, и хотя я самъ знаю, маточка, что этимъ сочувствіемъ не возьмешь, но все-таки нѣкоторымъ образомъ справедливость воздашь себѣ. И подлинно, родная моя, часто самого себя, безо всякой причины, уничтожаешь, въ грошъ не ставишь и ниже щепки какой-нибудь сортируешь. А если сравненіемъ выразиться, такъ это, можетъ-быть, оттого происходитъ, что я самъ запуганъ и загнанъ, какъ хоть

бы и этотъ бѣдненькій мальчикъ, что милостыни у меня просилъ. Теперь я вамъ, примѣрно, иносказательно буду говорить, маточка: вотъ послушайте-ка меня: случается мнѣ, моя родная, рано утромъ, на службу спѣша, заглядѣться на городъ, какъ онъ тамъ пробуждается, встаетъ, дымится, кипитъ, гремитъ,—тутъ иногда такъ передъ такимъ зрѣлищемъ умалишься, что какъ будто бы щелчокъ какой получилъ отъ кого-нибудь по любопытному посу, да и поплетешься тише воды, ниже травы своею дорогою, и рукой махнешь! Теперь же разглядите-ка, что̀ въ этихъ черныхъ, закоптѣлыхъ, большихъ капитальныхъ домахъ дѣлается, вникните въ это, и тогда сами разсудите, справедливо-ли было безъ толку сортировать себя и въ недостойное смущеніе входить. Замѣтьте, Варинька, что я иносказательно говорю, не въ прямомъ смыслѣ. Ну, посмотримъ, что тамъ такое въ этихъ домахъ? Тамъ въ какомъ-нибудь дымномъ углу, въ конурѣ сырой какой-нибудь, которая, по нуждѣ, за квартиру считается, мастеровой какой-нибудь отъ сна пробудился; а во снѣ-то ему, примѣрно говоря, всю ночь сапоги снились, что вчера онъ подрѣзалъ нечаянно, какъ будто именно такая дрянь и должна человѣку сниться! Ну, да вѣдь онъ мастеровой, онъ сапожникъ: ему простительно все обо одномъ предметѣ своемъ думать. У него тамъ дѣти пищатъ и жена голодная; и не одни сапожники встаютъ иногда такъ, родная моя. Это бы и ничего, и писать бы объ этомъ не стоило, но вотъ какое выходитъ тутъ обстоятельство, маточка: тутъ же, въ этомъ же домѣ, этажемъ выше или ниже, въ позлащенныхъ палатахъ, и богатѣйшему лицу все тѣ же сапоги, можетъ-быть, ночью снились, то-есть на другой манеръ сапоги, фасона другого, но все-таки сапоги, ибо въ смыслѣ-то здѣсь мною подразумѣваемомъ, маточка, всѣ мы, родная моя, выходимъ немного сапожники. И это бы все ничего, но только то дурно, что нѣтъ никого подлѣ этого богатѣйшаго лица, нѣтъ человѣка, который бы шепнулъ ему на ухо—„что, полно, дескать, о такомъ думать, о себѣ одномъ думать, для себя одного жить, ты, дескать, не сапожникъ, у тебя дѣти здоровы, жена ѣсть не проситъ, оглянись кругомъ, не увидишь-ли для заботъ своихъ предмета болѣе благороднаго, чѣмъ свои сапоги!“ Вотъ что хотѣлъ я сказать вамъ иносказательно, Варинька. Это, можетъ-быть, слишкомъ вольная мысль, родная моя, но эта мысль иногда бываетъ, иногда приходитъ, и тогда поневолѣ изъ сердца горячимъ сло-

вомъ выбивается. И потому не отъ чего было въ грошъ себя оцѣнять, испугавшись одного шума и грома! Заключу же тѣмъ, маточка, что вы, можетъ-быть, подумаете, что я вамъ клевету говорю, или что это такъ хандра на меня нашла, или что я это изъ книжки какой выписалъ? Нѣтъ, маточка, вы разувѣрьтесь, — не то: клеветою гнушаюсь, хандра не находила, и ни изъ какой книжки ничего не выписывалъ—вотъ что!

Пришелъ я въ грустномъ расположеніи духа домой, присѣлъ къ столу, нагрѣлъ себѣ чайникъ, да и приготовился стаканчикъ-другой чайку хлебнуть. Вдругъ, смотрю, входитъ ко мнѣ Горшковъ, нашъ бѣдный постоялецъ. Я еще утромъ замѣтилъ, что онъ все что-то около жильцовъ шныряетъ, и ко мнѣ хотѣлъ подойти. А мимоходомъ скажу, маточка, что ихъ житье-бытье не въ примѣръ моего хуже. Куда! Жена, дѣти! — Такъ, что если бы я былъ Горшковъ, такъ ужъ я не знаю, что́ бы я на его мѣстѣ сдѣлалъ! Ну, такъ вотъ вошелъ мой Горшковъ, кланяется, слезинка у него, какъ и всегда, на рѣсницахъ гноится, шаркаетъ ногами, а самъ слова не можетъ сказать. Я его посадилъ на стулъ, правда, на изломанный, да другого не было. Чайку предложилъ. Онъ извинялся, долго извинялся, наконецъ, однакоже, взялъ стаканъ. Хотѣлъ было безъ сахару пить, началъ опять извиняться, когда я сталъ увѣрять его, что нужно взять сахару; долго спорилъ, отказывался, наконецъ, положилъ въ свой стаканъ самый маленькій кусочекъ и сталъ увѣрять, что чай необыкновенно сладокъ. Экъ, до уничтоженія какого доводитъ людей нищета! — „Ну, какъ же, что̀, батюшка?“ сказалъ я ему.—„Да вотъ такъ и такъ, дескать, благодѣтель вы мой, Макаръ Алексѣевичъ, явите милость Господню, окажите помощь семейству несчастному; дѣти и жена, ѣсть нечего; отцу-то, мнѣ-то, говоритъ, каково!“ Я было хотѣлъ говорить, да онъ меня прервалъ: „я, дескать, всѣхъ боюсь здѣсь, Макаръ Алексѣевичъ, то-есть не то, что боюсь, а такъ, знаете, совѣстно, люди-то они все гордые и кичливые. Я бы, говоритъ, васъ, батюшка и благодѣтель мой, и утруждать бы не сталъ: знаю, что у васъ самихъ непріятности были, знаю, что вы многаго и не можете дать, но хоть что-нибудь взаймы одолжите; и потому, говоритъ, просить васъ осмѣлился, что знаю ваше доброе сердце, знаю, что вы сами нуждались, что сами и теперь бѣдствія испытываете,—и что сердце-то ваше потому и чувствуетъ состраданіе“.—Заключилъ же онъ тѣмъ,

что, дескать, простите мою дерзость и мое неприличіе, Макаръ Алексѣевичъ.—Я отвѣчаю ему, что радъ бы душой, да что нѣтъ у меня ничего, ровно нѣтъ ничего.—„Батюшка, Макаръ Алексѣевичъ, говоритъ онъ мнѣ,—я многаго и не прошу, а вотъ такъ и такъ—(тутъ онъ весь покраснѣлъ)—жена, говоритъ, дѣти, голодно—хоть гривенничекъ какой-нибудь“. Ну, тутъ ужъ мнѣ самому сердце защемило. Куда, думаю, меня перещеголяли! А всего-то у меня и оставалось двадцать копѣекъ, да я на нихъ разсчитывалъ: хотѣлъ завтра на свои крайнія нужды истратить.—„Нѣтъ, голубчикъ мой, не могу; вотъ такъ и такъ“, говорю.—„Батюшка, Макаръ Алексѣевичъ, хоть что хотите, говоритъ, хоть десять копѣечекъ“. Ну, я ему и вынулъ изъ ящика и отдалъ свои двадцать копѣекъ, маточка, все доброе дѣло! Экъ нищета-то! Разговорился я съ нимъ: да какъ же вы, батюшка, спрашиваю, такъ зануждались, да еще при такихъ нуждахъ комнату въ пять рублей серебромъ нанимаете? Объяснилъ онъ мнѣ, что полгода назадъ нанялъ, и деньги внесъ впередъ за три мѣсяца; да потомъ обстоятельства такія сошлись, что ни туда, ни сюда ему бѣдному. Ждалъ онъ, что дѣло его къ этому времени кончится. А дѣло у него непріятное. Онъ, видите-ли, Варинька, за что-то передъ судомъ въ отвѣтѣ находится. Тягается онъ съ купцомъ какимъ-то, который сплутовалъ подрядомъ съ казною; обманъ открыли, купца подъ судъ, а онъ въ дѣло-то свое разбойничье и Горшкова запуталъ, который тутъ какъ-то также случился. А по правдѣ-то, Горшковъ виновенъ только въ нерадѣніи, въ неосмотрительности и въ непростительномъ упущеніи изъ вида казеннаго интереса. Ужъ нѣсколько лѣтъ дѣло идетъ: все препятствія разныя встрѣчаются противъ Горшкова.—„Въ безчестіи же, на меня взводимомъ, говоритъ мнѣ Горшковъ,—невиновенъ, нисколько неповиненъ, въ плутовствѣ и грабежѣ неповиненъ“. Дѣло это его замарало немного; его исключили изъ службы, и хотя не нашли, что онъ капитально виновенъ, но, до совершеннаго своего оправданія, онъ, до сихъ поръ, не можетъ выправить съ купца какой-то знатной суммы денегъ, ему слѣдуемой и передъ судомъ у него оспариваемой. Я ему вѣрю, да судъ-то ему на слово не вѣритъ; дѣло-то оно такое, что все въ крючкахъ да въ узлахъ такихъ, что во сто лѣтъ не распутаешь. Чуть немного распутаютъ, а купецъ еще крючокъ, да еще крючокъ. Я принимаю сердечное участіе въ Горшковѣ, родная моя, соболѣзную ему.

Человѣкъ безъ должности; за ненадежность никуда не принимается; что было запасу, проѣли; дѣло запутано, а между тѣмъ жить было нужно; а между тѣмъ ни съ того, ни съ сего, совершенно не кстати, ребенокъ родился,— ну, вотъ издержки; сынъ заболѣлъ — издержки, умеръ — издержки; жена больна; онъ нездоровъ застарѣлой болѣзнью какой-то: однимъ словомъ, пострадалъ, вполнѣ пострадалъ. Впрочемъ, говоритъ, что ждетъ на-дняхъ благопріятнаго рѣшенія своего дѣла, и что ужъ въ этомъ теперь и сомнѣнія нѣтъ никакого. Жаль, жаль; очень жаль его, маточка! Я его обласкалъ. Человѣкъ-то онъ затерянный, запуганный; покровительства ищетъ, такъ вотъ я его и обласкалъ. Ну, прощайте же, маточка, Христосъ съ вами, будьте здоровы. Голубчикъ вы мой! Какъ вспомню объ васъ, такъ точно лѣкарство приложу къ больной душѣ моей, и хоть страдаю за васъ, но и страдать за васъ мнѣ легко.

Вашъ истинный другъ

Макаръ Дѣвушкинъ.

Сентября 9.

Матушка, Варвара Алексѣевна!

Пишу вамъ внѣ себя. Я весь взволнованъ страшнымъ происшествіемъ. Голова моя вертится кругомъ. Я чувствую, что все кругомъ меня вертится. Ахъ, родная моя, что̀ я разскажу вамъ теперь! Вотъ, мы и не предчувствовали этого. Нѣтъ, я не вѣрю, чтобы я не предчувствовалъ; я все это предчувствовалъ. Все это заранѣе слышалось моему сердцу. Я даже намедни во снѣ что-то видѣлъ подобное.

Вотъ что случилось!—Разскажу вамъ безъ слога, а такъ, какъ мнѣ на душу Господъ положитъ. Пошелъ я сегодня въ должность. Пришелъ, сижу, пишу. А нужно вамъ знать, маточка, что я и вчера писалъ тоже. Ну, такъ вотъ, вчера подходитъ ко мнѣ Тимоѳей Ивановичъ, и лично изволитъ наказывать, что—вотъ, дескать, бумага нужная, спѣшная. Перепишите, говоритъ, Макаръ Алексѣевичъ, почище, поспѣшно и тщательно: сегодня къ подписанію идетъ.—Замѣтить вамъ нужно, ангельчикъ, что вчерашняго дня я былъ самъ не свой, ни на что и глядѣть не хотѣлось; грусть, тоска такая напала! На сердцѣ холодно, на душѣ темно; въ памяти все вы были, моя бѣдная ясочка. Ну, вотъ, я принялся переписывать; переписалъ чисто, хорошо, только ужъ не знаю и какъ вамъ точнѣе

сказать, самъ-ли нечистый меня попуталъ, или тайными судьбами какими опредѣлено было, или просто такъ должно было сдѣлаться: — только пропустилъ я цѣлую строчку; смыслъ-то и вышелъ, Господь его знаетъ какой, просто, никакого не вышло. Съ бумагой-то вчера опоздали и подали ее на подписаніе его превосходительству только сегодня. Я, какъ ни въ чемъ не бывало, являюсь сегодня въ обычный часъ и располагаюсь рядкомъ съ Емельяномъ Ивановичемъ. Нужно вамъ замѣтить, родная, что я, съ недавняго времени, сталъ вдвое болѣе прежняго совѣститься и въ стыдъ приходить. Я въ послѣднее время и не глядѣлъ ни на кого. Чуть стулъ заскрипитъ у кого-нибудь, такъ ужъ я и ни живъ, ни мертвъ. Вотъ точно такъ сегодня, приникъ, присмирѣлъ, ежомъ сижу, такъ что Ефимъ Акимовичъ (такой задирала, какого и на свѣтѣ до него не было) сказалъ во всеуслышаніе: что, дескать, вы, Макаръ Алексѣевичъ, сидите такимъ у-у-у? Да тутъ такую гримасу скорчилъ, что всѣ, кто около него и меня ни были, такъ и покатились со смѣху, и ужъ, разумѣется, на мой счетъ. И пошли, и пошли! Я и уши прижалъ, и глаза зажмурилъ, сижу себѣ, не пошевелюсь. Таковъ ужъ обычай мой; они этакъ скорѣй отстаютъ. Вдругъ слышу шумъ, бѣготня, суетня; слышу — не обманываются-ли уши мои? Зовутъ меня, требуютъ меня, зовутъ Дѣвушкина. Задрожало у меня сердце въ груди, и ужъ самъ не знаю, чего я испугался: только знаю то, что я такъ испугался, какъ никогда еще въ жизни со мной не было. Я приросъ къ стулу,—и какъ ни въ чемъ не бывало, точно и не я. Но, вотъ, опять начали, ближе и ближе. Вотъ, ужъ надъ самымъ ухомъ моимъ: дескать, Дѣвушкина! Дѣвушкина! Гдѣ Дѣвушкинъ? Подымаю глаза, передо мною Евстафій Ивановичъ; говоритъ: „Макаръ Алексѣевичъ, къ его превосходительству, скорѣе! Бѣды вы съ бумагой надѣлали!“ Только это одно и сказалъ, да довольно, не правда-ли, маточка, довольно сказано было? Я помертвѣлъ, оледенѣлъ, чувствъ лишился, иду—ну, да ужъ, просто, ни живъ, ни мертвъ отправился. Ведутъ меня черезъ одну комнату, черезъ другую комнату, черезъ третью комнату, въ кабинетъ — предсталъ! Положительнаго отчета, объ чемъ я тогда думалъ, я вамъ дать не могу. Вижу, стоятъ его превосходительство, вокругъ него всѣ они. Я, кажется, не поклонился; позабылъ. Оторопѣлъ такъ, что и губы трясутся, и ноги трясутся. Да и было отчего, маточка. Во-первыхъ, совѣстно; я взглянулъ направо въ зеркало, такъ,

просто, было отчего съ ума сойти оттого, что я тамъ увидѣлъ. А, во-вторыхъ, я всегда дѣлалъ такъ, какъ будто бы меня и на свѣтѣ не было. Такъ что едва-ли его превосходительство были извѣстны о существованіи моемъ. Можетъ-быть, слышали, такъ, мелькомъ, что есть у нихъ въ вѣдомствѣ Дѣвушкинъ, но въ кратчайшія сего сношенія никогда не входили.

Начали гнѣвно: „какъ же это вы, сударь! Чего вы смотрите? Нужная бумага, нужно къ спѣху, а вы ее портите. И какъ же вы это“,—тутъ его превосходительство обратились къ Евстафію Ивановичу. Я только слышу, какъ до меня звуки словъ долетаютъ:—„нерадѣнье! Неосмотрительность! Вводите въ непріятности!“—Я раскрылъ было роть для чего-то. Хотѣлъ было прощенія просить, да не могъ, убѣжать — покуситься не смѣлъ, и тутъ... тутъ, маточка, такое случилось, что я и теперь едва перо держу отъ стыда.—Моя пуговка—ну ее къ бѣсу—пуговка, что висѣла у меня на ниточкѣ—вдругъ сорвалась, отскочила, запрыгала (я, видно, задѣлъ ее нечаянно), зазвенѣла, покатилась и прямо, такъ-таки прямо, проклятая, къ стопамъ его превосходительства, и это посреди всеобщаго молчанія! Вотъ и все было мое оправданіе, все извиненіе, весь отвѣтъ, все, что я собирался сказать его превосходительству! Послѣдствія были ужасны. Его превосходительство тотчасъ обратили вниманіе на фигуру мою и на мой костюмъ. Я вспомнилъ, что я видѣлъ въ зеркалѣ: я бросился ловить пуговку! Нашла на меня дурь! Нагнулся, хочу взять пуговку,—катается, вертится, не могу поймать, словомъ, и въ отношеніи ловкости отличился. Тутъ ужъ я чувствую, что и послѣднія силы меня оставляютъ, что ужъ все, все потеряно! Вся репутація потеряна, весь человѣкъ пропалъ! А тутъ въ обоихъ ушахъ ни съ того, ни съ сего и Тереза, и Фальдони, и пошло перезванивать. Наконецъ, поймалъ пуговку, приподнялся, вытянулся, да ужъ коли дуракъ, такъ стоялъ бы себѣ смирно, руки по швамъ! Такъ нѣтъ же. Началъ пуговку къ оторваннымъ ниткамъ прилаживать, точно отъ того она и пристанетъ, да еще улыбаюсь, да еще улыбаюсь. Его превосходительство отвернулись сначала, потомъ опять на меня взглянули—слышу, говорятъ Евстафію Ивановичу: „какъ же?.. Посмотрите, въ какомъ онъ видѣ!.. Какъ онъ!.. Что онъ!..“—Ахъ, родная моя, что ужъ тутъ—„какъ онъ? Да что онъ?“ Отличился! Слышу, Евстафій Ивановичъ говоритъ—„не замѣченъ, ни въ чемъ не замѣченъ, поведенія примѣрнаго,

жалованья достаточно, по окладу...“ „Ну, облегчите его какъ-нибудь, говорятъ его превосходительство.—Выдать ему впередъ“... „Да забралъ, говорятъ, забралъ, вотъ за столько-то времени впередъ забралъ. Обстоятельства вѣрно такія, а поведенія хорошаго и не замѣченъ, никогда не замѣченъ“.—Я, ангельчикъ мой, горѣлъ, я въ адскомъ огнѣ горѣлъ! Я умиралъ!—„Ну, говорятъ его превосходительство громко,—переписать же вновь поскорѣе; Дѣвушкинъ, подойдите сюда, перепишите опять вновь безъ ошибки; да послушайте“... тутъ его превосходительство обернулись къ прочимъ, роздали приказанія разныя, и всѣ разошлись. Только что разошлись они, его превосходительство поспѣшно вынимаютъ книжникъ и изъ него сторублевую, вотъ, говорятъ они—чѣмъ могу, считайте какъ хотите, возьмите... да и всунулъ мнѣ въ руку. Я, ангелъ мой, вздрогнулъ, вся душа моя потряслась; не знаю, что было со мною; я было схватить ихъ ручку хотѣлъ. А онъ-то весь покраснѣлъ, мой голубчикъ, да—вотъ ужъ тутъ ни на волосокъ отъ правды не отступаю, родная моя: взялъ мою руку недостойную, да и потрясъ ее, такъ-таки взялъ да и потрясъ, словно ровнѣ своей, словно такому же какъ самъ генералу. „Ступайте, говоритъ, чѣмъ могу... Ошибокъ не дѣлайте, а теперь грѣхъ пополамъ.“

Теперь, маточка, вотъ какъ я рѣшилъ: васъ и Ѳедору прошу, и если бы дѣти у меня были, то и имъ бы повелѣлъ, чтобы Богу молились, то-есть вотъ какъ: за роднаго отца не молились бы, а за его превосходительство каждодневно и вѣчно бы молились! Еще скажу, маточка, и это торжественно говорю,—слушайте меня, маточка, хорошенько—клянусь, что какъ ни погибалъ я отъ скорби душевной въ лютые дни нашего злополучія, глядя на васъ, на ваши бѣдствія, и на себя, на униженіе мое и мою неспособность, несмотря на все это, клянусь вамъ, что не такъ мнѣ сто рублей дороги, какъ то, что его превосходительство сами мнѣ, соломѣ, пьяницѣ, руку мою недостойную пожать изволили! Этимъ они меня самому себѣ возвратили. Этимъ поступкомъ они мой духъ воскресили, жизнь мнѣ слаще навѣки сдѣлали, и я твердо увѣренъ, что я какъ ни грѣшенъ передъ Всевышнимъ, но молитва о счастіи и благополучіи его превосходительства дойдетъ до престола Его!..

Маточка! Я теперь въ душевномъ разстройствѣ ужасномъ, въ волненіи ужасномъ! Мое сердце бьется, хочетъ изъ груди выпрыгнуть. И я самъ, такъ-то весь, какъ

будто ослабъ. — Посылаю вамъ 45 рублей ассигнаціями, 20 рублей хозяйкѣ даю, у себя 35 оставляю: на 20 платье поправлю, а 15 оставлю на житье-бытье. А только теперь всѣ эти впечатлѣнія-то утреннія потрясли все существованіе мое. Я прилягу. Мнѣ, впрочемъ, покойно, очень покойно. Только душу ломитъ, и слышно тамъ, въ глубинѣ, душа моя дрожитъ, трепещетъ, шевелится.—Я приду къ вамъ: а теперь я просто хмеленъ отъ всѣхъ ощущеній этихъ... Богъ видитъ все, маточка вы моя, голубушка вы моя безцѣнная!

Вашъ достойный другъ
Макаръ Дѣвушкинъ.

Сентября 10.

Любезный мой Макаръ Алексѣевичъ!

Я несказанно рада вашему счастью и умѣю цѣнить добродѣтели вашего начальника, другъ мой. Итакъ, теперь вы отдохнете отъ горя! Но только, ради Бога, не тратьте опять денегъ попусту. Живите тихонько, какъ можно скромнѣе, и съ этого же дня начинайте всегда хоть что-нибудь откладывать, чтобъ несчастія не застали васъ опять внезапно. Объ насъ, ради Бога, не безпокойтесь. Мы съ Ѳедорой кое-какъ проживемъ. Къ чему вы намъ денегъ столько прислали, Макаръ Алексѣевичъ! Намъ вовсе не нужно. Мы довольны и тѣмъ, что есть у насъ. Правда, намъ скоро понадобятся деньги на переѣздъ съ этой квартиры, но Ѳедора надѣется получить съ кого-то давнишній, старый долгъ. Оставляю, впрочемъ, себѣ двадцать рублей на крайнія надобности. Остальное посылаю вамъ назадъ. Берегите, пожалуйста, деньги, Макаръ Алексѣевичъ. Прощайте. Живите теперь покойно, будьте здоровы и веселы. Я писала бы вамъ болѣе, но чувствую ужасную усталость; вчера я цѣлый день не вставала съ постели. Хорошо сдѣлали, что обѣщались зайти. Навѣстите меня, пожалуйста, Макаръ Алексѣевичъ.

В. Д.

Сентября 11.

Милая моя Варвара Алексѣевна!

Умоляю васъ, родная моя, не разлучайтесь со мною теперь, теперь, когда я совершенно счастливъ и всѣмъ доволенъ. Голубчикъ мой! Вы Ѳедору не слушайте, а я буду все, что вамъ угодно, дѣлать; буду вести себя хорошо, изъ одного уваженія къ его превосходительству, буду вести

хорошо и отчетливо; мы опять будемъ писать другъ другу счастливыя письма, будемъ повѣрять другъ другу наши мысли, наши радости, наши заботы, если будутъ заботы; будемъ жить вдвоемъ согласно и счастливо. Займемся литературою... Ангельчикъ мой! Въ моей судьбѣ все перемѣнилось, и все къ лучшему перемѣнилось. Хозяйка стала сговорчивѣе. Тереза умнѣе, даже самъ Фальдони сталъ какой-то проворный. Съ Ратазяевымъ я помирился. Самъ, на радостяхъ, пошелъ къ нему. Онъ, право, добрый малый, маточка, и что про него говорили дурного, то все это былъ вздоръ. Я открылъ теперь, что все это была гнусная клевета. Онъ вовсе и не думалъ насъ описывать: онъ мнѣ это самъ говорилъ. Читалъ мнѣ новое сочиненіе. А что тогда Ловеласомъ-то онъ меня назвалъ, такъ это вовсе не брань или названіе какое неприличное: онъ мнѣ объяснилъ. Это слово въ слово съ иностраннаго взято и значитъ *проворный малой*, и если покрасивѣе сказать, по-литературнѣе, такъ значитъ *парень плохо не клади*—вотъ! а не что-нибудь тамъ такое. Шутка невинная была, ангельчикъ мой! Я-то, неучъ, сдуру и обидѣлся. Да ужъ я теперь передъ нимъ извинился... И погода-то такая замѣчательная сегодня, Варинька, хорошая такая. Правда, утромъ была небольшая изморозь, какъ будто сквозь сито сѣяло. Ничего! Зато воздухъ сталъ посвѣжѣе немножко. Ходилъ я покупать сапоги, и купилъ удивительные сапоги. Прошелся по Невскому. „Пчелку“ прочелъ. Да! Про главное я и забываю вамъ разсказать.

Видите-ли что:

Сегодня поутру разговорился я съ Емельяномъ Ивановичемъ и съ Аксентіемъ Михайловичемъ объ его превосходительствѣ. Да, Варинька, они не съ однимъ мною такъ обошлись милостиво. Они не одного меня облагодѣтельствовали, и добротою сердца своего всему свѣту извѣстны. Изъ многихъ мѣстъ въ честь ему хвалы возсылаются, и слезы благодарности льются. У нихъ сирота одна воспитывалась. Изволили пристроить ее: выдали за человѣка извѣстнаго, за чиновника одного, который по особымъ порученіямъ при ихъ же превосходительствѣ находился. Сына одной вдовы въ какую-то канцелярію пристроили, и много еще благодѣяній разныхъ оказали. Я, маточка, почелъ за обязанность тутъ же и мою ленту положить, всѣмъ во всеуслышаніе поступокъ его превосходительства разсказалъ; я все имъ разсказалъ и ничего не утаилъ. Я стыдъ-то въ карманъ спряталъ. Какой тутъ

стыдъ, что за амбиція такая при такомъ обстоятельствѣ! Такъ-таки вслухъ—да будутъ славны дѣла его превосходительства! Я говорилъ увлекательно, съ жаромъ говорилъ и не краснѣлъ, напротивъ, гордился, что пришлось такое разсказывать. Я про все разсказалъ (про васъ только благоразумно умолчалъ, маточка), и про хозяйку мою, и про Фальдони, и про Ратазяева, и про сапоги, и про Маркова—все разсказалъ. Кое-кто тамъ пересмѣивались, да, правда, и всѣ они пересмѣивались. Только это въ моей фигурѣ вѣрно они что-нибудь смѣшное нашли, или насчетъ сапоговъ моихъ — именно насчетъ сапоговъ. А съ дурнымъ какимъ-нибудь намѣреніемъ они не могли этого сдѣлать. Это такъ, молодость, или оттого, что они люди богатые, но съ дурнымъ, злымъ намѣреніемъ они никакъ не могли мою рѣчь осмѣивать. То-есть что-нибудь насчетъ его превосходительства—этого они никакъ не могли сдѣлать. Не правда-ли, Варинька?

Я все до сихъ поръ не могу какъ-то опомниться, маточка. Всѣ эти происшествія такъ смутили меня! Есть-ли у васъ дрова? Не простудитесь, Варинька; долго-ли простудиться. Охъ, маточка моя, вы съ вашими грустными мыслями меня убиваете. Я ужъ Бога молю, какъ молю Его за васъ, маточка! Напримѣръ, есть-ли у васъ шерстяные чулочки, или, такъ, изъ одежды что-нибудь потеплѣе. Смотрите, голубчикъ мой. Если вамъ что-нибудь тамъ нужно будетъ, такъ ужъ, ради Создателя, старика не обижайте. Такъ-таки прямо и ступайте ко мнѣ. Теперь дурныя времена прошли. Насчетъ меня вы не безпокойтесь. Впереди все такъ свѣтло, хорошо!

А грустное было время, Варинька! Ну да, ужъ все равно, прошло! Года пройдутъ, такъ и про это время вздохнемъ. Помню я свои молодые годы. Куда! Копѣйки иной разъ не бывало. Холодно, голодно, а весело да и только. Утромъ пройдешься по Невскому, личико встрѣтишь хорошенькое, и на цѣлый день счастливъ. Славное, славное было время, маточка! Хорошо жить на свѣтѣ, Варинька! Особенно въ Петербургѣ. Я со слезами на глазахъ вчера каялся передъ Господомъ Богомъ, чтобы простилъ мнѣ Господь всѣ грѣхи мои въ это грустное время: ропотъ, либеральныя мысли, дебошъ и азартъ. Объ васъ вспоминалъ съ умиленіемъ въ молитвѣ. Вы однѣ, ангельчикъ, укрѣпляли меня, вы однѣ утѣшали меня, напутствовали совѣтами благими и наставленіями. Я этого, маточка, никогда забыть не могу. Ваши записочки всѣ перецѣловалъ сегодня,

голубчикъ мой! Ну, прощайте, маточка. Говорятъ, есть гдѣ-то здѣсь недалеко платье продажное. Такъ вотъ я немножко навѣдаюсь. Прощайте же, ангельчикъ. Прощайте!

Вамъ душевно преданный

Макаръ Дѣвушкинъ.

Сентября 15.

Милостивый Государь,
Макаръ Алексѣевичъ!

Я вся въ ужасномъ волненіи. Послушайте-ка, что у насъ было. Я что-то роковое предчувствую. Вотъ посудите сами, мой безцѣнный другъ: господинъ Быковъ въ Петербургѣ. Ѳедора его встрѣтила. Онъ ѣхалъ, приказалъ остановить дрожки, подошелъ самъ къ Ѳедорѣ и сталъ навѣдываться, гдѣ она живетъ. Та сначала не сказывала. Потомъ онъ сказалъ, усмѣхаясь, что онъ знаетъ, кто у ней живетъ. (Видно, Анна Ѳедоровна все ему разсказала). Тогда Ѳедора не вытерпѣла, и тутъ же, на улицѣ, стала его упрекать, укорять, сказала ему, что онъ человѣкъ безнравственный, что онъ причина всѣхъ несчастій моихъ. Онъ отвѣчалъ, что когда гроша нѣтъ, такъ, разумѣется, человѣкъ несчастливъ. Ѳедора сказала ему, что я бы сумѣла прожить работою, могла бы выйти замужъ, а не то, такъ сказать, мѣсто какое-нибудь, а что теперь счастіе мое навсегда потеряно, что я къ тому же больна и скоро умру. На это онъ замѣтилъ, что я еще слишкомъ молода, что у меня еще въ головѣ бродитъ, и *что наши добродѣтели потускнѣли* (его слова). Мы съ Ѳедорой думали, что онъ не знаетъ нашей квартиры, какъ вдругъ, вчера, только что я вышла для закупокъ въ Гостиный Дворъ, онъ входитъ къ намъ въ комнату; ему, кажется, не хотѣлось застать меня дома. Онъ долго разспрашивалъ Ѳедору о нашемъ житьѣ-бытьѣ, все разсматривалъ у насъ; мою работу смотрѣлъ, наконецъ, спросилъ: — какой же это чиновникъ, который съ вами знакомъ? На ту пору вы черезъ дворъ проходили; Ѳедора ему указала на васъ; онъ взглянулъ и усмѣхнулся; Ѳедора упрашивала его уйти, сказала ему, что я и такъ ужъ нездорова отъ огорченій, и что видѣть его у насъ мнѣ будетъ весьма непріятно. Онъ промолчалъ; сказалъ, что онъ такъ приходилъ отъ нечего дѣлать, и хотѣлъ дать Ѳедорѣ 25 рублей; та, разумѣется, не взяла.—Что бы это значило? Зачѣмъ это онъ приходилъ къ намъ? Я понять не могу, откуда онъ все про насъ знаетъ! Я теряюсь въ догадкахъ. Ѳедора говоритъ, что

Аксинья, ея золовка, которая ходитъ къ намъ, знакома съ прачкой Настасьей, а Настасьинъ двоюродный братъ сторожемъ въ томъ департаментѣ, гдѣ служитъ знакомый племянника Анны Ѳедоровны. Такъ вотъ, не переползлали какъ-нибудь сплетня? Впрочемъ, очень можетъ, что Ѳедора и ошибается: мы не знаемъ, что придумать. Неужели онъ къ намъ опять придетъ! Одна мысль эта ужасаетъ меня! Когда Ѳедора разсказала все это вчера, такъ я такъ испугалась, что чуть было въ обморокъ не упала отъ страха. Чего еще имъ надобно? Я теперь ихъ знать не хочу! Что имъ за дѣло до меня, бѣдной! Ахъ! Въ какомъ я страхѣ теперь: такъ вотъ и думаю, что войдетъ сію минуту Быковъ. Что со мною будетъ! Что еще мнѣ готовитъ судьба? Ради Христа, зайдите ко мнѣ теперь же, Макаръ Алексѣевичъ. Зайдите, ради Бога, зайдите.

Сентября 18.

Маточка, Варвара Алексѣевна!

Сего числа случилось у насъ въ квартирѣ до-нельзя горестное, ничѣмъ необъяснимое и неожиданное событіе. Нашъ бѣдный Горшковъ (замѣтить вамъ нужно, маточка) совершенно оправдался. Рѣшеніе-то ужъ давно какъ вышло, а сегодня онъ ходилъ слушать окончательную резолюцію. Дѣло для него весьма счастливо кончилось. Какая тамъ была вина на немъ за нерадѣніе и неосмотрительность—на все вышло полное отпущеніе. Присудили выправить въ его пользу съ купца знатную сумму денегъ, такъ что онъ и обстоятельствами-то сильно поправился, да и честь-то его отъ пятна избавилась, и все стало лучше,—однимъ словомъ, вышло самое полное исполненіе желанія. Пришелъ онъ сегодня въ три часа домой. На немъ лица не было, блѣдный какъ полотно, губы у него трясутся, а самъ улыбается—обнялъ жену, дѣтей. Мы всѣ гурьбою ходили къ нему поздравлять его. Онъ былъ весьма растроганъ нашимъ поступкомъ, кланялся на всѣ стороны, жалъ у каждаго изъ насъ руку по нѣскольку разъ. Мнѣ даже показалось, что онъ и выросъ-то и выпрямился-то, и что у него и слезинки-то нѣтъ уже въ глазахъ. Въ волненіи былъ такомъ, бѣдный. Двухъ минутъ на мѣстѣ не могъ простоять: бралъ въ руки все, что ему ни попадалось, потомъ опять бросалъ, безпрестанно улыбался и кланялся, садился, вставалъ, опять садился, говорилъ Богъ знаетъ что такое—говоритъ: „честь моя, честь, доброе имя, дѣти мои“—и какъ говорилъ-то! Даже

заплакалъ. Мы тоже большею частію прослезились: Ратазяевъ, видно, хотѣлъ его ободрить, и сказалъ—„что, батюшка, честь, когда нечего ѣсть: деньги, батюшка, деньги главное; вотъ за что Бога благодарите!“ — и тутъ же его по плечу потрепалъ. Мнѣ показалось, что Горшковъ обидѣлся, то-есть не то, чтобы прямо неудовольствіе высказалъ, а только посмотрѣлъ какъ-то странно на Ратазяева, да руку его съ плеча своего снялъ. А прежде бы этого не было, маточка! Впрочемъ, различные бываютъ характеры.—Вотъ я, напримѣръ, на такихъ радостяхъ гордецомъ бы не выказался; вѣдь чего, родная моя, иногда и поклонъ лишній и уничиженіе изъявляешь, не отъ чего иного, какъ отъ припадка доброты душевной и отъ излишней мягкости сердца... но, впрочемъ, не во мнѣ тутъ и дѣло!—„Да, говоритъ, и деньги хорошо; слава Богу, слава Богу!...“ И потомъ все время, какъ мы у него были, твердилъ: „слава Богу, слава Богу!...“ Жена его заказала обѣдъ поделикатнѣе и пообильнѣе. Хозяйка наша сама для нихъ стряпала. Хозяйка наша отчасти добрая женщина. А до обѣда Горшковъ на мѣстѣ не могъ усидѣть. Заходилъ ко всѣмъ въ комнаты, звали-ль, не звали его. Такъ себѣ войдетъ, улыбнется, присядетъ на стулъ, скажетъ что-нибудь, а иногда и ничего не скажетъ—и уйдетъ. У мичмана даже карты въ руки взялъ; его и усадили за четвертаго. Онъ поигралъ-поигралъ, напуталъ въ игрѣ какого-то вздора, сдѣлалъ три-четыре хода и бросилъ играть. „Нѣтъ, говоритъ, вѣдь я такъ, я, говоритъ, это только такъ“, и ушелъ отъ нихъ. Меня встрѣтилъ въ коридорѣ, взялъ меня за обѣ руки, посмотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза, только такъ чудно; пожалъ мнѣ руку и отошелъ, и все улыбаясь, но какъ-то тяжело, странно улыбаясь, словно мертвый. Жена его плакала отъ радости; весело такъ все у нихъ было, по-праздничному. Пообѣдали они скоро. Вотъ, послѣ обѣда, онъ и говоритъ женѣ:—„Послушайте, душенька, вотъ я немного прилягу“—да и пошелъ на постель. Подозвалъ къ себѣ дочку, положилъ ей на головку руку, и долго-долго гладилъ по головкѣ ребенка. Потомъ опять оборотился къ женѣ: „а что-жъ Петинька? Петя нашъ, говоритъ, Петинька?...“ Жена перекрестилась, да и отвѣчаетъ, что вѣдь онъ же умеръ. — „Да, да, знаю, все знаю, Петинька теперь въ царствѣ небесномъ“. — Жена видитъ, что онъ самъ не свой, что происшествіе-то его потрясло совершенно, и говоритъ ему—„вы бы, душенька,

заснули".—„Да, хорошо, я сейчасъ... я немножко",—тутъ онъ отвернулся, полежалъ немного, потомъ оборотился, хотѣлъ сказать что-то. Жена не разслышала, спросила его: „что, мой другъ?" А онъ не отвѣчаетъ. Она подождала немножко,—ну, думаетъ, уснулъ, и вышла на часокъ къ хозяйкѣ. Черезъ часъ времени воротилась,—видитъ, мужъ еще не проснулся и лежитъ себѣ, не шелохнется. Она думала, что спитъ, сѣла и стала работать что-то. Она разсказываетъ, что она съ полчаса и такъ погрузилась въ размышленіе, что даже не помнитъ о чемъ она думала, говоритъ только, что она и позабыла объ мужѣ. Только вдругъ она очнулась отъ какого-то тревожнаго ощущенія, и гробовая тишина въ комнатѣ поразила ее прежде всего. Она посмотрѣла на кровать и видитъ, что мужъ лежитъ все въ одномъ положеніи. Она подошла къ нему, сдернула одѣяло, смотритъ—а ужъ онъ холодехонекъ,—умеръ, маточка, умеръ Горшковъ, внезапно умеръ, словно громомъ его убило. А отчего умеръ — Богъ его знаетъ. Меня это такъ сразило, Варинька, что я до сихъ поръ опомниться не могу. Не вѣрится что-то, чтобы такъ просто могъ умереть человѣкъ. Этакой бѣдняга, горемыка этотъ Горшковъ! Ахъ, судьба-то, судьба какая! Жена въ слезахъ, такая испуганная. Дѣвочка куда-то въ уголъ забилась. У нихъ тамъ суматоха такая идетъ, слѣдствіе медицинское будутъ дѣлать... ужъ не могу вамъ навѣрно сказать. Только жалко, охъ, какъ жалко! Грустно подумать, что этакъ въ самомъ дѣлѣ ни дня, ни часа не вѣдаешь... Погибаешь этакъ ни за что...

Вашъ

Макаръ Дѣвушкинъ.

Сентября 19.

Милостивая Государыня,

Варвара Алексѣевна!

Спѣшу васъ увѣдомить, другъ мой, что Ратазяевъ нашелъ мнѣ работу у одного сочинителя. — Пріѣзжалъ какой-то къ нему, привезъ къ нему такую толстую рукопись — слава Богу, много работы. Только ужъ такъ неразборчиво писано, что не знаю, какъ и за дѣло приняться: требуютъ поскорѣе. Что-то все объ такомъ писано, что какъ будто и не понимаешь... По 40 коп. съ листа уговорились. Я къ тому все это пишу вамъ, родная моя,

что будутъ теперь постороннія деньги. — Ну, а теперь прощайте, маточка. Я ужъ прямо и за работу.

Вашъ вѣрный другъ

Макаръ Дѣвушкинъ.

Сентября 23.

Дорогой другъ мой,

Макаръ Алексѣевичъ!

Я вамъ уже третій день, мой другъ, ничего не писала, а у меня было много-много заботъ, много тревоги.

Третьяго дня былъ у меня Быковъ. Я была одна, Ѳедора куда-то ходила. Я отворила ему и такъ испугалась, когда его увидала, что не могла тронуться съ мѣста. Я чувствовала, что я поблѣднѣла. Онъ вошелъ, по своему обыкновенію, съ громкимъ смѣхомъ, взялъ стулъ и сѣлъ. Я долго не могла опомниться, наконецъ, сѣла въ уголъ за работу. Онъ скоро пересталъ смѣяться. Кажется, мой видъ поразилъ его. Я такъ похудѣла въ послѣднее время; щеки и глаза мои ввалились, я была блѣдна какъ платокъ... дѣйствительно, меня трудно узнать тому, кто зналъ меня годъ тому назадъ. Онъ долго и пристально смотрѣлъ на меня, наконецъ, опять развеселился. Сказалъ что-то такое; я не помню, что отвѣчала ему, и онъ опять засмѣялся. Онъ сидѣлъ у меня цѣлый часъ; долго говорилъ со мной; кой-о-чемъ разспрашивалъ. Наконецъ, передъ прощаніемъ, онъ взялъ меня за руку и сказалъ (я вамъ пишу отъ слова до слова): „Варвара Алексѣевна! Между нами сказать, Анна Ѳедоровна, ваша родственница, а моя короткая знакомая и пріятельница, преподлая женщина“. (Тутъ онъ еще назвалъ ее однимъ неприличнымъ словомъ). „Совратила она и двоюродную вашу сестрицу съ пути, и васъ погубила. Съ моей стороны и я въ этомъ случаѣ подлецомъ оказался; да вѣдь, что, дѣло житейское“. Тутъ онъ захохоталъ что есть мочи. Потомъ замѣтилъ, что онъ красно говорить не мастеръ, и что главное, что̀ объяснить было нужно, и объ чемъ обязанности благородства повелѣвали ему не умалчивать, ужъ онъ объявилъ, и что въ короткихъ словахъ приступаетъ къ остальному. Тутъ онъ объявилъ мнѣ, что ищетъ руки моей, что долгомъ своимъ почитаетъ возвратить мнѣ честь, что онъ богатъ, что онъ увезетъ меня послѣ свадьбы въ свою степную деревню, что онъ хочетъ тамъ зайцевъ травить; что онъ болѣе въ Петербургъ никогда не пріѣдетъ, потому что въ Петербургѣ гадко, что у него есть

здѣсь въ Петербургѣ, какъ онъ самъ выразился, негодный племянникъ, котораго онъ присягнулъ лишить наслѣдства и собственно для этого случая, то-есть, желая имѣть законныхъ наслѣдниковъ, ищетъ руки моей, что это главная причина его сватовства. Потомъ онъ замѣтилъ, что я весьма бѣдно живу, что не диво, если я больна, проживая въ такой лачугѣ, предрекъ мнѣ неминуемую смерть, если я хоть мѣсяцъ такъ останусь; сказалъ, что въ Петербургѣ квартиры гадкія, и, наконецъ, что не надо-ли мнѣ чего?

Я такъ была поражена его предложеніемъ, что, сама не знаю отчего, заплакала. Онъ принялъ мои слезы за благодарность и сказалъ мнѣ, что онъ всегда былъ увѣренъ, что я добрая, чувствительная и ученая дѣвица, но что онъ не прежде, впрочемъ, рѣшился на сію мѣру, какъ разузнавъ со всею подробностію о моемъ теперешнемъ поведеніи. Тутъ онъ разспрашивалъ о васъ, сказалъ, что про все слышалъ, что вы благородныхъ правилъ человѣкъ, что онъ съ своей стороны не хочетъ быть у васъ въ долгу и что довольно-ли вамъ будетъ 500 руб. за все, что̀ вы для меня сдѣлали? Когда же я ему объяснила, что вы для меня то̀ сдѣлали, чего никакими деньгами не заплатишь, то онъ сказалъ мнѣ, что все вздоръ: что все это романы, что я еще молода и стихи читаю, что романы губятъ молодыхъ дѣвушекъ, что книги только нравственность портятъ и что онъ терпѣть не можетъ никакихъ книгъ; совѣтовалъ прожить его годы и тогда объ людяхъ говорить, „тогда“, прибавилъ онъ, „и людей узнаете“. Потомъ онъ сказалъ, чтобы я поразмыслила хорошенько объ его предложеніяхъ, что ему весьма будетъ непріятно, если я такой важный шагъ сдѣлаю необдуманно, прибавилъ, что необдуманность и увлеченіе губятъ юность неопытную, но что онъ чрезвычайно желаетъ съ моей стороны благопріятнаго отвѣта; что, наконецъ, въ противномъ случаѣ, онъ принужденъ будетъ жениться въ Москвѣ на купчихѣ, потому что, говорилъ онъ, я присягнулъ негодяя-племянника лишить наслѣдства. Онъ насильно оставилъ у меня на пяльцахъ пятьсотъ рублей, какъ онъ сказалъ, на конфеты; сказалъ, что въ деревнѣ я растолстѣю, какъ лепешка, что буду у него какъ сыръ въ маслѣ кататься, что у него теперь ужасно много хлопотъ, что онъ цѣлый день по дѣламъ протаскался, и что теперь между дѣломъ забѣжалъ ко мнѣ. Тутъ онъ ушелъ. Я долго думала, я много передумала, я мучилась, думая,

другъ мой, наконецъ, я рѣшилась. Другъ мой, я выйду за него, я должна согласиться на его предложеніе. Если кто можетъ избавить меня отъ моего позора, возвратить мнѣ честное имя, отвратить отъ меня бѣдность, лишенія и несчастія въ будущемъ, такъ это единственно онъ. Чего мнѣ ожидать отъ грядущаго, чего еще спрашивать у судьбы? Ѳедора говоритъ, что своего счастія терять не нужно; говоритъ—что же въ такомъ случаѣ и называется счастіемъ? Я, по крайней мѣрѣ, не нахожу другого пути для себя, безцѣнный другъ мой. Что мнѣ дѣлать? Работою я и такъ все здоровье испортила; работать постоянно я не могу. Въ люди идти?—Я съ тоски исчахну, къ тому же, я никому не угожу. Я хворая отъ природы, и потому всегда буду бременемъ на чужихъ рукахъ. Конечно, я и теперь не въ рай иду, но что же мнѣ дѣлать, другъ мой, что же мнѣ дѣлать? Изъ чего выбирать мнѣ?

Я не просила у васъ совѣтовъ. Я хотѣла обдумать одна. Рѣшеніе, которое вы прочли сейчасъ, неизмѣнно, и я немедленно объявлю его Быкову, который и безъ того торопитъ меня окончательнымъ рѣшеніемъ. Онъ сказалъ, что у него дѣла не ждутъ, что ему нужно ѣхать, и что не откладывать же ихъ изъ-за пустяковъ. Знаетъ Богъ, будули я счастлива, въ Его святой, неисповѣдимой власти судьбы мои, но я рѣшилась. Говорятъ, что Быковъ человѣкъ добрый: онъ будетъ уважать меня; можетъ-быть, и я также буду уважать его. Чего же ждать болѣе отъ нашего брака?

Увѣдомляю васъ обо всемъ, Макаръ Алексѣевичъ. Я увѣрена, вы поймете всю тоску мою. Не отвлекайте меня отъ моего намѣренія. Усилія ваши будутъ тщетны. Взвѣсьте въ своемъ собственномъ сердцѣ все, что принудило меня такъ поступить. Я очень тревожилась сначала, но теперь я спокойнѣе. Что впереди—я не знаю. Что будетъ, то будетъ; какъ Богъ пошлетъ!..

Пришелъ Быковъ, я бросаю письмо неоконченнымъ. Много еще хотѣла сказать вамъ. Быковъ уже здѣсь!

Сентября 23.

Маточка, Варвара Алексѣевна!

Я, маточка, спѣшу вамъ отвѣчать; я, маточка, спѣшу вамъ объявить, что я изумленъ. Все это какъ-то не того... Вчера мы похоронили Горшкова. Да, это такъ, Варинька, это такъ; Быковъ поступилъ благородно; только вотъ, видите-ли, родная моя, такъ вы и соглашаетесь. Конечно,

во всемъ воля Божія; это такъ, это непремѣнно должно быть такъ, то-есть тутъ воля-то Божія непремѣнно должна быть; и промыслъ Творца Небеснаго, конечно, и благъ, и неисповѣдимъ, и судьбы тоже, и они то же самое. — Ѳедора тоже въ васъ участіе принимаетъ. Конечно, вы счастливы теперь будете, маточка, въ довольствѣ будете, моя голубочка, ясочка моя, ненаглядная вы моя, ангельчикъ мой, — только вотъ, видите-ли, Варинька, какъ-же это такъ скоро?.. Да, дѣла... у г-на Быкова есть дѣла,— конечно, у кого нѣтъ дѣлъ, и у него тоже они могутъ случиться... видѣлъ я его, какъ онъ отъ васъ выходилъ. Видный, видный мужчина; даже ужъ и очень видный мужчина. Только все это какъ-то не такъ, дѣло-то не въ томъ именно, что онъ видный мужчина, да я-то теперь какъ-то самъ не свой. Только вотъ какъ же мы будемъ теперь письма-то другъ къ другу писать? Я-то, я-то, какъ-же одинъ останусь. Я, ангельчикъ мой, все взвѣшиваю, все взвѣшиваю, какъ вы писали-то мнѣ тамъ, въ сердцѣ-то моемъ все это взвѣшиваю, причины-то эти. Я уже двадцатый листъ оканчивалъ переписывать, а между тѣмъ эти происшествія-то нашли! Маточка, вѣдь вотъ вы ѣдете, такъ и закупки-то вамъ различныя сдѣлать нужно, башмаки разные, платьице, а вотъ у меня кстати и магазинъ есть знакомый въ Гороховой; помните, какъ я вамъ еще его все описывалъ. — Да нѣтъ же! Какъ же вы, маточка, что вы! Вѣдь вамъ нельзя теперь ѣхать, совершенно невозможно, никакъ невозможно. Вѣдь вамъ нужно покупки большія дѣлать, да и экипажъ заводить. Къ тому же и погода теперь дурная; вы посмотрите-ка, дождь какъ изъ ведра льетъ, и такой мокрый дождь, да еще... еще то, что вамъ холодно будетъ, мой ангельчикъ; сердечку-то вашему будетъ холодно! Вѣдь вотъ вы боитесь чужого человѣка, а ѣдете. А я-то на кого здѣсь одинъ останусь? Да! Вотъ Ѳедора говоритъ, что васъ счастіе ожидаетъ большое... да вѣдь она баба буйная и меня погубить желаетъ. Пойдете-ли вы ко всенощной сегодня, маточка? Я бы васъ пошелъ посмотрѣть. Оно, правда, маточка, совершенная правда, что вы дѣвица ученая, добродѣтельная и чувствительная, только пусть ужъ онъ лучше женится на купчихѣ! Какъ вы думаете, маточка? Пусть ужъ лучше на купчихѣ-то женится!—Я къ вамъ, Варинька вы моя, какъ смеркнется, такъ и забѣгу на часокъ. Нынче вѣдь рано смеркается, такъ я и забѣгу. Я, маточка, къ вамъ непремѣнно на часочекъ приду сегодня. Вотъ вы

теперь ждете Быкова, а какъ онъ уйдетъ, такъ тогда... Вотъ подождите, маточка, я забѣгу...

Макаръ Дѣвушкинъ.

Сентября 27.

Другъ мой, Макаръ Алексѣевичъ!

Господинъ Быковъ сказалъ, что у меня непремѣнно должно быть на три дюжины рубашекъ голландскаго полотна. Такъ нужно какъ можно скорѣе пріискать бѣлошвеекъ для двухъ дюжинъ, а времени у насъ очень мало. Господинъ Быковъ сердится, говоритъ, что съ этими тряпками ужасно много возни. Свадьба наша черезъ пять дней, а на другой день послѣ свадьбы мы ѣдемъ. Господинъ Быковъ торопится, говоритъ, что на вздоръ много времени не нужно терять. Я измучилась отъ хлопотъ и чуть на ногахъ стою. Дѣла страшная куча, а, право, лучше, если бъ этого ничего не было. Да еще: у насъ недостаетъ блондъ и кружева, такъ вотъ нужно бы прикупить, потому что господинъ Быковъ говоритъ, что онъ не хочетъ, чтобы жена его какъ кухарка ходила, и что я непремѣнно должна „утереть носъ всѣмъ помѣщицамъ“. Такъ онъ самъ говоритъ. Такъ вотъ, Макаръ Алексѣевичъ, адресуйтесь, пожалуйста, къ мадамъ Шифонъ въ Гороховую, и попросите, во-первыхъ, прислать къ намъ бѣлошвеекъ, а во-вторыхъ, чтобъ и сама потрудилась заѣхать. Я сегодня больна. На новой квартирѣ у насъ такъ холодно и безпорядки ужасные. Тетушка господина Быкова чуть-чуть дышитъ отъ старости. Я боюсь, чтобы не умерла до нашего отъѣзда, но господинъ Быковъ говоритъ, что ничего, очнется. Въ домѣ у насъ безпорядки ужасные. Господинъ Быковъ съ нами не живетъ, такъ люди всѣ разбѣгаются Богъ знаетъ куда. Случается, что одна Ѳедора намъ прислуживаетъ, а камердинеръ господина Быкова, который смотритъ за всѣмъ, уже третій день неизвѣстно гдѣ пропадаетъ. Господинъ Быковъ заѣзжаетъ каждое утро, все сердится и вчера побилъ приказчика дома, за что имѣлъ непріятности съ полиціей... Не съ кѣмъ было къ вамъ и письма-то послать. Пишу по городской почтѣ. Да! Чуть было не забыла самаго важнаго. Скажите мадамъ Шифонъ, чтобы блонды она непремѣнно перемѣнила, сообразуясь со вчерашнимъ образчикомъ, и чтобы сама заѣхала ко мнѣ показать новый выборъ. Да скажите еще, что я раздумала насчетъ канзу; что его нужно вышивать крошью. Да еще: буквы для

вензелей на платкахъ вышивать тамбуромъ; слышите-ли? Тамбуромъ, а не гладью. Смотрите же, не забудьте, что тамбуромъ! Вотъ еще чуть было не забыла! Передайте ей, ради Бога, чтобы листики на пелеринѣ шить возвышенно, усики и шипы кардонне, а потомъ обшить воротникъ кружевомъ или широкой фалбалой. Пожалуйста, передайте, Макаръ Алексѣевичъ.

Ваша

В. Д.

P. S. Мнѣ такъ совѣстно, что все васъ мучаю моими комиссіями. Вотъ и третьяго дня вы цѣлое утро бѣгали. Но что дѣлать! У насъ въ домѣ нѣтъ никакого порядка, а я сама нездорова. Такъ не досадуйте на меня, Макаръ Алексѣевичъ. Такая тоска! Ахъ, что это будетъ, другъ мой, милый мой, добрый мой Макаръ Алексѣевичъ! Я и заглянуть боюсь въ мое будущее. Я все что-то предчувствую и точно въ чаду въ какомъ-то живу.

P. S. Ради Бога, мой другъ, не позабудьте чего-нибудь изъ того, что я вамъ теперь говорила. Я все боюсь, чтобы вы какъ-нибудь не ошиблись. Помните же, тамбуромъ, а не гладью.

В. Д.

Сентября 27.

Милостивая Государыня,

Варвара Алексѣевна!

Комиссіи ваши всѣ исполнилъ рачительно. Мадамъ Шифонъ говоритъ, что она уже сама думала обшивать тамбуромъ; что это приличнѣе, что-ли, ужъ не знаю, въ толкъ не взялъ хорошенько. Да еще, вы тамъ фалбалу написали, такъ она и про фалбалу говорила. Только я, маточка, и позабылъ, что она мнѣ про фалбалу говорила. Только помню, что очень много говорила; такая скверная баба! Что бишь такое? Да вотъ она вамъ сама все разскажетъ. Я, маточка моя, совсѣмъ замотался. Сегодня я и въ должность не ходилъ. Только вы-то, родная моя, напрасно отчаиваетесь. Для вашего спокойствія я готовъ всѣ магазины обѣгать. Вы пишете, что въ будущее заглянуть боитесь. Да вѣдь сегодня въ седьмомъ часу все узнаете. Мадамъ Шифонъ сама къ вамъ пріѣдетъ. Такъ вы и не отчаивайтесь; надѣйтесь, маточка; авось и все-то устроится къ лучшему — вотъ. Такъ того-то, я все фал-

балу-то проклятую — эхъ, мнѣ эта фалбала-фалбала! Я бы къ вамъ забѣжалъ, ангельчикъ, забѣжалъ бы, непремѣнно бы забѣжалъ; я ужъ и такъ къ воротамъ вашего дома раза два подходилъ. Да все Быковъ, то-есть, я хочу сказать, господинъ Быковъ все сердитый такой, такъ вотъ оно и не того... Ну, да ужъ что!

Макаръ Дѣвушкинъ.

Сентября 28.

Милостивый Государь,

Макаръ Алексѣевичъ!

Ради Бога, бѣгите сейчасъ къ брильянтщику. Скажите ему, что серьги съ жемчугомъ и изумрудами дѣлать не нужно. Господинъ Быковъ говоритъ, что слишкомъ богато, что это кусается. Онъ сердится; говоритъ, что ему и такъ въ карманъ стало, и что мы его грабимъ, а вчера сказалъ, что если бы впередъ зналъ да вѣдалъ про такіе расходы, такъ и не связывался бы. Говоритъ, что только насъ повѣнчаютъ, такъ сейчасъ и уѣдемъ, что гостей не будетъ, и чтобы я вертѣться и плясать не надѣялась, что еще далеко до праздниковъ. Вотъ онъ какъ говоритъ! А Богъ видитъ, нужно-ли мнѣ все это! Самъ же господинъ Быковъ все заказывалъ. Я отвѣчать ему ничего не смѣю: онъ горячій такой. Что со мною будетъ?

В. Д.

Сентября 28.

Голубчикъ мой, Варвара Алексѣевна!

Я — то-есть, брильянтщикъ говоритъ—хорошо; а я про себя хотѣлъ сначала сказать, что я заболѣлъ и встать не могу съ постели. Вотъ теперь, какъ время пришло хлопотливое, нужное, такъ и простуды напали, грагъ ихъ возьми! Тоже увѣдомляю васъ, что къ довершенію несчастій моихъ и его превосходительство изволили быть строгими, и на Емельяна Ивановича много сердились и кричали, и подъ конецъ совсѣмъ измучились, бѣдненькіе. Вотъ я васъ и увѣдомляю обо всемъ. Да еще хотѣлъ вамъ написать что-нибудь, только васъ утруждать боюсь. Вѣдь я, маточка, человѣкъ глупый, простой, пишу себѣ что ни попало, такъ, можетъ-быть, вы тамъ чего-нибудь и такого — ну, да ужъ что!

Вашъ *Макаръ Дѣвушкинъ.*

Сентября 29.

Варвара Алексѣевна, родная моя!

Я сегодня Ѳедору видѣлъ, голубчикъ мой. Она говоритъ, что васъ уже завтра вѣнчаютъ, а послѣзавтра вы ѣдете, и что господинъ Быковъ уже лошадей нанимаетъ. Насчетъ его превосходительства я уже увѣдомлялъ васъ, маточка. Да еще: — счеты изъ магазина въ Гороховой я провѣрилъ; все вѣрно, да только очень дорого. Только за что же господинъ-то Быковъ на васъ сердится? Ну, будьте счастливы, маточка! Я радъ; да, я буду радъ, если вы будете счастливы. Я бы пришелъ въ церковь, маточка, да не могу, болитъ поясница. Такъ вотъ я все насчетъ писемъ: вѣдь вотъ кто же теперь ихъ передавать-то намъ будетъ, маточка? Да! Вы Ѳедору-то облагодѣтельствовали, родная моя! Это доброе дѣло вы сдѣлали, другой мой; это вы очень хорошо сдѣлали. Доброе дѣло! А за каждое доброе дѣло васъ Господь благословлять будетъ.—Добрыя дѣла не остаются безъ награды, и добродѣтель всегда будетъ увѣнчана вѣнцомъ справедливости Божіей, рано-ли поздно-ли. Маточка! Я бы вамъ много хотѣлъ написать; такъ, каждый часъ, каждую минуту все бы писалъ, все бы писалъ! У меня еще ваша книжка осталась одна, *Бѣлкина повѣсти*, такъ вы ее, знаете, маточка, не берите ее у меня, подарите ее мнѣ, мой голубчикъ. Это не потому, что ужъ мнѣ такъ ее читать хочется. Но сами вы знаете, маточка, подходитъ зима; вечера будутъ длинные; грустно будетъ, такъ вотъ бы и почитать. Я, маточка, переѣду съ моей квартиры на вашу старую, и буду нанимать у Ѳедоры. Я съ этой честной женщиной теперь ни за что не разстанусь; къ тому же она такая работящая. Я вашу квартиру опустѣвшую вчера подробно осматривалъ. Тамъ, какъ были ваши пялечки, а на нихъ шитье, такъ они остались не тронутые; въ углу стоятъ. Я ваше шитье разсматривалъ. Остались еще тутъ лоскуточки разные. На одно письмецо мое вы ниточки начали было наматывать. Въ столикѣ нашелъ бумажки листочекъ, а на бумажкѣ написано — „*Милостивый государь, Макаръ Алексѣевичъ*, „*Спѣшу*“—и только. Видно васъ кто-нибудь прервалъ на самомъ интересномъ мѣстѣ. Въ углу за ширмочками ваша кроватка стоитъ... Голубчикъ вы мой!!! Ну, прощайте, прощайте; ради Бога, отвѣчайте мнѣ что-нибудь на это письмо поскорѣе.

Макаръ Дѣвушкинъ.

Сентября 30.

Безцѣнный другъ мой,
Макаръ Алексѣевичъ!

Все совершилось! Выпалъ мой жребій; не знаю, какой, но я волѣ Господа покорна. Завтра мы ѣдемъ. Прощаюсь съ вами въ послѣдній разъ, безцѣнный мой, другъ мой, благодѣтель мой, родной мой! Не горюйте обо мнѣ, живите счастливо, помните обо мнѣ и да снизойдетъ на насъ благословеніе Божіе! Я буду вспоминать васъ часто въ мысляхъ моихъ, въ молитвахъ моихъ. Вотъ и кончилось это время! Я мало отраднаго унесу въ новую жизнь изъ воспоминаній прошедшаго; тѣмъ драгоцѣннѣе будетъ воспоминаніе объ васъ, тѣмъ драгоцѣннѣе будете вы моему сердцу. Вы единственный другъ мой; вы только одни здѣсь любили меня. Вѣдь я все видѣла, я вѣдь знала, какъ вы любили меня! Улыбкой одной моей вы счастливы были, одной строчкой письма моего. Вамъ нужно будетъ теперь отвыкать отъ меня! Какъ вы одни здѣсь останетесь! На кого вы здѣсь останетесь, добрый, безцѣнный, единственный другъ мой! Оставляю вамъ книжку, пяльцы, начатое письмо; когда будете смотрѣть на эти начатыя строчки, то мыслями читайте дальше все, что бы хотѣлось вамъ услышать или прочесть отъ меня, все, что я ни написала бы вамъ; а чего бы я не написала теперь! Вспоминайте о бѣдной вашей Варинькѣ, которая васъ такъ крѣпко любила. Всѣ ваши письма остались въ комодѣ у Ѳедоры, въ верхнемъ ящикѣ. Вы пишете, что вы больны, а господинъ Быковъ меня сегодня никуда не пускаетъ. Я буду вамъ писать, другъ мой, я обѣщаюсь; но вѣдь одинъ Богъ знаетъ, что можетъ случиться. Итакъ, простимся теперь навсегда, другъ мой, голубчикъ мой, родной мой, навсегда!.. Охъ, какъ бы я теперь обняла васъ! Прощайте, мой другъ, прощайте, прощайте. Живите счастливо; будьте здоровы. Моя молитва будетъ вѣчно объ васъ. О! Какъ мнѣ грустно, какъ давитъ всю мою душу. Господинъ Быковъ зоветъ меня. Васъ вѣчно любящая

В.

P. S. Моя душа такъ полна, такъ полна теперь слезами... Слезы тѣснятъ меня, рвутъ меня. Прощайте. Боже! какъ грустно!

Помните, помните вашу бѣдную Вариньку.

Маточка, Варинька, голубчикъ мой, безцѣнная моя! Васъ увозятъ, вы ѣдете. Да, теперь лучше бы сердце они изъ груди моей вырвали, чѣмъ васъ у меня! Какъ же вы это? Вотъ, вы плачете и вы ѣдете?! Вотъ, я отъ васъ письмецо сейчасъ получилъ, все слезами закапанное. Стало-быть, вамъ не хочется ѣхать; стало-быть, васъ насильно увозятъ; стало-быть, вамъ жаль меня; стало-быть, вы меня любите! Да какъ же, съ кѣмъ же вы теперь будете? Тамъ вашему сердечку будетъ грустно, тошно и холодно. Тоска его высосетъ, грусть его пополамъ разорветъ. Вы тамъ умрете, васъ тамъ въ сыру-землю положатъ; объ васъ и поплакать будетъ некому тамъ! Г-нъ Быковъ будетъ все зайцевъ травить... Ахъ, маточка, маточка! На что же вы это рѣшились? Какъ же вы на такую мѣру рѣшиться могли? Что вы сдѣлали, что вы сдѣлали, что вы надъ собою сдѣлали? Вѣдь васъ тамъ въ гробъ сведутъ; они заморятъ васъ тамъ, ангельчикъ. Вѣдь вы, маточка, какъ перышко слабенькія! И я-то гдѣ былъ? Чего я тутъ, дуракъ, глазѣлъ! Вижу, дитя блажитъ, у дитяти просто головка болитъ! Чѣмъ бы тутъ попросту — такъ нѣтъ же! дуракъ-дуракомъ, и не думаю ничего, и не вижу ничего, какъ будто и правъ, какъ будто и дѣло до меня не касается; и еще за фалбалой бѣгалъ!.. Нѣтъ, я, Варинька, встану; я къ завтрашнему дню, можетъ-быть, выздоровлю, такъ вотъ я и встану!.. Я, маточка, подъ колеса брошусь; я васъ не пущу уѣзжать! Да нѣтъ, что же это въ самомъ дѣлѣ такое? По какому праву все это дѣлается? Я съ вами уѣду; я за каретой вашей побѣгу, если меня не возьмете, и буду бѣжать что есть мочи, покамѣстъ духъ изъ меня выйдетъ. Да вы знаете-ли только, что тамъ такое, куда вы ѣдете-то, маточка? Вы, можетъ-быть, этого не знаете, такъ меня спросите! Тамъ степь, родная моя, тамъ степь, голая степь; вотъ какъ моя ладонь голая! Тамъ ходитъ баба безчувственная, да мужикъ необразованный, пьяница ходитъ. Тамъ теперь листья съ деревьевъ осыпались, тамъ дожди, тамъ холодно — а вы туда ѣдете! Ну, господину Быкову тамъ есть занятіе: онъ тамъ будетъ съ зайцами; а вы что? Вы помѣщицей хотите быть, маточка? Но, херувимчикъ вы мой! Вы поглядите-ка на себя, похожи-ли вы на помѣщицу?.. Да какъ же можетъ быть такое, Варинька! Къ кому же я письма буду писать, маточка? Да! Вотъ вы возьмите-ка въ соображеніе, маточка,—дескать, къ кому же онъ письма-то будетъ писать? Кого же я маточкой-то называть буду; именемъ-то, любезнымъ такимъ

кого называть буду? Гдѣ мнѣ васъ найти потомъ, ангельчикъ мой? Я умру, Варинька, непремѣнно умру; не перенесетъ мое сердце такого несчастія! Я васъ какъ свѣтъ Господень любилъ, какъ дочку родную любилъ, я все въ васъ любилъ, маточка, родная моя! И самъ для васъ только и жилъ однѣхъ! Я и работалъ, и бумаги писалъ, и ходилъ, и гулялъ, и наблюденія мои бумагѣ передавалъ въ видѣ дружескихъ писемъ, все оттого, что вы, маточка, здѣсь, напротивъ, поблизости жили. Вы, можетъ-быть, этого и не знали, а это все было именно такъ! Да, послушайте, маточка, вы разсудите, голубчикъ мой миленькой, какъ же это можетъ быть, чтобы вы отъ насъ уѣхали? Родная моя, вѣдь вамъ ѣхать нельзя, невозможно; просто, рѣшительно никакой возможности нѣтъ! Вѣдь вотъ дождь идетъ, а вы слабенькія, вы простудитесь. Ваша карета промокнетъ; она непремѣнно промокнетъ. Она, только что вы за заставу выѣдете, и сломается; нарочно сломается. Вѣдь здѣсь въ Петербургѣ прескверно кареты дѣлаютъ! Я и каретниковъ этихъ всѣхъ знаю; они только чтобъ фасончикъ, игрушечку тамъ какую-нибудь смастерить, а не прочно! Присягну, что не прочно дѣлаютъ! Я, маточка, на колѣни передъ господиномъ Быковымъ брошусь, я ему докажу, все докажу! И вы, маточка, докажите; резономъ докажите ему! Скажите, что вы остаетесь и что вы не можете ѣхать!.. Ахъ, зачѣмъ это онъ въ Москвѣ на купчихѣ не женился! Ужъ пусть бы онъ тамъ на ней-то женился! Ему купчиха лучше, ему она гораздо лучше бы шла; ужъ это я знаю почему! А я бы васъ здѣсь у себя держалъ. Да что онъ вамъ-то, маточка, Быковъ-то? Чѣмъ онъ для васъ такъ вдругъ милъ сдѣлался? Вы, можетъ-быть, оттого, что онъ вамъ фалбалу-то все закупаетъ, вы, можетъ-быть, отъ этого? Да, вѣдь, что же фалбала? Зачѣмъ фалбала? Вѣдь она, маточка, вздоръ! Тутъ рѣчь идетъ о жизни человѣческой, а вѣдь она, маточка, тряпка фалбала; она, маточка, фалбала-то тряпица! Да я вотъ вамъ самъ, вотъ только что жалованье получу, фалбалы накуплю; я вамъ ее накуплю, маточка, у меня тамъ вотъ и магазинчикъ знакомый есть, вотъ только жалованье дайте дождаться мнѣ, херувимчикъ мой, Варинька! Ахъ, Господи, Господи! Такъ вы это непремѣнно въ степь съ господиномъ Быковымъ уѣзжаете, безвозвратно уѣзжаете! Ахъ, маточка!.. Нѣтъ, вы мнѣ еще напишите, еще мнѣ письмецо напишите обо всемъ, и когда уѣдете, такъ и оттуда письмо напишите. А то вѣдь,

CZYTELNIA „KULTURA"

ангелъ небесный мой, это будетъ послѣднее письмо; а вѣдь никакъ не можетъ такъ быть, чтобы письмо это было послѣднее! Вѣдь, вотъ какъ же, такъ вдругъ, именно, непремѣнно послѣднее. Да нѣтъ же, я буду писать, да и вы-то пишите... А то у меня и слогъ теперь формируется... Ахъ, родная моя, что слогъ! Вѣдь вотъ я теперь и не знаю, что это я пишу, никакъ не знаю, ничего не знаю и не перечитываю, и слогу не выправляю, а пишу только бы писать, только бы вамъ написать-то побольше... Голубчикъ мой, родная моя, маточка вы моя!

ПОВѢСТИ

И

РАЗСКАЗЫ.

ДВОЙНИКЪ. *)

Петербургская поэма.

ГЛАВА I.

Было безъ малаго восемь часовъ утра, когда титулярный совѣтникъ Яковъ Петровичъ Голядкинъ очнулся послѣ долгаго сна, зѣвнулъ, потянулся и открылъ, наконецъ, совершенно глаза свои. Минуты съ двѣ, впрочемъ, лежалъ онъ неподвижно на своей постели, какъ человѣкъ, не вполнѣ еще увѣренный, проснулся-ли онъ или все еще спитъ, на яву-ли и въ дѣйствительности-ли все, что̀ около него теперь совершается, или—продолженіе его безпорядочныхъ сонныхъ грёзъ. Вскорѣ, однакожъ, чувства господина Голядкина стали яснѣе и отчетливѣе принимать свои привычныя, обыденныя впечатлѣнія. Знакомо глянули на него зелено-грязноватыя, закоптѣлыя, пыльныя стѣны его маленькой комнатки, его комодъ краснаго дерева, стулья подъ красное дерево, столъ окрашенный красною краскою, клеенчатый турецкій диванъ красноватаго цвѣта съ зелененькими цвѣточками и, наконецъ, вчера впопыхахъ снятое платье и брошенное комкомъ на диванѣ. Наконецъ, сѣрый осенній день, мутный и грязный, такъ сердито и съ такой кислой гримасою заглянулъ къ нему сквозь тусклое окно въ комнату, что господинъ Голядкинъ никакимъ уже образомъ не могъ болѣе сомнѣваться, что онъ находится не въ тридесятомъ царствѣ какомъ-нибудь, а въ городкѣ Петербургѣ, въ столицѣ, въ Шестилавочной улицѣ, въ четвертомъ этажѣ одного весьма большого, капитальнаго дома, въ собственной квартирѣ своей. Сдѣлавъ такое важное открытіе, господинъ Голядкинъ судорожно закрылъ глаза, какъ бы сожалѣя о недавнемъ снѣ и желая его воротить на минутку. Но черезъ минуту онъ однимъ скач-

*) Напечатанъ первоначально въ „Отечествен. Зап.“ 1846 г., т. 44-й. Затѣмъ просмотрѣнъ авторомъ для Полнаго Собранія его сочиненій. Изд. Ѳ. Стелловскаго. 1865 г.

комъ выпрыгнулъ изъ постели, вѣроятно, попавъ, наконецъ, въ ту идею, около которой вертѣлись до сихъ поръ разсѣянныя, не приведенныя въ надлежащій порядокъ мысли его. Выпрыгнувъ изъ постели, онъ тотчасъ же подбѣжалъ къ небольшому кругленькому зеркальцу, стоящему на комодѣ. Хотя отразившаяся въ зеркалѣ, заспанная, подслѣповатая и довольно оплѣшивѣвшая фигура была именно такого незначительнаго свойства, что съ перваго взгляда не останавливала на себѣ рѣшительно ни чьего исключительнаго вниманія, но, повидимому, обладатель ея остался совершенно доволенъ всѣмъ тѣмъ, что̀ увидѣлъ въ зеркалѣ. „Вотъ бы штука была“, сказалъ господинъ Голядкинъ вполголоса: „вотъ бы штука была, если-бъ я сегодня манкировалъ въ чемъ-нибудь, если-бъ вышло, напримѣръ, что-нибудь не такъ, прыщикъ тамъ какой-нибудь вскочилъ посторонній, или произошла бы другая какая-нибудь непріятность; впрочемъ, покамѣстъ недурно; покамѣстъ все идетъ хорошо“. Очень обрадовавшись тому, что все идетъ хорошо, господинъ Голядкинъ поставилъ зеркало на прежнее мѣсто, а самъ, несмотря на то, что былъ босикомъ и сохранялъ на себѣ тотъ костюмъ, въ которомъ имѣлъ обыкновеніе отходить ко сну, подбѣжалъ къ окошку и съ большимъ участіемъ началъ что-то отыскивать глазами на дворѣ дома, на который выходили окна квартиры его. Повидимому, и то, что̀ онъ отыскалъ на дворѣ, совершенно его удовлетворило; лицо его просіяло самодовольной улыбкою. Потомъ,— заглянувъ, впрочемъ, сначала за перегородку въ каморку Петрушки, своего камердинера, и увѣрившись, что въ ней нѣтъ Петрушки, — на цыпочкахъ подошелъ къ столу, отперъ въ немъ одинъ ящикъ, пошарилъ въ самомъ заднемъ уголку этого ящика, вынулъ, наконецъ, изъ-подъ старыхъ пожелтѣвшихъ бумагъ и кое-какой дряни зеленый истертый бумажникъ, открылъ его осторожно—и бережно и съ наслажденіемъ заглянулъ въ самый дальній, потаенный карманъ его. Вѣроятно, пачка зелененькихъ, сѣренькихъ, синенькихъ, красненькихъ и разныхъ пестренькихъ бумажекъ тоже весьма привѣтливо и одобрительно глянула на господина Голядкина: съ просіявшимъ лицомъ положилъ онъ передъ собою на столъ раскрытый бумажникъ и крѣпко потеръ руки въ знакъ величайшаго удовольствія. Наконецъ, онъ вынулъ ее, свою утѣшительную пачку государственныхъ ассигнацій, и въ сотый разъ, впрочемъ, считая со вчерашняго дня, началъ пересчиты-

вать ихъ, тщательно перетирая каждый листокъ между большимъ и указательнымъ пальцами. „Семьсотъ пятьдесятъ рублей ассигнаціями!“ окончилъ онъ, наконецъ, полушопотомъ. „Семьсотъ пятьдесятъ рублей... знатная сумма! Это пріятная сумма“, продолжалъ онъ дрожащимъ, немного разслабленнымъ отъ удовольствія голосомъ, сжимая пачку въ рукахъ и улыбаясь значительно: „это весьма пріятная сумма! Хоть кому пріятная сумма! Желалъ бы я видѣть теперь человѣка, для котораго эта сумма была бы ничтожною суммою? Такая сумма можетъ далеко повести человѣка“...

„Однако, что же это такое?“ подумалъ господинъ Голядкинъ: „да гдѣ же Петрушка?“ Все еще сохраняя тотъ же костюмъ, заглянулъ онъ другой разъ за перегородку. Петрушки опять не нашлось за перегородкой, а сердился, горячился и выходилъ изъ себя лишь одинъ поставленный тамъ на полу самоваръ, безпрерывно угрожая сбѣжать, и что-то съ жаромъ, быстро болталъ на своемъ мудреномъ языкѣ, картавя и шепелявя господину Голядкину, вѣроятно, то: что, дескать, возьмите же меня, добрые люди, вѣдь я совершенно поспѣлъ и готовъ.

„Черти бы взяли!“ подумалъ господинъ Голядкинъ.— „Эта лѣнивая бестія можетъ, наконецъ, вывесть человѣка изъ послѣднихъ границъ; гдѣ онъ шатается?“ Въ справедливомъ негодованіи вошелъ онъ въ переднюю, состоявшую изъ маленькаго коридора, въ концѣ котораго находилась дверь въ сѣни, и увидѣлъ своего служителя, окруженнаго порядочной кучкой всякаго лакейскаго, домашняго и случайнаго сброда. Петрушка что-то разсказывалъ, прочіе слушали. Повидимому, ни тема разговора, ни самый разговоръ не понравились господину Голядкину. Онъ немедленно кликнулъ Петрушку и возвратился въ комнату совсѣмъ недовольный, даже разстроенный. „Эта бестія ни за грошъ готова продать человѣка, а тѣмъ болѣе барина“, подумалъ онъ про себя: „и продалъ, непремѣнно продалъ, пари готовъ держать, что ни за копѣйку продалъ. Ну, что?...“

— Ливрею принесли, сударь.

— Надѣть, и пошелъ сюда.

Надѣвъ ливрею, Петрушка, глупо улыбаясь, вошелъ въ комнату барина. Костюмированъ онъ былъ странно донельзя. На немъ была зеленая, сильно подержанная лакейская ливрея, съ золотыми обсыпавшимися галунами, и, повидимому, шитая на человѣка ростомъ на цѣлый аршинъ выше Петрушки. Въ рукахъ онъ держалъ шляпу, тоже

CZYTELNIA „KULTURA“ Sienkiewicza 14

съ галунами и съ зелеными перьями, а при бедрѣ имѣлъ лакейскій мечъ въ кожаныхъ ножнахъ.

Наконецъ, для полноты картины, Петрушка, слѣдуя любимому своему обыкновенію ходить всегда въ неглиже, по-домашнему, былъ и теперь босикомъ. Господинъ Голядкинъ осмотрѣлъ Петрушку кругомъ и, повидимому, остался доволенъ. Ливрея, очевидно, была взята на прокатъ для какого-то торжественнаго случая. Замѣтно было еще, что, во время осмотра, Петрушка глядѣлъ съ какимъ-то страннымъ ожиданіемъ на барина, и съ необыкновеннымъ любопытствомъ слѣдилъ за всякимъ движеніемъ его, что крайне смущало господина Голядкина.

— Ну, а карета?

— И карета пріѣхала.

— На весь день?

— На весь день. Двадцать пять, ассигнаціей.

— И сапоги принесли?

— И сапоги принесли.

— Болванъ! не можешь сказать принесли-съ. Давай ихъ сюда. Изъявивъ свое удовольствіе, что сапоги пришлись хорошо, господинъ Голядкинъ спросилъ чаю, умываться и бриться. Обрился онъ весьма тщательно и такимъ же образомъ вымылся, хлебнулъ чаю на-скоро и приступилъ къ своему главному, окончательному облаченію: надѣлъ панталоны почти совершенно новые; потомъ манишку съ бронзовыми пуговками, жилетку съ весьма яркими и пріятными цвѣточками: на шею повязалъ пестрый шелковый галстукъ, и, наконецъ, натянулъ вицъ-мундиръ, тоже новехонькій и тщательно вычищенный. Одѣваясь, онъ нѣсколько разъ съ любовью взглядывалъ на свои сапоги, поминутно приподымалъ то ту, то другую ногу, любовался фасономъ, и что-то все шепталъ себѣ подъ носъ, изрѣдка подмигивая своей думкѣ выразительною гримаскою. Впрочемъ, въ это утро господинъ Голядкинъ былъ крайне разсѣянъ, потому что почти не замѣтилъ улыбочекъ и гримасъ на свой счетъ помогавшаго ему одѣваться Петрушки. Наконецъ, справивъ все, что слѣдовало, совершенно одѣвшись, господинъ Голядкинъ положилъ въ карманъ свой бумажникъ, полюбовался окончательно на Петрушку, надѣвшаго сапоги и бывшаго такимъ образомъ тоже въ совершенной готовности и, замѣтивъ, что все уже сдѣлано и ждать уже болѣе нечего, торопливо, суетливо, съ маленькимъ трепетаніемъ сердца сбѣжалъ съ своей лѣстницы. Голубая извозчичья карета, съ

какими-то гербами, съ громомъ подкатилась къ крыльцу. Петрушка, перемигиваясь съ извозчикомъ и съ кое-какими зѣваками, усадилъ своего барина въ карету; непривычнымъ голосомъ и едва сдерживая дурацкій смѣхъ, крикнулъ: *пошелъ*! вскочилъ на запятки, и все это, съ шумомъ и громомъ, звеня и треща, покатилось на Невскій проспектъ. Только что голубой экипажъ успѣлъ выѣхать за ворота, какъ господинъ Голядкинъ судорожно потеръ себѣ руки и залился тихимъ, неслышнымъ смѣхомъ, какъ человѣкъ веселаго характера, которому удалось сыграть славную штуку, и которой штукѣ онъ самъ радъ-радехонекъ. Впрочемъ, тотчасъ же послѣ припадка веселости, смѣхъ смѣнился какимъ-то страннымъ, озабоченнымъ выраженіемъ въ лицѣ господина Голядкина. Несмотря на то, что время было сырое и пасмурное, онъ опустилъ оба окна кареты и заботливо началъ высматривать направо и налѣво прохожихъ, тотчасъ принимая приличный и степенный видъ, какъ только замѣчалъ, что на него кто-нибудь смотритъ. На поворотѣ съ Литейной на Невскій проспектъ, онъ вздрогнулъ отъ одного самаго непріятнаго ощущенія и, сморщась какъ бѣдняга, которому наступили нечаянно на мозоль, торопливо, даже со страхомъ прижался въ самый темный уголокъ своего экипажа. Дѣло въ томъ, что онъ встрѣтилъ двухъ сослуживцевъ своихъ, двухъ молодыхъ чиновниковъ того вѣдомства, въ которомъ самъ состоялъ на службѣ. Чиновники же, какъ показалось господину Голядкину, были тоже съ своей стороны въ крайнемъ недоумѣніи, встрѣтивъ такимъ образомъ своего сотоварища, даже одинъ изъ нихъ указалъ пальцемъ на господина Голядкина. Господину Голядкину показалось даже, что другой кликнулъ его громко по имени, что, разумѣется, было весьма неприлично на улицѣ. Герой нашъ притаился и не отозвался. „Что за мальчишки!“ началъ онъ разсуждать самъ съ собою. „Ну, что же такого тутъ страннаго? Человѣкъ въ экипажѣ; человѣку нужно быть въ экипажѣ, вотъ онъ и взялъ экипажъ. Просто дрянь! Я ихъ знаю,—просто мальчишки, которыхъ еще нужно посѣчь! Имъ бы только въ орлянку при жалованьѣ, да гдѣ-нибудь потаскаться, вотъ это ихъ дѣло. Сказалъ бы имъ всѣмъ кое-что, да ужъ только...“ Господинъ Голядкинъ не докончилъ и обмеръ. Бойкая пара казанскихъ лошадокъ, весьма знакомая господину Голядкину, запряженныхъ въ щегольскія дрожки, быстро обгоняла съ правой стороны его экипажъ. Господинъ, сидѣвшій на дрож-

кахъ, нечаянно увидѣвъ лицо господина Голядкина, довольно неосторожно высунувшаго свою голову изъ окошка кареты, тоже, повидимому, крайне былъ изумленъ такой неожиданной встрѣчей и, нагнувшись сколько могъ, съ величайшимъ любопытствомъ и участіемъ сталъ заглядывать въ тотъ уголъ кареты, куда герой нашъ поспѣшилъ было спрятаться. Господинъ на дрожкахъ былъ Андрей Филипповичъ, начальникъ отдѣленія въ томъ служебномъ мѣстѣ, въ которомъ числился и господинъ Голядкинъ, въ качествѣ помощника своего столоначальника. Господинъ Голядкинъ, видя, что Андрей Филипповичъ узналъ его совершенно, что глядитъ во всѣ глаза и что спрятаться никакъ невозможно, покраснѣлъ до ушей. „Поклониться, иль нѣтъ? Отозваться, или нѣтъ? Признаться, или нѣтъ?“ думалъ въ неописанной тоскѣ нашъ герой, „или прикинуться, что не я, а что кто-то другой, разительно схожій со мною, и смотрѣть какъ ни въ чемъ не бывало? Именно не я, не я—да и только“, говорилъ господинъ Голядкинъ, снимая шляпу предъ Андреемъ Филипповичемъ и не сводя съ него глазъ. „Я, я ничего“, шепталъ онъ черезъ силу, „я совсѣмъ ничего, это вовсе не я, не я—да и только“. Скоро, однакожъ, дрожки обогнали карету, и магнетизмъ начальническихъ взоровъ прекратился. Однако онъ все еще краснѣлъ, улыбался, что-то бормоталъ про себя... „Дуракъ я былъ, что не отозвался“, подумалъ онъ, наконецъ, „слѣдовало бы просто на смѣлую ногу и съ откровенностью, не лишенною благородства:—дескать, такъ и такъ, Андрей Филипповичъ, тоже приглашенъ на обѣдъ, да и только!“ Потомъ, вдругъ вспомнивъ, что срѣзался, герой нашъ вспыхнулъ какъ огонь, нахмурилъ брови и бросилъ страшный, вызывающій взглядъ на передній уголъ кареты, взглядъ такъ и назначенный съ тѣмъ, чтобъ испепелить разомъ въ прахъ всѣхъ враговъ его. Наконецъ, вдругъ, по вдохновенію какому-то, дернулъ онъ за шнурокъ, привязанный къ локтю извозчика-кучера, остановилъ карету и приказалъ поворотить назадъ, на Литейную. Дѣло въ томъ, что господину Голядкину немедленно понадобилось, для собственнаго же спокойствія, вѣроятно, сказать что-то самое интересное доктору его, Крестьяну Ивановичу. И хотя съ Крестьяномъ Ивановичемъ былъ онъ знакомъ съ весьма недавняго времени, именно, посѣтилъ его всего одинъ разъ на прошлой недѣлѣ, вслѣдствіе кой-какихъ надобностей, но вѣдь докторъ, какъ говорятъ, что духовникъ, скрываться было бы глупо, а знать паціента его же

обязанность. „Такъ-ли, впрочемъ, будетъ все это,“ продолжалъ нашъ герой, выходя изъ кареты у подъѣзда одного пятиэтажнаго дома на Литейной, возлѣ котораго приказалъ остановить свой экипажъ: „такъ-ли будетъ все это? Прилично-ли будетъ? Кстати-ли будетъ? Впрочемъ, вѣдь что же,“ продолжалъ онъ, подымаясь на лѣстницу, переводя духъ и сдерживая біеніе сердца, имѣвшаго у него привычку биться на всѣхъ чужихъ лѣстницахъ: „что же? вѣдь я про свое, и предосудительнаго здѣсь ничего не имѣется... Скрываться было бы глупо. Я вотъ такимъ-то образомъ и сдѣлаю видъ, что я ничего, а что такъ, мимоѣздомъ... Онъ и увидитъ, что такъ тому и слѣдуетъ быть“.

Такъ разсуждая, господинъ Голядкинъ поднялся до второго этажа, и остановился передъ квартирою пятаго номера, на дверяхъ котораго помѣщена была красивая мѣдная дощечка съ надписью:

Крестьянъ Ивановичъ Рутеншпицъ,
докторъ медицины и хирургіи.

Остановившись, герой нашъ поспѣшилъ придать своей физіономіи приличный, развязный, не безъ нѣкоторой любезности видъ, и приготовился дернуть за шнурокъ колокольчика. Приготовившись дернуть за шнурокъ колокольчика, онъ немедленно и довольно кстати разсудилъ, что не лучше-ли завтра, и что теперь покамѣстъ надобности большой не имѣется. Но такъ какъ господинъ Голядкинъ услышалъ вдругъ на лѣстницѣ чьи-то шаги, то немедленно перемѣнилъ новое рѣшеніе свое и уже такъ, заодно, впрочемъ, съ самымъ рѣшительнымъ видомъ, позвонилъ у дверей Крестьяна Ивановича.

ГЛАВА II.

Докторъ медицины и хирургіи, Крестьянъ Ивановичъ Рутеншпицъ, весьма здоровый, хотя уже и пожилой человѣкъ, одаренный густыми сѣдѣющими бровями и бакенбардами, выразительнымъ, сверкающимъ взглядомъ, которымъ однимъ, повидимому, прогонялъ всѣ болѣзни, и, наконецъ, значительнымъ орденомъ, — сидѣлъ въ это утро у себя въ кабинетѣ, въ покойныхъ креслахъ своихъ, пилъ кофе, принесенный ему собственноручно его докторшей, курилъ сигару и прописывалъ отъ времени до времени рецепты своимъ паціентамъ. Прописавъ послѣдній пузырекъ одному старичку, страдавшему геморроемъ, и выпроводивъ страждущаго старичка въ боковыя двери, Крестьянъ

Ивановичъ усѣлся, въ ожиданіи слѣдующаго посѣщенія. Вошелъ господинъ Голядкинъ.

Повидимому, Крестьянъ Ивановичъ нисколько не ожидалъ, да и не желалъ видѣть предъ собою господина Голядкина, потому что онъ вдругъ на мгновеніе смутился и невольно выразилъ на лицѣ своемъ какую-то странную, даже можно сказать, недовольную мину. Такъ какъ, съ своей стороны, господинъ Голядкинъ почти всегда какъ-то некстати опадалъ и терялся въ тѣ мгновенія, въ которыя случалось ему абордировать кого-нибудь ради собственныхъ дѣлишекъ своихъ, то и теперь, не приготовивъ первой фразы, бывшей для него въ такихъ случаяхъ настоящимъ камнемъ преткновенія, сконфузился препорядочно, что-то пробормоталъ,—впрочемъ, кажется, извиненіе,—и, не зная, что далѣе дѣлать, взялъ стулъ и сѣлъ. Но вспомнивъ, что усѣлся безъ приглашенія, тотчасъ же почувствовалъ свое неприличіе и поспѣшилъ поправить ошибку свою въ незнаніи свѣта и хорошаго тона, немедленно вставъ съ занятаго имъ безъ приглашенія мѣста. Потомъ, опомнившись и смутно замѣтивъ, что сдѣлалъ двѣ глупости разомъ, рѣшился, ни мало не медля, на третью, т. е. попробовалъ было принести оправданіе, пробормоталъ кое-что улыбаясь, покраснѣлъ, сконфузился, выразительно замолчалъ и, наконецъ, сѣлъ окончательно и уже не вставалъ болѣе, а такъ только на всякій случай обезпечилъ себя тѣмъ же самымъ вызывающимъ взглядомъ, который имѣлъ необычайную силу мысленно испепелять и разгромлять въ прахъ всѣхъ враговъ господина Голядкина. Сверхъ того, этотъ взглядъ вполнѣ выражалъ независимость господина Голядкина, т. е. говорилъ ясно, что господинъ Голядкинъ совсѣмъ ничего, что онъ самъ по себѣ, какъ и всѣ, и что его изба во всякомъ случаѣ съ краю. Крестьянъ Ивановичъ кашлянулъ, крякнулъ, повидимому, въ знакъ одобренія и согласія своего на все это, и устремилъ инспекторскій, вопросительный взглядъ на господина Голядкина.

— Я, Крестьянъ Ивановичъ, началъ господинъ Голядкинъ съ улыбкою,—пришелъ васъ безпокоить вторично, и теперь вторично осмѣливаюсь просить вашего снисхожденія... Господинъ Голядкинъ очевидно затруднялся въ словахъ.

— Гм... да! проговорилъ Крестьянъ Ивановичъ, выпустивъ изо рта струю дыма и кладя сигару на столъ:—но вамъ нужно предписаній держаться; я вѣдь вамъ объ-

яснилъ, что пользованіе ваше должно состоять въ измѣненіи привычекъ... Ну, развлеченія, ну, тамъ, друзей и знакомыхъ должно посѣщать, а вмѣстѣ съ тѣмъ и бутылки врагомъ не бывать; равномѣрно держаться веселой компаніи.

Господинъ Голядкинъ, все еще улыбаясь, поспѣшилъ замѣтить, что ему кажется, что онъ, какъ и всѣ, что онъ у себя, что развлеченія у него, какъ и у всѣхъ... что онъ, конечно, можетъ ѣздить въ театръ, ибо тоже, какъ и всѣ, средства имѣетъ, что днемъ онъ въ должности, а вечеромъ у себя, что онъ совсѣмъ ничего; даже замѣтилъ тутъ же мимоходомъ, что онъ, сколько ему кажется, не хуже другихъ, что онъ живетъ дома, у себя на квартирѣ, и что, наконецъ, у него есть Петрушка. Тутъ господинъ Голядкинъ запнулся.

— Гм! нѣтъ, такой порядокъ не то, и я васъ совсѣмъ не то хотѣлъ спрашивать. Я вообще знать интересуюсь, что вы большой-ли любитель веселой компаніи, пользуетесь-ли весело временемъ... Ну, тамъ, меланхолическій или веселый образъ жизни теперь продолжаете?

— Я, Крестьянъ Ивановичъ...

— Гм!.. я говорю, перебилъ докторъ:—что вамъ нужно коренное преобразованіе всей вашей жизни имѣть и въ нѣкоторомъ смыслѣ переломить свой характеръ. (Крестьянъ Ивановичъ сильно ударилъ на слово „переломить“, и остановился на минуту съ весьма значительнымъ видомъ). Не чуждаться жизни веселой; спектакли и клубъ посѣщать и во всякомъ случаѣ бутылки врагомъ не бывать. Дома сидѣть не годится... вамъ дома сидѣть никакъ невозможно.

— Я, Крестьянъ Ивановичъ, люблю тишину, проговорилъ господинъ Голядкинъ, бросая значительный взглядъ на Крестьяна Ивановича и, очевидно, ища словъ для удачнѣйшаго выраженія мысли своей:—въ квартирѣ только я, да Петрушка... я хочу сказать: мой человѣкъ, Крестьянъ Ивановичъ. Я хочу сказать, Крестьянъ Ивановичъ, что я иду своей дорогой, особой дорогой, Крестьянъ Ивановичъ. Я себѣ особо, и, сколько мнѣ кажется, ни отъ кого не завишу. Я, Крестьянъ Ивановичъ, тоже гулять выхожу.

— Какъ?.. Да! Ну, нынче гулять не составляетъ никакой пріятности: климатъ весьма нехорошій.

— Да-съ, Крестьянъ Ивановичъ. Я, Крестьянъ Ивановичъ, хоть и смирный человѣкъ, какъ я уже вамъ, кажется, имѣлъ честь объяснить, но дорога моя отдѣльно

идетъ, Крестьянъ Ивановичъ. Путь жизни широкъ... Я хочу... я хочу, Крестьянъ Ивановичъ, сказать этимъ... Извините меня, Крестьянъ Ивановичъ, я не мастеръ красно говорить.

— Гм!.. вы говорите...

— Я говорю, чтобы вы меня извинили, Крестьянъ Ивановичъ, въ томъ, что я, сколько мнѣ кажется, не мастеръ красно говорить, сказалъ господинъ Голядкинъ полуобиженнымъ тономъ, немного сбиваясь и путаясь.—Въ этомъ отношеніи я, Крестьянъ Ивановичъ, не такъ, какъ другіе, прибавилъ онъ съ какою-то особенною улыбкою,—и много говорить не умѣю, придавать слогу красоту не учился. Зато я, Крестьянъ Ивановичъ, дѣйствую; зато я дѣйствую, Крестьянъ Ивановичъ.

— Гм!.. Какъ же это... вы дѣйствуете? отозвался Крестьянъ Ивановичъ. Затѣмъ, на минутку, послѣдовало молчаніе. Докторъ какъ-то странно и недовѣрчиво взглянулъ на господина Голядкина. Господинъ Голядкинъ тоже въ свою очередь довольно недовѣрчиво покосился на доктора.

— Я, Крестьянъ Ивановичъ, сталъ продолжать господинъ Голядкинъ все въ прежнемъ тонѣ, немного раздраженный и озадаченный крайнимъ упорствомъ Крестьяна Ивановича:—я, Крестьянъ Ивановичъ, люблю спокойствіе, а не свѣтскій шумъ. Тамъ у нихъ, я говорю, въ большомъ свѣтѣ, Крестьянъ Ивановичъ, нужно умѣть паркеты лощить сапогами... (тутъ господинъ Голядкинъ немного пришаркнулъ по полу ножкой), тамъ это спрашиваютъ-съ, и каламбуръ тоже спрашиваютъ... комплиментъ раздушенный нужно умѣть составлять-съ... вотъ что тамъ спрашиваютъ. А я этому не учился, Крестьянъ Ивановичъ,—хитростямъ этимъ всѣмъ я не учился, некогда было. Я человѣкъ простой, незатѣйливый, и блеска наружнаго нѣтъ во мнѣ. Въ этомъ, Крестьянъ Ивановичъ, я полагаю оружіе; я кладу его, говоря въ этомъ смыслѣ.—Все это господинъ Голядкинъ проговорилъ, разумѣется, съ такимъ видомъ, который ясно давалъ знать, что герой нашъ вовсе не жалѣетъ о томъ, что кладетъ въ этомъ смыслѣ оружіе, и что онъ хитростямъ не учился, но что даже совершенно напротивъ. Крестьянъ Ивановичъ, слушая его, смотрѣлъ внизъ, съ весьма непріятной гримасой въ лицѣ, и какъ будто заранѣе что-то предчувствовалъ. За тирадою господина Голядкина послѣдовало довольно долгое и значительное молчаніе.

— Вы, кажется, немного отвлеклись отъ предмета, ска-

залъ, наконецъ, Крестьянъ Ивановичъ вполголоса: — я, признаюсь вамъ, не могъ васъ совершенно понять.

— Я не мастеръ красно говорить, Крестьянъ Ивановичъ; я уже вамъ имѣлъ честь доложить, Крестьянъ Ивановичъ, что я не мастеръ красно говорить, сказалъ господинъ Голядкинъ, на этотъ разъ рѣзкимъ и рѣшительнымъ тономъ.

— Гм!..

— Крестьянъ Ивановичъ! началъ опять господинъ Голядкинъ тихимъ, но многозначащимъ голосомъ, отчасти въ торжественномъ родѣ и останавливаясь на каждомъ пунктѣ.—Крестьянъ Ивановичъ! вошедши сюда, я началъ извиненіями. Теперь повторяю прежнее, и опять прошу вашего снисхожденія на время. Мнѣ, Крестьянъ Ивановичъ, отъ васъ скрывать нечего. Человѣкъ я маленькій, сами вы знаете; но, къ счастію моему, не жалѣю о томъ, что я маленькій человѣкъ. Даже напротивъ, Крестьянъ Ивановичъ; и, чтобъ все сказать, я даже горжусь тѣмъ, что не большой человѣкъ, а маленькій. Не интриганъ,— и этимъ тоже горжусь. Дѣйствую не втихомолку, а открыто, безъ хитростей, и хотя бы могъ вредить въ свою очередь и очень бы могъ, и даже знаю надъ кѣмъ и какъ это сдѣлать, Крестьянъ Ивановичъ, но не хочу замарать себя, и въ этомъ смыслѣ умываю руки. Въ этомъ смыслѣ, говорю, я ихъ умываю, Крестьянъ Ивановичъ!—Господинъ Голядкинъ на мгновеніе выразительно замолчалъ; говорилъ онъ съ кроткимъ одушевленіемъ.

— Иду я, Крестьянъ Ивановичъ, сталъ продолжать нашъ герой:—прямо, открыто и безъ окольныхъ путей, потому что ихъ презираю, и предоставляю это другимъ. Не стараюсь унизить тѣхъ, которые, можетъ-быть, насъ съ вами почище... т. е., я хочу сказать, насъ съ ними, Крестьянъ Ивановичъ, я не хотѣлъ сказать съ вами. Полусловъ не люблю; мизерныхъ двуличностей не жалую; клеветою и сплетней гнушаюсь. Маску надѣваю лишь въ маскарадъ, а не хожу съ нею передъ людьми каждодневно. Спрошу я васъ только, Крестьянъ Ивановичъ, какъ бы стали вы мстить врагу своему, злѣйшему врагу своему,— тому, кого бы вы считали такимъ? заключилъ господинъ Голядкинъ, бросивъ вызывающій взглядъ на Крестьяна Ивановича.

Хотя господинъ Голядкинъ проговорилъ все это донельзя отчетливо, ясно, съ увѣренностью, взвѣшивая слова и разсчитывая на вѣрнѣйшій эффектъ, но, между тѣмъ,

съ безпокойствомъ, съ большимъ безпокойствомъ, съ крайнимъ безпокойствомъ смотрѣлъ теперь на Крестьяна Ивановича. Теперь онъ обратился весь въ зрѣніе, и робко, съ досаднымъ, тоскливымъ нетерпѣніемъ ожидалъ отвѣта Крестьяна Ивановича. Но, къ изумленію и къ совершенному пораженію господина Голядкина, Крестьянъ Ивановичъ что-то пробормоталъ себѣ подъ носъ; потомъ придвинулъ кресла къ столу, и довольно сухо, но, впрочемъ, учтиво объявилъ ему что-то въ родѣ того, что ему время дорого, что онъ какъ-то не совсѣмъ понимаетъ; что, впрочемъ, онъ, чѣмъ можетъ, готовъ служить, по силамъ, но что все дальнѣйшее и до него не касающееся онъ оставляетъ. Тутъ онъ взялъ перо, придвинулъ бумагу, выкроилъ изъ нея докторской формы лоскутикъ и объявилъ, что тотчасъ пропишетъ, что слѣдуетъ.

— Нѣтъ-съ, не слѣдуетъ, Крестьянъ Ивановичъ! Нѣтъ-съ, это вовсе не слѣдуетъ! проговорилъ господинъ Голядкинъ, привставъ съ мѣста и хватая Крестьяна Ивановича за правую руку.— Этого, Крестьянъ Ивановичъ, здѣсь вовсе не надобно...

А между тѣмъ, покамѣстъ говорилъ это все господинъ Голядкинъ, въ немъ произошла какая-то странная перемѣна. Сѣрые глаза его какъ-то странно блеснули, губы его задрожали, всѣ мускулы, всѣ черты лица его заходили, задвигались. Самъ онъ весь дрожалъ. Послѣдовавъ первому движенію своему и остановивъ руку Крестьяна Ивановича, господинъ Голядкинъ стоялъ теперь неподвижно, какъ будто самъ не довѣряя себѣ и ожидая вдохновенія для дальнѣйшихъ поступковъ.

Тогда произошла довольно странная сцена.

Немного озадаченный, Крестьянъ Ивановичъ на мгновеніе будто приросъ къ своему креслу и, потерявшись, смотрѣлъ во всѣ глаза господину Голядкину, который такимъ же образомъ смотрѣлъ на него. Наконецъ, Крестьянъ Ивановичъ всталъ, придерживаясь немного за лацканъ вицмундира господина Голядкина. Нѣсколько секундъ стояли они такимъ образомъ оба, неподвижно и не сводя глазъ другъ съ друга. Тогда, впрочемъ, необыкновенно страннымъ образомъ разрѣшилось и второе движеніе господина Голядкина. Губы его затряслись, подбородокъ запрыгалъ и герой нашъ заплакалъ совсѣмъ неожиданно. Всхлипывая, кивая головой и ударяя себя въ грудь правой рукою, а лѣвой схвативъ тоже за лацканъ домашней одежды Крестьяна Ивановича, хотѣлъ было онъ говорить

и въ чемъ-то немедленно объясниться, но не могъ и слова сказать. Наконецъ, Крестьянъ Ивановичъ опомнился отъ своего изумленія.

— Полноте, успокойтесь, садитесь! проговорилъ онъ, наконецъ, стараясь посадить господина Голядкина въ кресла.

— У меня есть враги, Крестьянъ Ивановичъ, у меня есть враги; у меня есть злые враги, которые меня погубить поклялись... отвѣчалъ господинъ Голядкинъ боязливо и шопотомъ.

— Полноте, полноте, что враги! Не нужно враговъ поминать! Это совершенно не нужно. Садитесь, садитесь, продолжалъ Крестьянъ Ивановичъ, усаживая господина Голядкина окончательно въ кресла.

Господинъ Голядкинъ усѣлся, наконецъ, не сводя глазъ съ Крестьяна Ивановича. Крестьянъ Ивановичъ съ крайне недовольнымъ видомъ сталъ шагать изъ угла въ уголъ своего кабинета. Послѣдовало долгое молчаніе.

— Я вамъ благодаренъ, Крестьянъ Ивановичъ, весьма благодаренъ, и весьма чувствую все, что̀ вы для меня теперь сдѣлали. По гробъ не забуду я ласки вашей, Крестьянъ Ивановичъ, сказалъ, наконецъ, господинъ Голядкинъ, съ обиженнымъ видомъ вставая со стула.

— Полноте, полноте! Я вамъ говорю, полноте! отвѣчалъ довольно строго Крестьянъ Ивановичъ на выходку господина Голядкина, еще разъ усаживая его на мѣсто.

— Ну, что̀ у васъ? Разскажите мнѣ, что̀ у васъ есть тамъ теперь непріятнаго, продолжалъ Крестьянъ Ивановичъ,—и о какихъ врагахъ говорите вы? Что̀ у васъ есть тамъ такое?

— Нѣтъ, Крестьянъ Ивановичъ, мы лучше это оставимъ теперь, отвѣчалъ господинъ Голядкинъ, опустивъ глаза въ землю,—лучше отложимъ все это въ сторону, до времени... до другого времени, Крестьянъ Ивановичъ, до болѣе удобнаго времени, когда все обнаружится, и маска спадетъ съ нѣкоторыхъ лицъ, и кое-что обнаружится. А теперь, покамѣстъ, разумѣется, послѣ того, что̀ съ нами случилось... вы согласитесь сами, Крестьянъ Ивановичъ... Позвольте пожелать вамъ добраго утра, Крестьянъ Ивановичъ, сказалъ господинъ Голядкинъ, въ этотъ разъ рѣшительно и серьезно вставая съ мѣста и хватаясь за шляпу.

— А, ну... какъ хотите... гм... (Послѣдовало минутное молчаніе).—Я, съ моей стороны, вы знаете, что могу... и искренно вамъ добра желаю.

— Понимаю васъ, Крестьянъ Ивановичъ, понимаю: я васъ совершенно понимаю теперь... Во всякомъ случаѣ, извините меня, что я васъ обезпокоилъ, Крестьянъ Ивановичъ.

— Гм... нѣтъ, я вамъ не то хотѣлъ говорить. Впрочемъ, какъ угодно. Медикаменты, попрежнему, продолжайте...

— Буду продолжать медикаменты, какъ вы говорите, Крестьянъ Ивановичъ, буду продолжать, и въ той же аптекѣ брать буду... Нынче и аптекаремъ быть, Крестьянъ Ивановичъ, уже важное дѣло...

— Какъ? Въ какомъ смыслѣ вы хотите сказать?

— Въ весьма обыкновенномъ смыслѣ, Крестьянъ Ивановичъ. Я хочу сказать, что нынче такъ свѣтъ пошелъ...

— Гм...

— И что всякій мальчишка, не только аптекарскій, передъ порядочнымъ человѣкомъ носъ задираетъ теперь.

— Гм. Какъ же вы это понимаете?

— Я говорю, Крестьянъ Ивановичъ, про извѣстнаго человѣка... про общаго намъ знакомаго, Крестьянъ Ивановичъ, напримѣръ, хоть про Владиміра Семеновича...

— А!..

— Да, Крестьянъ Ивановичъ: и я знаю нѣкоторыхъ людей, Крестьянъ Ивановичъ, которые не слишкомъ-то держатся общаго мнѣнія, чтобъ иногда правду сказать.

— А!.. Какъ же это?

— Да ужъ такъ-съ: это, впрочемъ, постороннее дѣло: умѣютъ этакъ иногда поднести коку съ сокомъ.

— Что? Что поднести?

— Коку съ сокомъ, Крестьянъ Ивановичъ: это пословица русская. Умѣютъ иногда кстати поздравить кого-нибудь, напримѣръ: есть такіе люди, Крестьянъ Ивановичъ.

— Поздравить?

— Да-съ, поздравить, Крестьянъ Ивановичъ, какъ сдѣлалъ на-дняхъ одинъ изъ моихъ короткихъ знакомыхъ!..

— Одинъ изъ вашихъ короткихъ знакомыхъ... а! какъ же это? сказалъ Крестьянъ Ивановичъ, внимательно взглянувъ на господина Голядкина.

— Да-съ, одинъ изъ моихъ близкихъ знакомыхъ поздравилъ съ чиномъ, съ полученіемъ асессорскаго чина, другого весьма близкаго тоже знакомаго и вдобавокъ пріятеля, какъ говорится, сладчайшаго друга. Этакъ къ слову пришлось. „Чувствительно, дескать, говоритъ, радъ случаю принести вамъ, Владиміръ Семеновичъ, мое поздравленіе,

искреннее мое поздравленіе въ полученіи чина. И тѣмъ болѣе радъ, что нынче, какъ всему свѣту извѣстно, вывелись бабушки, которыя ворожатъ". Тутъ господинъ Голядкинъ плутовски кивнулъ головой и, прищурясь, посмотрѣлъ на Крестьяна Ивановича...

— Гм. Такъ это сказалъ...

— Сказалъ, Крестьянъ Ивановичъ, сказалъ, да тутъ же и взглянулъ на Андрея Филипповича, на дядю-то нашего нещечка, Владиміра Семеновича. Да что мнѣ, Крестьянъ Ивановичъ, что онъ асессоромъ сдѣланъ? Мнѣ-то что тутъ? Да жениться хочетъ, когда еще молоко, съ позволенія сказать, на губахъ не обсохло. Такъ-таки и сказалъ. Дескать, говорю, Владиміръ Семеновичъ! Я теперь все сказалъ; позвольте же мнѣ удалиться.

— Гм...

— Да, Крестьянъ Ивановичъ, позвольте же мнѣ теперь, говорю, удалиться. Да тутъ, чтобъ ужъ разомъ двухъ воробьевъ однимъ камнемъ убить,—какъ срѣзалъ молодца-то на бабушкахъ, и обращаюсь къ Кларѣ Олсуфьевнѣ (дѣло-то было третьяго дня у Олсуфья Ивановича),—а она только что романсъ пропѣла чувствительный,—говорю, дескать, „чувствительно пропѣть вы романсы изволили, да только слушаютъ-то васъ не отъ чистаго сердца". И намекаю тѣмъ ясно, понимаете, Крестьянъ Ивановичъ, намекаю тѣмъ ясно, что ищутъ-то теперь не въ ней, а подальше...

— А! Ну что же онъ?..

— Лимонъ съѣлъ, Крестьянъ Ивановичъ, какъ по пословицѣ говорится.

— Гм...

— Да-съ, Крестьянъ Ивановичъ. Тоже и старику самому говорю,—дескать, „Олсуфій Ивановичъ, говорю, я знаю чѣмъ обязанъ я вамъ, цѣню вполнѣ благодѣянія ваши, которыми почти съ дѣтскихъ лѣтъ моихъ вы осыпали меня. Но откройте глаза, Олсуфій Ивановичъ, говорю. Посмотрите. Я самъ дѣло на чистоту и открыто веду, Олсуфій Ивановичъ".

— А, вотъ какъ!

— Да, Крестьянъ Ивановичъ. Оно вотъ какъ...

— Что-жъ онъ?

— Да что онъ, Крестьянъ Ивановичъ! Мямлитъ; и того, и сего, и я тебя знаю, и что его превосходительство благодѣтельный человѣкъ—и пошелъ, и размазался... Да вѣдь что-жъ? Отъ старости, какъ говорится, покачнулся порядкомъ.

— А! Такъ вотъ какъ теперь!

— Да, Крестьянъ Ивановичъ. И всѣ-то мы такъ, чего! старикашка! въ гробъ смотритъ, дышитъ на ладанъ, какъ говорится, а сплетню бабью заплетутъ какую-нибудь, такъ онъ ужъ тутъ слушаетъ; безъ него невозможно...

— Сплетню, вы говорите?

— Да, Крестьянъ Ивановичъ, заплели они сплетню. Замѣшалъ свою руку сюда и нашъ медвѣдь, и племянникъ его, наше нещечко: связались они съ старухами, разумѣется, и состряпали дѣло. Какъ бы вы думали? Что они выдумали, чтобъ убить человѣка?..

— Чтобъ убить человѣка?

— Да, Крестьянъ Ивановичъ, убить человѣка, нравственно убить человѣка. Распустили они... я все про моего близкаго знакомаго говорю...

Крестьянъ Ивановичъ кивнулъ головою.

— Распустили они насчетъ его слухъ... Признаюсь вамъ, мнѣ даже совѣстно говорить, Крестьянъ Ивановичъ.

— Гм...

— Распустили они слухъ, что онъ уже далъ подписку жениться, что онъ уже женихъ съ другой стороны... И какъ бы вы думали, Крестьянъ Ивановичъ, на комъ?

— Право?

— На кухмистершѣ, на одной неблагопристойной нѣмкѣ, у которой обѣды беретъ; вмѣсто заплаты долговъ, руку ей предлагаетъ.

— Это они говорятъ?

— Вѣрите-ли, Крестьянъ Ивановичъ? Нѣмка, подлая, гадкая, безстыдная нѣмка, Каролина Ивановна, если извѣстно вамъ...

— Я признаюсь, съ моей стороны...

— Понимаю васъ, Крестьянъ Ивановичъ, понимаю, и съ своей стороны это чувствую...

— Скажите мнѣ, пожалуйста, гдѣ вы живете теперь?

— Гдѣ я живу теперь, Крестьянъ Ивановичъ?

— Да... я хочу... вы прежде, кажется, жили...

— Жилъ, Крестьянъ Ивановичъ, жилъ, жилъ и прежде. Какъ же не жить! отвѣчалъ господинъ Голядкинъ, сопровождая слова свои маленькимъ смѣхомъ, и немного смутивъ отвѣтомъ своимъ Крестьяна Ивановича.

— Нѣтъ, вы не такъ это приняли; я хотѣлъ съ своей стороны...

— Я тоже хотѣлъ, Крестьянъ Ивановичъ, съ своей стороны, я тоже хотѣлъ, смѣясь, продолжалъ господинъ Го-

лядкинъ.—Однако-жъ, я, Крестьянъ Ивановичъ, у васъ засидѣлся совсѣмъ. Вы, надѣюсь, позволите мнѣ теперь... пожелать вамъ добраго утра...

— Гм...

— Да, Крестьянъ Ивановичъ, я васъ понимаю; я васъ теперь вполнѣ понимаю, сказалъ нашъ герой, немного рисуясь передъ Крестьяномъ Ивановичемъ.—Итакъ, позвольте вамъ пожелать добраго утра...

Тутъ герой нашъ шаркнулъ ножкой и вышелъ изъ комнаты, оставивъ въ крайнемъ изумленіи Крестьяна Ивановича. Сходя съ докторской лѣстницы, онъ улыбался и радостно потиралъ себѣ руки. На крыльцѣ, дохнувъ свѣжимъ воздухомъ и почувствовавъ себя на свободѣ, онъ даже дѣйствительно готовъ былъ признать себя счастливѣйшимъ смертнымъ, и потомъ прямо отправиться въ департаментъ,—какъ вдругъ у подъѣзда загремѣла его карета: онъ взглянулъ и все вспомнилъ. Петрушка отворялъ уже дверцы. Какое-то странное и крайне непріятное ощущеніе охватило всего господина Голядкина. Онъ какъ будто бы и покраснѣлъ на мгновеніе. Что-то кольнуло его. Онъ уже сталъ было заносить свою ногу на подножку кареты, какъ вдругъ обернулся и посмотрѣлъ на окна Крестьяна Ивановича. Такъ и есть! Крестьянъ Ивановичъ стоялъ у окна, поглаживалъ правой рукой свои бакенбарды и довольно любопытно смотрѣлъ на героя нашего.

„Этотъ докторъ глупъ“, подумалъ господинъ Голядкинъ, забиваясь въ карету, „крайне глупъ. Онъ, можетъ-быть, и хорошо своихъ больныхъ лѣчитъ, а все-таки... глупъ какъ бревно“. Господинъ Голядкинъ усѣлся, Петрушка крикнулъ „пошелъ!“ и карета покатилась опять на Невскій проспектъ.

ГЛАВА III.

Все это утро прошло въ страшныхъ хлопотахъ у господина Голядкина. Попавъ на Невскій проспектъ, герой нашъ приказалъ остановиться у Гостинаго Двора. Выпрыгнувъ изъ своего экипажа, побѣжалъ онъ подъ аркаду, въ сопровожденіи Петрушки, и пошелъ прямо въ лавку серебряныхъ и золотыхъ издѣлій. Замѣтно было уже по одному виду господина Голядкина, что у него хлопотъ полонъ ротъ и дѣла страшная куча. Сторговавъ полный обѣденный и чайный сервизъ слишкомъ въ тысячу пятьсотъ рублей ассигнаціями и выторговавъ себѣ въ эту же сумму затѣйливой формы сигарочницу и полный серебря-

ный приборъ для бритья бороды, прицѣнившись, наконецъ, еще къ кое-какимъ въ своемъ родѣ полезнымъ и пріятнымъ вещицамъ, господинъ Голядкинъ кончилъ тѣмъ, что обѣщалъ завтра же зайти непремѣнно, или даже сегодня прислать за сторгованнымъ, взялъ номеръ лавки и, выслушавъ внимательно купца, хлопотавшаго о задаточкѣ, обѣщалъ въ свое время и задаточекъ. Послѣ чего онъ поспѣшно распростился съ недоумѣвавшимъ купцомъ и пошелъ вдоль по линіи, преслѣдуемый цѣлой стаей сидѣльцевъ, поминутно оглядываясь на Петрушку и тщательно отыскивая какую-то новую лавку. Мимоходомъ забѣжалъ онъ въ мѣняльную лавочку и размѣнялъ всю свою крупную бумагу на мелкую, и хотя потерялъ на промѣнѣ, но за то все-таки размѣнялъ, и бумажникъ его значительно потолстѣлъ, что, повидимому, доставило ему крайнее удовольствіе. Наконецъ, остановился онъ въ магазинѣ разныхъ дамскихъ матерій. Наторговавъ опять на знатную сумму, господинъ Голядкинъ и здѣсь обѣщалъ купцу зайти непремѣнно, взялъ номеръ лавки и, на вопросъ о задаточкѣ, опять повторилъ, что будетъ въ свое время и задаточекъ. Потомъ посѣтилъ и еще нѣсколько лавокъ, во всѣхъ торговалъ, прицѣнялся къ разнымъ вещицамъ, спорилъ иногда долго съ купцами, уходилъ изъ лавки и раза по три возвращался,—однимъ словомъ, оказывалъ необыкновенную дѣятельность. Изъ Гостинаго Двора герой нашъ отправился въ одинъ извѣстный мебельный магазинъ, гдѣ сторговалъ мебели на шесть комнатъ, полюбовался однимъ моднымъ и весьма затѣйливымъ дамскимъ туалетомъ въ послѣднемъ вкусѣ и, увѣривъ купца, что пришлетъ за всѣмъ непремѣнно, вышелъ изъ магазина, по своему обычаю, съ обѣщаніемъ задаточка, потомъ заѣхалъ еще кое-куда и поторговалъ кое-что. Однимъ словомъ, не было, повидимому, конца его хлопотамъ. Наконецъ, все это, кажется, сильно стало надоѣдать самому господину Голядкину. Даже и Богъ знаетъ по какому случаю стали его терзать, ни съ того ни съ сего, угрызенія совѣсти. Ни за что бы не согласился онъ теперь встрѣтиться, напримѣръ, съ Андреемъ Филипповичемъ, или хоть съ Крестьяномъ Ивановичемъ. Наконецъ, городскіе часы пробили три пополудни. Когда господинъ Голядкинъ сѣлъ окончательно въ карету, изъ всѣхъ проіобрѣтеній, сдѣланныхъ имъ въ это утро, оказалась въ дѣйствительности лишь одна пара перчатокъ и стклянка духовъ въ полтора рубля ассигнаціями. Такъ какъ для господина Голядкина было еще до-

вольно рано, то онъ и приказалъ своему кучеру остановиться возлѣ одного извѣстнаго ресторана на Невскомъ проспектѣ, о которомъ доселѣ онъ зналъ лишь по наслышкѣ, вышелъ изъ кареты и побѣжалъ закусить, отдохнуть и выждать извѣстное время.

Закусивъ такъ, какъ закусываетъ человѣкъ, у котораго въ перспективѣ богатый званый обѣдъ, то-есть перехвативъ кое-что, чтобы, какъ говорится, червячка заморить, и выпивъ одну рюмочку водки, господинъ Голядкинъ усѣлся въ креслахъ, и, скромно осмотрѣвшись кругомъ, мирно пристроился къ одной тощей національной газеткѣ. Прочтя строчки двѣ, онъ всталъ, посмотрѣлся въ зеркало, оправился и огладился; потомъ подошелъ къ окну и поглядѣлъ, тутъ-ли его карета... потомъ опять сѣлъ на мѣсто и взялъ газету. Замѣтно было, что герой нашъ былъ въ крайнемъ волненіи. Взглянувъ на часы, и видя, что еще только четверть четвертаго, слѣдовательно, еще остается порядочно ждать, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разсудивъ, что такъ сидѣть неприлично, господинъ Голядкинъ приказалъ подать себѣ шоколаду, къ которому, впрочемъ, въ настоящее время большой охоты не чувствовалъ. Выпивъ шоколадъ и замѣтивъ, что время немного подвинулось, вышелъ онъ расплатиться. Вдругъ кто-то ударилъ его по плечу.

Онъ обрнулся и увидѣлъ предъ собою двухъ своихъ сослуживцевъ-товарищей, тѣхъ самыхъ, съ которыми встрѣтился утромъ на Литейной,—ребятъ еще весьма молодыхъ и по лѣтамъ, и по чину. Герой нашъ былъ съ ними ни то, ни сё, ни въ дружбѣ, ни въ открытой враждѣ. Разумѣется, соблюдалось приличіе съ обѣихъ сторонъ: дальнѣйшаго же сближенія не было, да и быть не могло. Встрѣча въ настоящее время была крайне непріятна господину Голядкину. Онъ немного поморщился и на минутку смѣшался.

— Яковъ Петровичъ, Яковъ Петровичъ! защебетали оба регистратора,—вы здѣсь? по какому...

— А! это вы, господа! перебилъ поспѣшно господинъ Голядкинъ, немного сконфузясь и скандализируясь изумленіемъ чиновниковъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, короткостію ихъ обращенія, но, впрочемъ, дѣлая развязнаго и молодца по неволѣ.—Дезертировали, господа, хе-хе-хе!.. Тутъ даже, чтобы не уронить себя и снизойти до канцелярскаго юношества, съ которымъ всегда былъ въ должныхъ границахъ, онъ попробовалъ было потрепать одного юношу по

плечу; но популярность въ этомъ случаѣ не удалась господину Голядкину, и, вмѣсто прилично-короткаго жеста, вышло что-то совершенно другое.

— Ну, а что, медвѣдь нашъ сидитъ?..

— Кто это, Яковъ Петровичъ?

— Ну, медвѣдь-то, будто не знаете, кого медвѣдемъ зовутъ?.. Господинъ Голядкинъ засмѣялся и отвернулся къ приказчику взять съ него сдачу.—Я говорю про Андрея Филипповича, господа, продолжалъ онъ, кончивъ съ приказчикомъ и, на этотъ разъ, съ весьма серьезнымъ видомъ обратившись къ чиновникамъ. Оба регистратора значительно перемигнулись другъ съ другомъ.

— Сидитъ еще и васъ спрашивалъ, Яковъ Петровичъ, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ.

— Сидитъ, а! Въ такомъ случаѣ, пусть его сидитъ, господа. И меня спрашивалъ, а?

— Спрашивалъ, Яковъ Петровичъ; да что это съ вами, раздушены, распомажены, франтомъ такимъ?..

— Такъ, господа, это такъ! Полноте... отвѣчалъ господинъ Голядкинъ, смотря въ сторону и напряженно улыбнувшись. Видя, что господинъ Голядкинъ улыбается, чиновники расхохотались. Господинъ Голядкинъ немного надулся.

— Я вамъ скажу господа, по-дружески, сказалъ немного помолчавъ нашъ герой, какъ будто (такъ ужъ и быть) рѣшившись открыть что-то чиновникамъ.—Вы, господа, всѣ меня знаете, но до сихъ поръ знали только съ одной стороны. Пенять въ этомъ случаѣ не на кого, и, отчасти, сознаюсь, я былъ самъ виноватъ.

Господинъ Голядкинъ сжалъ губы и значительно взглянулъ на чиновниковъ. Чиновники снова перемигнулись.

— До сихъ поръ, господа, вы меня не знали. Объясняться теперь и здѣсь будетъ не совсѣмъ-то кстати. Скажу вамъ только кое-что мимоходомъ и вскользь. Есть люди, господа, которые не любятъ окольныхъ путей и маскируются только для маскарада. Есть люди, которые не видятъ прямого человѣческаго назначенія въ ловкомъ умѣньи лощить паркетъ сапогами. Есть и такіе люди, господа, которые не будутъ говорить, что счастливы и живутъ вполнѣ, когда, напримѣръ, на нихъ хорошо сидятъ панталоны. Есть, наконецъ, люди, которые не любятъ скакать и вертѣться попустому, заигрывать и подлизываться, а главное, господа, совать туда свой носъ, гдѣ его вовсе не спрашиваютъ... Я, господа, сказалъ почти все; позвольте-жъ мнѣ теперь удалиться...

Господинъ Голядкинъ остановился. Такъ какъ господа регистраторы были теперь удовлетворены вполнѣ, то, вдругъ, оба крайне неучтиво покатились со смѣха. Господинъ Голядкинъ вспыхнулъ.

— Смѣйтесь, господа, смѣйтесь покамѣстъ! Поживете—увидите, сказалъ онъ съ чувствомъ оскорбленнаго достоинства, взявъ шляпу и ретируясь къ дверямъ.

— Но скажу болѣе, господа, прибавилъ онъ, обращаясь въ послѣдній разъ къ господамъ регистраторамъ,—скажу болѣе,—оба вы здѣсь со мной глазъ-на-глазъ. Вотъ, господа, мои правила: не удастся—крѣплюсь, удастся—держусь, и во всякомъ случаѣ никого не подкапываю. Не интриганъ — и этимъ горжусь. Въ дипломаты бы я не годился. Говорятъ еще, господа, что птица сама летитъ на охотника. Правда, и готовъ согласиться; но кто здѣсь охотникъ, кто птица? Это еще вопросъ, господа!

Господинъ Голядкинъ краснорѣчиво умолкъ и съ самой значительной миной, то-есть поднявъ брови и сжавъ губы до-нельзя, раскланялся съ господами чиновниками и потомъ вошелъ, оставя ихъ въ крайнемъ изумленіи.

— Куда прикажете? спросилъ довольно сурово Петрушка, которому уже наскучило, вѣроятно, таскаться по холоду,—куда прикажете? спросилъ онъ господина Голядкина, встрѣчая его страшный, всеуничтожающій взглядъ, которымъ герой нашъ уже два раза обезпечивалъ себя въ это утро, и къ которому прибѣгнулъ теперь въ третій разъ, сходя съ лѣстницы.

— Къ Измайловскому мосту.

— Къ Измайловскому мосту! Пошёлъ!

„Обѣдъ у нихъ начнется не раньше какъ въ пятомъ, или даже въ пять часовъ“, думалъ господинъ Голядкинъ,—„не рано-ль теперь? Впрочемъ, вѣдь я могу и пораньше; да къ тому же и семейный обѣдъ. Я, этакъ, могу санфасонъ, какъ между порядочными людьми говорится. Отчего же бы мнѣ нельзя санфасонъ? Медвѣдь нашъ тоже говорилъ, что будетъ все санфасонъ, а потому и я тоже...“ Такъ думалъ господинъ Голядкинъ; а между тѣмъ волненіе его все болѣе и болѣе увеличивалось. Замѣтно было, что онъ готовился къ чему-то весьма хлопотливому, чтобъ не сказать болѣе, шепталъ про себя, жестикулировалъ правой рукой, безпрерывно поглядывалъ въ окна кареты, такъ что, смотря теперь на господина Голядкина, право бы никто не сказалъ, что онъ сбирается хорошо пообѣдать, запросто, да еще въ своемъ семейномъ кругу,—

санфасонъ, какъ между порядочными людьми говорится. Наконецъ, у самаго Измайловскаго моста, господинъ Голядкинъ указалъ на одинъ домъ; карета съ громомъ вкатилась въ ворота и остановилась у подъѣзда праваго фаса. Замѣтивъ одну женскую фигуру въ окнѣ второго этажа, господинъ Голядкинъ послалъ ей рукой поцѣлуй. Впрочемъ, онъ не зналъ самъ, что̀ дѣлаетъ, потому что рѣшительно былъ ни живъ, ни мертвъ въ эту минуту. Изъ кареты онъ вышелъ блѣдный, растерянный; взошелъ на крыльцо, снялъ свою шляпу, машинально оправился и, чувствуя, впрочемъ, маленькую дрожь въ колѣнкахъ, пустился по лѣстницѣ.

— Олсуфій Ивановичъ? спросилъ онъ отворившаго ему человѣка.

— Дома-съ, то-есть нѣтъ-съ, ихъ нѣтъ дома-съ.

— Какъ? Что ты, мой милый? Я—я на обѣдъ, братецъ. Вѣдь ты меня знаешь?

— Какъ не знать-съ! Принимать васъ не велѣно-съ.

— Ты... ты, братецъ... ты вѣрно ошибаешься, братецъ. Это я. Я, братецъ, приглашенъ; я на обѣдъ, проговорилъ господинъ Голядкинъ, сбрасывая шинель и показывая очевидное намѣреніе отправиться въ комнаты.

— Позвольте-съ, нельзя-съ. Не велѣно принимать-съ, вамъ отказывать велѣно. Вотъ какъ!

Господинъ Голядкинъ поблѣднѣлъ. Въ это самое время дверь изъ внутреннихъ комнатъ отворилась, и вошелъ Герасимовичъ, старый камердинеръ Олсуфія Ивановича.

— Вотъ они, Емельянъ Герасимовичъ, войти хотятъ, а я...

— А вы дуракъ, Алексѣичъ. Ступайте въ комнаты, а сюда пришлите подлеца Семеныча. Нельзя-съ, сказалъ онъ учтиво, но рѣшительно обращаясь къ господину Голядкину.—Никакъ невозможно-съ. Просятъ извинить-съ; не могутъ принять-съ.

— Они такъ и сказали, что не могутъ принять? нерѣшительно спросилъ господинъ Голядкинъ.—Вы извините, Герасимычъ. Отчего же никакъ невозможно?

— Никакъ невозможно-съ. Я докладывалъ-съ; сказали: проси извинить. Не могутъ, дескать, принять-съ.

— Отчего же? Какъ же это? Какъ..

— Позвольте, позвольте!..

— Однако, какъ же это такъ? Такъ нельзя! Доложите... Какъ же это такъ? Я на обѣдъ...

— Позвольте, позвольте!..

— А, ну, впрочемъ, это дѣло другое, — извинить просятъ: однакожъ, позвольте, Герасимычъ, какъ же это, Герасимычъ?

— Позвольте, позвольте! возразилъ Герасимычъ, весьма рѣшительно отстраняя рукой господина Голядкина и давая широкую дорогу двумъ господамъ, которые въ это самое мгновеніе входили въ прихожую. Входившіе господа были: Андрей Филипповичъ и племянникъ его, Владиміръ Семеновичъ. Оба они съ недоумѣніемъ посмотрѣли на господина Голядкина. Андрей Филипповичъ хотѣлъ было что-то заговорить, но господинъ Голядкинъ уже рѣшился; онъ уже выходилъ изъ прихожей Олсуфія Ивановича, опустивъ глаза, покраснѣвъ, улыбаясь, съ совершенно потерянной физіономіей. — Я зайду послѣ, Герасимычъ; я объяснюсь: я надѣюсь, что все это не замедлитъ своевременно объясниться, проговорилъ онъ на порогѣ и отчасти на лѣстницѣ...

— Яковъ Петровичъ, Яковъ Петровичъ... послышался голосъ послѣдовавшаго за господиномъ Голядкинымъ Андрея Филипповича.

Господинъ Голядкинъ находился тогда уже на первой забѣжной площадкѣ. Онъ быстро оборотился къ Андрею Филипповичу.

— Что вамъ угодно, Андрей Филипповичъ? сказалъ онъ довольно рѣшительнымъ тономъ.

— Что это съ вами, Яковъ Петровичъ? Какимъ образомъ?..

— Ничего-съ, Андрей Филипповичъ. Я здѣсь самъ по себѣ. Это моя частная жизнь, Андрей Филипповичъ.

— Что такое-съ?

— Я говорю, Андрей Филипповичъ, что это моя частная жизнь, и что здѣсь, сколько мнѣ кажется, ничего нельзя найти предосудительнаго касательно официальныхъ отношеній моихъ.

— Какъ! Касательно официальныхъ... Что съ вами, сударь, такое?

— Ничего, Андрей Филипповичъ, совершенно ничего; дерзкая дѣвчонка, больше ничего...

— Что!.. Что? Андрей Филипповичъ потерялся отъ изумленія. Господинъ Голядкинъ, который доселѣ, разговаривая снизу лѣстницы съ Андреемъ Филипповичемъ, смотрѣлъ такъ, что, казалось, готовъ былъ ему прыгнуть прямо въ глаза, — видя, что начальникъ отдѣленія немного смѣшался, сдѣлалъ, почти невѣдомо себѣ, шагъ

впередъ. Андрей Филипповичъ подался назадъ. Господинъ Голядкинъ переступилъ еще и еще ступеньку, Андрей Филипповичъ безпокойно осмотрѣлся кругомъ. Господинъ Голядкинъ вдругъ быстро поднялся на лѣстницу. Еще быстрѣе прыгнулъ Андрей Филипповичъ въ комнату и захлопнулъ дверь за собою. Господинъ Голядкинъ остался одинъ. Въ глазахъ у него потемнѣло. Онъ сбился совсѣмъ и стоялъ теперь въ какомъ-то безтолковомъ раздумьѣ, какъ будто припоминая о какомъ-то тоже крайне безтолковомъ обстоятельствѣ, весьма недавно случившемся. „Эхъ, эхъ!“ прошепталъ онъ, улыбаясь съ натуги. Между тѣмъ, на лѣстницѣ, внизу, послышались голоса и шаги, вѣроятно, новыхъ гостей, приглашенныхъ Олсуфьемъ Ивановичемъ. Господинъ Голядкинъ отчасти опомнился, поскорѣе поднялъ повыше свой енотовый воротникъ, прикрылся имъ, по возможности, и сталъ, ковыляя, сѣменя, торопясь и спотыкаясь, сходить съ лѣстницы. Чувствовалъ онъ въ себѣ какое-то ослабленіе и онѣмѣніе. Смущеніе его было въ такой сильной степени, что, вышедъ на крыльцо, онъ не подождалъ и кареты, а самъ пошелъ, прямо, черезъ грязный дворъ, до своего экипажа. Подойдя къ своему экипажу и приготовляясь въ немъ помѣститься, господинъ Голядкинъ мысленно обнаружилъ желаніе провалиться сквозь землю, или спрятаться хоть въ мышиную щелочку, вмѣстѣ съ каретой. Ему казалось, что все, что ни есть въ домѣ Олсуфія Ивановича, вотъ такъ и смотритъ теперь на него изъ всѣхъ оконъ. Онъ зналъ, что непремѣнно тутъ же на мѣстѣ умретъ, если обернется назадъ.

— Что ты смѣешься, болванъ? сказалъ онъ скорого-воркой Петрушкѣ, который приготовился было его подсадить въ карету.

— Да что мнѣ смѣяться-то? Я ничего; куда теперь ѣхать?

— Ступай домой, поѣзжай...

— Пошелъ домой! крикнулъ Петрушка, взмостясь на запятки.

„Экое горло воронье!“ подумалъ господинъ Голядкинъ. Между тѣмъ, карета уже довольно далеко отъѣхала за Измайловскій мостъ. Вдругъ герой нашъ изъ всей силы дернулъ шнурокъ и закричалъ своему кучеру немедленно воротиться назадъ. Кучеръ поворотилъ лошадей и черезъ двѣ минуты въѣхалъ опять во дворъ къ Олсуфію Ивановичу.—„Не нужно, дуракъ, не нужно, назадъ!“ прокричалъ господинъ Голядкинъ,—и кучеръ словно ожидалъ такого

приказанія: не возражая ни на что, не останавливаясь у подъѣзда и объѣхавъ кругомъ весь дворъ, выѣхалъ снова на улицу.

Домой господинъ Голядкинъ не поѣхалъ, а, миновавъ Семеновскій мостъ, приказалъ поворотить въ одинъ переулокъ и остановиться возлѣ трактира довольно скромной наружности. Вышедъ изъ кареты, герой нашъ расплатился съ извозчикомъ, и такимъ образомъ избавился, наконецъ, отъ своего экипажа. Петрушкѣ приказалъ идти домой и ждать его возвращенія, самъ же вошелъ въ трактиръ, взялъ особенный номеръ и приказалъ подать себѣ пообѣдать. Чувствовалъ онъ себя весьма дурно, а голову свою въ полнѣйшемъ разбродѣ и въ хаосѣ. Долго ходилъ онъ, въ волненіи, по комнатѣ; наконецъ, сѣлъ на стулъ, подперъ себѣ лобъ руками и началъ всѣми силами стараться обсудить и разрѣшить кое-что относительно настоящаго своего положенія...

ГЛАВА IV.

День, торжественный день рожденія Клары Олсуфьевны, единородной дочери статскаго совѣтника Берендѣева, въ оно время благодѣтеля господина Голядкина, — день, ознаменовавшійся блистательнымъ, великолѣпнымъ, званымъ обѣдомъ, такимъ обѣдомъ, какого давно не видали въ стѣнахъ чиновничьихъ квартиръ, у Измайловскаго моста и около,—обѣдомъ, который походилъ болѣе на какой-то пиръ вальтасаровскій, чѣмъ на обѣдъ,—который отзывался чѣмъ-то вавилонскимъ, въ отношеніи блеска, роскоши и приличія, съ шампанскимъ-клико, съ устрицами и плодами Елисѣева и Милютиныхъ лавокъ, со всякими упитанными тельцами и чиновною табелью о рангахъ, — этотъ торжественный день, ознаменовавшійся такимъ торжественнымъ обѣдомъ, заключился блистательнымъ баломъ, семейнымъ, маленькимъ, родственнымъ баломъ, но все-таки блистательнымъ въ отношеніи вкуса, образованности и приличія. Конечно, я совершенно согласенъ, такіе балы бываютъ, но рѣдко. Такіе балы, болѣе похожіе на семейныя радости, чѣмъ на балы, могутъ лишь даваться въ такихъ домахъ, какъ, напримѣръ, домъ статскаго совѣтника Берендѣева. Скажу болѣе: я даже сомнѣваюсь, чтобъ у всѣхъ статскихъ совѣтниковъ могли даваться такіе балы. О, если бы я былъ поэтъ!—разумѣется, по крайней мѣрѣ, такой, какъ Гомеръ или Пушкинъ; съ меньшимъ талантомъ соваться нельзя,—я бы непремѣнно

изобразилъ вамъ яркими красками и широкою кистью, о, читатели! весь этотъ высокоторжественный день. Нѣтъ, я бы началъ свою поэму обѣдомъ, я особенно бы налегъ на то поразительное и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественное мгновеніе, когда поднялась первая заздравная чаша въ честь царицы праздника. Я изобразилъ бы вамъ, во-первыхъ, этихъ гостей, погруженныхъ въ благоговѣйное молчаніе и ожиданіе, болѣе похожее на демосѳеновское краснорѣчіе, чѣмъ на молчаніе. Я изобразилъ-бы вамъ потомъ Андрея Филипповича, какъ старшаго изъ гостей, имѣющаго даже нѣкоторое право на первенство, украшеннаго сѣдинами и приличными сѣдинѣ орденами, вставшаго съ мѣста и поднявшаго надъ головою заздравный бокалъ съ искрометнымъ виномъ,—виномъ, нарочно привозимымъ изъ одного отдаленнаго королевства, чтобъ запивать имъ подобныя мгновенія, — виномъ, болѣе похожимъ на божественный нектаръ, чѣмъ на вино. Я изобразилъ бы вамъ гостей и счастливыхъ родителей царицы праздника, поднявшихъ тоже свои бокалы вслѣдъ за Андреемъ Филипповичемъ и устремившихъ на него полныя ожиданія очи. Я изобразилъ бы вамъ, какъ этотъ часто поминаемый Андрей Филипповичъ, уронивъ сначала слезу въ бокалъ, проговорилъ поздравленіе и пожеланіе, провозгласилъ тостъ и выпилъ за здравіе... Но, сознаюсь, вполнѣ сознаюсь, не могъ бы я изобразить всего торжества той минуты, когда сама царица праздника, Клара Олсуфьевна, краснѣя, какъ вешняя роза, румянцемъ блаженства и стыдливости, отъ полноты чувствъ упала въ объятія нѣжной матери, какъ прослезилась нѣжная мать, и какъ зарыдалъ при семъ случаѣ самъ отецъ, маститый старецъ и статскій совѣтникъ Олсуфій Ивановичъ, лишившійся употребленія ногъ на долговременной службѣ и вознагражденный судьбою за такое усердіе капитальцемъ, домкомъ, деревеньками и красавицей-дочерью,—зарыдалъ, какъ ребенокъ, и провозгласилъ сквозь слезы, что его превосходительство благодѣтельный человѣкъ. Я бы не могъ, да, именно не могъ бы изобразить вамъ и неукоснительно-послѣдовавшаго за сей минутой всеобщаго увлеченія сердецъ,—увлеченія, ясно выразившагося даже поведеніемъ одного юнаго регистратора (который въ это мгновеніе походилъ болѣе на статскаго совѣтника, чѣмъ на регистратора), тоже прослезившагося, внимая Андрею Филипповичу. Въ свою очередь, Андрей Филипповичъ въ это торжественное мгновеніе вовсе не походилъ на коллежскаго

совѣтника и начальника отдѣленія въ одномъ департаментѣ,—нѣтъ, онъ казался чѣмъ-то другимъ... я не знаю только, чѣмъ именно, но не коллежскимъ совѣтникомъ. Онъ былъ выше! Наконецъ... о! для чего я не обладаю тайною слога высокаго, сильнаго, слога торжественнаго, для изображенія всѣхъ этихъ прекрасныхъ и назидательныхъ моментовъ человѣческой жизни, какъ будто нарочно устроенныхъ для доказательства, какъ иногда торжествуетъ добродѣтель надъ неблагонамѣренностью, вольнодумствомъ, порокомъ и завистью! Я ничего не скажу, но молча — что̀ будетъ лучше всякаго краснорѣчія — укажу вамъ на этого счастливаго юношу, вступающаго въ свою двадцать шестую весну,—на Владиміра Семеновича, племянника Андрея Филипповича, который всталъ въ свою очередь съ мѣста, который провозглашаетъ въ свою очередь тостъ, и на котораго устремлены слезящіяся очи родителей царицы праздника, гордыя очи Андрея Филипповича, стыдливыя очи самой царицы праздника, восторженныя очи гостей и даже прилично завистливыя очи нѣкоторыхъ молодыхъ сослуживцевъ этого блестящаго юноши. Я не скажу ничего, хотя не могу не замѣтить, что все въ этомъ юношѣ, — который болѣе похожъ на старца, чѣмъ на юношу, говоря въ выгодномъ для него отношеніи,—все, начиная съ цвѣтущихъ ланитъ до самаго асессорскаго, на немъ лежавшаго чина, все это въ сію торжественную минуту только что не проговаривало, что, дескать, до такой-то высокой степени можетъ благонравіе довести человѣка! Я не буду описывать, какъ, наконецъ, Антонъ Антоновичъ Сѣточкинъ, столоначальникъ одного департамента, сослуживецъ Андрея Филипповича и нѣкогда Олсуфія Ивановича, вмѣстѣ съ тѣмъ старинный другъ дома и крестный отецъ Клары Олсуфьевны,— старичокъ, какъ лунь сѣденькій, въ свою очередь предлагая тостъ, пропѣлъ пѣтухомъ и проговорилъ веселыя вирши; какъ онъ, такимъ приличнымъ забвеніемъ приличія, если можно такъ выразиться, разсмѣшилъ до слезъ цѣлое общество, и какъ сама Клара Олсуфьевна за таковую веселость и любезность поцѣловала его, по приказанію родителей. Скажу только, что, наконецъ, гости, которые послѣ такого обѣда, естественно, должны были чувствовать себя другъ другу родными и братьями,— встали изъ-за стола; какъ потомъ старички и люди солидные, послѣ недолгаго времени, употребленнаго на дружескій разговоръ и даже на кое-какія, разумѣется весьма приличныя и любезныя

откровенности, чинно прошли въ другую комнату и, не теряя золотого времени, раздѣлившись на партіи, съ чувствомъ собственнаго достоинства сѣли за столы, обтянутые зеленымъ сукномъ; какъ дамы, усѣвшись въ гостиной, стали вдругъ всѣ необыкновенно любезны и начали разговаривать о разныхъ матеріяхъ; какъ, наконецъ, самъ высокоуважаемый хозяинъ дома, лишившійся употребленія ногъ на службѣ вѣрою и правдою и награжденный за это всѣмъ, чѣмъ выше упомянуто было, сталъ расхаживать на костыляхъ между гостями своими, поддерживаемый Владиміромъ Семеновичемъ и Кларой Олсуфьевной, и какъ, вдругъ сдѣлавшись тоже необыкновенно любезнымъ, рѣшился импровизировать маленькій скромный балъ, несмотря на издержки; какъ для сей цѣли командированъ былъ одинъ расторопный юноша (тотъ самый, который за обѣдомъ болѣе похожъ былъ на статскаго совѣтника, чѣмъ на юношу) за музыкантами; какъ потомъ прибыли музыканты въ числѣ цѣлыхъ одиннадцати штукъ, и какъ, наконецъ, ровно въ половинѣ девятаго раздались призывные звуки французской кадрили и прочихъ различныхъ танцевъ... Нечего уже и говорить, что перо мое слабо, вяло и тупо для приличнаго изображенія бала, импровизированнаго необыкновенною любезностью сѣдовласаго хозяина. Да и какъ, спрошу я, какъ могу я, скромный повѣствователь весьма, впрочемъ, любопытныхъ въ своемъ родѣ приключеній господина Голядкина, — какъ могу я изобразить эту необыкновенную и благопристойную смѣсь красоты, блеска, приличія, веселости, любезной солидности и солидной любезности, рѣзвости, радости, всѣ эти игры и смѣхи всѣхъ этихъ чиновныхъ дамъ, болѣе похожихъ на фей, чѣмъ на дамъ, — говоря въ выгодномъ для нихъ отношеніи,—съ ихъ лилейно-розовыми плечами и личиками, съ ихъ воздушными станами, съ ихъ рѣзвоигривыми, гомеопатическими, говоря высокимъ слогомъ, ножками? Какъ изображу я вамъ, наконецъ, этихъ блестящихъ чиновныхъ кавалеровъ, веселыхъ и солидныхъ юношей и степенныхъ, радостныхъ и прилично туманныхъ, курящихъ въ антрактахъ между танцами, въ маленькой отдаленной зеленой комнатѣ, трубку и некурящихъ въ антрактахъ трубки,—кавалеровъ, имѣвшихъ на себѣ, отъ перваго до послѣдняго, приличный чинъ и фамилію, — кавалеровъ, глубоко проникнутыхъ чувствомъ изящнаго и чувствомъ собственнаго достоинства; кавалеровъ, говорящихъ бо́льшею частію на французскомъ языкѣ

съ дамами, а если на русскомъ, то выраженіями самаго высокаго тона, комплиментами и глубокими фразами, — кавалеровъ, развѣ только въ трубочной позволявшихъ себѣ нѣкоторыя любезныя отступленія отъ языка высшаго тона, нѣкоторыя фразы дружеской и любезной короткости, въ родѣ такихъ, напримѣръ: „что, дескать, ты, такой-сякой, Петька, славно польку откалывалъ“, или: „что, дескать, ты, такой-сякой, Вася, пришпандорилъ-таки свою дамочку, какъ хотѣлъ“. На все это, какъ уже выше имѣлъ я честь объяснить вамъ, о, читатели! недостаетъ пера моего, и потому я молчу. Обратимся лучше къ господину Голядкину, единственному, истинному герою весьма правдивой повѣсти нашей.

Дѣло въ томъ, что онъ находится теперь въ весьма странномъ, чтобъ не сказать болѣе, положеніи. Онъ, господа, тоже здѣсь, то-есть не на балѣ, но почти что на балѣ, онъ, господа, ничего; онъ хотя и самъ по себѣ, но въ эту минуту стоитъ на дорогѣ не совсѣмъ-то прямой; стоитъ онъ теперь — даже странно сказать — стоитъ онъ теперь въ сѣняхъ, на черной лѣстницѣ квартиры Олсуфья Ивановича. Но это ничего, что онъ тутъ стоитъ: онъ такъ себѣ. Онъ, господа, стоитъ въ уголку, забившись въ мѣстечко хоть не потеплѣе, но зато потемнѣе, закрывшись отчасти огромнымъ шкафомъ и старыми ширмами, между всякимъ дрязгомъ, хламомъ и рухлядью, скрываясь до времени и покамѣстъ только наблюдая за ходомъ общаго дѣла въ качествѣ посторонняго зрителя. Онъ, господа, только наблюдаетъ теперь; онъ, господа, тоже вѣдь можетъ войти... почему же не войти? Стоитъ только шагнуть, и войдетъ, и весьма ловко войдетъ. Сейчасъ только, — выстаивая, впрочемъ, уже третій часъ на холодѣ, между шкафомъ и ширмами, между всякимъ хламомъ, дрязгомъ и рухлядью, — цитировалъ онъ, въ собственное оправданіе свое, одну фразу блаженной памяти французскаго министра Виллеля, что „все, дескать, придетъ своимъ чередомъ, если выждать есть смѣтка“. Фразу эту вычиталъ господинъ Голядкинъ когда-то изъ совершенно посторонней, впрочемъ, книжки, но теперь весьма кстати привелъ ее себѣ на память. Фраза, во-первыхъ, очень хорошо шла къ настоящему его положенію, а во-вторыхъ, чего же не придетъ въ голову человѣку, выжидающему счастливой развязки обстоятельствъ своихъ почти битые три часа въ сѣняхъ, въ темнотѣ и на холодѣ? Цитировавъ, какъ уже сказано было, весьма кстати

фразу бывшаго французскаго министра Виллеля, господинъ Голядкинъ тутъ же, неизвѣстно почему, припомнилъ и о бывшемъ турецкомъ визирѣ Марцимирисѣ, равно какъ и о прекрасной маркграфинѣ Луизѣ, исторію которыхъ читалъ онъ тоже когда-то въ книжкѣ. Потомъ пришло ему на память, что іезуиты поставили даже правиломъ своимъ считать всѣ средства годящимися, лишь бы цѣль была достигнута. Обнадеживъ себя немного подобнымъ историческимъ пунктомъ, господинъ Голядкинъ сказалъ самъ себѣ, что, дескать, что̀ іезуиты? Іезуиты всѣ до одного были величайшіе дураки, что онъ самъ ихъ всѣхъ заткнетъ за поясъ, что вотъ только бы хоть на минуту опустѣла буфетная (та комната, которой дверь выходила прямо въ сѣни, на черную лѣстницу, и гдѣ господинъ Голядкинъ находился теперь), такъ онъ, несмотря на всѣхъ іезуитовъ, возьметъ—да прямо и пройдетъ, сначала изъ буфетной въ чайную, потомъ въ ту комнату, гдѣ теперь въ карты играютъ, а тамъ прямо въ залу, гдѣ теперь польку танцуютъ. И пройдетъ, непремѣнно пройдетъ, ни на что несмотря пройдетъ, проскользнетъ — да и только, и никто не замѣтитъ; а тамъ ужъ онъ самъ знаетъ, что̀ ему дѣлать. Вотъ въ такомъ-то положеніи, господа, находимъ мы теперь героя совершенно правдивой исторіи нашей, хотя, впрочемъ, трудно объяснить, что̀ именно дѣлалось съ нимъ въ настоящее время. Дѣло-то въ томъ, что онъ до сѣней и до лѣстницы добраться умѣлъ, по той причинѣ, что, дескать, почему-жъ не добраться, что всѣ добираются; но далѣе проникнуть не смѣлъ, явно этого сдѣлать не смѣлъ... не потому, чтобъ чего-нибудь не смѣлъ, а такъ, потому что самъ не хотѣлъ, потому что ему лучше хотѣлось быть втихомолочку. Вотъ онъ, господа, и выжидаетъ теперь тихомолочки, и выжидаетъ ее ровно два часа съ половиною. Отчего-жъ и не выждать? И самъ Виллель выжидалъ. „Да что тутъ Виллель?“ думалъ господинъ Голядкинъ: „какой тутъ Виллель? А вотъ какъ бы мнѣ теперь того... взять да и проникнуть?.. Эхъ, ты, фигурантъ ты этакой!“ сказалъ господинъ Голядкинъ, ущипнувъ себя окоченѣвшею рукою за окоченѣвшую щеку: „дурашка ты этакой, Голядка ты этакой—фамилія твоя такова!..“ Впрочемъ, это ласкательство собственной особѣ своей въ настоящую минуту было лишь такъ себѣ, мимоходомъ, безъ всякой видимой цѣли. Вотъ было онъ сунулся и подался впередъ; минута настала; буфетная опустѣла и въ ней нѣтъ никого; госпо-

динъ Голядкинъ видѣлъ все это въ окошко; въ два шага очутился онъ у двери, и уже сталъ отворять ее. „Идти или нѣтъ? Ну, идти, или нѣтъ? Пойду... отчего-жъ не пойти? Смѣлому дорога вездѣ!“ Обнадеживъ себя такимъ образомъ, герой нашъ вдругъ, и совсѣмъ неожиданно, ретировался за ширмы. „Нѣтъ“, думалъ онъ, „а ну, какъ войдетъ кто-нибудь? Такъ и есть, вошли; чего-жъ я зѣвалъ, когда народу не было? Этакъ бы, взять—да и проникнуть!.. Нѣтъ, ужъ что проникнуть, когда характеръ у человѣка такой! Эка вѣдь тенденція подлая! Струсилъ какъ курица! Струсить-то наше дѣло; вотъ оно что! Нагадить-то всегда наше дѣло: объ этомъ вы насъ и не спрашивайте. Вотъ и стой здѣсь какъ чурбанъ, да и только! Дома бы чаю теперь выпить чашечку... Оно бы и пріятно этакъ было, выпить-бы чашечку. Позже прійти, такъ Петрушка будетъ, пожалуй, ворчать. Не пойти-ли домой? Черти бы взяли все это! Иду, да и только!“ Разрѣшивъ такимъ образомъ свое положеніе, господинъ Голядкинъ быстро подался впередъ, словно пружину какую кто тронулъ въ немъ; съ двухъ шаговъ очутился въ буфетной, сбросилъ шинель, снялъ свою шляпу, поспѣшно сунулъ все это въ уголъ, оправился и огладился; потомъ... потомъ двинулся въ чайную, изъ чайной юркнулъ еще въ другую комнату, скользнулъ, почти незамѣтно, между вошедшими въ азартъ игроками; потомъ... потомъ... тутъ господинъ Голядкинъ позабылъ все, что вокругъ него дѣлается, и прямо, какъ снѣгъ на голову, явился въ танцовальную залу.

Какъ нарочно, въ это время не танцовали. Дамы гуляли по залѣ живописными группами. Мужчины сбивались въ кружки или шныряли по комнатѣ, ангажируя дамъ. Господинъ Голядкинъ не замѣчалъ этого ничего. Видѣлъ онъ только Клару Олсуфьевну, возлѣ нея Андрея Филипповича, потомъ Владиміра Семеновича, да еще двухъ или трехъ офицеровъ, да еще двухъ или трехъ молодыхъ людей, тоже весьма интересныхъ, подающихъ или уже осуществившихъ, какъ можно было по первому взгляду судить, кое-какія надежды... Видѣлъ онъ и еще кой-кого. Или нѣтъ; онъ уже никого не видалъ, ни на кого не глядѣлъ... а двигаемый тою же самой пружиной, посредствомъ которой вскочилъ на чужой балъ непрошеный, подался впередъ, потомъ и еще впередъ, и еще впередъ, наткнулся мимоходомъ на какого-то совѣтника, отдавилъ ему ногу; кстати уже наступилъ на платье одной поч-

тенной старушки и немного порвалъ его, толкнулъ человѣка съ подносомъ, толкнулъ и еще кой-кого, и не замѣтивъ всего этого, или, лучше сказать, замѣтивъ, но уже такъ, заодно, не глядя ни на кого, пробираясь все далѣе и далѣе впередъ, вдругъ очутился передъ самой Кларой Олсуфьевной. Безъ всякаго сомнѣнія, глазкомъ не мигнувъ, онъ съ величайшимъ бы удовольствіемъ провалился въ эту минуту сквозь землю; но, что̀ сдѣлано было, того не воротишь... вѣдь ужъ никакъ не воротишь. Что же было дѣлать? „Не удастся—держись, а удастся—крѣпись. Господинъ Голядкинъ, ужъ, разумѣется, былъ не интриганъ и лощить паркетъ сапогами не мастеръ“... Такъ ужъ случилось. Къ тому же, и іезуиты какъ-то тутъ подмѣшались... Но не до нихъ, впрочемъ, было господину Голядкину! Все, что̀ ходило, шумѣло, говорило, смѣялось,—вдругъ, какъ бы по мановенію какому, затихло, и мало-по-малу столпилось около господина Голядкина. Господинъ Голядкинъ, впрочемъ, какъ бы ничего не слыхалъ, ничего не видалъ, онъ не могъ смотрѣть... онъ ни за что не могъ смотрѣть; онъ опустилъ глаза въ землю, да такъ и стоялъ себѣ, давъ себѣ, впрочемъ, мимоходомъ, честное слово какимъ-нибудь образомъ застрѣлиться въ эту же ночь. Давъ себѣ такое честное слово, господинъ Голядкинъ мысленно сказалъ себѣ „была не была!“ и, къ собственному своему величайшему изумленію, совсѣмъ неожиданно началъ вдругъ говорить.

Началъ господинъ Голядкинъ поздравленіями и приличными пожеланіями. Поздравленія прошли хорошо, а на пожеланіяхъ герой нашъ запнулся. Чувствовалъ онъ, что если запнется, то все сразу къ чорту пойдетъ. Такъ и вышло—запнулся и завязъ... завязъ и покраснѣлъ; покраснѣлъ и потерялся; потерялся и поднялъ глаза; поднялъ глаза и обвелъ ихъ кругомъ; обвелъ ихъ кругомъ — и обмеръ... Все стояло, все молчало, все выжидало: немного подальше зашептало; немного поближе захохотало. Господинъ Голядкинъ бросилъ покорный, потерянный взоръ на Андрея Филипповича. Андрей Филипповичъ отвѣтилъ господину Голядкину такимъ взглядомъ, что если-бъ герой нашъ не былъ уже убитъ вполнѣ, совершенно, то былъ бы непремѣнно убитъ въ другой разъ,—если-бъ это было только возможно. Молчаніе длилось.

— Это болѣе относится къ домашнимъ обстоятельствамъ и къ частной жизни моей, Андрей Филипповичъ, едва слышнымъ голосомъ проговорилъ полумертвый господинъ

Голядкинъ, — это не офиціальное приключеніе, Андрей Филипповичъ...

— Стыдитесь, сударь, стыдитесь! проговорилъ Андрей Филипповичъ полушопотомъ, съ невыразимою миной негодованія,—проговорилъ, взялъ за руку Клару Олсуфьевну и отвернулся отъ господина Голядкина.

— Нечего мнѣ стыдиться, Андрей Филипповичъ, отвѣчалъ господинъ Голядкинъ также полушопотомъ, обводя свои несчастные взоры кругомъ, потерявшись и стараясь по сему случаю отыскать, въ недоумѣвающей толпѣ, средины и соціальнаго своего положенія.

— Ну, и ничего, ну, и ничего, господа! Ну, что-жъ такое? Ну, и со всякимъ можетъ случиться, шепталъ господинъ Голядкинъ, сдвигаясь понемногу съ мѣста и стараясь выбраться изъ окружавшей его толпы. Ему дали дорогу. Герой нашъ кое-какъ прошелъ между двумя рядами любопытныхъ и недоумѣвающихъ наблюдателей. Рокъ увлекалъ его. Господинъ Голядкинъ самъ это чувствовалъ, что рокъ-то его увлекалъ. Конечно, онъ бы дорого далъ за возможность находиться теперь, безъ нарушенія приличій, на прежней стоянкѣ своей въ сѣняхъ, возлѣ черной лѣстницы; но такъ какъ это было рѣшительно невозможно, то онъ и началъ стараться улизнуть куда-нибудь въ уголокъ, да такъ и стоять себѣ тамъ—скромно, прилично, особо, никого не затрогивая, не обращая на себя исключительнаго вниманія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, снискавъ благорасположеніе гостей и хозяина. Впрочемъ, господинъ Голядкинъ чувствовалъ, что его какъ будто бы подмываетъ что-то, какъ будто онъ колеблется, падаетъ. Наконецъ, онъ добрался до одного уголка и сталъ въ немъ, какъ посторонній, довольно равнодушный наблюдатель, опершись руками на спинки двухъ стульевъ, захвативъ ихъ такимъ образомъ въ свое полное обладаніе и стараясь, по возможности, взглянуть бодрымъ взглядомъ на сгруппировавшихся около него гостей Олсуфья Ивановича. Ближе всѣхъ стоялъ къ нему какой-то офицеръ, высокій и красивый малый, предъ которымъ господинъ Голядкинъ почувствовалъ себя настоящей букашкой.

— Эти два стула, поручикъ, назначены: одинъ для Клары Олсуфьевны, а другой для танцующей здѣсь же княжны Чевчехановой; я ихъ, поручикъ, теперь для нихъ берегу, задыхаясь, проговорилъ господинъ Голядкинъ, обращая умоляющій взоръ на господина поручика. Поручикъ, молча и съ убійственной улыбкой, отворотился.

Осѣкшись въ одномъ мѣстѣ, герой нашъ попробовалъ было попытать счастье гдѣ-нибудь съ другой стороны, и обратился прямо къ одному важному совѣтнику, съ значительнымъ крестомъ на шеѣ. Но совѣтникъ обмѣрилъ его такимъ холоднымъ взглядомъ, что господинъ Голядкинъ ясно почувствовалъ, что его вдругъ окатили цѣлымъ ушатомъ холодной воды. Господинъ Голядкинъ затихъ. Онъ рѣшился лучше смолчать, не заговаривать, показать, что онъ такъ себѣ, что онъ тоже такъ, какъ и всѣ, и что положеніе его, сколько ему кажется, по крайней мѣрѣ, тоже приличное. Съ этою цѣлью онъ приковалъ свой взглядъ къ обшлагамъ своего вицмундира, потомъ поднялъ глаза и остановилъ ихъ на одномъ весьма почтенной наружности господинѣ. „На этомъ господинѣ парикъ“, подумалъ господинъ Голядкинъ: „а если снять этотъ парикъ, такъ будетъ голая голова, точь-въ-точь какъ ладонь моя голая“. Сдѣлавъ такое важное открытіе, господинъ Голядкинъ вспомнилъ и объ арабскихъ эмирахъ, у которыхъ, если снять съ головы зеленую чалму, которую они носятъ въ знакъ родства своего съ пророкомъ Мухаммедомъ, то останется тоже голая, безволосая голова. Потомъ, и, вѣроятно, по особенному столкновенію идей относительно турковъ въ головѣ своей, господинъ Голядкинъ дошелъ и до туфлей турецкихъ, и тутъ же кстати вспомнилъ, что Андрей Филипповичъ носитъ сапоги, похожіе больше на туфли, чѣмъ на сапоги. Замѣтно было, что господинъ Голядкинъ отчасти освоился со своимъ положеніемъ. „Вотъ если-бъ эта люстра“, мелькнуло въ головѣ господина Голядкина: „вотъ если-бъ эта люстра сорвалась теперь съ мѣста и упала на общество, то я бы тотчасъ бросился спасать Клару Олсуфьевну. Спасши ее, сказалъ бы ей: „не безпокойтесь, сударыня; это ничего-съ, а спаситель вашъ я“. Потомъ...“ Тутъ господинъ Голядкинъ повернулъ глаза въ сторону, отыскивая Клару Олсуфьевну, и увидѣлъ Герасимыча, стараго камердинера Олсуфія Ивановича. Герасимычъ съ самымъ заботливымъ, съ самымъ офиціально-торжественнымъ видомъ пробирался прямо къ нему. Господинъ Голядкинъ вздрогнулъ и поморщился отъ какого-то безотчетнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самаго непріятнаго ощущенія. Машинально осмотрѣлся кругомъ: ему пришло было на мысль, какъ-нибудь, этакъ подъ рукой, бочкомъ, втихомолку улизнуть отъ грѣха, этакъ взять — да и стушеваться, то-есть сдѣлать такъ, какъ будто бы онъ ни въ одномъ глазу, какъ будто

бы вовсе не въ немъ было и дѣло. Однако, прежде чѣмъ нашъ герой успѣлъ рѣшиться на что-нибудь, Герасимычъ уже стоялъ передъ нимъ.

— Видите-ли, Герасимычъ, сказалъ нашъ герой, съ улыбочкой обращаясь къ Герасимычу,—вы возьмите да и прикажите, — вотъ видите, свѣчка тамъ въ канделябрѣ, Герасимычъ — она сейчасъ упадетъ: такъ вы, знаете-ли, прикажите поправить ее; она, право, сейчасъ упадетъ, Герасимычъ...

— Свѣчка-съ? Нѣтъ-съ, свѣчка прямо стоитъ-съ; а вотъ васъ кто-то тамъ спрашиваетъ-съ.

— Кто же это тамъ меня спрашиваетъ, Герасимычъ?

— А ужъ право не знаю-съ, кто именно-съ. Человѣкъ отъ какихъ-то-съ. Здѣсь, дескать, находится Яковъ Петровичъ Голядкинъ? Такъ вызовите, говоритъ, его по весьма нужному и спѣшному дѣлу... вотъ какъ-съ.

— Нѣтъ, Герасимычъ, вы ошибаетесь; въ этомъ вы, Герасимычъ, ошибаетесь.

— Сумнительно-съ...

— Нѣтъ, Герасимычъ, не сумнительно; тутъ, Герасимычъ, ничего нѣтъ сумнительнаго. Никто меня не спрашиваетъ, Герасимычъ, меня некому спрашивать, а я здѣсь у себя, то-есть на своемъ мѣстѣ, Герасимычъ.

Господинъ Голядкинъ перевелъ духъ и осмотрѣлся кругомъ. Такъ и есть! Все, что ни было въ залѣ, всѣ такъ и устремились на него взоромъ и слухомъ въ какомъ-то торжественномъ ожиданіи. Мужчины толпились поближе и прислушивались. Подальше тревожно перешептывались дамы. Самъ хозяинъ явился въ весьма недальнемъ разстояніи отъ господина Голядкина, и хотя по виду его нельзя было замѣтить, что онъ тоже, въ свою очередь, принимаетъ прямое и непосредственное участіе въ обстоятельствахъ господина Голядкина, потому что все это дѣлалось на деликатную ногу, но тѣмъ не менѣе все это дало ясно почувствовать герою повѣсти нашей, что минута для него настала рѣшительная. Господинъ Голядкинъ ясно видѣлъ, что настало время удара смѣлаго, время посрамленія враговъ его. Господинъ Голядкинъ былъ въ волненіи. Господинъ Голядкинъ почувствовалъ какое-то вдохновеніе и дрожащимъ, торжественнымъ голосомъ началъ снова, обращаясь къ ожидавшему Герасимычу.

— Нѣтъ, мой другъ, меня никто не зоветъ. Ты ошибаешься. Скажу болѣе: ты ошибался и утромъ сегодня,

увѣряя меня... осмѣливаясь увѣрить меня, говорю я (господинъ Голядкинъ возвысилъ голосъ), что Олсуфій Ивановичъ, благодѣтель мой съ незапамятныхъ лѣтъ, замѣнившій мнѣ въ нѣкоторомъ смыслѣ отца, закажетъ для меня дверь свою въ минуту семейной и торжественнѣйшей радости для его сердца родительскаго. (Господинъ Голядкинъ самодовольно, но съ глубокимъ чувствомъ осмотрѣлся кругомъ. На рѣсницахъ его навернулись слезы). Повторяю, мой другъ, заключилъ нашъ герой,—ты ошибался, ты жестоко, непростительно ошибался...

Минута была торжественная. Господинъ Голядкинъ чувствовалъ, что эффектъ былъ вѣрнѣйшій. Господинъ Голядкинъ стоялъ, скромно потупивъ глаза и ожидая объятій Олсуфія Ивановича. Въ гостяхъ замѣтно было волненіе и недоумѣніе, даже самъ непоколебимый и ужасный Герасимычъ заикнулся на словѣ „сумнительно-съ“... какъ вдругъ безпощадный оркестръ, ни съ того, ни съ сего, грянулъ польку. Все пропало, все на вѣтеръ пошло. Господинъ Голядкинъ вздрогнулъ, Герасимычъ отшатнулся назадъ, все, что̀ ни было въ залѣ, заволновалось какъ море, и Владиміръ Семеновичъ уже несся въ первой парѣ съ Кларой Олсуфьевной, а красивый поручикъ съ княжной Чевчехановой. Зрители съ любопытствомъ и восторгомъ тѣснились взглянуть на танцующихъ польку — танецъ интересный, новый, модный, кружившій всѣмъ головы. Господинъ Голядкинъ былъ на время забытъ. Но вдругъ все заволновалось, замѣшалось, засуетилось; музыка умолкла... случилось странное происшествіе. Утомленная танцемъ, Клара Олсуфьевна, едва переводя духъ отъ усталости, съ пылающими щеками и глубоко волнующеюся грудью, упала, наконецъ, въ изнеможеніи силъ, въ кресла... Всѣ сердца устремились къ прелестной очаровательницѣ, всѣ спѣшили наперерывъ привѣтствовать ее и благодарить за оказанное удовольствіе,—вдругъ передъ нею очутился господинъ Голядкинъ. Господинъ Голядкинъ былъ блѣденъ, крайне разстроенъ; казалось, онъ тоже былъ въ какомъ-то изнеможеніи, онъ едва двигался. Онъ отчего-то улыбался, онъ просительно протягивалъ руку. Клара Олсуфьевна, въ изумленіи, не успѣла отдернуть руки своей, и машинально встала на приглашеніе господина Голядкина. Господинъ Голядкинъ покачнулся впередъ, сперва одинъ разъ, потомъ другой, потомъ поднялъ ножку, потомъ какъ-то пришаркнулъ, потомъ какъ-то притопнулъ, потомъ споткнулся... онъ тоже хотѣлъ танцовать съ Кла-

рой Олсуфьевной. Клара Олсуфьевна вскрикнула; всѣ бросились освобождать ея руку изъ руки господина Голядкина, и разомъ герой нашъ былъ оттѣсненъ толпою едва-ли не на десять шаговъ разстоянія. Вокругъ него сгруппировался тоже кружокъ. Послышался визгъ и крикъ двухъ старухъ, которыхъ господинъ Голядкинъ едва не опрокинулъ въ ретирадѣ. Смятеніе было ужасное; все спрашивало, все кричало, все разсуждало. Оркестръ умолкъ. Герой нашъ вертѣлся въ кружкѣ своемъ, и машинально, отчасти улыбаясь, что-то бормоталъ про себя, что, „дескать, отчего-жъ и нѣтъ, и что, дескать, полька, сколько ему, по крайней мѣрѣ, кажется, танецъ новый и весьма интересный, созданный для утѣшенія дамъ... но что, если такъ дѣло пошло, то онъ, пожалуй, готовъ согласиться“. Но согласія господина Голядкина, кажется, никто и не спрашивалъ. Герой нашъ почувствовалъ, что вдругъ чья-то рука упала на его руку, что другая рука немного оперлась на спину его, что его съ какою-то особенною заботливостью направляютъ въ какую-то сторону. Наконецъ, онъ замѣтилъ, что идетъ прямо къ дверямъ. Господинъ Голядкинъ хотѣлъ было что-то сказать, что-то сдѣлать... Но нѣтъ, онъ уже ничего не хотѣлъ. Онъ только машинально отсмѣивался. Наконецъ, онъ почувствовалъ, что на него надѣваютъ шинель, что ему нахлобучили на глаза шляпу; что, наконецъ, онъ почувствовалъ себя въ сѣняхъ, въ темнотѣ и на холодѣ, наконецъ, и на лѣстницѣ. Наконецъ, онъ споткнулся, ему казалось, что онъ падаетъ въ бездну; онъ хотѣлъ было вскрикнуть—вдругъ очутился на дворѣ. Свѣжій воздухъ пахнулъ на него, онъ на минутку пріостановился; въ самое это мгновеніе до него долетѣли звуки вновь грянувшаго оркестра. Господинъ Голядкинъ вдругъ вспомнилъ все; казалось, всѣ опавшія силы его возвратились къ нему опять. Онъ сорвался съ мѣста, на которомъ доселѣ стоялъ какъ прикованный, и стремглавъ бросился вонъ, куда-нибудь, на воздухъ, на волю, куда глаза глядятъ.

ГЛАВА V.

На всѣхъ петербургскихъ башняхъ, показывающихъ и бьющихъ часы, пробило ровно полночь, когда господинъ Голядкинъ, внѣ себя, выбѣжалъ на набережную Фонтанки, близъ самаго Измайловскаго моста, спасаясь отъ враговъ, отъ преслѣдованій, отъ града щелчковъ, на него занесенныхъ, отъ крика встревоженныхъ старухъ, отъ оханья

и аханья женщинъ и отъ убійственныхъ взглядовъ Андрея Филипповича. Господинъ Голядкинъ былъ убитъ—убитъ вполнѣ, въ полномъ смыслѣ слова, и если сохранилъ въ настоящую минуту способность бѣжать, то единственно по какому-то чуду, по чуду, которому онъ самъ, наконецъ, вѣрить отказывался. Ночь была ужасная,—ноябрьская,—мокрая, туманная, дождливая, снѣжливая, чреватая флюсами, насморками, лихорадками, жабами, горячками всѣхъ возможныхъ родовъ и сортовъ, однимъ словомъ, всѣми дарами петербургскаго ноября. Вѣтеръ выл ъ въ опустѣлыхъ улицахъ, вздымая выше колецъ черную воду Фонтанки и задорно потрогивая тощіе фонари набережной, которые, въ свою очередь, вторили его завываніямъ тоненькимъ, пронзительнымъ скрипомъ, что̀ составляло безконечный, пискливый, дребезжащій концертъ, весьма знакомый каждому петербургскому жителю. Шелъ дождь и снѣгъ разомъ. Прорываемыя вѣтромъ струи дождевой воды прыскали чуть-чуть не горизонтально, словно изъ пожарной трубы, и кололи и сѣкли лицо несчастнаго господина Голядкина, какъ тысячи булавокъ и шпилекъ. Среди ночного безмолвія, прорываемаго лишь отдаленнымъ гуломъ каретъ, воемъ вѣтра и скрипомъ фонарей, уныло слышались хлестъ и журчаніе воды, стекавшей со всѣхъ крышъ, крылечекъ, жолобовъ и карнизовъ на гранитный помостъ тротуара. Ни души не было ни вблизи, ни вдали, да, казалось, что и быть не могло въ такую пору и въ такую погоду. Итакъ, одинъ только господинъ Голядкинъ, одинъ съ своимъ отчаяніемъ, трусйлъ въ это время по тротуару Фонтанки своимъ обыкновеннымъ, мелкимъ и частымъ шажкомъ, спѣша добѣжать какъ можно скорѣе въ свою Шестилавочную улицу, въ свой четвертый этажъ, къ себѣ на квартиру.

Хотя снѣгъ, дождь и все то, чему даже имени не бываетъ, когда разыграется вьюга и хмара подъ петербургскимъ ноябрьскимъ небомъ, разомъ, вдругъ атаковали и безъ того убитаго несчастіями господина Голядкина, не давая ему ни малѣйшей пощады и отдыха, пронимая его до костей, залѣпляя глаза, продувая со всѣхъ сторонъ, сбивая съ пути и съ послѣдняго толка, хоть все это разомъ опрокинулось на господина Голядкина, какъ бы нарочно сообщась и согласясь со всѣми врагами его отработать ему денекъ, вечерокъ и ночку на славу, — несмотря на все это, господинъ Голядкинъ остался почти нечувствителенъ къ этому послѣднему доказательству

гоненія судьбы: такъ сильно потрясло и поразило его все происшедшее съ нимъ, нѣсколько минутъ назадъ, у господина статскаго совѣтника Берендѣева! Если-бъ теперь посторонній, незаинтересованный какой-нибудь наблюдатель, взглянулъ бы такъ себѣ, сбоку, на тоскливую побѣжку господина Голядкина, то и тотъ бы разомъ проникнулся всѣмъ страшнымъ ужасомъ его бѣдствій, и непремѣнно сказалъ бы, что господинъ Голядкинъ глядитъ теперь такъ, какъ будто самъ отъ себя куда-то спрятаться хочетъ, какъ будто самъ отъ себя убѣжать куда-нибудь хочетъ! Да! Оно было дѣйствительно такъ. Скажемъ болѣе: господинъ Голядкинъ не только желалъ теперь убѣжать отъ себя самого, но даже совсѣмъ уничтожиться, не быть, въ прахъ обратиться. Въ настоящія минуты, онъ не внималъ ничему окружающему, не понималъ ничего, что вокругъ него дѣлается, и смотрѣлъ такъ, какъ будто бы для него не существовало на самомъ дѣлѣ ни непріятностей ненастной ночи, ни долгаго пути, ни дождя, ни снѣга, ни вѣтра, ни всей крутой непогоды. Калоша, отставшая отъ сапога съ правой ноги господина Голядкина, тутъ же и осталась въ грязи и снѣгу, на тротуарѣ Фонтанки, а господинъ Голядкинъ и не подумалъ воротиться за нею, и не примѣтилъ пропажи ея. Онъ былъ такъ озадаченъ, что нѣсколько разъ, вдругъ, несмотря ни на что окружающее, проникнутый вполнѣ идеей своего недавняго, страшнаго паденія, останавливался неподвижно, какъ столбъ, посреди тротуара; въ это мгновеніе онъ умиралъ, исчезалъ; потомъ вдругъ срывался какъ бѣшеный съ мѣста и бѣжалъ, бѣжалъ безъ оглядки, какъ будто спасаясь отъ чьей-то погони, отъ какого-то еще болѣе ужаснаго бѣдствія... Дѣйствительно, положеніе было ужасное!.. Наконецъ, въ истощеніи силъ, господинъ Голядкинъ остановился, оперся на перила набережной въ положеніи человѣка, у котораго вдругъ, совсѣмъ неожиданно, потекла носомъ кровь, и пристально сталъ смотрѣть на мутную, черную воду Фонтанки. Неизвѣстно, сколько именно времени проведено было имъ въ этомъ занятіи. Извѣстно только, что въ это мгновеніе господинъ Голядкинъ дошелъ до такого отчаянія, такъ былъ истерзанъ, такъ былъ измученъ, до того изнемогъ и опалъ и безъ того уже слабыми остатками духа, что позабылъ обо всемъ, и объ Измайловскомъ мостѣ, и о Шестилавочной улицѣ, и о настоящемъ своемъ... Что-жъ, въ самомъ дѣлѣ? Вѣдь, ему было все равно: дѣло сдѣлано, конечно, рѣшеніе скрѣп-

лено и подписано; что-жъ ему?.. Вдругъ... вдругъ онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и невольно отскочилъ шага на два въ сторону. Съ неизъяснимымъ безпокойствомъ началъ онъ озираться кругомъ; но никого не было, ничего не случилось особеннаго, а между тѣмъ... между тѣмъ ему показалось, что кто-то сейчасъ, сію минуту, стоялъ здѣсь около него, рядомъ съ нимъ, тоже облокотясь на перила набережной, и—чудное дѣло!—даже что-то сказалъ ему, что-то скоро сказалъ, отрывисто, не совсѣмъ понятно, но о чемъ-то весьма къ нему близкомъ, до него относящемся. „Что-жъ, это мнѣ почудилось, что-ли?“ сказалъ господинъ Голядкинъ, еще разъ озираясь кругомъ.—„Да я-то гдѣ же стою?.. Эхъ, эхъ!“ заключилъ онъ, покачавъ головою, а между тѣмъ съ безпокойнымъ, тоскливымъ чувствомъ, даже со страхомъ сталъ вглядываться въ мутную, влажную даль, напрягая всѣми силами зрѣніе и всѣми силами стараясь пронзить близорукимъ взоромъ своимъ мокрую средину, передъ нимъ разстилавшуюся. Однакожъ, ничего не было новаго, ничего особеннаго не бросилось въ глаза господину Голядкину. Казалось, все было въ порядкѣ, какъ слѣдуетъ, то-есть снѣгъ валилъ еще сильнѣе, крупнѣе и гуще, на разстояніи двадцати шаговъ не было видно ни зги, фонари скрипѣли еще пронзительнѣе прежняго, и вѣтеръ, казалось, еще плачевнѣе, еще жалостнѣе затягивалъ тоскливую пѣсню свою, словно неотвязчивый нищій, вымаливающій мѣдный грошъ на свое пропитаніе. „Эхъ, эхъ! да что-жъ это со мною такое?“ повторилъ опять господинъ Голядкинъ, пускаясь снова въ дорогу и все слегка озираясь кругомъ. А между тѣмъ, какое-то новое ощущеніе отозвалось во всемъ существѣ господина Голядкина: тоска не тоска, страхъ не страхъ... лихорадочный трепетъ пробѣжалъ по жиламъ его. Минута была невыносимо непріятная! „Ну, ничего“, проговорилъ онъ, чтобъ себя ободрить, — „ну, ничего; можетъ-быть, это и совсѣмъ ничего, и чести ничьей не маraетъ. Можетъ-быть, оно такъ и надобно было“, продолжалъ онъ, самъ не понимая, что́ говоритъ,—„можетъ-быть, все это въ свое время устроится къ лучшему, и претендовать будетъ не на что, и всѣхъ оправдаетъ“. Такимъ образомъ говоря и словами себя облегчая, господинъ Голядкинъ отряхнулся немного, стряхнулъ съ себя снѣжные хлопья, навалившіеся густою корою ему на шляпу, на воротникъ, на шинель, на галстукъ, на сапоги и на все,—но страннаго чувства, странной темной тоски своей все еще не могъ оттолкнуть отъ

себя, сбросить съ себя. Гдѣ-то далеко раздался пушечный выстрѣлъ. „Эка погодка“, подумалъ герой нашъ, — „чу! не будетъ-ли наводненія? Видно вода поднялась слишкомъ сильно“. Только что сказалъ или подумалъ это господинъ Голядкинъ, какъ увидѣлъ впереди себя идущаго ему навстрѣчу прохожаго, тоже, вѣроятно, какъ и онъ, по какому-нибудь случаю запоздалаго. Дѣло бы, кажется, пустое, случайное; но, неизвѣстно почему, господинъ Голядкинъ смутился и даже струсилъ, потерялся немного. Не то чтобъ онъ боялся недобраго человѣка, а такъ, можетъ-быть... „да и кто его знаетъ, этого запоздалаго“, промелькнуло въ головѣ господина Голядкина, „можетъ-быть, и онъ то же самое, можетъ-быть, онъ-то тутъ и самое главное дѣло, и не даромъ идетъ, а съ цѣлью идетъ, дорогу мою переходитъ и меня задѣваетъ“. Можетъ-быть, впрочемъ, господинъ Голядкинъ и не подумалъ именно этого, а такъ только ощутилъ мгновенно что-то подобное и весьма непріятное. Думать-то и ощущать, впрочемъ, некогда было; прохожій уже былъ въ двухъ шагахъ. Господинъ Голядкинъ тотчасъ, по всегдашнему обыкновенію своему, поспѣшилъ принять видъ совершенно особенный, видъ, ясно выражавшій, что онъ, Голядкинъ, самъ по себѣ, что онъ ничего, что дорога для всѣхъ довольно широкая, и что, вѣдь, онъ, Голядкинъ, самъ никого не затрогиваетъ. Вдругъ онъ остановился, какъ вкопанный, какъ будто молніей пораженный, и быстро потомъ обернулся назадъ, вслѣдъ прохожему, едва только его миновавшему,—обернулся съ такимъ видомъ, какъ будто что его дернуло сзади, какъ будто вѣтеръ повернулъ его флюгеръ. Прохожій быстро исчезалъ въ снѣжной метелицѣ. Онъ тоже шелъ торопливо, тоже, какъ и господинъ Голядкинъ, былъ одѣтъ и укутанъ съ головы до ногъ, и такъ же, какъ и онъ, дробилъ и сѣменилъ по тротуару Фонтанки частымъ, мелкимъ шажкомъ, немного съ притрусочкой. „Что, что это?“ шепталъ господинъ Голядкинъ, недовѣрчиво улыбаясь,— однакожъ, дрогнулъ всѣмъ тѣломъ. Морозомъ подернуло у него по спинѣ. Между тѣмъ, прохожій исчезъ совершенно, не стало уже слышно и шаговъ его, а господинъ Голядкинъ все еще стоялъ и глядѣлъ ему вслѣдъ. Однакожъ, наконецъ, онъ мало-по-малу опомнился. „Да что-жъ это такое“, подумалъ онъ съ досадою, — „что-жъ это я, съ ума, что-ли, въ самомъ дѣлѣ, сошелъ?“ обернулся и пошелъ своею дорогою, ускоряя и частя болѣе и болѣе шаги, и стараясь ужъ лучше вовсе ни о чемъ не думать.

Даже и глаза, наконецъ, закрылъ съ сею цѣлью. Вдругъ, сквозь завыванія вѣтра и шумъ непогоды, до слуха его долетѣлъ опять шумъ чьихъ-то весьма недалекихъ шаговъ. Онъ вздрогнулъ и открылъ глаза. Передъ нимъ опять, шагахъ въ двадцати отъ него, чернѣлся какой-то быстро приближавшійся къ нему человѣчекъ. Человѣчекъ этотъ спѣшилъ, частилъ, торопился; разстояніе быстро уменьшалось. Господинъ Голядкинъ уже могъ даже совсѣмъ разглядѣть своего новаго запоздалаго товарища,— разглядѣлъ и вскрикнулъ отъ изумленія и ужаса; ноги его подкосились. Это былъ тотъ самый знакомый ему пѣшеходъ, котораго онъ, минутъ съ десять назадъ, пропустилъ мимо себя, и который вдругъ, совсѣмъ неожиданно, теперь опять передъ нимъ появился. Но не одно это чудо поразило господина Голядкина, а пораженъ господинъ Голядкинъ былъ такъ, что остановился, вскрикнулъ, хотѣлъ было что-то сказать, — и пустился догонять незнакомца, даже закричалъ ему что-то, вѣроятно, желая остановить его поскорѣе. Незнакомецъ остановился дѣйствительно, такъ шагахъ въ десяти отъ господина Голядкина, и такъ, что свѣтъ близъ стоявшаго фонаря совершенно падалъ на всю фигуру его, — остановился, обернулся къ господину Голядкину и съ нетерпѣливо озабоченнымъ видомъ ждалъ, что онъ скажетъ. „Извините, я, можетъ, и ошибся“, дрожащимъ голосомъ проговорилъ нашъ герой. Незнакомецъ молча и съ досадою повернулся, и быстро пошелъ своею дорогою, какъ будто спѣша нагнать потерянныя двѣ секунды съ господиномъ Голядкинымъ. Что же касается до господина Голядкина, то у него задрожали всѣ жилки, колѣни его подогнулись, ослабли, и онъ со стономъ присѣлъ на тротуарную тумбочку. Впрочемъ, дѣйствительно, было отъ чего придти въ такое смущеніе. Дѣло въ томъ, что незнакомецъ этотъ показался ему теперь какъ-то знакомымъ. Это бы еще все ничего. Но онъ узналъ, почти совсѣмъ узналъ теперь этого человѣка. Онъ его часто видывалъ, этого человѣка, когда-то видывалъ, даже недавно весьма; гдѣ же бы это? ужъ не вчера-ли? Впрочемъ, и опять не въ томъ было главное дѣло, что господинъ Голядкинъ его видывалъ часто: да и особеннаго-то въ томъ человѣкѣ почти не было ничего, — особеннаго вниманія рѣшительно ничьего не возбуждалъ съ перваго взгляда этотъ человѣкъ. Такъ, человѣкъ былъ какъ и всѣ, порядочный, разумѣется, какъ и всѣ люди порядочные, и, можетъ-быть, имѣлъ тамъ кое-

какія, и даже довольно значительныя достоинства, — однимъ словомъ: былъ самъ по себѣ человѣкъ. Господинъ Голядкинъ не питалъ даже ни ненависти, ни вражды, ни даже никакой самой легкой непріязни къ этому человѣку, даже напротивъ, казалось бы, — а между тѣмъ (и въ этомъ-то вотъ обстоятельствѣ была главная сила), а между тѣмъ, ни за какія сокровища міра не желалъ бы встрѣтиться съ нимъ, и особенно встрѣтиться такъ, какъ теперь, напримѣръ. Скажемъ болѣе: господинъ Голядкинъ зналъ вполнѣ этого человѣка: онъ даже зналъ, какъ зовутъ его, какъ фамилія этого человѣка: а между тѣмъ ни за что, и опять-таки ни за какія сокровища въ мірѣ, не захотѣлъ бы назвать его, согласиться признать, что вотъ, дескать, его такъ-то зовутъ, что онъ такъ-то по батюшкѣ, и такъ по фамиліи. Много-ли, мало-ли продолжалось недоразумѣніе господина Голядкина, долго-ли именно онъ сидѣлъ на тротуарномъ столбу,—не могу сказать, но только, наконецъ, маленько очнувшись, онъ вдругъ пустился бѣжать безъ оглядки, что̀ силы въ немъ было; духъ его занимался: онъ споткнулся два раза, чуть не упалъ,— и при этомъ обстоятельствѣ осиротѣлъ другой сапогъ господина Голядкина, тоже покинутый своею калошею. Наконецъ, господинъ Голядкинъ сбавилъ шагу немножко, чтобъ духъ перевести, торопливо осмотрѣлся кругомъ и увидѣлъ, что уже перебѣжалъ, не замѣчая того, весь свой путь по Фонтанкѣ, перешелъ Аничковъ мостъ, миновалъ часть Невскаго и теперь стоитъ на поворотѣ въ Литейную. Господинъ Голядкинъ поворотилъ въ Литейную. Положеніе его въ это мгновеніе походило на человѣка, стоящаго надъ страшной стремниной, когда земля подъ нимъ обрывается, ужъ покачнулась, ужъ двинулась, въ послѣдній разъ колышется, падаетъ, увлекаетъ его въ бездну, а между тѣмъ у несчастнаго нѣтъ ни силы, ни твердости духа отскочить назадъ, отвесть свои глаза отъ зіяющей пропасти: бездна тянетъ его, и онъ прыгаетъ, наконецъ, въ нее самъ, самъ ускоряя минуту своей же погибели. Господинъ Голядкинъ зналъ, чувствовалъ и былъ совершенно увѣренъ, что съ нимъ непремѣнно совершится дорòгой еще что-то недоброе, что разразится надъ нимъ еще какая-нибудь непріятность, что, напримѣръ, онъ встрѣтитъ опять своего незнакомца: но — странное дѣло, онъ даже желалъ этой встрѣчи, считалъ ее неизбѣжною, и просилъ только, чтобъ поскорѣе все это кончилось, чтобъ положеніе-то его разрѣшилось хоть какъ-нибудь, но толь-

ко-бъ скорѣе. А, между тѣмъ, онъ все бѣжалъ да бѣжалъ, и словно двигаемый какою-то постороннею силою, ибо во всемъ существѣ своемъ чувствовалъ какое-то ослабленіе и онѣмѣніе: думать ни о чемъ онъ не могъ, хотя идеи его цѣплялись за все, какъ терновникъ. Какая-то затерянная собачонка, вся мокрая и издрогшая, увязалась за господиномъ Голядкинымъ и тоже бѣжала около него бочкомъ, торопливо, поджавъ хвостъ и уши, по временамъ робко и понятливо на него поглядывая. Какая-то далекая, давно ужъ забытая идея — воспоминаніе о какомъ-то давно случившемся обстоятельствѣ—пришла теперь ему въ голову, стучала словно молоточкомъ въ его головѣ, досаждала ему, не отвязывалась прочь отъ него. „Эхъ, эта скверная собачонка!“ шепталъ господинъ Голядкинъ, самъ не понимая себя. Наконецъ, онъ увидѣлъ своего незнакомца на поворотѣ въ Итальянскую улицу. Только теперь незнакомецъ уже шелъ не навстрѣчу ему, а въ ту же самую сторону, какъ и онъ, и тоже бѣжалъ, нѣсколько шаговъ впереди. Наконецъ, вошли въ Шестилавочную. У господина Голядкина духъ захватило. Незнакомецъ остановился прямо передъ тѣмъ домомъ, въ которомъ квартировалъ господинъ Голядкинъ. Послышался звонъ колокольчика и почти въ то же время скрипъ желѣзной задвижки. Калитка отворилась, незнакомецъ нагнулся, мелькнулъ и исчезъ. Почти въ то же самое мгновеніе поспѣлъ и господинъ Голядкинъ, и какъ стрѣлка влетѣлъ подъ ворота. Не слушая заворчавшаго дворника, запыхавшись, вбѣжалъ онъ на дворъ и тотчасъ же увидалъ своего интереснаго спутника, на минуту потеряннаго. Незнакомецъ мелькнулъ при входѣ на ту лѣстницу, которая вела въ квартиру господина Голядкина. Господинъ Голядкинъ бросился вслѣдъ за нимъ. Лѣстница была темная, сырая и грязная. На всѣхъ поворотахъ нагромождена была бездна всякаго жилецкаго хлама, такъ что чужой, небывалый человѣкъ, попавши на эту лѣстницу въ темное время, принуждаемъ былъ по ней съ полчаса путешествовать, рискуя сломать себѣ ноги и проклиная вмѣстѣ съ лѣстницей и знакомыхъ своихъ, неудобно такъ поселившихся. Но спутникъ господина Голядкина былъ словно знакомый, словно домашній; взбѣгалъ легко, безъ затрудненій и съ совершеннымъ знаніемъ мѣстности. Господинъ Голядкинъ почти совсѣмъ нагонялъ его; даже раза два или три подолъ шинели незнакомца ударилъ его по носу. Сердце въ немъ замирало. Таинственный человѣкъ остановился

прямо противъ дверей квартиры господина Голядкина, стукнулъ, и (что, впрочемъ, удивило бы въ другое время господина Голядкина) Петрушка, словно ждалъ и спать не ложился, тотчасъ отворилъ дверь и пошелъ за вошедшимъ человѣкомъ со свѣчою въ рукахъ. Внѣ себя вбѣжалъ въ жилище свое герой нашей повѣсти; не снимая шинели и шляпы, прошелъ онъ коридорчикъ и, словно громомъ пораженный, остановился на порогѣ своей комнаты. Всѣ предчувствія господина Голядкина сбылись совершенно. Все, чего опасался онъ и что предугадывалъ, совершилось теперь на-яву. Дыханіе его порвалось, голова закружилась. Незнакомецъ сидѣлъ передъ нимъ, тоже въ шинели и въ шляпѣ, на его же постели, слегка улыбаясь и, прищурясь немного, дружески кивалъ ему головою. Господинъ Голядкинъ хотѣлъ закричать, но не могъ,— протестовать какимъ-нибудь образомъ, но силъ не хватило. Волосы встали на головѣ его дыбомъ, и онъ присѣлъ безъ чувствъ на мѣстѣ отъ ужаса. Да и было отъ чего, впрочемъ. Господинъ Голядкинъ совершенно узналъ своего ночного пріятеля. Ночной пріятель его былъ не кто иной, какъ онъ самъ, — самъ господинъ Голядкинъ, другой господинъ Голядкинъ, но совершенно такой же, какъ и онъ самъ, — однимъ словомъ, что называется, двойникъ его во всѣхъ отношеніяхъ . . . . . .

. . . . . .

ГЛАВА VI.

На другой день, ровно въ восемь часовъ, господинъ Голядкинъ очнулся на своей постели. Тотчасъ же всѣ необыкновенныя вещи вчерашняго дня и вся невѣроятная, дикая ночь, съ ея почти невозможными приключеніями, разомъ, вдругъ, во всей ужасающей полнотѣ, явились его воображенію и памяти. Такая ожесточенная адская злоба враговъ его и, особенно, послѣднее доказательство этой злобы, оледенили сердце господина Голядкина. Но и вмѣстѣ съ тѣмъ все это было такъ странно, непонятно, дико, казалось такъ невозможнымъ, что дѣйствительно трудно было вѣру дать всему этому дѣлу; господинъ Голядкинъ даже самъ готовъ былъ признать все это несбыточнымъ бредомъ, мгновеннымъ разстройствомъ воображенія, отемнѣніемъ ума, если-бъ, къ счастію своему, не зналъ по горькому житейскому опыту, до чего иногда злоба можетъ довести человѣка, до чего можетъ иногда дойти ожесточенность врага, мстящаго за честь и амбицію. Къ тому же,

разбитые члены господина Голядкина, чадная голова, изломанная поясница и злокачественный насморкъ сильно свидѣтельствовали и отстаивали всю вѣроятность вчерашней ночной прогулки, а частію и всего прочаго, приключившагося во время этой прогулки. Да и, наконецъ, господинъ Голядкинъ уже давнымъ-давно зналъ, что у нихъ тамъ что-то приготовляется, что у нихъ тамъ есть кто-то другой. Но, что́ же? Хорошенько раздумавъ, господинъ Голядкинъ рѣшился смолчать, покориться и не протестовать по этому дѣлу до времени. „Такъ, можетъ-быть, только попугать меня вздумали, а какъ увидятъ, что я ничего, не протестую и совершенно смиряюсь, со смиреніемъ переношу, такъ и отступятся, сами отступятся, да еще первые отступятся“.

Такъ вотъ такія-то мысли были въ головѣ господина Голядкина, когда онъ, потягиваясь въ постели своей и расправляя разбитые члены, ждалъ, этотъ разъ, обычнаго появленія Петрушки въ своей комнатѣ. Ждалъ онъ уже съ четверть часа; слышалъ, какъ лѣнивецъ Петрушка возится за перегородкой съ самоваромъ, а между тѣмъ никакъ не рѣшался позвать его. Скажемъ болѣе: господинъ Голядкинъ даже немного боялся теперь очной ставки съ Петрушкою. „Вѣдь Богъ знаетъ“, думалъ онъ, „вѣдь Богъ знаетъ, какъ теперь смотритъ на все это дѣло этотъ мошенникъ. Онъ тамъ молчитъ-молчитъ, а самъ себѣ на умѣ“. Наконецъ, дверь заскрипѣла и явился Петрушка съ подносомъ въ рукахъ. Господинъ Голядкинъ робко на него покосился, съ нетерпѣніемъ ожидая, что́ будетъ, ожидая, не скажетъ-ли онъ, наконецъ, чего-нибудь насчетъ извѣстнаго обстоятельства. Но Петрушка ничего не сказалъ, а напротивъ, былъ какъ-то молчаливѣе, суровѣе и сердитѣе обыкновеннаго, косился на все исподлобья; вообще, видно было, что онъ чѣмъ-то крайне недоволенъ; даже ни разу не взглянулъ на своего барина, что́, мимоходомъ сказать, немного кольнуло господина Голядкина; поставилъ на столъ все, что́ принесъ съ собой, повернулся и ушелъ, молча, за свою перегородку. „Знаетъ, знаетъ, все знаетъ, бездѣльникъ!“ ворчалъ господинъ Голядкинъ, принимаясь за чай. Однакожъ, герой нашъ ровно ничего не разспросилъ у своего человѣка, хотя Петрушка нѣсколько разъ потомъ входилъ въ его комнату за разными надобностями. Въ самомъ тревожномъ положеніи духа былъ господинъ Голядкинъ. Жутко было еще идти въ департаментъ. Сильное предчувствіе было, что вотъ именно тамъ-

то что-нибудь да не такъ. „Вѣдь вотъ пойдешь“, думалъ онъ, „да какъ наткнешься на что-нибудь! Не лучше-ли теперь потерпѣть? Не лучше-ли теперь подождать? Они тамъ—пускай себѣ какъ хотятъ; а я бы сегодня здѣсь подождалъ, собрался бы съ силами, оправился бы, размыслилъ получше обо всемъ этомъ дѣлѣ, да потомъ улучилъ бы минутку, да всѣмъ имъ какъ снѣгъ на голову, а самъ ни въ одномъ глазу“. Раздумывая такимъ образомъ, господинъ Голядкинъ выкуривалъ трубку за трубкой; время летѣло; было уже почти половина десятаго. „Вѣдь вотъ уже половина десятаго“, думалъ господинъ Голядкинъ, „и являться-то поздно. Да къ тому же я боленъ, разумѣется, боленъ, непремѣнно боленъ; кто же скажетъ, что нѣтъ? Что мнѣ! А пришлютъ свидѣтельствовать, а пусть придетъ экзекуторъ; да и что же мнѣ въ самомъ дѣлѣ? У меня вотъ спина болитъ, кашель, насморкъ; да и, наконецъ, и нельзя мнѣ идти, никакъ нельзя по этой погодѣ, я могу заболѣть, а потомъ и умереть, пожалуй; нынче особенно смертность такая“... Такими резонами господинъ Голядкинъ успокоилъ, наконецъ, вполнѣ свою совѣсть и заранѣе оправдался самъ передъ собою въ нагоняѣ, ожидаемомъ отъ Андрея Филипповича за нерадѣніе по службѣ. Вообще, во всѣхъ подобныхъ обстоятельствахъ крайне любилъ нашъ герой оправдывать себя въ собственныхъ глазахъ своихъ разными неотразимыми резонами и успокоивать такимъ образомъ вполнѣ свою совѣсть. Итакъ, успокоивъ теперь вполнѣ свою совѣсть, взялся онъ за трубку, набилъ ее, и только что началъ порядочно раскуривать,— быстро вскочилъ съ дивана, трубку отбросилъ, живо умылся, обрился, пригладился, натянулъ на себя вицмундиръ и все прочее, захватилъ кое-какія бумаги и полетѣлъ въ департаментъ.

Вошелъ господинъ Голядкинъ въ свое отдѣленіе робко, съ трепещущимъ ожиданіемъ чего-то весьма нехорошаго,— ожиданіемъ хотя безсознательнымъ, темнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и непріятнымъ; робко присѣлъ онъ на свое всегдашнее мѣсто возлѣ столоначальника, Антона Антоновича Сѣточкина. Ни на что не глядя, не развлекаясь ничѣмъ, вникнулъ онъ въ содержаніе лежавшихъ передъ нимъ бумагъ. Рѣшился онъ и далъ себѣ слово какъ можно сторониться отъ всего вызывающаго, отъ всего могущаго сильно его компрометировать, какъ-то: отъ нескромныхъ вопросовъ, отъ чьихъ-нибудь шуточекъ и неприличныхъ намековъ насчетъ всѣхъ обстоятельствъ вчерашняго ве-

чера; рѣшился даже отстраниться отъ обычныхъ учтивостей съ сослуживцами, то-есть вопросовъ о здоровьи и прочее. Но очевидно тоже, что такъ оставаться было нельзя, невозможно. Безпокойство и невѣдѣніе о чемъ-нибудь близко его задѣвающемъ всегда его мучило болѣе, нежели самое задѣвающее. И вотъ почему, несмотря на данное себѣ слово не входить ни во что, что̀ бы ни дѣлалось, и сторониться отъ всего, что̀ бы ни было, господинъ Голядкинъ изрѣдка, украдкой, тихонько-тихонько приподымалъ голову и исподтишка поглядывалъ на стороны, направо, налѣво, заглядывалъ въ физіономіи своихъ сослуживцевъ и по нимъ уже старался заключить, нѣтъ-ли чего новаго и особеннаго, до него относящагося и отъ него съ какими-нибудь неблаговидными цѣлями скрываемаго. Предполагалъ онъ непремѣнную связь всего своего вчерашняго обстоятельства со всѣмъ теперь его окружающимъ. Наконецъ, въ тоскѣ своей, онъ началъ желать, чтобъ, хоть Богъ знаетъ какъ, да только разрѣшилось бы все поскорѣе; хоть и бѣдой какой-нибудь — нужды нѣтъ! Какъ тутъ судьба поймала господина Голядкина: не успѣлъ онъ пожелать, какъ сомнѣнія его вдругъ разрѣшились, но зато самымъ страннымъ и самымъ неожиданнымъ образомъ.

Дверь изъ другой комнаты вдругъ скрипнула тихо и робко, какъ бы рекомендуя тѣмъ, что входящее лицо весьма незначительно, и чья-то фигура, впрочемъ весьма знакомая господину Голядкину, застѣнчиво явилась передъ самымъ тѣмъ столомъ, за которымъ помѣщался герой нашъ. Герой нашъ не подымалъ головы,—нѣтъ, онъ наглядѣлъ эту фигуру лишь вскользь, самымъ маленькимъ взглядомъ, но уже все узналъ, понялъ все, до малѣйшихъ подробностей. Онъ сгорѣлъ отъ стыда и уткнулъ въ бумагу свою побѣдную голову, совершенно съ тою же самою цѣлью, съ которою страусъ, преслѣдуемый охотникомъ, прячетъ свою въ горячій песокъ. Новоприбывшій поклонился Андрею Филипповичу и, вслѣдъ за тѣмъ, послышался голосъ форменно-ласковый, такой, какимъ говорятъ начальники во всѣхъ служебныхъ мѣстахъ съ новопоступившими подчиненными. „Сядьте вотъ здѣсь“, проговорилъ Андрей Филипповичъ, указывая новичку на столъ Антона Антоновича, „вотъ здѣсь, напротивъ господина Голядкина, а дѣломъ мы васъ тотчасъ займемъ“. Андрей Филипповичъ заключилъ тѣмъ, что сдѣлалъ новоприбывшему скорый приличо-увѣщательный жестъ, а потомъ немедленно углу-

бился въ сущность разныхъ бумагъ, которыхъ передъ нимъ была цѣлая куча.

Господинъ Голядкинъ поднялъ, наконецъ, глаза, и если не упалъ въ обморокъ, то единственно оттого, что уже сперва все дѣло предчувствовалъ; что уже сперва былъ обо всемъ предувѣдомленъ, угадавъ пришельца въ душѣ. Первымъ движеніемъ господина Голядкина было быстро осмотрѣться кругомъ,—нѣтъ-ли тамъ какого шушуканья, не отливается-ли на этотъ счетъ какая-нибудь острота канцелярская, не искривилось-ли чье лицо удивленіемъ, не упалъ-ли, наконецъ, кто-нибудь подъ столъ отъ испуга. Но, къ величайшему удивленію господина Голядкина, ни въ комъ не обнаружилось ничего подобнаго. Поведеніе господъ товарищей и сослуживцевъ господина Голядкина поразило его. Оно казалось внѣ здраваго смысла. Господинъ Голядкинъ даже испугался такого необыкновеннаго молчанія. Существенность за себя говорила; дѣло было странное, безобразное, дикое. Было отъ чего шевельнуться. Все это, разумѣется, только мелькнуло въ головѣ господина Голядкина. Самъ же онъ горѣлъ на мелкомъ огнѣ. Да и было отчего, впрочемъ. Тотъ, кто сидѣлъ теперь напротивъ господина Голядкина, былъ—ужасъ господина Голядкина, былъ—стыдъ господина Голядкина, былъ—вчерашній кошмаръ господина Голядкина, однимъ словомъ, былъ самъ господинъ Голядкинъ,—не тотъ господинъ Голядкинъ, который сидѣлъ теперь на стулѣ съ разинутымъ ртомъ и съ застывшимъ перомъ въ рукѣ; не тотъ, который служилъ въ качествѣ помощника своего столоначальника; не тотъ, который любилъ стушеваться и зарыться въ толпѣ, не тотъ, наконецъ, чья походка ясно выговариваетъ: „не троньте меня, и я васъ трогать не буду“, или: „не троньте меня, вѣдь я васъ не затрогиваю“,—нѣтъ, это былъ другой господинъ Голядкинъ, совершенно другой, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и совершенно похожій на перваго,—такого же роста, такого же склада, такъ же одѣтый, съ такой же лысиной,—однимъ словомъ, ничего, рѣшительно ничего не было забыто для совершеннаго сходства, такъ что если бъ взять да поставить ихъ рядомъ, то никто, рѣшительно никто не взялъ бы на себя опредѣлить—который именно настоящій Голядкинъ, а который поддѣльный, кто старенькій и кто новенькій, кто оригиналъ и кто копія.

Герой нашъ, если возможно сравненіе, былъ теперь въ положеніи человѣка, надъ которымъ забавлялся проказ-

никъ какой-нибудь, для шутки наводя на него исподтишка зажигательное стекло. „Что-жъ это, сонъ или нѣтъ“, думалъ онъ, „настоящее или продолженіе вчерашняго. Да какъ же? По какому же праву все это дѣлается? Кто разрѣшилъ такого чиновника, кто далъ право на это? Сплю-ли я, грежу-ли я?“ Господинъ Голядкинъ попробовалъ ущипнуть самого себя, даже попробовалъ вознамѣриться ущипнуть другого кого-нибудь... Нѣтъ, не сонъ да и только. Господинъ Голядкинъ почувствовалъ, что потъ съ него градомъ льется, что сбывается съ нимъ небывалое и доселѣ невиданное, и потому самому, къ довершенію несчастія, неприличное, ибо господинъ Голядкинъ понималъ и ощущалъ всю невыгоду быть въ такомъ пасквильномъ дѣлѣ первымъ примѣромъ. Онъ даже сталъ, наконецъ, сомнѣваться въ собственномъ существованіи своемъ, и хотя заранѣе былъ ко всему приготовленъ и самъ желалъ, чтобъ хоть какимъ-нибудь образомъ разрѣшились его сомнѣнія, но самая-то сущность обстоятельства, ужъ конечно, стоила неожиданности. Тоска его давила и мучила. Порой онъ совершенно лишался и смысла, и памяти. Очнувшись послѣ такого мгновенія, онъ замѣчалъ, что машинально и безсознательно водитъ перомъ по бумагѣ. Не довѣряя себѣ, онъ начиналъ повѣрять все написанное—и не понималъ ничего. Наконецъ, другой господинъ Голядкинъ, сидѣвшій до сихъ поръ чинно и смирно, всталъ и исчезъ въ дверяхъ другого отдѣленія за какимъ-то дѣломъ. Господинъ Голядкинъ оглянулся кругомъ,—ничего, все тихо; слышенъ лишь скрипъ перьевъ, шумъ переворачиваемыхъ листовъ и говоръ въ уголкахъ поотдаленнѣе отъ сѣдалища Андрея Филипповича. Господинъ Голядкинъ взглянулъ на Антона Антоновича, и такъ какъ, по всей вѣроятности, физіономія нашего героя вполнѣ отзывалась его настоящимъ и гармонировала со всѣмъ смысломъ дѣла, слѣдовательно въ нѣкоторомъ отношеніи была весьма замѣчательна, то добрый Антонъ Антоновичъ, отложивъ перо въ сторону, съ какимъ-то необыкновеннымъ участіемъ освѣдомился о здоровьѣ господина Голядкина.

— Я, Антонъ Антоновичъ, слава Богу, заикаясь, проговорилъ господинъ Голядкинъ. — Я, Антонъ Антоновичъ, совершенно здоровъ; я, Антонъ Антоновичъ, теперь ничего, прибавилъ онъ нерѣшительно, не совсѣмъ еще довѣряя часто поминаемому имъ Антону Антоновичу.

— А! А мнѣ показалось, что вы нездоровы: впрочемъ,

не мудрено, чего добраго! Нынче же, особенно, все такія повѣтрія. Знаете-ли...

— Да, Антонъ Антоновичъ, я знаю, что существуютъ такія повѣтрія... Я, Антонъ Антоновичъ, не оттого, продолжалъ господинъ Голядкинъ, пристально вглядываясь въ Антона Антоновича,—я, видите-ли, Антонъ Антоновичъ, даже не знаю, какъ вамъ, то-есть, я хочу сказать, съ которой стороны за это дѣло приняться, Антонъ Антоновичъ...

— Что-съ? Я васъ... знаете-ли... я, признаюсь вамъ, не такъ-то хорошо понимаю; вы... знаете, вы объяснитесь подробнѣе, въ какомъ отношеніи вы здѣсь затрудняетесь, сказалъ Антонъ Антоновичъ, самъ затрудняясь немножко, видя, что у господина Голядкина даже слезы на глазахъ выступили.

— Я, право... здѣсь, Антонъ Антоновичъ... тутъ—чиновникъ, Антонъ Антоновичъ...

— Ну-съ! Все еще не понимаю.

— Я хочу сказать, Антонъ Антоновичъ, что здѣсь есть новопоступившій чиновникъ.

— Да-съ, есть-съ; однофамилецъ вашъ.

— Какъ? вскрикнулъ господинъ Голядкинъ.

— Я говорю: вашъ однофамилецъ; тоже Голядкинъ. Не братецъ-ли вашъ?

— Нѣтъ-съ, Антонъ Антоновичъ, я...

— Гм! скажите, пожалуйста, а мнѣ показалось, что, должно-быть, близкій вашъ родственникъ. Знаете-ли, есть такое, фамильное въ нѣкоторомъ родѣ, сходство.

Господинъ Голядкинъ остолбенѣлъ отъ изумленія, и на время у него языкъ отнялся. Такъ легко трактовать такую безобразную, невиданную вещь, вещь дѣйствительно рѣдкую въ своемъ родѣ, вещь, которая поразила бы даже самаго не интереснаго наблюдателя, говорить о фамильномъ сходствѣ тогда, когда тутъ видно какъ въ зеркалѣ!

— Я, знаете-ли, что посовѣтую вамъ, Яковъ Петровичъ, продолжалъ Антонъ Антоновичъ.—Вы сходите-ка къ доктору, да посовѣтуйтесь съ нимъ. Знаете-ли, вы какъ-то *выглядите* совсѣмъ нездорово. У васъ глаза особенно... знаете, особенное какое-то выраженіе есть.

— Нѣтъ-съ, Антонъ Антоновичъ, я, конечно, чувствую... то-есть, я хочу все спросить, какъ же этотъ чиновникъ?

— Ну-съ?

— То-есть, вы не замѣчали-ли, Антонъ Антоновичъ,

чего-нибудь въ немъ особеннаго... слишкомъ чего-нибудь выразительнаго?

— То-есть?

— То-есть я хочу сказать, Антонъ Антоновичъ, поразительнаго сходства такого съ кѣмъ-нибудь, напримѣръ, то-есть со мной, напримѣръ. Вы вотъ сейчасъ, Антонъ Антоновичъ, сказали про фамильное сходство, замѣчаніе вскользь сдѣлали... Знаете-ли, этакъ иногда близнецы бываютъ, то-есть совершенно какъ двѣ капли воды, такъ что и отличить нельзя? Ну, вотъ, я про это-съ.

— Да-съ, сказалъ Антонъ Антоновичъ, немного подумавъ и какъ будто въ первый разъ пораженный такимъ обстоятельствомъ,—да-съ! Справедливо-съ, сходство въ самомъ дѣлѣ разительное, и вы безошибочно разсудили, такъ что и дѣйствительно можно принять одного за другого, продолжалъ онъ, болѣе и болѣе открывая глаза.—И знаете-ли, Яковъ Петровичъ, это даже чудесное сходство, фантастическое, какъ иногда говорится, то-есть, совершенно какъ вы... Вы замѣтили-ли, Яковъ Петровичъ? Я даже самъ хотѣлъ просить у васъ объясненія, да, признаюсь, не обратилъ должнаго вниманія сначала. Чудо, дѣйствительно, чудо! А знаете-ли, Яковъ Петровичъ, вы вѣдь не здѣшній родомъ, я говорю?

— Нѣтъ-съ.

— Онъ также вѣдь не изъ здѣшнихъ. Можетъ-быть, изъ однихъ съ вами мѣстъ. Ваша матушка, смѣю спросить, гдѣ большею частью проживала?

— Вы сказали... вы сказали, Антонъ Антоновичъ, что онъ не изъ здѣшнихъ?

— Да-съ, не изъ здѣшнихъ мѣстъ. А, и въ самомъ дѣлѣ, какъ же это чудно, продолжалъ словоохотливый Антонъ Антоновичъ, которому поболтать о чемъ-нибудь было истиннымъ праздникомъ, — дѣйствительно, способно завлечь любопытство: и вѣдь какъ часто мимо пройдешь, задѣнешь, толкнешь его, а не замѣтишь. Впрочемъ, вы не смущайтесь. Это бываетъ. Это, знаете-ли — вотъ я вамъ разскажу, то же самое случилось съ моей тетушкой съ матерней стороны: она тоже передъ смертію себя вдвойнѣ видѣла...

— Нѣтъ-съ, я,—извините, что прерываю васъ, Антонъ Антоновичъ,—я, Антонъ Антоновичъ, хотѣлъ бы узнать, какъ же этотъ чиновникъ, то-есть на какомъ онъ здѣсь основаніи?

— А на мѣсто Семена Ивановича покойника, на ва-

кантное мѣсто: вакансія открылась, такъ вотъ и замѣстили. Вѣдь вотъ, право, сердечный этотъ Семенъ-то Ивановичъ покойникъ, троихъ дѣтей, говорятъ, оставилъ— малъ-мала меньше. Вдова падала къ ногамъ его превосходительства. Говорятъ, впрочемъ, она таитъ: у ней есть деньжонки, да она ихъ таитъ...

— Нѣтъ-съ, я, Антонъ Антоновичъ, я вотъ все о томъ обстоятельствѣ.

— То-есть? Ну, да! Да что же вы-то такъ интересуетесь этимъ? Говорю вамъ: вы не смущайтесь. Это все временное отчасти. Что-жъ? Вѣдь вы сторона, это ужъ такъ Самъ Господь Богъ устроилъ, это ужъ Его воля была, и роптать на это грѣшно. На этомъ Его премудрость видна. А вы же тутъ, Яковъ Петровичъ, сколько я понимаю, не виноваты нисколько. Мало-ли чудесъ есть на свѣтѣ! Мать-природа щедра, а съ васъ за это отвѣта не спросятъ, отвѣчать за это не будете. Вѣдь вотъ, для примѣра, кстати сказать, слыхали, надѣюсь, какъ ихъ, какъ бишь ихъ тамъ, да, сіамскіе близнецы, срослись себѣ спинами, такъ и живутъ, и ѣдятъ, и спятъ вмѣстѣ, деньги, говорятъ, большія берутъ.

— Позвольте, Антонъ Антоновичъ...

— Понимаю васъ, понимаю! Да! Ну, да, что-жъ?—ничего! Я говорю, по крайнему моему разумѣнію, что смущаться тутъ нечего. Что-жъ? Онъ чиновникъ—какъ чиновникъ, кажется, что дѣловой человѣкъ. Говоритъ, что Голядкинъ, не изъ здѣшнихъ мѣстъ, говоритъ, титулярный совѣтникъ. Лично съ его превосходительствомъ объяснялся.

— А они какъ же-съ?

— Ничего-съ, говорятъ, что достаточно объяснился, резоны представилъ, говоритъ, что вотъ, дескать, такъ и такъ, ваше превосходительство, и что нѣтъ состоянія, а желаю служить и особенно подъ вашимъ лестнымъ начальствомъ... ну, и тамъ все что слѣдуетъ, знаете-ли, ловко все выразилъ. Умный человѣкъ, должно-быть. Ну, разумѣется, явился съ рекомендаціей, безъ нея вѣдь нельзя...

— Ну-съ, отъ кого же-съ... то-есть я хочу сказать, кто тутъ именно въ это срамное дѣло руку свою замѣшалъ?

—Да-съ. Хорошая, говорятъ, рекомендація, его превосходительство, говорятъ, посмѣялись съ Андреемъ Филипповичемъ.

— Посмѣялись съ Андреемъ Филипповичемъ?

— Да-съ, только такъ улыбнулись и сказали, что хо-

рошо, и пожалуй, и что они съ ихъ стороны не прочь, только бы вѣрно служилъ...

— Ну-съ, дальше-съ. Вы меня оживляете отчасти, Антонъ Антоновичъ, умоляю васъ—дальше-съ.

— Позвольте, я опять что-то васъ... Ну-съ, да-съ, ну, и ничего-съ, обстоятельство не мудреное, вы, я вамъ говорю, не смущайтесь, и сумнительнаго въ этомъ нечего находить...

— Нѣтъ-съ. Я, то-есть, хочу спросить васъ, Антонъ Антоновичъ, что его превосходительство ничего больше не прибавили... насчетъ меня, напримѣръ?

— То-есть, какъ же-съ! Да-съ! Ну, нѣтъ, ничего, можете быть совершенно спокойны. Знаете, оно, конечно, разумѣется, обстоятельство довольно разительное и сначала... да вотъ я, напримѣръ, сначала я и не замѣтилъ почти. Не знаю, право, отчего не замѣтилъ до тѣхъ поръ, покамѣстъ вы не напомнили. Но, впрочемъ, можете быть совершенно спокойны. Ничего особеннаго, ровно ничего не сказали, прибавилъ добренькій Антонъ Антоновичъ, вставая со стула.

— Такъ вотъ-съ я, Антонъ Антоновичъ...

— Ахъ, вы меня извините-съ. Я и такъ о пустякахъ проболталъ, а вотъ дѣло есть важное, спѣшное. Нужно вотъ справиться.

— Антонъ Антоновичъ! раздался учтиво-призывный голосъ Андрея Филипповича, — его превосходительство спрашивалъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, Андрей Филипповичъ, сейчасъ иду-съ. И Антонъ Антоновичъ, взявъ въ руки кучку бумагъ, полетѣлъ сначала къ Андрею Филипповичу, а потомъ въ кабинетъ его превосходительства.

„Такъ какъ же это?“ думалъ про себя господинъ Голядкинъ, „такъ вотъ у насъ игра какова? Такъ вотъ у насъ какой вѣтерокъ теперь подуваетъ... Это не дурно; это, стало-быть, наипріятнѣйшій оборотъ дѣла приняли“, говорилъ про себя герой нашъ, потирая руки и не слыша подъ собою стула отъ радости. „Такъ дѣло-то наше обыкновенное дѣло. Такъ все пустячками кончается, ничѣмъ разрѣшается. Въ самомъ дѣлѣ, никто ничего, и не пикнутъ, разбойники, сидятъ и дѣлами занимаются; славно, славно! Я добраго человѣка люблю, любилъ и всегда готовъ уважать... Впрочемъ, вѣдь оно и того, какъ подумать, этотъ Антонъ-отъ Антоновичъ... довѣряться-то страшно: сѣдъ черезчуръ и отъ старости покачнулся поряд-

комъ. Самое, впрочемъ, славное и громадное дѣло-то, что его превосходительство ничего не сказали и такъ пропустили: оно хорошо! одобряю! Только Андрей-то Филипповичъ чего-жъ тутъ съ своими смѣшками мѣшается? Ему-то тутъ что? Старая петля! Всегда на пути моемъ, всегда черной кошкой норовитъ перебѣжать человѣку дорогу, всегда-то поперекъ да въ пику человѣку; человѣку-то въ пику да поперекъ...“

Господинъ Голядкинъ опять оглянулся кругомъ и опять оживился надеждой. Чувствовалъ онъ, впрочемъ, что его все-таки смущаетъ одна отдаленная мысль, какая-то недобрая мысль. Ему даже пришло было въ голову самому какъ-нибудь подбиться къ чиновникамъ, забѣжать впередъ зайцемъ, даже (тамъ, какъ-нибудь, при выходѣ изъ должности, или подойдя какъ будто бы за дѣлами) между разговоромъ, и намекнуть — что вотъ, дескать, господа, такъ и такъ, вотъ такое-то сходство разительное, обстоятельство странное, комедія пасквильная, — то есть подтрунить самому надъ всѣмъ этимъ, да и зондировать такимъ образомъ глубину опасности. А то, вѣдь, въ тихомъ-то омутѣ черти водятся, мысленно заключилъ нашъ герой. Впрочемъ, господинъ Голядкинъ это только подумалъ; за то одумался вò-время. Понялъ онъ, что это значитъ махнуть далеко. „Натура-то твоя такова!“ сказалъ онъ про себя, щелкнувъ себя легонько по лбу рукою, „сейчасъ заиграешь, обрадовался! Душа ты правдивая! Нѣтъ, ужъ лучше мы съ тобой потерпимъ, Яковъ Петровичъ, подождемъ да потерпимъ!“—Тѣмъ не менѣе, и какъ мы уже упомянули, господинъ Голядкинъ возродился полной надеждой, точно изъ мертвыхъ воскресъ. „Ничего“, думалъ онъ, „словно пятьсотъ пудовъ съ груди сорвалось! Вѣдь вотъ обстоятельство! А ларчикъ-то просто вѣдь открывался. Крыловъ-то и правъ... Крыловъ-то и правъ, дòка, петля этотъ Крыловъ, и баснописецъ великій! А что до того, такъ пусть его служитъ, пусть его служитъ себѣ на здоровье, лишь бы никому не мѣшалъ и никого не затрогивалъ; пусть его служитъ,— согласенъ и аппробую!“

А между тѣмъ часы проходили, летѣли, и незамѣтно стукнуло четыре часа. Присутствіе закрылось, Андрей Филипповичъ взялся за шляпу, и, какъ водится, всѣ послѣдовали его примѣру. Господинъ Голядкинъ помедлилъ немножко, нужное время, и вышелъ нарочно позже всѣхъ, самымъ послѣднимъ, когда уже всѣ разбрелись по разнымъ дорогамъ. Вышедъ на улицу, онъ почувствовалъ

себя точно въ раю, такъ, что даже ощутилъ желаніе хоть и крюку дать, а пройтись по Невскому. „Вѣдь вотъ судьба!“ говорилъ нашъ герой, „неожиданный переворотъ всего дѣла. И погодка-то разгулялась, и морозецъ, и саночки. А морозъ-то годится русскому человѣку, славно уживается съ морозомъ русскій человѣкъ. Я люблю русскаго человѣка. И снѣжочекъ, и первая пороша, какъ сказалъ бы охотникъ, вотъ бы тутъ зайца по первой порошѣ! Эхма! Да ну, ничего!“

Такъ-то выражался восторгъ господина Голядкина, а между тѣмъ что-то все еще щекотало у него въ головѣ— тоска не тоска, а порой такъ сердце насасывало, что господинъ Голядкинъ не зналъ, чѣмъ утѣшить себя. „Впрочемъ, подождемъ-ка мы дня, и тогда будемъ радоваться. А, впрочемъ, вѣдь что же такое? Ну, разсудимъ, посмотримъ. Ну, давай разсуждать, молодой другъ мой, ну, давай разсуждать. Ну, такой же какъ и ты человѣкъ, во-первыхъ, совершенно такой же. Ну, да что-жъ тутъ такого? Коли такой человѣкъ, такъ мнѣ и плакать? Мнѣ-то что? Я въ сторонѣ; свищу себѣ, да и только! На то пошелъ, да и только! Пусть его служитъ! Ну, чудо и странность, тамъ говорятъ, что сіамскіе близнецы... Ну, да зачѣмъ ихъ, сіамскихъ-то? Положимъ, они близнецы, но вѣдь и великіе люди подчасъ чудаками смотрѣли. Даже изъ исторіи извѣстно, что знаменитый Суворовъ пѣлъ пѣтухомъ... Ну, да онъ тамъ это все изъ политики; и великіе полководцы... да, впрочемъ, что-жъ полководцы? А вотъ я самъ по себѣ, да и только, и знать никого не хочу, и въ невинности моей врага презираю. Не интриганъ, и этимъ горжусь. Чистъ, прямодушенъ, опрятенъ, пріятенъ, незлобивъ...“

Вдругъ господинъ Голядкинъ умолкъ, осѣкся и какъ листъ задрожалъ, даже закрылъ глаза на мгновеніе. Надѣясь, впрочемъ, что предметъ его страха просто иллюзія, открылъ онъ, наконецъ, глаза и робко покосился направо. Нѣтъ, не иллюзія!.. Рядомъ съ нимъ сѣменилъ утренній знакомецъ его, улыбался, заглядывалъ ему въ лицо и, казалось, ждалъ случая начать разговоръ. Разговоръ, впрочемъ, не начинался. Оба они прошли шаговъ пятьдесятъ такимъ образомъ. Все стараніе господина Голядкина было какъ можно плотнѣе закутаться, зарыться въ шинель и нахлобучить на глаза шляпу до послѣдней возможности. Къ довершенію обиды, даже и шинель, и шляпа его пріятеля были точно такія же, какъ будто сейчасъ съ плеча господина Голядкина.

— Милостивый государь, произнесъ, наконецъ, нашъ герой, стараясь говорить почти шопотомъ и не глядя на своего пріятеля,—мы, кажется, идемъ по разнымъ дорогамъ... Я даже увѣренъ въ этомъ, сказалъ онъ, помолчавъ немножко.—Наконецъ, я увѣренъ, что вы меня поняли совершенно, довольно строго прибавилъ онъ въ заключеніе.

— Я бы желалъ, проговорилъ, наконецъ, пріятель господина Голядкина, — я бы желалъ... вы, вѣроятно, великодушно извините меня... я не знаю, къ кому обратиться здѣсь... мои обстоятельства,—я надѣюсь, что вы извините мнѣ мою дерзость, — мнѣ даже показалось, что вы, движимые состраданіемъ, принимали во мнѣ сегодня утромъ участіе. Съ своей стороны, я съ перваго взгляда почувствовалъ къ вамъ влеченіе, я... Тутъ господинъ Голядкинъ мысленно пожелалъ своему новому сослуживцу провалиться сквозь землю.

— Если бы я смѣлъ надѣяться, что вы, Яковъ Петровичъ, меня снисходительно изволите выслушать...

— Мы — мы здѣсь — мы... лучше пойдемте ко мнѣ, отвѣчалъ господинъ Голядкинъ. — Мы теперь перейдемъ на ту сторону Невскаго, тамъ намъ будетъ удобнѣе съ вами, а потомъ переулочкомъ... мы лучше возьмемъ переулочкомъ.

— Хорошо-съ. Пожалуй, возьмемъ переулочкомъ-съ, робко сказалъ смиренный спутникъ господина Голядкина, какъ будто намекая тономъ отвѣта, что гдѣ ему разбирать, и что, въ его положеніи, онъ и переулочкомъ готовъ удовольствоваться. Что же касается до господина Голядкина, то онъ совершенно не понималъ, что съ нимъ дѣлалось. Онъ не вѣрилъ себѣ. Онъ еще не опомнился отъ своего изумленія.

ГЛАВА VII.

Опомнился онъ немного на лѣстницѣ, при входѣ въ квартиру свою. „Ахъ, я баранъ-голова!“ ругнулъ онъ себя мысленно, „ну, куда-жъ я веду его? Самъ я голову въ петлю кладу. Что же подумаетъ Петрушка, увидя насъ вмѣстѣ? Что этотъ мерзавецъ теперь подумать осмѣлится? а онъ подозрителенъ“... — Но уже поздно было раскаиваться; господинъ Голядкинъ постучался, дверь отворилась, и Петрушка началъ снимать шинели съ гостя и барина. Господинъ Голядкинъ посмотрѣлъ вскользь, такъ только бросилъ мелькомъ взглядъ на Петрушку, стараясь

проникнуть въ его физіономію и разгадать его мысли. Но, къ величайшему своему удивленію, увидѣлъ онъ, что служитель его и не думаетъ удивляться, и даже, напротивъ, словно ждалъ чего-то подобнаго. Конечно, онъ и теперь смотрѣлъ волкомъ, косилъ на сторону, и какъ будто кого-то съѣсть собирался. Ужъ не околдовалъ-ли ихъ кто всѣхъ сегодня, думалъ герой нашъ, — бѣсъ какой-нибудь обѣжалъ! Непремѣнно что-нибудь особенное должно быть во всемъ народѣ сегодня. „Чортъ возьми, экая мука какая!“ Вотъ все-то такимъ образомъ думая и раздумывая, господинъ Голядкинъ ввелъ гостя къ себѣ въ комнату и пригласилъ покорно садиться. Гость былъ въ крайнемъ, повидимому, замѣшательствѣ, очень робѣлъ, покорно слѣдилъ за всѣми движеніями своего хозяина, ловилъ его взгляды, и по нимъ, казалось, старался угадать его мысли. Что-то униженное, забитое и запуганное выражалось во всѣхъ жестахъ его, такъ что онъ, если позволятъ сравненіе, довольно походилъ въ эту минуту на того человѣка, который, за неимѣніемъ своего платья, одѣлся въ чужое: рукава лѣзутъ наверхъ, талія почти на затылкѣ, а онъ-то поминутно оправляетъ на себѣ короткій жилетишко, то виляетъ бочкомъ и сторонится, то норовитъ куда-нибудь спрятаться, то заглядываетъ всѣмъ въ глаза и прислушивается, не говорятъ-ли чего люди объ его обстоятельствахъ, не смѣются-ли надъ нимъ, не стыдятся-ли его,—и краснѣетъ человѣкъ, и теряется человѣкъ, и страдаетъ амбиція... Господинъ Голядкинъ поставилъ свою шляпу на окно; отъ неосторожнаго движенія шляпа его слетѣла на полъ. Гость тотчасъ же бросился ее поднимать, счистилъ всю пыль, бережно поставилъ на прежнее мѣсто, а свою на полу, возлѣ стула, на краюшкѣ котораго смиренно самъ помѣстился. Это маленькое обстоятельство открыло отчасти глаза господину Голядкину; понялъ онъ, что нужда въ немъ великая, и потому не сталъ болѣе затрудняться, какъ начать съ своимъ гостемъ, предоставивъ это все, какъ и слѣдовало, ему самому. Гость же, съ своей стороны, тоже не начиналъ ничего, робѣлъ-ли, стыдился-ли немножко, или, изъ учтивости, ждалъ начина хозяйскаго, — неизвѣстно, разобрать было трудно. Въ это время вошелъ Петрушка, остановился въ дверяхъ и уставился глазами въ сторону, совершенно противоположную той, въ которой помѣщались и гость, и баринъ его.

— Обѣда двѣ порціи прикажете брать? проговорилъ онъ небрежно и сиповатымъ голосомъ.

— Я, я не знаю... вы—да, возьми, братъ, двѣ порціи.

Петрушка ушелъ. Господинъ Голядкинъ взглянулъ на своего гостя. Гость его покраснѣлъ до ушей. Господинъ Голядкинъ былъ добрый человѣкъ, и потому, по добротѣ души своей, тотчасъ же составилъ теорію:

„Бѣдный человѣкъ“, думалъ онъ, „да и на мѣстѣ-то всего одинъ день, въ свое время пострадалъ, вѣроятно, можетъ-быть, только и добра-то, что приличное платьишко, а самому и пообѣдать-то нечѣмъ. Экъ его, какой онъ забитый! Ну, ничего: это отчасти и лучше...“—Извините меня, что я, началъ господинъ Голядкинъ,—впрочемъ, позвольте узнать, какъ мнѣ звать васъ?

— Я... Я... Яковъ Петровичемъ, почти прошепталъ гость его, словно совѣстясь и стыдясь, словно прощенія прося въ томъ, что и его зовутъ тоже Яковомъ Петровичемъ.

— Яковъ Петровичъ, повторилъ нашъ герой, не въ силахъ будучи скрыть своего смущенія.

— Да-съ, точно такъ-съ... Тезка вамъ-съ, отвѣчалъ смиренный гость господина Голядкина, осмѣливаясь улыбнуться и сказать что-нибудь пошутливѣе. Но тутъ же и осѣлся назадъ, принявъ видъ самый серьезный и немного, впрочемъ, смущенный, замѣчая, что хозяину его теперь не до шуточекъ.

— Вы... позвольте же васъ спросить, по какому случаю имѣю я честь...

— Зная ваше великодушіе и добродѣтели ваши, быстро, но робкимъ голосомъ прервалъ его гость, немного приподымаясь со стула,—осмѣлился я обратиться къ вамъ и просить вашего... знакомства и покровительства... заключилъ его гость, очевидно, затрудняясь въ своихъ выраженіяхъ и выбирая слова не слишкомъ льстивыя и унизительныя, чтобъ не окомпрометировать себя въ отношеніи амбиціи,—но и не слишкомъ смѣлыя, отзывающіяся неприличнымъ равенствомъ. Вообще можно сказать, что гость господина Голядкина велъ себя какъ благородный нищій въ заштопанномъ фракѣ и съ благороднымъ паспортомъ въ карманѣ, не напрактиковавшійся еще какъ слѣдуетъ протягивать руку.

— Вы смущаете меня, отвѣчалъ господинъ Голядкинъ, оглядывая себя, свои стѣны и гостя,—чѣмъ же я могъ бы... я, то-есть, хочу сказать, въ какомъ именно отношеніи могу я вамъ услужить въ чемъ-нибудь?

— Я, Яковъ Петровичъ, почувствовалъ къ вамъ влеченіе съ перваго взгляда, и простите меня великодушно,

„KULTURA“

на васъ понадѣялся, — осмѣлился понадѣяться, Яковъ Петровичъ. Я... я человѣкъ здѣсь затерянный, Яковъ Петровичъ, бѣдный, пострадалъ весьма много, Яковъ Петровичъ, и здѣсь еще вновѣ. Узнавъ, что вы, при обыкновенныхъ, врожденныхъ вамъ качествахъ вашей прекрасной души, однофамилецъ мой...

Господинъ Голядкинъ поморщился.

— Однофамилецъ мой, и родомъ изъ однихъ со мною мѣстъ, рѣшился я обратиться къ вамъ и изложить вамъ затруднительное мое положеніе.

— Хорошо-съ, хорошо-съ, право, я не знаю, что вамъ сказать, отвѣчалъ смущеннымъ голосомъ господинъ Голядкинъ.—Вотъ, послѣ обѣда, мы потолкуемъ...

Гость поклонился; обѣдъ принесли. Петрушка собралъ на столъ,—и гость, вмѣстѣ съ хозяиномъ, принялись насыщать себя. Обѣдъ продолжался не долго, ибо они торопились,—хозяинъ потому, что былъ въ не обыкновенной тарелкѣ своей, да къ тому же и совѣстился, что обѣдъ былъ дурной,—совѣстился же отчасти оттого, что хотѣлось гостя хорошо покормить, а частію оттого, что хотѣлось показать, что онъ не какъ нищій живетъ. Съ своей стороны, гость былъ въ страшномъ смущеніи и крайне конфузился. Взявъ одинъ разъ хлѣба и съѣвъ свой ломоть, онъ уже боялся протягивать руку къ другому ломтю, совѣстился брать кусочки получше и поминутно увѣрялъ, что онъ вовсе не голоденъ, что обѣдъ былъ прекрасный и что онъ, съ своей стороны, совершенно доволенъ и по гробъ будетъ чувствовать. Когда ѣда кончилась, господинъ Голядкинъ закурилъ свою трубочку, предложилъ другую, заведенную для пріятеля, гостю,—оба усѣлись другъ противъ друга, и гость началъ разсказывать свои приключенія.

Разсказъ господина Голядкина-младшаго продолжался часа три или четыре. Исторія приключеній его была, впрочемъ, составлена изъ самыхъ пустѣйшихъ, изъ самыхъ мизернѣйшихъ, если можно сказать, обстоятельствъ. Дѣло шло о службѣ гдѣ-то въ палатѣ, въ губерніи, о прокурорахъ и предсѣдателяхъ, о кое-какихъ канцелярскихъ интригахъ, о развратѣ души одного изъ повытчиковъ, о ревизорѣ, о внезапной перемѣнѣ начальства, о томъ, какъ господинъ Голядкинъ-второй пострадалъ совершенно безвинно; о престарѣлой тетушкѣ его, Пелагеѣ Семеновнѣ; о томъ, какъ онъ, по разнымъ интригамъ враговъ своихъ, мѣста лишился и пѣшкомъ пришелъ въ

Петербургъ; о томъ, какъ онъ маялся и горе мыкалъ здѣсь, въ Петербургѣ, какъ безплодно долгое время мѣста искалъ, прожился, исхарчился, жилъ чуть не на улицѣ, ѣлъ черствый хлѣбъ и запивалъ его слезами своими, спалъ на голомъ полу, и, наконецъ, какъ кто-то изъ добрыхъ людей взялся хлопотать о немъ, рекомендовалъ и великодушно къ новому мѣсту пристроилъ. Гость господина Голядкина плакалъ, разсказывая, и утиралъ слезы синимъ клѣтчатымъ платкомъ, весьма походившимъ на клеенку. Заключилъ же онъ тѣмъ, что открылся вполнѣ господину Голядкину и признался, что ему не только нечѣмъ покамѣстъ жить и прилично устроиться, но и обмундироваться-то какъ слѣдуетъ не на что, что вотъ, включилъ онъ, даже на сапожишки не могъ сколотиться, и что вицмундиръ взятъ имъ у кого-то на подержаніе, на малое время.

Господинъ Голядкинъ былъ въ умиленіи, былъ истинно тронутъ. Впрочемъ, и даже несмотря на то, что исторія его гостя была самая пустая исторія, всѣ слова этой исторіи ложились на сердце его словно манна небесная. Дѣло въ томъ, что господинъ Голядкинъ забывалъ послѣднія сомнѣнія свои, разрѣшилъ свое сердце на свободу и радость, и, наконецъ, мысленно самъ себя пожаловалъ въ дураки. Все было такъ натурально! И было отчего сокрушаться, бить такую тревогу! Ну, есть, дѣйствительно есть одно щекотливое обстоятельство,—да, вѣдь, оно не бѣда: оно не можетъ замарать человѣка, амбицію его запятнать и карьеру его загубить, когда не виноватъ человѣкъ, когда сама природа сюда замѣшалась. Къ тому же гость просилъ покровительства, гость плакалъ, гость судьбу обвинялъ, казался такимъ незатѣйливымъ, безъ злобы и хитростей, жалкимъ, ничтожнымъ, и, кажется, самъ теперь совѣстился, хотя, быть-можетъ, и въ другомъ отношеніи, страннымъ сходствомъ лица своего съ хозяйскимъ лицомъ. Велъ онъ себя до-нельзя благонадежно, такъ и смотрѣлъ угодить своему хозяину, и смотрѣлъ такъ, какъ смотритъ человѣкъ, который терзается угрызеніями совѣсти и чувствуетъ, что виноватъ передъ другимъ человѣкомъ. Заходила-ли, напримѣръ, рѣчь о какомъ-нибудь сомнительномъ пунктѣ, гость тотчасъ же соглашался съ мнѣніемъ господина Голядкина. Если же какъ-нибудь, по ошибкѣ, заходилъ мнѣніемъ своимъ въ контру господину Голядкину, и потомъ замѣчалъ, что сбился съ дороги, то тотчасъ же поправлялъ свою рѣчь, объяснялся и давалъ

немедленно знать, что онъ все разумѣетъ точно такимъ же образомъ, какъ хозяинъ его, мыслитъ такъ же, какъ онъ, и смотритъ на все совершенно такими же глазами, какъ и онъ. Однимъ словомъ, гость употреблялъ всевозможныя усилія „найдти“ въ господинѣ Голядкинѣ, такъ что господинъ Голядкинъ рѣшилъ, наконецъ, что гость его долженъ быть весьма любезный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ. Между прочимъ, подали чай; часъ былъ девятый. Господинъ Голядкинъ чувствовалъ себя въ прекрасномъ расположеніи духа, развеселился, разыгрался, расходился понемножку, и пустился, наконецъ, въ самый живой и занимательный разговоръ со своимъ гостемъ. Господинъ Голядкинъ, подъ веселую руку, любилъ иногда разсказать что-нибудь интересное. Такъ и теперь: разсказалъ гостю много о столицѣ, объ увеселеніяхъ и красотахъ ея, о театрѣ, о клубахъ, о картинѣ Брюлова, о томъ, какъ два англичанина пріѣхали нарочно изъ Англіи въ Петербургъ, чтобъ посмотрѣть на рѣшетку Лѣтняго сада, и тотчасъ уѣхали; о службѣ, объ Олсуфьѣ Ивановичѣ и объ Андреѣ Филипповичѣ; о томъ, что Россія съ часу на часъ идетъ къ совершенству, и что тутъ

„Словесныя науки днесь цвѣтутъ“;

объ анекдотцѣ, прочитанномъ недавно въ „Сѣверной Пчелѣ“, и что въ Индіи есть змѣя-удавъ, необыкновенной силы; наконецъ, о баронѣ Брамбеусѣ, и т. д., и т. д. Словомъ, господинъ Голядкинъ вполнѣ былъ доволенъ, во-первыхъ, потому, что былъ совершенно спокоенъ, во-вторыхъ, что не только не боялся враговъ своихъ, но даже готовъ былъ теперь всѣхъ ихъ вызвать на самый рѣшительный бой; въ-третьихъ, что самъ своею особою оказывалъ покровительство и, наконецъ, дѣлалъ доброе дѣло. Сознался онъ, впрочемъ, въ душѣ своей, что еще не совсѣмъ счастливъ въ эту минуту, что сидитъ въ немъ еще одинъ червячокъ, самый маленькій, впрочемъ, и точитъ даже и теперь его сердце. Мучило крайне его воспоминаніе о вчерашнемъ вечерѣ у Олсуфья Ивановича. Много бы далъ онъ теперь, если-бъ не было кой-чего изъ того, что было вчера. „Впрочемъ, вѣдь оно ничего!“ заключилъ, наконецъ, нашъ герой, и рѣшился твердо въ душѣ вести себя впередъ хорошо и не впадать въ подобные промахи. Такъ какъ господинъ Голядкинъ теперь расходился вполнѣ и сталъ вдругъ почти совершенно счастливъ, то вздумалось ему даже и пожуировать жизнію. Принесенъ былъ Пертушкою ромъ, и со-

ставился пуншъ. Гость и хозяинъ осушили по стакану и по два. Гость оказался еще любезнѣе прежняго, и съ своей стороны показалъ не одно доказательство прямодушія и счастливаго характера своего, сильно входилъ въ удовольствіе господина Голядкина, казалось, радовался только одною его радостью, и смотрѣлъ на него, какъ на истиннаго и единственнаго своего благодѣтеля. Взявъ перо и листочекъ бумажки, онъ попросилъ господина Голядкина не смотрѣть на то, что онъ будетъ писать, и потомъ, когда кончилъ, самъ показалъ хозяину своему все написанное. Оказалось, что это было четверостишіе, написанное довольно чувствительно, впрочемъ, прекраснымъ слогомъ и почеркомъ, и, какъ видно, сочиненіе самого любезнаго гостя. Стишки были слѣдующіе:

Если ты меня забудешь,
Не забуду я тебя;
Въ жизни можетъ все случиться,
Не забудь и ты меня!

Со слезами на глазахъ обнялъ своего гостя господинъ Голядкинъ, и, расчувствовавшись, наконецъ, вполнѣ, самъ посвятилъ своего гостя въ нѣкоторые секреты и тайны свои, при чемъ рѣчь сильно напиралась на Андрея Филипповича и на Клару Олсуфьевну. „Ну, да вѣдь мы съ тобой, Яковъ Петровичъ, сойдемся“, говорилъ нашъ герой своему гостю, „мы съ тобой, Яковъ Петровичъ, будемъ жить какъ рыба съ водой, какъ братья родные; мы, дружище, будемъ хитрить, заодно хитрить будемъ; съ своей стороны будемъ интригу вести въ пику имъ... въ пику-то имъ интригу вести. А имъ-то ты никому не вѣряйся. Вѣдь я тебя знаю, Яковъ Петровичъ, и характеръ твой понимаю: вѣдь ты какъ разъ все разскажешь, душа ты правдивая! Ты, братъ, сторонись отъ нихъ всѣхъ“. Гость вполнѣ соглашался, благодарилъ господина Голядкина, и тоже, наконецъ, прослезился. „Ты знаешь-ли, Яша“, продолжалъ господинъ Голядкинъ дрожащимъ, разслабленнымъ голосомъ, „ты, Яша, поселись у меня на время, или навсегда поселись. Мы сойдемся. Что, братъ, тебѣ, а? А ты не смущайся и не ропщи на то, что вотъ между нами такое странное теперь обстоятельство: роптать, братъ, грѣшно; это природа! А мать-природа щедра, вотъ что, братъ Яша! Любя тебя, братски любя тебя, говорю. А мы съ тобой, Яша, будемъ хитрить и съ своей стороны подкопы вести, и носы имъ утремъ“. Пуншъ, наконецъ, дошелъ до третьихъ и четвертыхъ стакановъ на брата, и

тогда господинъ Голядкинъ сталъ испытывать два ощущенія: одно то, что необыкновенно счастливъ, а другое—что уже не можетъ стоять на ногахъ. Гость, разумѣется, былъ приглашенъ ночевать. Кровать была коекакъ составлена изъ двухъ рядовъ стульевъ. Господинъ Голядкинъ-младшій объявилъ, что подъ дружескимъ кровомъ мягко спать и на голомъ полу, что, съ своей стороны, онъ заснетъ, гдѣ придется, съ покорностью и признательностью; что теперь онъ въ раю, и что, наконецъ, онъ много перенесъ на своемъ вѣку несчастій и горя, на все посмотрѣлъ, всего перетерпѣлъ, и—кто знаетъ будущность?—можетъ-быть, еще перетерпитъ. Господинъ Голядкинъ-старшій протестовалъ противъ этого, и началъ доказывать, что нужно возложить всю надежду на Бога. Гость вполнѣ соглашался, и говорилъ, что, разумѣется, никто таковъ, какъ Богъ. Тутъ господинъ Голядкинъ-старшій замѣтилъ, что турки правы въ нѣкоторомъ отношеніи, призывая даже во снѣ имя Божіе. Потомъ, не соглашаясь, впрочемъ, съ иными учеными въ иныхъ клеветахъ, взводимыхъ на турецкаго пророка Мухаммеда, и признавая его въ своемъ родѣ великимъ политикомъ, господинъ Голядкинъ перешелъ къ весьма интересному описанію алжирской цырюльни, о которой читалъ въ какой-то книжкѣ, въ смѣси. Гость и хозяинъ много смѣялись надъ простодушіемъ турковъ; впрочемъ, не могли не отдать должной дани удивленія ихъ фанатизму, возбуждаемому опіумомъ... Гость сталъ, наконецъ, раздѣваться, а господинъ Голядкинъ вышелъ за перегородку, частію по добротѣ души, что, можетъ-быть, дескать, у него и рубашки-то порядочной нѣтъ, такъ чтобъ не сконфузить и безъ того уже пострадавшаго человѣка, а частію для того, чтобъ увѣриться по возможности въ Петрушкѣ, испытать его, развеселить, если можно, и приласкать человѣка, чтобъ ужъ всѣ были счастливы, и чтобъ не оставалось на столѣ просыпанной соли. Нужно замѣтить, что Петрушка все еще немного смущалъ господина Голядкина.

— Ты, Петръ, ложись теперь спать, кротко сказалъ господинъ Голядкинъ, входя въ отдѣленіе своего служителя,—ты теперь ложись спать, а завтра въ восемь часовъ ты меня и разбуди. Понимаешь, Петруша?

Господинъ Голядкинъ говорилъ необыкновенно мягко и ласково. Но Петрушка молчалъ. Онъ въ это время возился около своей кровати и даже не обернулся къ своему ба-

рину, что бы долженъ былъ сдѣлать, впрочемъ, изъ одного къ нему уваженія.

— Ты, Петръ, меня слышалъ? продолжалъ господинъ Голядкинъ. — Ты вотъ теперь ложись спать, а завтра, Петруша, ты и разбуди меня въ восемь часовъ; понимаешь?

— Да ужъ помню, ужъ что тутъ! проворчалъ себѣ подъ носъ Петрушка.

— Ну, то-то, Петруша; я это только такъ говорю, чтобъ и ты былъ спокоенъ и счастливъ. Вотъ мы теперь всѣ счастливы, такъ чтобъ и ты былъ спокоенъ и счастливъ. А теперь спокойной ночи желаю тебѣ. Усни, Петруша, усни; мы всѣ трудиться должны... Ты, братъ, знаешь, не думай чего-нибудь...

Господинъ Голядкинъ началъ было, да и остановился. „Не слишкомъ-ли будетъ“, подумалъ онъ, „не далеко-ли я замахнулъ? Такъ-то всегда; всегда-то я пересыплю“. Герой нашъ вышелъ отъ Петрушки весьма недовольный собою. Къ тому же, грубостью и неподатливостью Петрушки онъ немного обидѣлся. „Съ шельмецомъ заигрываютъ, шельмецу баринъ честь дѣлаетъ, а онъ не чувствуетъ“, подумалъ господинъ Голядкинъ. „Впрочемъ, такая ужъ тенденція подлая у всего этого рода!“ Отчасти покачиваясь, воротился онъ въ комнату, и видя, что гость его улегся совсѣмъ, присѣлъ на минутку къ нему на постель. „А вѣдь признайся, Яша“, началъ онъ шопотомъ и курнякая головой: „вѣдь ты, подлецъ, предо мной виноватъ? Вѣдь ты, тёзка, знаешь, того...“ продолжалъ онъ, довольно фамильярно заигрывая съ своимъ гостемъ. Наконецъ, распростившись съ нимъ дружески, господинъ Голядкинъ отправился спать. Гость между тѣмъ захрапѣлъ. Господинъ Голядкинъ въ свою очередь началъ ложиться въ постель, а между тѣмъ, посмѣиваясь, шепталъ про себя: „Вѣдь ты пьянъ сегодня, голубчикъ мой, Яковъ Петровичъ, подлецъ ты такой, Голядка ты этакой, — фамилья твоя такова!! Ну, чему ты обрадовался? Вѣдь завтра расплачешься, нюня ты этакая: что мнѣ дѣлать съ тобой?“ Тутъ довольно странное ощущеніе отозвалось во всемъ существѣ господина Голядкина, что-то похожее на сомнѣніе или раскаяніе. „Расходился-жъ я“, думалъ онъ, „вѣдь вотъ теперь шумитъ въ головѣ и я пьянъ; и не удержался, дурачина ты этакая! и вздору съ три короба намололъ, да еще хитрить, подлецъ, собирался. Конечно, прощеніе и забвеніе обидъ есть первѣйшая добродѣтель, но все-жъ оно плохо! Вотъ оно какъ!“ Тутъ господинъ

Голядкинъ привсталъ, взялъ свѣчу и на цыпочкахъ еще разъ пошелъ взглянуть на спящаго своего гостя. Долго стоялъ онъ надъ нимъ въ глубокомъ раздумьи. „Картина непріятная! Пасквиль, чистѣйшій пасквиль, да и дѣло съ концомъ!“

Наконецъ, господинъ Голядкинъ улегся совсѣмъ. Въ головѣ у него шумѣло, трещало, звонило. Онъ сталъ забываться-забываться... силился было о чемъ-то думать, вспомнить что-то такое весьма интересное, разрѣшить что-то такое весьма важное, какое-то щекотливое дѣло,— но не могъ. Сонъ налетѣлъ на его побѣдную голову, и онъ заснулъ такъ, какъ обыкновенно спятъ люди, съ непривычки употребившіе вдругъ пять стакановъ пунша на какой-нибудь дружеской вечеринкѣ.

ГЛАВА VIII.

Какъ обыкновенно, на другой день господинъ Голядкинъ проснулся въ восемь часовъ; проснувшись же, тотчасъ припомнилъ всѣ происшествія вчерашняго вечера,— припомнилъ и поморщился. „Экъ я разыгрался вчера какимъ дуракомъ!“ подумалъ онъ, приподымаясь съ постели и взглянувъ на постель своего гостя. Но каково же было его удивленіе, когда не только гостя, но даже и постели, на которой спалъ гость, не было въ комнатѣ! „Что-жъ это такое?“ чуть не вскрикнулъ господинъ Голядкинъ, „что-жъ бы это было такое? Что-жъ означаетъ теперь это новое обстоятельство?“ Покамѣстъ господинъ Голядкинъ, недоумѣвая, съ раскрытымъ ртомъ смотрѣлъ на опустѣлое мѣсто, скрипнула дверь, и Петрушка вошелъ съ чайнымъ подносомъ. „Гдѣ же, гдѣ же?“ проговорилъ чуть слышнымъ голосомъ нашъ герой, указывая пальцемъ на вчерашнее мѣсто, отведенное гостю. Петрушка сначала не отвѣчалъ ничего, даже не посмотрѣлъ на своего барина, а поворотилъ свои глаза въ уголъ направо, такъ что господинъ Голядкинъ самъ принужденъ былъ взглянуть въ уголъ направо. Впрочемъ, послѣ нѣкотораго молчанія, Петрушка, сиповатымъ и грубымъ голосомъ, отвѣтилъ, что „барина дома нѣтъ“.

— Дуракъ ты; да вѣдь я твой баринъ, Петрушка! проговорилъ господинъ Голядкинъ прерывистымъ голосомъ и во всѣ глаза смотря на своего служителя.

Петрушка ничего не отвѣчалъ, но посмотрѣлъ такъ на господина Голядкина, что тотъ покраснѣлъ до ушей, — посмотрѣлъ съ какой-то оскорбительною укоризною, по-

хожею на чистую брань. Господинъ Голядкинъ и руки опустилъ, какъ говорится. Наконецъ, Петрушка объявилъ, что *другой* ужъ часа съ полтора какъ ушелъ и не хотѣлъ дожидаться. Конечно, отвѣтъ былъ вѣроятенъ и правдоподобенъ; видно было, что Петрушка не лгалъ, что оскорбительный взглядъ его и слово *другой*, употребленное имъ, были лишь слѣдствіемъ всего извѣстнаго гнуснаго обстоятельства, но все-таки онъ понималъ, хоть и смутно, что тутъ что-нибудь да не такъ, и что судьба готовитъ ему еще какой-то гостинецъ, не совсѣмъ-то пріятный. „Хорошо, мы посмотримъ“, думалъ онъ про себя, „мы увидимъ, мы своевременно раскусимъ все это... Ахъ, ты, Господи Боже мой!“ простоналъ онъ въ заключеніе уже совсѣмъ другимъ голосомъ, „и зачѣмъ я это приглашалъ его, на какой конецъ я все это дѣлалъ? Вѣдь истинно самъ голову свою въ петлю ихъ воровскую, самъ эту петлю свиваю. Ахъ, ты, голова, голова! Вѣдь и утерпѣть-то не можешь ты, чтобъ не провраться какъ мальчишка какой-нибудь, канцеляристъ какой-нибудь, какъ безчиновная дрянь какая-нибудь, тряпка, ветошка гнилая какая-нибудь, сплетникъ ты этакой, баба ты этакая!.. Святые вы мои! И стишки, шельмецъ, написалъ и въ любви ко мнѣ изъяснился! Какъ бы этакъ, того... Какъ бы ему, шельмецу, приличнѣе на дверь указать, коли воротится? Разумѣется, много есть разныхъ оборотовъ и способовъ. Такъ и такъ, дескать, при моемъ ограниченномъ жалованьи... Или, тамъ припугнуть его какъ-нибудь, что, дескать, взявъ въ соображеніе вотъ то-то и то-то, принужденъ изъясниться... дескать, нужно въ половинѣ платить за квартиру и столъ, и деньги впередъ отдавать. Гм! нѣтъ, чортъ возьми, нѣтъ! Это меня замараетъ. Оно не совсѣмъ деликатно! Развѣ какъ-нибудь, тамъ, вотъ этакъ бы сдѣлать: взять бы, да и надоумить Петрушку, чтобъ Петрушка ему насолилъ какъ-нибудь, неглижировалъ бы съ нимъ какъ-нибудь, сгрубилъ ему, да и выжить его такимъ образомъ? Стравить бы ихъ этакъ вмѣстѣ... Нѣтъ, чортъ возьми, нѣтъ! Это опасно, да и опять, если съ этакой точки зрѣнія смотрѣть—ну, да, вовсе не хорошо! Совсѣмъ не хорошо! А, ну, если онъ не придетъ? и это плохо будетъ! проврался я ему вчера вечеромъ!.. Эхъ, плохо, плохо! Эхъ, дѣло-то наше какъ плоховато! Ахъ, я голова, голова окаянная! Взубрить-то ты чего слѣдуетъ не можешь себѣ, резону-то взводить не можешь себѣ! Ну, какъ онъ придетъ и откажется? А дай-то,

„NATURA“

Господи, если-бъ пришелъ! Весьма былъ бы радъ я, если-бъ пришелъ"... Такъ разсуждалъ господинъ Голядкинъ, глотая свой чай и безпрестанно поглядывая на стѣнные часы. „Безъ четверти девять теперь; вѣдь, вотъ ужъ пора идти. А что-то будетъ такое! что-то тутъ будетъ? Желалъ бы я знать, что здѣсь именно особеннаго такого скрывается, — этакъ, цѣль, направленіе и разныя тамъ закавыки. Хорошо бы узнать, на что именно мѣтятъ всѣ эти народы, и каковъ-то будетъ ихъ первый шагъ"... Господинъ Голядкинъ не могъ долѣе вытерпѣть, бросилъ недокуренную трубку, одѣлся и пустился на службу, желая накрыть, если можно, опасность и во всемъ удостовѣриться своимъ личнымъ присутствіемъ. А опасность была: это ужъ онъ самъ зналъ, что опасность была. „А вотъ мы ее... и раскусимъ", говорилъ господинъ Голядкинъ, снимая шинель и калоши въ передней, „вотъ мы и проникнемъ сейчасъ во всѣ эти дѣла". Рѣшившись такимъ образомъ дѣйствовать, герой нашъ оправился, принялъ видъ приличный и форменный, и только что хотѣлъ было проникнуть въ сосѣднюю комнату, какъ вдругъ, въ самыхъ дверяхъ, столкнулся съ нимъ вчерашній знакомецъ, другъ и пріятель его. Господинъ Голядкинъ-младшій, кажется, не замѣчалъ господина Голядкина-старшаго, хотя и сошелся съ нимъ почти носомъ къ носу. Господинъ Голядкинъ-младшій былъ, кажется, занятъ, куда-то спѣшилъ, запыхался; видъ имѣлъ такой официальный, такой дѣловой, что, казалось, всякій могъ прямо прочесть на лицѣ его: „командированъ по особому порученію"...

— Ахъ, это вы, Яковъ Петровичъ! сказалъ нашъ герой, хватая своего вчерашняго гостя за руку.

— Послѣ, послѣ, извините меня, разскажете послѣ, закричалъ господинъ Голядкинъ-младшій, порываясь впередъ.

— Однако, позвольте; вы, кажется, хотѣли, Яковъ Петровичъ, того-съ...

— Что-съ? Объясните скорѣе-съ.

Тутъ вчерашній гость господина Голядкина остановился какъ бы черезъ силу и нехотя, и подставилъ ухо свое прямо къ носу господина Голядкина.

— Я вамъ скажу, Яковъ Петровичъ, что я удивляюсь пріему... пріему, какого вовсе, повидимому, не могъ бы я ожидать.

— На все есть извѣстная форма-съ. Явитесь къ секретарю его превосходительства и потомъ отнеситесь, какъ

слѣдуетъ, къ господину правителю канцеляріи. Просьба есть?..

— Вы, я не знаю, Яковъ Петровичъ! Вы меня просто изумляете, Яковъ Петровичъ! Вы вѣрно не узнаете меня, или шутите по врожденной веселости характера вашего.

— А, это вы! сказалъ господинъ Голядкинъ-младшій, какъ будто только-что сейчасъ разглядѣвъ господина Голядкина-старшаго,—такъ это вы? Ну, что-жъ, хорошо-ли вы почивали?

Тутъ господинъ Голядкинъ-младшій, улыбнувшись немного, офиціально и форменно улыбнувшись, хотя вовсе не такъ, какъ бы слѣдовало (потому что, вѣдь, во всякомъ случаѣ, онъ одолженъ же былъ благодарностью господину Голядкину-старшему), итакъ, улыбнувшись офиціально и форменно, прибавилъ, что онъ, съ своей стороны, весьма радъ, что господинъ Голядкинъ хорошо почивалъ; потомъ наклонился немного, посѣменилъ немного на мѣстѣ, поглядѣлъ направо, налѣво, потомъ опустилъ глаза въ землю, нацѣлился въ боковую дверь и, прошептавъ скороговоркой, что онъ по особому порученію, юркнулъ въ сосѣднюю комнату. Только его и видѣли.

— Вотъ-те и штука!.. прошепталъ нашъ герой, остолбенѣвъ на мгновеніе,—вотъ-те и штука! Такъ вотъ какое здѣсь обстоятельство!.. Тутъ господинъ Голядкинъ почувствовалъ, что у него отчего-то заходили мурашки по тѣлу. — Впрочемъ, продолжалъ онъ про себя, пробираясь въ свое отдѣленіе, — впрочемъ, вѣдь я уже давно говорилъ о такомъ обстоятельствѣ, я уже давно предчувствовалъ, что онъ по особому порученію,—именно, вотъ вчера говорилъ, что непремѣнно по чьему-нибудь особому порученію употребленъ человѣкъ.

— Окончили вы, Яковъ Петровичъ, вчерашнюю вашу бумагу? спросилъ Антонъ Антоновичъ Сѣточкинъ усѣвшагося подлѣ него господина Голядкина, — у васъ здѣсь она?

— Здѣсь, прошепталъ господинъ Голядкинъ, смотря на своего столоначальника отчасти съ потерявшимся видомъ.

— То-то-съ! Я къ тому говорю, что Андрей Филипповичъ уже два раза спрашивалъ. Того и гляди, что его превосходительство потребуетъ...

— Нѣтъ-съ, она кончена-съ...

— Ну-съ, хорошо-съ.

— Я, Антонъ Антоновичъ, всегда, кажется, исполнялъ свою должность какъ слѣдуетъ и радѣю о поручен-

ныхъ мнѣ начальствомъ дѣлахъ-съ, занимаюсь ими рачительно.

— Да-съ. Ну-съ, что же вы хотите этимъ сказать-съ?

— Я ничего-съ, Антонъ Антоновичъ. Я только, Антонъ Антоновичъ, хочу объяснить, что я... то-есть, я хотѣлъ выразить, что иногда неблагонамѣренность и зависть не щадятъ никакого лица, ища своей повседневной отвратительной пищи-съ...

— Извините, я васъ не совсѣмъ-то понимаю. То-есть, на какое лицо вы теперь намекаете?

— То-есть, я хотѣлъ только сказать, Антонъ Антоновичъ, что я иду прямымъ путемъ, а окольнымъ путемъ ходить презираю, что я не интриганъ, и что симъ, если позволено только будетъ мнѣ выразиться, могу весьма справедливо гордиться...

— Да-съ. Это все такъ-съ, и, по крайнему моему разумѣнію, отдаю полную справедливость разсужденію вашему; но позвольте же и мнѣ вамъ, Яковъ Петровичъ, замѣтить, что личности въ хорошемъ обществѣ не совсѣмъ позволительны-съ, что за глаза я, напримѣръ, готовъ снести,— потому что за глаза и кого-жъ не бранятъ,—но въ глаза, воля ваша, и я, сударь мой, напримѣръ, себѣ дерзостей говорить не позволю. Я, сударь мой, посѣдѣлъ на государственной службѣ, и дерзостей на старости лѣтъ говорить себѣ не позволю-съ...

— Нѣтъ-съ, я, Антонъ Антоновичъ-съ, вы видите-ли, Антонъ Антоновичъ, вы, кажется, Антонъ Антоновичъ, меня не совсѣмъ-то уразумѣли-съ. А я, помилуйте, Антонъ Антоновичъ, я съ своей стороны могу только за честь поставить-съ...

— Да ужъ и насъ тоже прошу извинить-съ. Учены мы по-старинному-съ. А по-вашему, по-новому, учиться намъ поздно. На службѣ отечеству разумѣнія доселѣ намъ, кажется, доставало. У меня, сударь мой, какъ вы сами знаете, есть знакъ за двадцатипятилѣтнюю безпорочную службу-съ...

— Я чувствую, Антонъ Антоновичъ, я съ моей стороны совершенно все это чувствую-съ. Но я не про то-съ, я про маску говорилъ, Антонъ Антоновичъ-съ...

— Про маску-съ?

— То-есть, вы опять... я опасаюсь, что вы и тутъ примете въ другую сторону смыслъ, то-есть смыслъ рѣчей моихъ, какъ вы сами говорите, Антонъ Антоновичъ. Я только тему развиваю, то-есть пропускаю идею, Антонъ

Антоновичъ, что люди, носящіе маску, стали не рѣдки-съ, и что теперь трудно подъ маской узнать человѣка-съ...

— Ну-съ, знаете-ли-съ, оно не совсѣмъ-то и трудно-съ. Иногда и довольно легко-съ, иногда и искать недалеко нужно ходить-съ.

— Нѣтъ-съ, знаете-ли-съ, я, Антонъ Антоновичъ, говорю-съ, про себя говорю, что я, напримѣръ, маску надѣваю лишь когда нужда въ ней бываетъ, то-есть единственно для карнавала и веселыхъ собраній, говоря въ прямомъ смыслѣ, но что не маскируюсь передъ людьми каждодневно, говоря въ другомъ, болѣе скрытномъ смыслѣ-съ. Вотъ что я хотѣлъ сказать, Антонъ Антоновичъ-съ.

— Ну, да мы, покамѣстъ, оставимъ все это, да мнѣ же и некогда-съ, сказалъ Антонъ Антоновичъ, привставъ со своего мѣста и собирая кой-какія бумаги для доклада его превосходительству.—Дѣло же ваше, какъ я полагаю, не замедлитъ своевременно объясниться. Сами же увидите вы, на кого вамъ пенять и кого обвинять, а затѣмъ прошу васъ покорнѣйше уволить меня отъ дальнѣйшихъ частныхъ и вредящихъ службѣ объясненій и толковъ-съ...

— Нѣтъ-съ, я, Антонъ Антоновичъ, началъ поблѣднѣвшій немного господинъ Голядкинъ вслѣдъ удаляющемуся Антону Антоновичу,—я, Антонъ Антоновичъ, того-съ, и не думалъ-съ.—„Что же это такое?“ продолжалъ уже про себя нашъ герой, оставшись одинъ: „что же это за вѣтры такіе здѣсь подуваютъ, и что означаетъ этотъ новый крючокъ?“ Въ то самое время, какъ потерянный и полуубитый герой нашъ готовился было разрѣшить этотъ новый вопросъ, въ сосѣдней комнатѣ послышался шумъ, обнаружилось какое-то дѣловое движеніе, дверь отворилась, и Андрей Филипповичъ, только что передъ тѣмъ отлучившійся по дѣламъ въ кабинетъ его превосходительства, запыхавшись, появился въ дверяхъ и кликнулъ господина Голядкина. Зная въ чемъ дѣло и не желая заставить ждать Андрея Филипповича, господинъ Голядкинъ вскочилъ съ своего мѣста и, какъ слѣдуетъ, немедленно засуетился на чемъ свѣтъ стоитъ, обготовляя и обхоливая окончательно требуемую тетрадку, да и самъ приготовляясь отправиться, вслѣдъ за тетрадкой и Андреемъ Филипповичемъ, въ кабинетъ его превосходительства. Вдругъ, и почти изъ-подъ руки Андрея Филипповича, стоявшаго въ то время въ самыхъ дверяхъ, юркнулъ въ комнату господинъ Голядкинъ-младшій, суетясь, запыхавшись, загонявшись на службѣ, съ важнымъ рѣшительно-формен-

нымъ видомъ, и прямо подкатился къ господину Голядкину-старшему, менѣе всего ожидавшему подобнаго нападенія...

— Бумаги, Яковъ Петровичъ, бумаги... его превосходительство изволили спрашивать, готовы-ль у васъ? защебеталъ вполголоса и скороговоркой пріятель господина Голядкина-старшаго. — Андрей Филипповичъ васъ ожидаетъ...

— Знаю и безъ васъ, что ожидаютъ, проговорилъ господинъ Голядкинъ-старшій тоже скороговоркой и шопотомъ.

— Нѣтъ, я, Яковъ Петровичъ, не то: я, Яковъ Петровичъ, совсѣмъ не то, я сочувствую, Яковъ Петровичъ, и подвигнутъ душевнымъ участіемъ.

— Отъ котораго нижайше прошу васъ избавить меня. Позвольте, позвольте-съ...

— Вы, разумѣется, ихъ обернете оберточкой, Яковъ Петровичъ, а третью-то страничку вы заложите закладкой; позвольте, Яковъ Петровичъ...

— Да позвольте же вы, наконецъ...

— Но вѣдь здѣсь чернильное пятнышко, Яковъ Петровичъ, вы замѣтили-ль чернильное пятнышко?..

Тутъ Андрей Филипповичъ второй разъ кликнулъ господина Голядкина.

— Сейчасъ, Андрей Филипповичъ, я вотъ только немножко, вотъ здѣсь... Милостивый государь, понимаете-ли вы русскій языкъ?

— Лучше всего будетъ ножичкомъ снять, Яковъ Петровичъ, вы лучше на меня положитесь: вы лучше не трогайте сами, Яковъ Петровичъ, а на меня положитесь,— я же самъ отчасти тутъ ножичкомъ...

Андрей Филипповичъ третій разъ кликнулъ господина Голядкина.

— Да помилуйте, гдѣ же тутъ пятнышко? Вѣдь, кажется, вовсе нѣту здѣсь пятнышка?

— И огромное пятнышко, вотъ оно! Вотъ, позвольте, я здѣсь его видѣлъ, вотъ, позвольте... вы только позвольте мнѣ, Яковъ Петровичъ, я отчасти здѣсь ножичкомъ, я изъ участія, Яковъ Петровичъ, и ножичкомъ отъ чистаго сердца... вотъ такъ, вотъ и дѣло съ концомъ...

Тутъ, и совсѣмъ неожиданно, господинъ Голядкинъ-младшій, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, осиливъ господина Голядкина-старшаго въ мгновенной борьбѣ, между ними возникшей, и во всякомъ случаѣ совершенно про-

тивъ воли его, овладѣлъ требуемой начальствомъ бумагой, и, вмѣсто того, чтобъ поскоблить ее ножичкомъ отъ чистаго сердца, какъ вѣроломно увѣрялъ онъ господина Голядкина-старшаго,—быстро свернулъ ее, сунулъ подъ мышку, въ два скачка очутился возлѣ Андрея Филипповича, не замѣтившаго ни одной изъ продѣлокъ его, и полетѣлъ съ нимъ въ директорскій кабинетъ. Господинъ Голядкинъ-старшій остался какъ бы прикованнымъ къ мѣсту, держа въ рукахъ ножичекъ и какъ будто приготовляясь что-то скоблить имъ...

Герой нашъ еще не совсѣмъ понималъ свое новое обстоятельство. Онъ еще не опомнился. Онъ почувствовалъ ударъ, но думалъ, что это что-нибудь такъ. Въ страшной, неописанной тоскѣ сорвался онъ, наконецъ, съ мѣста и бросился прямо въ директорскій кабинетъ, моля, впрочемъ, небо дорогою, чтобъ это устроилось все какъ-нибудь къ лучшему и было бы такъ, ничего... Въ послѣдней комнатѣ передъ директорскимъ кабинетомъ сбѣжался онъ, прямо носъ съ носомъ, съ Андреемъ Филипповичемъ и съ однофамильцемъ своимъ. Оба они уже возвращались; господинъ Голядкинъ посторонился. Андрей Филипповичъ говорилъ улыбаясь и весело. Однофамилецъ господина Голядкина-старшаго тоже улыбался, юлилъ, сѣменилъ въ почтительномъ разстояніи отъ Андрея Филипповича и что-то съ восхищеннымъ видомъ нашептывалъ ему на ушко, на что Андрей Филипповичъ самымъ благосклоннымъ образомъ кивалъ головою. Разомъ понялъ герой нашъ все положеніе дѣлъ. Дѣло въ томъ, что работа его (какъ онъ послѣ узналъ) почти превзошла ожиданія его превосходительства и поспѣла дѣйствительно къ сроку и во-время. Его превосходительство были крайне довольны. Говорили даже, что его превосходительство сказали спасибо господину Голядкину-младшему, крѣпкое спасибо; сказали, что вспомнятъ при случаѣ и никакъ не забудутъ... Разумѣется, что первымъ дѣломъ господина Голядкина было протестовать, протестовать всѣми силами, до послѣдней возможности. Почти не помня себя и блѣдный какъ смерть бросился онъ къ Андрею Филипповичу. Но Андрей Филипповичъ, услышавъ, что дѣло господина Голядкина было частное дѣло, отказался слушать, рѣшительно замѣчая, что у него нѣтъ ни минуты свободной и для собственныхъ надобностей.

Сухость тона и рѣзкость отказа поразили господина Голядкина. „А вотъ лучше я какъ-нибудь съ другой сто-

роны... вотъ я лучше къ Антону Антоновичу". Къ несчастію господина Голядкина, и Антона Антоновича не оказалось въ наличности: онъ тоже гдѣ-то былъ чѣмъ-то занятъ! „А вѣдь не безъ намѣренія просилъ уволить себя отъ объясненій и толковъ!" подумалъ герой нашъ. „Вотъ куда мѣтилъ—старая петля! Въ такомъ случаѣ, я просто дерзну умолять его превосходительство".

Все еще блѣдный и чувствуя въ совершенномъ разбродѣ всю свою голову, крѣпко недоумѣвая, на что̀ именно нужно рѣшиться, присѣлъ господинъ Голядкинъ на стулъ. „Гораздо было бы лучше, если-бъ все это было лишь такъ только", безпрерывно думалъ онъ про себя. „Дѣйствительно, подобное темное дѣло было даже невѣроятно совсѣмъ. Это, во-первыхъ, и вздоръ, а во-вторыхъ, и случиться не можетъ. Это, вѣроятно, какъ-нибудь тамъ померещилось, или вышло что-нибудь другое, а не то, что̀ дѣйствительно было; или вѣрно это я самъ ходилъ... и себя какъ-нибудь тамъ принялъ совсѣмъ за другого... однимъ словомъ, это совершенно невозможное дѣло".

Только что господинъ Голядкинъ рѣшилъ, что это совсѣмъ невозможное дѣло, какъ вдругъ въ комнату влетѣлъ господинъ Голядкинъ-младшій, съ бумагами въ обѣихъ рукахъ и подъ мышкой. Сказавъ мимоходомъ какія-то нужныя два слова Андрею Филипповичу, перемолвивъ и еще кое-съ-кѣмъ, полюбезничавъ кое-съ-кѣмъ, пофамильярничавъ кое-съ-кѣмъ, господинъ Голядкинъ-младшій, повидимому, не имѣвшій лишняго времени на безполезную трату, собирался уже, кажется, выйти изъ комнаты, но, къ счастію господина Голядкина-старшаго, остановился въ самыхъ дверяхъ и заговорилъ мимоходомъ съ двумя или тремя случившимися тутъ же молодыми чиновниками. Господинъ Голядкинъ-старшій бросился прямо къ нему. Только что увидѣлъ господинъ Голядкинъ-младшій маневръ господина Голядкина-старшаго, тотчасъ же началъ съ большимъ безпокойствомъ осматриваться, куда бы ему поскорѣй улизнуть. Но герой нашъ уже держался за рукава своего вчерашняго гостя. Чиновники, окружавшіе двухъ титулярныхъ совѣтниковъ, разступились и съ любопытствомъ ожидали, что̀ будетъ. Старый титулярный совѣтникъ понималъ хорошо, что доброе мнѣніе теперь не на его сторонѣ, понималъ хорошо, что подъ него интригуютъ: тѣмъ болѣе нужно было теперь поддержать себя. Минута была рѣшительная.

— Ну-съ? проговорилъ господинъ Голядкинъ-младшій,

довольно дерзко смотря на господина Голядкина-старшаго.

Господинъ Голядкинъ-старшій едва дышалъ.

— Я не знаю, милостивый государь, началъ онъ,— какимъ образомъ вамъ теперь объяснить странность вашего поведенія со мною.

— Ну-съ. Продолжайте-съ.—Тутъ господинъ Голядкинъ-младшій оглянулся кругомъ и мигнулъ глазомъ окружавшимъ ихъ чиновникамъ, какъ бы давая знать, что вотъ именно сейчасъ и начнется комедія.

— Дерзость и безстыдство вашихъ пріемовъ, милостивый государь мой, со мною въ настоящемъ случаѣ, еще болѣе васъ обличаютъ... чѣмъ всѣ слова мои. Не надѣйтесь на вашу игру: она плоховата...

— Ну, Яковъ Петровичъ, теперь скажите-ка мнѣ, каково-то вы почивали? отвѣчалъ господинъ Голядкинъ-младшій, прямо смотря въ глаза господину Голядкину-старшему.

— Вы, милостивый государь, забываетесь, сказалъ совершенно потерявшійся титулярный совѣтникъ, едва слыша полъ подъ собою.—Я надѣюсь, что вы перемѣните тонъ...

— Душка мой! проговорилъ господинъ Голядкинъ-младшій, скорчивъ довольно неблагопристойную гримасу господину Голядкину-старшему, и вдругъ, совсѣмъ неожиданно, подъ видомъ ласкательства, ухватилъ его двумя пальцами за довольно пухлую правую щеку. Герой нашъ вспыхнулъ какъ огонь... Только что пріятель господина Голядкина-старшаго примѣтилъ, что противникъ его, трясясь всѣми членами, нѣмой отъ изступленія, красный какъ ракъ, и, наконецъ, доведенный до послѣднихъ границъ, можетъ даже рѣшиться на формальное нападеніе, то немедленно, и самымъ безстыднымъ образомъ, предупредилъ его въ свою очередь. Потрепавъ его еще раза два по щекѣ, пощекотавъ его еще раза два, поигравъ съ нимъ, неподвижнымъ и обезумѣвшимъ отъ бѣшенства, еще нѣсколько секундъ такимъ образомъ, къ немалой утѣхѣ окружающей ихъ молодежи, господинъ Голядкинъ-младшій, съ возмущающимъ душу безстыдствомъ, щелкнулъ окончательно господина Голядкина-старшаго по крутому брюшку и съ самой ядовитой и далеко намекающей улыбкой проговорилъ ему: „шалишь, братецъ, Яковъ Петровичъ, шалишь! Хитрить мы будемъ съ тобой, Яковъ Петровичъ, хитрить“. Потомъ, и прежде чѣмъ герой нашъ успѣлъ мало-мальски придти въ себя отъ послѣдней атаки,

CZYTELNIA „KULTURA“ Warszawa, Sienkiewicza 1A

господинъ Голядкинъ-младшій вдругъ (предварительно отпустивъ только улыбочку окружавшимъ ихъ зрителямъ) принялъ на себя видъ самый занятой, самый дѣловой, самый форменный, опустилъ глаза въ землю, съежился, сжался, и, быстро проговоривъ „по особому порученію“, лягнулъ своей коротенькой ножкой и шмыгнулъ въ сосѣднюю комнату. Герой нашъ не вѣрилъ глазамъ и все еще былъ не въ состояніи опомниться...

Наконецъ, онъ опомнился. Сознавъ въ одинъ мигъ, что погибъ, уничтожился въ нѣкоторомъ смыслѣ, что замаралъ себя и запачкалъ свою репутацію, что осмѣянъ и оплеванъ въ присутствіи постороннихъ лицъ, что предательски порганъ тѣмъ, кого еще вчера считалъ первѣйшимъ и надежнѣйшимъ другомъ своимъ, что срѣзался, наконецъ, на чемъ свѣтъ стоитъ,—господинъ Голядкинъ бросился въ погоню за своимъ непріятелемъ. Въ настоящее мгновеніе онъ уже и думать не хотѣлъ о свидѣтеляхъ своего пораганія. „Это все въ стачкѣ другъ съ другомъ“, говорилъ онъ самъ про себя, „одинъ за другого стоитъ и одинъ другого на меня натравляетъ“. Однакожъ, сдѣлавъ десять шаговъ, герой нашъ ясно увидѣлъ, что всѣ преслѣдованія остались пустыми и тщетными, и потому воротился. „Не уйдешь“, думалъ онъ, „попадешь подъ сюркупъ своевременно, отольются волку овечьи слезы“. Съ яростнымъ хладнокровіемъ и съ самою энергическою рѣшимостью дошелъ господинъ Голядкинъ до стула и усѣлся на немъ. „Не уйдешь!“ сказалъ онъ опять. Теперь дѣло шло не о пассивной оборонѣ какой-нибудь: пахнуло рѣшительнымъ, наступательнымъ, и кто видѣлъ господина Голядкина въ ту минуту, какъ онъ, краснѣя и едва сдерживая волненіе свое, кольнулъ перомъ въ чернильницу, и съ какой яростью принялся строчить на бумагѣ, тотъ могъ уже заранѣе рѣшить, что дѣло такъ не пройдетъ и простымъ какимъ-нибудь бабьимъ образомъ не можетъ окончиться. Въ глубинѣ души своей сложилъ онъ одно рѣшеніе, и въ глубинѣ сердца своего поклялся исполнить его. По правдѣ-то, онъ еще не совсѣмъ хорошо зналъ; какъ ему поступить, то-есть, лучше сказать, вовсе не зналъ, но все равно, ничего! „А самозванствомъ и безстыдствомъ, милостивый государь, въ нашъ вѣкъ не берутъ. Самозванство и безстыдство, милостивый мой государь, не къ добру приводитъ, а до петли доводитъ. Гришка Отрепьевъ только одинъ, сударь вы мой, взялъ самозванствомъ, обманувъ слѣпой народъ, да и то не надолго“. Несмотря на

это послѣднее обстоятельство, господинъ Голядкинъ положилъ ждать до тѣхъ поръ, покамѣстъ маска спадетъ съ нѣкоторыхъ лицъ и кое-что обнажится. Для сего нужно было, во-первыхъ, чтобъ кончились какъ можно скорѣе часы присутствія, а до тѣхъ поръ герой нашъ положилъ не предпринимать ничего. Потомъ же, когда кончатся часы присутствія, онъ приметъ мѣру одну. Тогда же онъ знаетъ, какъ ему поступить, принявъ эту мѣру, какъ расположить весь планъ своихъ дѣйствій, чтобъ сокрушить рогъ гордыни и раздавить змѣю, грызущую прахъ въ презрѣніи безсилія. Позволить же затереть себя, какъ ветошку, объ которую грязные сапоги обтираютъ, господинъ Голядкинъ не могъ. Согласиться на это не могъ онъ, и особенно въ настоящемъ случаѣ. Не будь послѣдняго посрамленія, герой нашъ, можетъ-быть, и рѣшился бы скрѣпить свое сердце, можетъ-быть, онъ и рѣшился бы смолчать, покориться и не протестовать слишкомъ упорно; такъ, поспорилъ бы, попретендовалъ бы немножко, доказалъ бы, что онъ въ своемъ правѣ, потомъ бы уступилъ немножко, потомъ, можетъ-быть, и еще немножко бы уступилъ, потомъ согласился бы совсѣмъ, потомъ, и особенно тогда, когда противная сторона признала бы торжественно, что онъ въ своемъ правѣ, потомъ, можетъ-быть, и помирился бы даже, даже умилился бы немножко, даже,— кто бы могъ знать,—можетъ-быть, возродилась бы новая дружба, крѣпкая, жаркая дружба, еще болѣе широкая, чѣмъ вчерашняя дружба, такъ что эта дружба совершенно могла бы затмить, наконецъ, непріятность довольно неблагопристойнаго сходства двухъ лицъ такъ, что оба титулярные совѣтника были бы крайне какъ рады, и прожили бы, наконецъ, до ста лѣтъ, и т. д. Скажемъ все, наконецъ: господинъ Голядкинъ даже начиналъ немного раскаиваться, что вступился за себя и за право свое, и тутъ же получилъ за то непріятность. „Покорись онъ“, думалъ господинъ Голядкинъ, „скажи, что пошутилъ,— простилъ бы ему, даже болѣе простилъ бы ему, только бы въ этомъ громко признался. Но какъ ветошку себя затирать я не дамъ. И не такимъ людямъ не давалъ я себя затирать, тѣмъ болѣе не позволю покуситься на это человѣку развращенному. Я не ветошка; я, сударь мой, не ветошка!“ Однимъ словомъ, герой нашъ рѣшился. „Сами вы, сударь вы мой, виноваты!“ Рѣшился же онъ протестовать, и протестовать всѣми силами до послѣдней возможности. Такой ужъ былъ человѣкъ! Позволить оби-

дѣть себя онъ никакъ не могъ согласиться, а тѣмъ болѣе дозволить себя затереть какъ ветошку и, наконецъ, дозволить это совсѣмъ развращенному человѣку. Не споримъ, впрочемъ, не споримъ. Можетъ-быть, если-бъ кто захотѣлъ, если-бъ ужъ кому, напримѣръ, вотъ такъ непремѣнно захотѣлось обратить въ ветошку господина Голядкина, то и обратилъ бы, обратилъ бы безъ сопротивленія и безнаказанно (господинъ Голядкинъ самъ, въ иной разъ, это чувствовалъ), и вышла бы ветошка, а не Голядкинъ,— такъ, подлая, грязная бы вышла ветошка, но ветошка-то эта была бы не простая, ветошка эта была бы съ амбиціей, но ветошка-то эта была бы съ одушевленіемъ и чувствами, хотя бы и съ безотвѣтной амбиціей и съ безотвѣтными чувствами и—далеко въ грязныхъ складкахъ этой ветошки скрытыми, но все-таки съ чувствами...

Часы длились невѣроятно долго; наконецъ, пробило четыре. Спустя немного, всѣ встали и вслѣдъ за начальникомъ двинулись къ себѣ, по домамъ. Господинъ Голядкинъ вмѣшался въ толпу; глазъ его не дремалъ и не упускалъ кого нужно изъ виду. Наконецъ, нашъ герой увидалъ, что пріятель его подбѣжалъ къ канцелярскимъ сторожамъ, раздававшимъ шинели, и, по подлому обыкновенію своему, юлитъ около нихъ въ ожиданіи своей. Минута была рѣшительная. Кое-какъ протѣснился господинъ Голядкинъ сквозь тотпу и, не желая отставать, тоже захлопоталъ о шинели. Но шинель подалась сперва пріятелю и другу господина Голядкина, затѣмъ, что и здѣсь успѣлъ онъ по-своему подбиться, приласкаться, нашептать и наподличать.

Накинувъ шинель, господинъ Голядкинъ-младшій, иронически взглянувъ на господина Голядкина-старшаго, дѣйствуя такимъ образомъ открыто и дерзко ему въ пику, потомъ, съ свойственною ему наглостью, осмотрѣлся кругомъ, посѣменилъ окончательно, — вѣроятно, чтобъ оставить выгодное по себѣ впечатлѣніе,—около чиновниковъ, сказалъ слово одному, пошептался о чемъ-то съ другимъ, почтительно полизался съ третьимъ, адресовалъ улыбку четвертому, далъ руку пятому, и весело юркнулъ внизъ по лѣстницѣ. Господинъ Голядкинъ-старшій за нимъ, и, къ неописанному своему удовольствію, таки нагналъ его на послѣдней ступенькѣ и схватилъ за воротникъ его шинели. Казалось, что господинъ Голядкинъ-младшій немного оторопѣлъ и посмотрѣлъ кругомъ съ потерянным видомъ.

— Какъ понимать мнѣ васъ? прошепталъ онъ, наконецъ, слабымъ голосомъ господину Голядкину.

— Милостивый государь, если вы только благородный человѣкъ, то надѣюсь, что вспомните про вчерашнія дружескія наши сношенія, проговорилъ нашъ герой.

— А, да. Ну, что-жъ? Хорошо-ли вы почивали-съ?

Бѣшенство отняло на минуту языкъ у господина Голядкина-старшаго.

— Я-то почивалъ хорошо-съ... Но позвольте же и вамъ сказать, милостивый мой государь, что игра ваша крайне запутана...

— Кто это говоритъ? Это враги мои говорятъ, отвѣчалъ отрывисто тотъ, кто называлъ себя господиномъ Голядкинымъ, и вмѣстѣ съ словомъ этимъ неожиданно освободился изъ слабыхъ рукъ настоящаго господина Голядкина. Освободившись, онъ бросился съ лѣстницы, оглянулся кругомъ, увидѣвъ извозчика—подбѣжалъ къ нему, сѣлъ на дрожки, и въ одно мгновеніе скрылся изъ глазъ господина Голядкина-старшаго. Отчаянный и покинутый всѣми титулярный совѣтникъ оглянулся кругомъ, но не было другого извозчика. Попробовалъ было онъ бѣжать, да ноги подламывались. Съ опрокинутой физіономіей, съ разинутымъ ртомъ, уничтожившись, съежившись, въ безсиліи прислонился онъ къ фонарному столбу и остался нѣсколько минутъ такимъ образомъ посреди тротуара. Казалось, что все погибло для господина Голядкина...

ГЛАВА IX.

Все, повидимому, и даже природа сама, вооружилась противъ господина Голядкина; но онъ еще былъ на ногахъ и не побѣжденъ; онъ это чувствовалъ, что не побѣжденъ. Онъ готовъ былъ бороться. Онъ съ такимъ чувствомъ и съ такою энергіей потеръ себѣ руки, когда очнулся послѣ перваго изумленія, что уже по одному виду господина Голядкина заключить можно было, что онъ не уступитъ. Впрочемъ, опасность была на носу, была очевидна; господинъ Голядкинъ и это чувствовалъ; да какъ за нее взяться, за эту опасность-то?—вотъ вопросъ. Даже на мгновеніе мелькнула мысль въ головѣ господина Голядкина, „что, дескать, не оставить-ли все это такъ, не отступиться-ли запросто? Ну, что-жъ? Ну, и ничего. Я буду особо, какъ будто не я“, думалъ господинъ Голядкинъ, „пропускаю все мимо; не я, да и только; онъ тоже особо, авось и отступится; поюлитъ, шельмецъ, поюлитъ,

повернется, да и отступится. Вотъ оно какъ! Я смиреніемъ возьму. Да и гдѣ же опасность? Ну, какая опасность? Желалъ бы я, чтобъ кто-нибудь указалъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ опасность? Плевое дѣло! Обыкновенное дѣло!..“ Здѣсь господинъ Голядкинъ осѣкся. Слова у него на языкѣ замерли; онъ даже ругнулъ себя за эту мысль; даже тутъ же и уличилъ себя въ низости, въ трусости за эту мысль; однако, дѣло его все-таки не двинулось съ мѣста. Чувствовалъ онъ, что рѣшиться на что-нибудь въ настоящую минуту было для него сущею необходимостью; даже чувствовалъ, что много бы далъ тому, кто сказалъ бы ему, на что́ именно нужно рѣшиться. Ну, да вѣдь какъ угадать? Впрочемъ, и некогда было угадывать. На всякій случай, чтобъ времени не терять, нанялъ онъ извозчика и полетѣлъ домой. „Что? Каково-то ты теперь себя чувствуешь?“ подумалъ онъ самъ въ себѣ, „каково-то вы себя теперь изволите чувствовать, Яковъ Петровичъ? Что-то ты сдѣлаешь? Что-то сдѣлаешь ты теперь, подлецъ ты такой, шельмецъ ты такой! Довелъ себя до послѣдняго, да и плачешь теперь, да и хнычешь теперь!“ Такъ поддразнивалъ себя господинъ Голядкинъ, подпрыгивая на трескомъ экипажѣ своего ваньки. Поддразнивать себя и растравлять такимъ образомъ свои раны въ настоящую минуту было какимъ-то глубокимъ наслажденіемъ для господина Голядкина, даже чуть-ли не сладострастіемъ. „Ну, если-бъ тамъ, теперь“, думалъ онъ, — „волшебникъ какой бы пришелъ, или офиціальнымъ образомъ какъ-нибудь этакъ пришлось, да сказали бы: дай, Голядкинъ, палецъ съ правой руки — и квиты съ тобой; не будетъ другого Голядкина, и ты будешь счастливъ, только пальца не будетъ, — такъ отдалъ бы палецъ, непремѣнно бы отдалъ, не поморщась бы отдалъ. Черти бы взяли все это!“ вскрикнулъ, наконецъ, отчаянный титулярный совѣтникъ, „ну, зачѣмъ все это? Ну, надобно было всему этому быть; вотъ непремѣнно этому; вотъ именно этому, какъ будто нельзя было другому чему! И все было хорошо сначала, всѣ были довольны и счастливы; такъ вотъ нѣтъ же, надобно было! Впрочемъ, вѣдь словами ничего не возьмешь. Нужно дѣйствовать“

Итакъ, почти рѣшившись на что-то, господинъ Голядкинъ, войдя въ свою квартиру, нимало немедля схватился за трубку и, насасывая ее изъ всѣхъ силъ, раскидывая клочья дыма направо и налѣво, началъ въ чрез-

вычайномъ волненіи бѣгать взадъ и впередъ по комнатѣ. Между тѣмъ, Петрушка сталъ сбирать на столъ. Наконецъ, господинъ Голядкинъ рѣшился совсѣмъ, вдругъ бросилъ трубку, накинулъ на себя шинель, сказалъ, что дома обѣдать не будетъ, и выбѣжалъ вонъ изъ квартиры. На лѣстницѣ нагналъ его, запыхавшись, Петрушка, держа въ рукахъ забытую имъ шляпу. Господинъ Голядкинъ взялъ шляпу, хотѣлъ было мимоходомъ маленько оправдаться въ глазахъ Петрушки, чтобъ не подумалъ чего Петрушка особеннаго, — что вотъ, дескать, такое-то обстоятельство, что вотъ шляпу позабылъ и т. д., — но такъ какъ Петрушка и глядѣть не хотѣлъ, и тотчасъ ушелъ, то и господинъ Голядкинъ, безъ дальнѣйшихъ объясненій, надѣлъ свою шляпу, сбѣжалъ съ лѣстницы, и, приговаривая, что все, можетъ-быть, къ лучшему будетъ, и что дѣло устроится какъ-нибудь, хотя чувствовалъ, между прочимъ, даже у себя въ пяткахъ ознобъ, вышелъ на улицу, нанялъ извозчика и полетѣлъ къ Андрею Филипповичу. „Впрочемъ, не лучше-ли завтра?“ думалъ господинъ Голядкинъ, хватаясь за шнурокъ колокольчика у дверей квартиры Андрея Филипповича, „да и что же я скажу особеннаго? Особеннаго-то здѣсь нѣтъ ничего. Дѣло-то такое мизерное, да оно, наконецъ, и дѣйствительно мизерное, плёвое, то-есть почти плёвое дѣло... вѣдь вотъ оно какъ это все, обстоятельство-то...“ вдругъ господинъ Голядкинъ дернулъ за колокольчикъ; колокольчикъ зазвенѣлъ, изнутри послышались чьи-то шаги... Тутъ господинъ Голядкинъ даже проклялъ себя отчасти за свою поспѣшность и дерзость. Недавнія непріятности, о которыхъ господинъ Голядкинъ едва не позабылъ за дѣлами, и контра съ Андреемъ Филипповичемъ—тутъ же пришли ему на память. Но уже бѣжать было поздно: дверь отворилась. Къ счастію господина Голядкина, отвѣчали ему, что Андрей Филипповичъ и домой не пріѣзжалъ изъ должности, и не обѣдалъ дома. „Знаю, гдѣ онъ обѣдалъ: онъ у Измайловскаго моста обѣдаетъ“, подумалъ герой нашъ, и страхъ какъ обрадовался. На вопросъ слуги, какъ объ васъ доложить, сказалъ, что, дескать, я, мой другъ, хорошо, что, дескать, я, мой другъ, послѣ, и даже съ нѣкоторою бодростью сбѣжалъ внизъ по лѣстницѣ. Выйдя на улицу, онъ рѣшился отпустить экипажъ и расплатился съ извозчикомъ. Когда же извозчикъ попросилъ о прибавкѣ,— дескать, ждалъ, сударь, долго, и рысачка для вашей милости не жалѣлъ, — то далъ и при-

бавочки пятачекъ, и даже съ большою охотою; самъ же пѣшкомъ пошелъ.

„Дѣло-то, оно, правда“, такое, думалъ господинъ Голядкинъ, „что вѣдь такъ оставить нельзя; однакожъ, если такъ разсудить, этакъ здраво разсудить, такъ изъ чего же, по-настоящему, здѣсь хлопотать? Ну, нѣтъ, однакожъ, я буду все про то говорить, изъ чего же мнѣ хлопотать? Изъ чего мнѣ маяться, биться, мучиться, себя убивать? Во-первыхъ, дѣло сдѣлано, и его не воротишь... вѣдь не воротишь! Разсудимъ такъ: является человѣкъ,—является человѣкъ, съ достаточной рекомендаціей, дескать, способный чиновникъ, хорошаго поведенія, только бѣденъ и потерпѣлъ разныя непріятности, — передряги тамъ этакія,—ну, да вѣдь бѣдность не порокъ: стало-быть, я въ сторонѣ. Ну, въ самомъ дѣлѣ, что-жъ за вздоръ такой? Ну, пришелся, устроился, самой природой устроился такъ человѣкъ, что двѣ капли воды похожъ на другого человѣка, что совершенная копія съ другого человѣка: такъ ужъ его за это и не принимать въ департаментъ?! Коли ужъ судьба, коли одна судьба, коли одна слѣпая фортуна тутъ виновата,— такъ ужъ его и затереть какъ ветошку, такъ ужъ служить ему не давать... да гдѣ же тутъ, послѣ этого, справедливость будетъ? Человѣкъ же онъ бѣдный, затерянный, запуганный; тутъ сердце болитъ, тутъ состраданіе его призрѣть велитъ! Да! Нечего сказать, хороши бы были начальники, если-бъ такъ разсуждали, какъ я, забубенная голова! Эка вѣдь башка у меня! На десятерыхъ подчасъ глупости хватитъ! Нѣтъ, нѣтъ! И сдѣлали хорошо, и спасибо имъ, что призрѣли бѣднаго горемыку... Ну, да, положимъ, напримѣръ, что мы близнецы, что вотъ ужъ мы такъ уродились, что братья-близнецы, да и только, — вотъ оно какъ! Ну, что же такое? Ну, и ничего! Можно всѣхъ чиновниковъ пріучить... а посторонній кто, войдя въ наше вѣдомство, ужъ вѣрно не нашелъ бы ничего неприличнаго и оскорбительнаго въ такомъ обстоятельствѣ. Оно даже тутъ есть кое-что умилительное; что вотъ, дескать, мысль-то какая: что, дескать, промыслъ Божій создалъ двухъ совершенно подобныхъ, а начальство благодѣтельное, видя промыслъ Божій, пріютило двухъ близнецовъ. Оно, конечно,—продолжалъ господинъ Голядкинъ, переводя духъ и немного понизивъ голосъ,—оно, конечно... оно, конечно, лучше бы было, кабы не было ничего этого, умилительнаго, и близнецовъ никакихъ тоже бы не было... Чортъ бы побралъ

все это! И на что это нужно было? И что за надобность тутъ была такая особенная и никакого отлагательства не терпящая?! Господи, Богъ мой! Экъ вѣдь черти заварили кашу какую! Вотъ, вѣдь, однакожъ, у него и характеръ такой, нрава онъ такого игриваго, сквернаго,— подлецъ онъ такой, вертлявый такой, лизунъ, лизоблюдъ, Голядкинъ онъ этакой! Пожалуй, еще дурно себя поведетъ, да фамилью мою замараетъ, мерзавецъ. Вотъ теперь и смотри за нимъ, и ухаживай! Экъ вѣдь наказаніе какое! Впрочемъ, что-жъ? Ну, и нужды нѣтъ! Ну, онъ подлецъ,— ну, пусть онъ подлецъ, а другой за то честный. Ну, вотъ онъ подлецъ будетъ, а я буду честный,— и скажутъ, что вотъ этотъ Голядкинъ подлецъ, на него не смотрите, и его съ другимъ не мѣшайте; а этотъ вотъ честный, добродѣтельный, кроткій, незлобивый, весьма надежный по службѣ, и къ повышенію чиномъ достойный; вотъ оно какъ! Ну, хорошо... а какъ того... А какъ они тамъ того... да и перемѣшаютъ! Отъ него вѣдь все станется! Ахъ, ты, Господи Боже мой!.. И подмѣнитъ человѣка, подмѣнитъ, подлецъ такой, — какъ ветошку человѣка подмѣнитъ, и не разсудитъ, что человѣкъ не ветошка. Ахъ, ты, Господи Боже мой! Эко несчастіе какое!..“

Вотъ такимъ-то образомъ разсуждая и сѣтуя, бѣжалъ господинъ Голядкинъ, не разбирая дороги, и самъ почти не зная куда. Очнулся онъ на Невскомъ проспектѣ, и то по тому только случаю, что столкнулся съ какимъ-то прохожимъ такъ ловко и плотно, что только искры посыпались. Господинъ Голядкинъ, не поднимая головы, пробормоталъ извиненіе, и только тогда, когда прохожій, проворчавъ что-то не слишкомъ лестное, отошелъ уже на разстояніе значительное, поднялъ носъ кверху и осмотрѣлся, гдѣ онъ и какъ. Осмотрѣвшись и замѣтивъ, что находится именно возлѣ того ресторана, въ которомъ отдыхалъ, приготовляясь къ званому обѣду у Олсуфія Ивановича, герой нашъ почувствовалъ вдругъ щипки и щелчки по желудку, вспомнилъ, что не обѣдалъ, званаго же обѣда не предстояло нигдѣ, и потому, дорогого своего времени не теряя, вбѣжалъ онъ вверхъ по лѣстницѣ въ ресторанъ перехватить что-нибудь поскорѣе, и какъ можно торопясь не замѣшкать. И хотя въ ресторанѣ было все дорогонько, но это маленькое обстоятельство не остановило, на этотъ разъ, господина Голядкина; да и останавливаться-то теперь на подобныхъ бездѣлицахъ некогда было. Въ ярко освѣщенной комнатѣ, у прилавка, на ко-

торомъ лежала разнообразная груда всего того, что потребляется на закуску людьми порядочными, стояла довольно густая толпа посѣтителей. Конторщикъ едва успѣвалъ наливать, отпускать, сдавать и принимать деньги. Господинъ Голядкинъ подождалъ своей очереди и, выждавъ, скромно протянулъ свою руку къ пирожку-растегайчику. Отойдя въ уголокъ, оборотясь спиною къ присутствующимъ и закусивъ съ аппетитомъ, онъ повернулся къ конторщику, поставилъ на столъ блюдечко, зная цѣну, вынулъ 10 коп. сер. и положилъ на прилавокъ монетку, ловя взгляды конторщика, чтобъ указать ему: „что вотъ, дескать, монетка лежитъ; одинъ растегайчикъ“ и т. д.

— Съ васъ рубль десять копѣекъ, процѣдилъ сквозь зубы конторщикъ.

Господинъ Голядкинъ порядочно изумился.

— Вы мнѣ говорите?.. Я... я, кажется, взялъ одинъ пирожокъ.

— Одиннадцать взяли, съ увѣренностью возразилъ конторщикъ.

— Вы... сколько мнѣ кажется... вы, кажется, ошибаетесь... Я, право, кажется, взялъ одинъ пирожокъ.

— Я считалъ; вы взяли одиннадцать штукъ. Когда взяли, такъ нужно платить; у насъ даромъ ничего не даютъ.

Господинъ Голядкинъ былъ ошеломленъ. „Что-жъ это, колдовство, что-ль, какое надо мной совершается?“ подумалъ онъ. Между тѣмъ, конторщикъ ожидалъ рѣшенія господина Голядкина; господина Голядкина обступили; господинъ Голядкинъ уже полѣзъ было въ карманъ, чтобъ вынуть рубль серебромъ, чтобъ расплатиться немедленно, чтобъ отъ грѣха-то подальше быть. „Ну, одиннадцать, такъ одиннадцать“, думалъ онъ, краснѣя какъ ракъ, „ну, что же такого тутъ, что съѣдено одиннадцать пирожковъ? Ну, голоденъ человѣкъ, такъ и съѣлъ одиннадцать пирожковъ; ну, и пусть ѣстъ себѣ на здоровье; ну, и дивиться тутъ нечему, и смѣяться тутъ нечему“... Вдругъ, какъ будто что-то кольнуло господина Голядкина; онъ поднялъ глаза и — разомъ понялъ загадку, понялъ все колдовство; разомъ разрѣшились всѣ затрудненія... Въ дверяхъ въ сосѣднюю комнату, почти прямо за спиною конторщика и лицомъ къ господину Голядкину, въ дверяхъ, которыя, между прочимъ, герой нашъ принималъ доселѣ за зеркало, стоялъ одинъ человѣчекъ, —

стоялъ онъ, стоялъ самъ господинъ Голядкинъ, — не старый господинъ Голядкинъ, не герой нашей повѣсти, а другой господинъ Голядкинъ, новый господинъ Голядкинъ. Другой господинъ Голядкинъ находился, повидимому, въ превосходномъ расположеніи духа. Онъ улыбался господину Голядкину-первому, кивалъ ему головою, подмигивалъ глазами, сѣменилъ немного ногами, и глядѣлъ такъ, что чуть что̀, — такъ онъ и стушуется, такъ онъ и въ сосѣднюю комнату, а тамъ, пожалуй, заднимъ ходомъ, да и того... и всѣ преслѣдованія останутся тщетными. Въ рукахъ его былъ послѣдній кусокъ десятаго растегая, который онъ въ глазахъ же господина Голядкина отправилъ въ свой ротъ, чмокнувъ отъ удовольствія. „Подмѣнилъ, подлецъ!“ подумалъ господинъ Голядкинъ, вспыхнувъ, какъ огонь, отъ стыда. „Не постыдился публичности! Видятъ-ли его? Кажется, не замѣчаетъ никто“... Господинъ Голядкинъ бросилъ рубль серебромъ такъ, какъ будто бы объ него всѣ пальцы обжогъ, и не замѣчая значительно наглой улыбки конторщика, улыбки торжества и спокойнаго могущества, выбрался изъ толпы и бросился вонъ безъ оглядки. „Спасибо за то, что хоть не компрометировалъ окончательно человѣка!“ подумалъ старшій господинъ Голядкинъ. „Спасибо разбойнику, и ему, и судьбѣ, что еще хорошо все уладилось. Нагрубилъ лишь конторщикъ. Да что-жъ, вѣдь онъ былъ въ своемъ правѣ! Рубль десять слѣдовало, такъ и былъ въ своемъ правѣ. Дескать, безъ денегъ у насъ никому не даютъ! Хоть бы былъ поучтивѣй, бездѣльникъ!..“

Все это говорилъ господинъ Голядкинъ, сходя съ лѣстницы на крыльцо. Однакоже, на послѣдней ступенькѣ онъ остановился какъ вкопанный и вдругъ покраснѣлъ такъ, что даже слезы выступили у него на глазахъ отъ припадка страданія амбиціи. Простоявъ съ полминуты столбомъ, онъ вдругъ рѣшительно топнулъ ногою, въ одинъ прыжокъ соскочилъ съ крыльца на улицу, и, безъ оглядки, задыхаясь, не слыша усталости, пустился къ себѣ, домой, въ Шестилавочную улицу. Дома, не снявъ даже съ себя верхняго платья, вопреки привычкѣ своей быть у себя по-домашнему, не взявъ даже предварительно трубки, усѣлся онъ немедленно на диванѣ, придвинулъ чернильницу, взялъ перо, досталъ листъ почтовой бумаги и принялся строчить, дрожащею отъ внутренняго волненія рукой, слѣдующее посланіе:

„Милостивый Государь мой,
„Яковъ Петровичъ!

„Никакъ бы не взялъ я пера, если бы обстоятельства мои, и вы сами, милостивый государь мой, меня къ тому не принудили. Вѣрьте, что необходимость одна понудила меня вступить съ вами въ подобное объясненіе, и потому прежде всего прошу считать эту мѣру мою не какъ умышленнымъ намѣреніемъ къ вашему, милостивый государь мой, оскорбленію, но какъ необходимымъ слѣдствіемъ связующихъ насъ теперь обстоятельствъ".

— Кажется, хорошо, прилично, вѣжливо, хотя не безъ силы и твердости?.. Обижаться ему тутъ, кажется, нечѣмъ. Къ тому же я въ своемъ правѣ, подумалъ господинъ Голядкинъ, перечитывая написанное.

„Неожиданное и странное появленіе ваше, милостивый государь мой, въ бурную ночь, послѣ грубаго и неприличнаго со мною поступка враговъ моихъ, коихъ имя умалчиваю изъ презрѣнія къ нимъ, было зародышемъ всѣхъ недоразумѣній въ настоящее время между нами существующихъ. Упорное же ваше, милостивый государь, желаніе стоять на своемъ и насильственно войти въ кругъ моего бытія и всѣхъ отношеній моихъ въ практической жизни выступаетъ даже за предѣлы, требуемые одною лишь вѣжливостью и простымъ общежитіемъ. Я думаю, нечего упоминать здѣсь о похищеніи вами, милостивый государь мой, бумаги моей и собственнаго моего честнаго имени, для пріобрѣтенія ласки начальства, — ласки, не заслуженной вами. Нечего упоминать здѣсь и объ умышленныхъ и обидныхъ уклоненіяхъ вашихъ отъ необходимыхъ по сему случаю объясненій. Наконецъ, чтобы все сказать, не упоминаю здѣсь и о послѣднемъ странномъ, можно сказать, непонятномъ поступкѣ вашемъ со мною въ кофейномъ домѣ. Далекъ отъ того, чтобъ сѣтовать о безполезной для меня утратѣ рубля серебромъ; но не могу не выказать всего негодованія моего при воспоминаніи о явномъ посягательствѣ вашемъ, милостивый государь, въ ущербъ моей чести, и, вдобавокъ, въ присутствіи нѣсколькихъ персонъ, хотя незнакомыхъ мнѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма хорошаго тона"...

— Не далеко-ли я захожу? подумалъ господинъ Голядкинъ.—Не много-ли будетъ; не слишкомъ-ли это обидчиво,—этотъ намекъ на хорошій тонъ, напримѣръ?.. Ну, да ничего! Нужно показать ему твердость характера.

Впрочемъ, ему можно, для смягченія, этакъ, польстить и подмаслить въ концѣ. А вотъ мы посмотримъ.

„Но не сталъ бы я, милостивый государь мой, утомлять васъ письмомъ моимъ, если бы не былъ твердо увѣренъ, что благородство сердечныхъ чувствъ и открытый, прямодушный характеръ вашъ укажутъ вамъ самому средства поправить всѣ упущенія и возстановить все попрежнему.

„Въ полной надеждѣ я смѣю оставаться увѣреннымъ, что вы не примете письма моего въ обидную для васъ сторону, а вмѣстѣ съ тѣмъ и не откажетесь объясниться нарочито по этому случаю письменно, чрезъ посредство моего человѣка.

„Въ ожиданіи, честь имѣю пребыть,
милостивый государь,
покорнѣйшимъ вашимъ слугою
„Я. Голядкинымъ“.

— Ну, вотъ и все хорошо. Дѣло сдѣлано, дошло и до письменнаго. Но кто-жъ виноватъ? Онъ самъ виноватъ: самъ доводитъ человѣка до необходимости требовать письменныхъ документовъ. А я въ своемъ правѣ...

Перечитавъ послѣдній разъ письмо, господинъ Голядкинъ сложилъ его, запечаталъ и позвалъ Петрушку. Петрушка явился, по обыкновенію своему, съ заспанными глазами и на что-то крайне сердитый.

— Ты, братецъ, вотъ возьмешь это письмо... понимаешь?

Петрушка молчалъ.

— Возьмешь его и отнесешь въ департаментъ; тамъ отыщешь дежурнаго, губернскаго секретаря Вахрамѣева. Вахрамѣевъ сегодня дежурный. Понимаешь ты это?

— Понимаю.

— Понимаю! Не можешь сказать: понимаю-съ. Спросишь чиновника Вахрамѣева и скажешь ему, что, дескать, вотъ такъ и такъ, дескать, баринъ приказалъ вамъ кланяться и покорнѣйше попросить васъ справиться въ адресной нашего вѣдомства книгѣ, гдѣ, дескать, живутъ титулярный совѣтникъ Голядкинъ?

Петрушка промолчалъ и, какъ показалось господину Голядкину, улыбнулся:

— Ну, такъ вотъ ты, Петръ, спросишь у нихъ адресъ и узнаешь, гдѣ, дескать, живетъ новопоступившій чиновникъ Голядкинъ?

— Слушаю.

— Спросишь адресъ и отнесешь по этому адресу это письмо: понимаешь?

— Понимаю.

— Если тамъ... вотъ куда ты письмо отнесешь,— тотъ господинъ, кому письмо это дашь, Голядкинъ-то... Чего смѣешься, болванъ?

— Да чего мнѣ смѣяться-то? Что мнѣ! Я ничего-съ. Нечего нашему брату смѣяться...

— Ну, такъ вотъ... если тотъ господинъ будетъ спрашивать, дескать, какъ же твой баринъ, какъ же онъ тамъ; что, дескать, онъ того... ну, тамъ, что-нибудь будетъ выспрашивать,—такъ ты молчи, и отвѣчай, дескать, баринъ мой ничего, а просятъ, дескать, отвѣта отъ васъ, своеручнаго. Понимаешь?

— Понимаю-съ.

— Ну, такъ вотъ, дескать, баринъ мой, дескать, говори, ничего, дескать, и здоровъ, и въ гости, дескать, сейчасъ собирается; а отъ васъ, дескать, они отвѣта просятъ письменнаго. Понимаешь?

— Понимаю.

— Ну, ступай.

„Вѣдь вотъ еще съ этимъ болваномъ работа! Смѣется себѣ, да и кончено. Чему-жъ онъ смѣется? Дожилъ я до бѣды, дожилъ я вотъ такимъ-то образомъ до бѣды! Впрочемъ, можетъ-быть, оно обратится все къ лучшему... Этотъ мошенникъ, вѣрно, часа два будетъ таскаться теперь, пропадетъ еще гдѣ-нибудь... Послать нельзя никуда. Эка бѣда вѣдь какая!.. эка вѣдь бѣда одолѣла какая!..“

Чувствуя такимъ образомъ вполнѣ бѣду свою, герой нашъ рѣшился на пассивную двухчасовую роль въ ожиданіи Петрушки. Съ часъ времени ходилъ онъ по комнатѣ, курилъ, потомъ бросилъ трубку и сѣлъ за какую-то книжку, потомъ прилегъ на диванъ, потомъ опять взялся за трубку, потомъ опять началъ бѣгать по комнатѣ. Хотѣлъ было онъ разсуждать, но разсуждать не могъ рѣшительно ни о чемъ. Наконецъ, агонія пассивнаго состоянія его возросла до послѣдняго градуса, и господинъ Голядкинъ рѣшился принять одну мѣру. „Петрушка придетъ еще черезъ часъ“, думалъ онъ, „можно ключъ отдать дворнику, а самъ я покамѣстъ и того... изслѣдую дѣло, по своей части изслѣдую дѣло“.—Не теряя времени и спѣша изслѣдовать дѣло, господинъ Голядкинъ взялъ свою шляпу, вышелъ изъ комнаты, заперъ квартиру, зашелъ къ дворнику, вручилъ ему ключъ вмѣстѣ съ гри-

венникомъ — господинъ Голядкинъ сталъ какъ-то необыкновенно щедръ—и пустился, куда ему слѣдовало. Господинъ Голядкинъ пустился пѣшкомъ, сперва къ Измайловскому мосту. Въ ходьбѣ прошло съ полчаса. Дойдя до цѣли своего путешествія, онъ вошелъ прямо во дворъ своего знакомаго дома и взглянулъ на окна квартиры статскаго совѣтника Берендѣева. Кромѣ трехъ завѣшанныхъ красными гардинами оконъ, остальныя всѣ были темны. „У Олсуфья Ивановича сегодня вѣрно нѣтъ гостей“, подумалъ господинъ Голядкинъ, „они вѣрно всѣ одни теперь дома сидятъ“. Постоявъ нѣсколько времени на дворѣ, герой нашъ хотѣлъ было уже на что-то рѣшиться. Но рѣшенію не суждено было состояться, повидимому. Господинъ Голядкинъ отдумалъ, махнулъ рукой и воротился на улицу. „Нѣтъ, не сюда мнѣ нужно было идти. Что же я буду здѣсь дѣлать?.. А вотъ я лучше теперь того... и собственно лично изслѣдую дѣло“. Принявъ такое рѣшеніе, господинъ Голядкинъ пустился въ свой департаментъ. Путь былъ не близокъ, вдобавокъ была страшная грязь и мокрый снѣгъ валилъ самыми густыми хлопьями. Но для героя нашего въ настоящее время затрудненій, кажется, не было. Измокъ-то онъ измокъ, правда, да и загрязнился не мало, „да ужъ такъ, заодно, зато цѣль достигнута“. И дѣйствительно, господинъ Голядкинъ уже подходилъ къ своей цѣли. Темная масса огромнаго казеннаго строенія уже зачернѣла вдали передъ нимъ. „Стой!“ подумалъ онъ, „куда-жъ я иду, и что я буду здѣсь дѣлать? Положимъ, узнаю, гдѣ онъ живетъ; а между тѣмъ Петрушка ужо вѣрно вернулся и отвѣтъ мнѣ принесъ. Время-то я мое дорогое только даромъ теряю, время-то я мое только такъ потерялъ. Ну, ничего: еще все это можно исправить. Однако, и въ самомъ дѣлѣ не зайти-ль къ Вахрамѣеву? Ну, да нѣтъ! Я ужъ послѣ... Экъ! выходить-то было вовсе не нужно. Да нѣтъ, ужъ характеръ такой! Сноровка такая, что нужда-ли, нѣтъ-ли, вѣчно норовлю какъ-нибудь впередъ забѣжать... Гм!.. который-то часъ? Ужъ вѣрно есть девять. Петрушка можетъ придти и не найдетъ меня дома. Сдѣлалъ я чистую глупость, что вышелъ... Эхъ, право, комиссія!“

Искренно сознавшись такимъ образомъ, что сдѣлалъ чистую глупость, герой нашъ побѣжалъ обратно къ себѣ въ Шестилавочную. Добѣжалъ онъ усталый, измученный. Еще отъ дворника узналъ онъ, что Петрушка и не думалъ

являться. „Ну, такъ! Ужъ я предчувствовалъ это“, подумалъ герой нашъ: „а между тѣмъ уже девять часовъ. Экъ вѣдь негодяй онъ какой! Ужъ вѣчно гдѣ-нибудь пьянствуетъ! Господи, Богъ мой! Экой вѣдь денекъ выдался на долю мою горемычную!“ Такимъ-то образомъ размышляя и сѣтуя, господинъ Голядкинъ отперъ квартиру свою, досталъ огня, раздѣлся совсѣмъ, выкурилъ трубку, и, истощенный, усталый, разбитый, голодный, прилегъ на диванъ, въ ожиданіи Петрушки. Свѣча нагорала тускло, свѣтъ трепеталъ на стѣнахъ... Господинъ Голядкинъ глядѣлъ-глядѣлъ, думалъ-думалъ, да и заснулъ, наконецъ, какъ убитый.

Проснулся онъ уже поздно. Свѣча совсѣмъ почти догорѣла, дымилась и готова была тотчасъ совершенно потухнуть. Господинъ Голядкинъ вскочилъ, встрепенулся и вспомнилъ все, рѣшительно все. За перегородкой раздавался густой храпъ Петрушки. Господинъ Голядкинъ бросился къ окну—нигдѣ ни огонька. Отворилъ форточку—тихо; городъ словно вымеръ, спитъ. Стало-быть, часа два или три; такъ и есть: часы за перегородкой понатужились и пробили два. Господинъ Голядкинъ бросился за перегородку.

Кое-какъ, впрочемъ, послѣ долгихъ усилій, растолкалъ онъ Петрушку и успѣлъ посадить его на постель. Въ это время свѣчка совершенно потухла. Минутъ съ десять прошло, покамѣстъ господинъ Голядкинъ успѣлъ найти другую свѣчу и зажечь ее. Въ это время Петрушка успѣлъ заснуть сызнова. „Мерзавецъ ты этакой, негодяй ты такой!“ проговорилъ господинъ Голядкинъ, снова его расталкивая, „встанешь-ли ты, проснешься-ли ты?“ Послѣ получасовыхъ усилій, господинъ Голядкинъ успѣлъ однакоже расшевелить совершенно своего служителя и вытащить его изъ-за перегородки. Тутъ только увидѣлъ герой нашъ, что Петрушка былъ, какъ говорится, мертвецки-пьянъ и едва на ногахъ держался.

— Бездѣльникъ ты этакой! закричалъ господинъ Голядкинъ,—разбойникъ ты этакой! Голову ты срѣзалъ съ меня! Господи, куда же это онъ письмо-то сбылъ съ рукъ? Ахти, Создатель мой, ну, какъ оно... И зачѣмъ я его написалъ? И нужно было мнѣ его написать? Разскакался, дуралей, я съ амбиціей! Туда же полѣзъ за амбиціей! Вотъ тебѣ и амбиція, подлецъ ты этакой, вотъ и амбиція!.. Ну, ты! Куда же ты письмо-то дѣлъ, разбойникъ ты этакой? Кому же ты отдалъ его?..

— Никому я не отдавалъ никакого письма; и не было у меня никакого письма... вотъ какъ!

Господинъ Голядкинъ ломалъ руки съ отчаянія.

— Слушай ты, Петръ... ты послушай, ты слушай меня...

— Слушаю...

— Ты куда ходилъ? — отвѣчай...

— Куда ходилъ... къ добрымъ людямъ ходилъ! Что мнѣ!

— Ахъ, ты, Господи Боже мой! Куда сначала ходилъ? Былъ въ департаментѣ?.. Ты послушай, Петръ; ты, можетъ-быть, пьянъ?

— Я пьянъ? Вотъ, хоть сейчасъ съ мѣста не сойти, мак-мак-маковой—вотъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, это ничего, что ты пьянъ... Я только такъ спросилъ; это хорошо, что ты пьянъ; я ничего, Петруша, я ничего... Ты, можетъ-быть, только такъ позабылъ, а все помнишь. Ну-ка, вспомни-ка, былъ ты у Вахрамѣева чиновника,—былъ или нѣтъ?

— И не былъ, и чиновника такого не бывало. Вотъ хоть сейчасъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, Петръ! Нѣтъ, Петруша, вѣдь я ничего. Вѣдь ты видишь, что я ничего... Ну, что-жъ такое! Ну, на дворѣ холодно, сыро, ну, выпилъ человѣкъ маленько, ну и ничего. Я не сержусь. Я самъ, братъ, выпилъ сегодня... Ты признайся, вспомни-ка, братъ: былъ ты у чиновника Вахрамѣева?

— Ну, какъ теперь, вотъ этакъ пошло, такъ право слово—вотъ былъ же, вотъ хоть сейчасъ...

— Ну, хорошо, Петруша, хорошо, что былъ. Ты видишь, я не сержусь... Ну, ну, продолжалъ нашъ герой, еще болѣе задабривая своего служителя, трепля его по плечу и улыбаясь ему,—ну, клюкнулъ, мерзавецъ, маленько... на гривенникъ что-ли клюкнулъ? Плутъ ты этакой! Ну и ничего; ну, ты видишь, что я не сержусь... я не сержусь, братецъ, я не сержусь...

— Нѣтъ, я не плутъ, какъ хотите-съ... Къ добрымъ людямъ только зашелъ, а не плутъ, и плутомъ никогда не бывалъ...

— Да, нѣтъ же, нѣтъ, Петруша! Ты послушай, Петръ: вѣдь я тебя не ругаю, что плутомъ называю. Вѣдь это я въ утѣшеніе тебѣ говорю, въ благородномъ смыслѣ про это говорю. Вѣдь это значитъ, Петруша, польстить иному человѣку, какъ сказать ему, что онъ петля этакая, продувной малый, что онъ малый не промахъ и никому надуть себя не позволитъ. Это любитъ иной человѣкъ... Ну, ну,

ничего! Ну, скажи же ты мнѣ, Петруша, теперь безъ утайки, откровенно, какъ другу... ну, былъ ты у чиновника Вахрамѣева, и адресъ онъ далъ тебѣ?

— И адресъ далъ, тоже и адресъ далъ. Хорошій чиновникъ! И баринъ твой, говоритъ, хорошій человѣкъ, очень хорошій, говоритъ, человѣкъ; я, дескать, скажи, говоритъ—кланяйся, говоритъ, своему барину, благодари и скажи, что я, дескать, люблю,—вотъ, дескать, какъ уважаю твоего барина! За то, что, говоритъ, ты, баринъ твой, говоритъ, Петруша, хорошій человѣкъ, говоритъ, и ты, говоритъ, тоже хорошій человѣкъ, Петрушка—вотъ...

— Ахъ, ты, Господи Боже мой! А адресъ-то, адресъ-то! Іуда ты этакой!—Послѣднія слова господинъ Голядкинъ проговорилъ почти шопотомъ.

— И адресъ... и адресъ далъ.

— Далъ? Ну, гдѣ же живетъ онъ, Голядкинъ, чиновникъ Голядкинъ, титулярный совѣтникъ?

— А Голядкинъ будетъ тебѣ, говоритъ, въ Шестилавочной улицѣ. Вотъ какъ пойдешь, говоритъ, въ Шестилавочную, такъ направо, на лѣстницу, въ четвертый этажъ. Вотъ тутъ тебѣ, говоритъ, и будетъ Голядкинъ...

— Мошенникъ ты этакой! закричалъ, наконецъ, вышедшій изъ терпѣнія герой нашъ,—разбойникъ ты этакой! Да это вѣдь я; вѣдь это ты про меня говоришь. А то другой есть Голядкинъ; я про другого говорю, мошенникъ ты этакой!

— Ну, какъ хотите! Что мнѣ! Вы какъ хотите—вотъ!..

— А письмо-то, письмо...

— Какое письмо? И не было никакого письма, и не видалъ я никакого письма.

— Да куда же ты дѣлъ его, шельмецъ ты такой!?..

— Отдалъ его, отдалъ письмо. Кланяйся, говоритъ, благодари, хорошій твой, говоритъ, баринъ. Кланяйся, говоритъ, твоему барину...

— Да кто же это сказалъ? Это Голядкинъ сказалъ?— Петрушка помолчалъ немного и усмѣхнулся во весь ротъ, глядя прямо въ глаза своему барину...

— Слушай ты, разбойникъ ты этакой! началъ господинъ Голядкинъ, задыхаясь, теряясь отъ бѣшенства,—что ты сдѣлалъ со мной! Говори ты мнѣ, что ты сдѣлалъ со мной! Срѣзалъ ты меня, злодѣй ты такой! Голову съ плечъ моихъ снялъ, Іуда ты этакой!

— Ну, теперь какъ хотите! Что мнѣ! сказалъ рѣшительнымъ тономъ Петрушка, ретируясь за перегородку.

— Пошелъ сюда, пошелъ сюда, разбойникъ ты этакой!..

— И не пойду я къ вамъ теперь, совсѣмъ не пойду. Что мнѣ! Я къ добрымъ людямъ пойду... А добрые люди живутъ по честности, добрые люди безъ фальши живутъ, и по-двое никогда не бываютъ... У господина Голядкина и руки и ноги оледенѣли, и духъ занялся...

— Да-съ, продолжалъ Петрушка,—ихъ по-двое никогда не бываетъ, Бога и честныхъ людей не обижаютъ...

— Ты бездѣльникъ, ты пьянъ! Ты спи теперь, разбойникъ ты этакой! А вотъ завтра и будетъ тебѣ, едва слышнымъ голосомъ проговорилъ господинъ Голядкинъ. Что же касается до Петрушки, то онъ пробормоталъ еще что-то; потомъ слышно было, какъ онъ налегъ на кровать, такъ что кровать затрещала, протяжно зѣвнулъ, потянулся и, наконецъ, захрапѣлъ сномъ невинности, какъ говорится. Ни живъ, ни мертвъ былъ господинъ Голядкинъ. Поведеніе Петрушки, намеки его весьма странные, хотя и отдаленные, на которые сердиться, слѣдственно, нечего было, тѣмъ болѣе, что пьяный человѣкъ говорилъ, и, наконецъ, весь злокачественный оборотъ, принимаемый дѣломъ,—все это потрясло до основанія господина Голядкина. „И дернуло меня его распекать среди ночи“, говорилъ нашъ герой, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ какого-то болѣзненнаго ощущенія. „И подсунуло меня съ пьянымъ человѣкомъ связаться! Какого толку ждать отъ пьянаго человѣка! Что ни слово, то вретъ. На что это, впрочемъ, онъ намекалъ, разбойникъ онъ этакой? Господи Боже мой! И зачѣмъ я всѣ эти письма писалъ, я-то, душегубецъ, я-то, самоубійца я этакой! Нельзя помолчать! Надо было провраться! Вѣдь ужъ чего! Погибаешь, ветошкѣ подобишься, такъ вѣдь нѣтъ же, туда же съ амбиціей, дескать, честь моя страждетъ, дескать, честь тебѣ свою нужно спасать! Самоубійца я этакой!“

Такъ говорилъ господинъ Голядкинъ, сидя на диванѣ своемъ и не смѣя пошевелиться отъ страха. Вдругъ глаза его остановились на одномъ предметѣ, въ высочайшей степени возбудившемъ его вниманіе. Въ страхѣ—не иллюзія-ли, не обманъ-ли воображенія предметъ, возбудившій вниманіе его,—протянулъ онъ къ нему руку, съ надеждою, съ робостію, съ любопытствомъ неописаннымъ... Нѣтъ, не обманъ! Не иллюзія! Письмо, точно письмо, непремѣнно письмо, и къ нему адресованное. Господинъ Голядкинъ взялъ письмо со стола. Сердце въ немъ страшно билось. „Это вѣрно тотъ мошенникъ принесъ“, подумалъ онъ, „и

CZYTELNIA "KULTURA" ... Sienkiewicza 14

тутъ положилъ, а потомъ и забылъ; вѣрно такъ все случилось: это вѣрно именно такъ все случилось...“ Письмо было отъ чиновника Вахрамѣева, молодого сослуживца и нѣкогда пріятеля господина Голядкина. „Впрочемъ, я все это заранѣе предчувствовалъ“, подумалъ герой нашъ, „и все то, что въ письмѣ теперь будетъ, также предчувствовалъ“... Письмо было слѣдующее:

„Милостивый Государь,

„Яковъ Петровичъ!

„Человѣкъ вашъ пьянъ, и путнаго отъ него не дождешься, по сей причинѣ предпочитаю отвѣчать письменно. Спѣшу вамъ объявить, что порученіе, вами на меня возлагаемое и состоящее въ передачѣ извѣстной вамъ особѣ черезъ мои руки письма, согласенъ исполнить во всей вѣрности и точности. Квартируетъ же сія особа, весьма вамъ извѣстная и теперь замѣнившая мнѣ друга, коей имя при семъ умалчиваю (затѣмъ, что не хочу напрасно чернить репутацію совершенно невиннаго человѣка), вмѣстѣ съ нами, въ квартирѣ Каролины Ивановны, въ томъ самомъ номерѣ, гдѣ прежде еще, въ бытность вашу у насъ, квартировалъ заѣзжій изъ Тамбова пѣхотный офицеръ. Впрочемъ, особу сію можете найти вездѣ между честныхъ и искреннихъ сердцемъ людей, чего объ иныхъ сказать невозможно. Связи мои съ вами намѣренъ я съ сего числа прекратить, въ дружественномъ же тонѣ и въ прежнемъ согласномъ видѣ товарищества нашего намъ оставаться нельзя, и потому прошу васъ, милостивый государь мой, немедленно по полученіи сего откровеннаго письма моего, выслать слѣдуемые мнѣ два цѣлковыхъ за бритвы иностранной работы, проданныя мною, если запомнить изволите, семь мѣсяцевъ тому назадъ, въ долгъ, еще во время жительства вашего съ нами у Каролины Ивановны, которую я отъ всей души моей уважаю. Дѣйствую же я такимъ образомъ потому, что вы, по разсказамъ умныхъ людей, потеряли амбицію и репутацію и стали опасны для нравственности невинныхъ и незараженныхъ людей, ибо нѣкоторыя особы живутъ не по правдѣ и, сверхъ того, слова ихъ фальшь и благонамѣренный видъ подозрителенъ. Вступиться же за обиду Каролины Ивановны, которая всегда была благонравнаго поведенія, а во-вторыхъ, честная женщина и, вдобавокъ, дѣвица, хотя не молодыхъ лѣтъ, но зато хорошей иностранной фамиліи,—людей способныхъ можно найти всегда и вездѣ, о чемъ про-

сили меня нѣкоторыя особы упомянуть въ семъ письмѣ моемъ мимоходомъ и говоря отъ своего лица. Во всякомъ же случаѣ, вы все узнаете своевременно, если теперь не узнали, несмотря на то, что ославили себя, по разсказамъ умныхъ людей, во всѣхъ концахъ столицы и, слѣдовательно, уже во многихъ мѣстахъ могли получить надлежащія о себѣ, милостивый государь, свѣдѣнія. Въ заключеніе письма моего объявляю вамъ, милостивый мой государь, что извѣстная вамъ особа, коей имя не упоминаю здѣсь по извѣстнымъ благороднымъ причинамъ, весьма уважаема людьми благомыслящими, сверхъ того, характера веселаго и пріятнаго, успѣваетъ какъ на службѣ, такъ и между всѣми здравомыслящими людьми, вѣрна своему слову и дружбѣ и не обижаетъ заочно тѣхъ, съ кѣмъ въ глаза находится въ пріятельскихъ отношеніяхъ.

„Во всякомъ случаѣ пребываю
„покорнымъ слугою вашимъ
„*Н. Вахрамѣевымъ*“.

P. S. Вы вашего человѣка сгоните: онъ пьяница и приноситъ вамъ, по всей вѣроятности, много хлопотъ, а возьмите Евстафія, служившаго прежде у насъ и находящагося на сей разъ безъ мѣста. Теперешній же служитель вашъ не только пьяница, но, сверхъ того, воръ, ибо еще на прошлой недѣлѣ продалъ фунтъ сахару, въ видѣ кусковъ, Каролинѣ Ивановнѣ за уменьшенную цѣну, что, по моему мнѣнію, не могъ иначе сдѣлать, какъ обворовавъ васъ хитростнымъ образомъ, по малому и въ разные сроки. Пишу вамъ сіе, желая добра, несмотря на то, что нѣкоторыя особы умѣютъ только обижать и обманывать всѣхъ людей, преимущественно же честныхъ и обладающихъ добрымъ характеромъ; сверхъ того, заочно поносятъ ихъ и представляютъ ихъ въ обратномъ смыслѣ, единственно изъ зависти и потому, что сами себя не могутъ назвать таковыми“.

„*В*“.

Прочтя письмо Вахрамѣева, герой нашъ долго еще оставался въ неподвижномъ положеніи на диванѣ своемъ. Какой-то новый свѣтъ пробивался сквозь весь неясный и загадочный туманъ, уже два дня окружавшій его. Герой нашъ отчасти начиналъ понимать... Пробовалъ было онъ встать съ дивана и пройтись, разъ и другой, по комнатѣ,

чтобъ освѣжить себя, собрать кое-какъ разбитыя мысли, устремить ихъ на извѣстный предметъ и потомъ, поправивъ себя немного, зрѣло обдумать свое положеніе. Но только что хотѣлъ было онъ привстать, какъ тутъ же, въ немощи и безсиліи, упалъ опять на прежнее мѣсто. „Оно, конечно, я это все заранѣе предчувствовалъ; однакоже, какъ же онъ пишетъ и каковъ прямой смыслъ этихъ словъ. Смыслъ-то я, положимъ, и знаю; но куда это поведетъ? Сказалъ бы прямо: вотъ, дескать, такъ-то и такъ-то, требуется то-то и то-то, я бы и исполнилъ. Турнюра-то, оборотъ-то, принимаемый дѣломъ, такой непріятный выходитъ! Ахъ, какъ бы поскорѣе добраться до завтра и поскорѣе добраться до дѣла! Теперь же я знаю что дѣлать. Дескать, такъ и такъ скажу, на резоны согласенъ, чести моей не продамъ, а того... пожалуй; впрочемъ, онъ-то, особа-то эта извѣстная, лицо-то неблагопріятное какъ же сюда подмѣшалось? И зачѣмъ именно подмѣшалось сюда? Ахъ, какъ бы до завтра скорѣй! Ославятъ они меня до тѣхъ поръ, интригуютъ они, въ пику работаютъ! Главное—времени не нужно терять, а теперь, напримѣръ, хоть письмо написать и только пропустить, что, дескать, то-то и то-то, и вотъ на то-то и то-то согласенъ. А завтра чѣмъ свѣтъ отослать и самому пораньше того... и съ другой стороны имъ въ контру пойти и предупредить ихъ голубчиковъ... Ославятъ они меня, да и только!“

Господинъ Голядкинъ подвинулъ бумагу, взялъ перо и написалъ слѣдующее посланіе въ отвѣтъ на письмо губернскаго секретаря Вахрамѣева:

„Милостивый Государь,
„Несторъ Игнатьевичъ!

„Съ прискорбнымъ сердцу моему удивленіемъ прочелъ я оскорбительное для меня письмо ваше, ибо ясно вижу, что подъ именемъ нѣкоторыхъ неблагопристойныхъ особъ и иныхъ съ ложною благонамѣренностью людей разумѣете вы меня. Съ истинною горестію вижу, какъ скоро, успѣшно и какіе далекіе корни пустила клевета, въ ущербъ моему благоденствію, моей чести и доброму моему имени. И тѣмъ болѣе прискорбно и оскорбительно это, что даже честные люди съ истинно благороднымъ образомъ мыслей и, главное, одаренные прямымъ и открытымъ характеромъ, отступаютъ отъ интересовъ благородныхъ людей и

прилѣпляются лучшими качествами сердца своего къ злов-вредной тлѣ, — къ несчастію, въ наше тяжелое и безнравственное время расплодившейся сильно и крайне неблагонамѣренно. Въ заключеніе скажу, что вами означенный долгъ мой, два рубля серебромъ, почту святою обязанностію возвратить вамъ во всей его цѣлости.

„Что же касается до вашихъ, милостивый государь мой, намековъ насчетъ извѣстной особы женскаго пола, насчетъ намѣреній, расчетовъ и разныхъ замысловъ этой особы, то скажу вамъ, милостивый государь мой, что я смутно и неясно понялъ всѣ эти намеки. Позвольте мнѣ, милостивый государь мой, благородный образъ мыслей моихъ и честное имя мое сохранить незапятнанными. Во всякомъ же случаѣ, готовъ снизойти до объясненія лично, предпочитая вѣрность личнаго письменному, и сверхъ того готовъ войти въ разныя миролюбивыя, обоюдныя, разумѣется, соглашенія. На сей конецъ прошу васъ, милостивый мой государь, передать сей особѣ готовность мою для соглашенія личнаго, и сверхъ того, просить ее назначить время и мѣсто свиданія. Горько мнѣ было читать, милостивый государь мой, намеки на то, что будто бы васъ оскорбилъ, измѣнилъ нашей первобытной дружбѣ и отзывался о васъ съ дурной стороны. Приписываю все сіе недоразумѣнію, гнусной клеветѣ, зависти и недоброжелательству тѣхъ, коихъ справедливо могу наименовать ожесточеннѣйшими врагами моими. Но они, вѣроятно, не знаютъ, что невинность сильна уже своею невинностью, что безстыдство, наглость и возмущающая душу фамильярность иныхъ особъ, рано-ли, поздно-ли, заслужитъ себѣ всеобщее клеймо презрѣнія, и что эти особы погибнутъ не иначе, какъ отъ собственной неблагопристойности и развращенности сердца. Въ заключеніе прошу васъ, милостивый государь мой, передать симъ особамъ, что странная претензія ихъ и неблагородное фантастическое желаніе вытѣснять другихъ изъ предѣловъ, занимаемыхъ сими другими, своимъ бытіемъ въ этомъ мірѣ, и занять ихъ мѣсто, заслуживаютъ изумленія, презрѣнія, сожалѣнія и, сверхъ того, сумасшедшаго дома; что, сверхъ того, такія отношенія запрещены строго законами, что, по моему мнѣнію, совершенно справедливо, ибо всякій долженъ быть доволенъ своимъ собственнымъ мѣстомъ. Всему есть предѣлы, и если это шутка, то шутка неблагопристойная, скажу болѣе: совершенно безнравственная, ибо, смѣю увѣрить васъ, милостивый государь мой, что

идеи мои, выше распространенныя насчетъ *своихъ мѣстъ*, чисто нравственныя.

„Во всякомъ случаѣ честь имѣю пребыть
„вашимъ покорнымъ слугою

„*Я. Голядкинъ*“.

ГЛАВА X.

Вообще можно сказать, что происшествія вчерашняго дня до основанія потрясли господина Голядкина. Почивалъ нашъ герой весьма нехорошо, т. е. никакъ не могъ даже на пять минутъ заснуть совершенно: словно проказникъ какой-нибудь насыпалъ ему рѣзаной щетины въ постель. Всю ночь провелъ онъ въ какомъ-то полуснѣ, полубдѣніи, переворачиваясь со стороны на сторону, съ боку на бокъ, охая, кряхтя, на минутку засыпая, черезъ минутку опять просыпаясь, и все это сопровождалось какой-то странной тоской, неясными воспоминаніями, безобразными видѣніями, — однимъ словомъ всѣмъ, что только можно найти непріятнаго... То появлялась передъ нимъ, въ какомъ-то странномъ, загадочномъ полусвѣтѣ, фигура Андрея Филипповича, — сухая фигура, сердитая фигура, съ сухимъ жесткимъ взглядомъ и съ черство-учтивой побранкой... И только что господинъ Голядкинъ начиналъ было подходить къ Андрею Филипповичу, чтобъ передъ нимъ, какимъ-нибудь образомъ, такъ или этакъ, оправдаться и доказать ему, что онъ вовсе не таковъ, какъ его враги расписали, что онъ вотъ такой-то, да сякой-то и даже обладаетъ, сверхъ обыкновенныхъ, врожденныхъ качествъ своихъ, вотъ тѣмъ-то и тѣмъ-то, — но, какъ тутъ, и являлось извѣстное своимъ неблагопристойнымъ направленіемъ лицо и какимъ-нибудь самымъ возмущающимъ душу средствомъ сразу разрушало всѣ предначинанія господина Голядкина, тутъ же, почти на глазахъ же господина Голядкина, очерняло досконально его репутацію, втаптывало въ грязь его амбицію, и потомъ немедленно занимало мѣсто его на службѣ и въ обществѣ. То чесалась голова господина Голядкина отъ какого-нибудь щелчка, недавно благопріобрѣтеннаго и униженно принятаго, полученнаго или въ общежитіи, или какъ-нибудь тамъ по обязанности, на который щелчокъ протестовать было трудно... И между тѣмъ какъ господинъ Голядкинъ начиналъ было ломать себѣ голову надъ тѣмъ, что почему вотъ именно трудно протестовать хоть бы на та-

кой-то щелчокъ, — между тѣмъ эта же мысль о щелчкѣ незамѣтно переливалась въ какую-нибудь другую форму,— въ форму какой-нибудь извѣстной маленькой или довольно значительной подлости, видѣнной, слышанной или самимъ недавно исполненной, — и часто исполненной-то даже и не на подломъ основаніи, даже и не изъ подлаго побужденія какого-нибудь, а такъ, — иногда, напримѣръ, по случаю, изъ деликатности; другой разъ изъ ради совершенной своей беззащитности, ну, и наконецъ, потому... потому, однимъ словомъ, ужъ это господинъ Голядкинъ зналъ хорошо: *почему*! Тутъ господинъ Голядкинъ краснѣлъ сквозь сонъ, и, подавляя краску свою, бормоталъ про себя, что, дескать, здѣсь, напримѣръ, можно бы показать твердость характера, значительную бы можно было показать въ этомъ случаѣ твердость характера... а потомъ и заключалъ, что, „дескать, что же твердость характера!.. Дескать, зачѣмъ ее теперь понимать!..“ Но всего болѣе бѣсило и раздражало господина Голядкина то, что какъ тутъ, и непремѣнно въ такую минуту, звали-ль, не звали-ль его, являлось извѣстное безобразіемъ и пасквильностью своего направленія лицо, и тоже, несмотря на то, что уже, кажется, дѣло было извѣстное,— тоже туда же бормотало съ неблагопристойной улыбочкой, что „дескать, что ужъ тутъ твердость характера! Какая, дескать, у насъ съ тобою, Яковъ Петровичъ, будетъ твердость характера!..“ То грезилось господину Голядкину, что находится онъ въ одной прекрасной компаніи, извѣстной своимъ остроуміемъ и благороднымъ тономъ всѣхъ лицъ, ее составляющихъ; что господинъ Голядкинъ, въ свою очередь, отличился въ отношеніи любезности и остроумія, что всѣ его полюбили, даже нѣкоторые изъ враговъ его, бывшихъ тутъ же, его полюбили, что̀ очень пріятно было господину Голядкину, что всѣ ему отдали первенство, и что, наконецъ, самъ господинъ Голядкинъ съ пріятностью подслушалъ, какъ хозяинъ, тутъ же, отведя въ сторону кой-кого изъ гостей, похвалилъ господина Голядкина... и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, опять явилось извѣстное своею неблагонамѣренностью и звѣрскими побужденіями лицо, въ видѣ господина Голядкина-младшаго, и тутъ же, сразу, въ одинъ мигъ, однимъ появленіемъ своимъ, Голядкинъ-младшій разрушалъ все торжество и всю славу господина Голядкина-старшаго, затмилъ собою Голядкина-старшаго, втоптalъ въ грязь Голядкина-старшаго, и, наконецъ, ясно до-

казалъ, что Голядкинъ-старшій, и вмѣстѣ съ тѣмъ настоящій, — вовсе не настоящій, а поддѣльный, а что онъ настоящій, что, наконецъ, Голядкинъ-старшій вовсе не то, чѣмъ онъ кажется, а такой-то и сякой-то, и, слѣдовательно, не долженъ и не имѣетъ права принадлежать къ обществу людей благонамѣренныхъ и хорошаго тона. И все это до того быстро сдѣлалось, что господинъ Голядкинъ-старшій и рта раскрыть не успѣлъ, какъ уже всѣ и душою и тѣломъ предались безобразному и поддѣльному господину Голядкину и съ глубочайшимъ презрѣніемъ отвергли его, настоящаго и невиннаго господина Голядкина. Не оставалось лица, котораго мнѣнія не передѣлалъ бы въ одинъ мигъ безобразный господинъ Голядкинъ по-своему. Не оставалось лица, даже самаго незначительнаго изъ цѣлой компаніи, къ которому бы не подлизался безполезный и фальшивый господинъ Голядкинъ по-своему, самымъ сладчайшимъ манеромъ, къ которому бы не подбился по-своему, передъ которымъ бы онъ не покурилъ, по своему обыкновенію, чѣмъ-нибудь самымъ пріятнымъ и сладкимъ, что обкуриваемое лицо только нюхало и чихало до слезъ, въ знакъ высочайшаго удовольствія. И, главное, все это дѣлалось мигомъ: быстрота хода подозрительнаго и безполезнаго господина Голядкина была удивительная! Чуть успѣетъ, напримѣръ, полизаться съ однимъ, заслужить благорасположеніе его,— и глазкомъ не мигнешь, какъ ужъ онъ и другого. Полижется-полижется съ другимъ втихомолочку, сорветъ улыбочку благоволенія, лягнетъ своей коротенькой, кругленькой, довольно, впрочемъ, дубоватенькой ножкой, и вотъ ужъ и съ третьимъ, и куртизанитъ ужъ третьяго, съ нимъ тоже лижется по-пріятельски; рта раскрыть не успѣваешь, въ изумленіе не успѣешь прійти, а ужъ онъ у четвертаго, и съ четвертымъ уже на тѣхъ же кондиціяхъ, — ужасъ: колдовство да и только! И всѣ рады ему, и всѣ любятъ его, и всѣ превозносятъ его, и всѣ провозглашаютъ хоромъ, что любезность и сатирическаго ума его направленіе не въ примѣръ лучше любезности и сатирическаго направленія настоящаго господина Голядкина, и стыдятъ этимъ настоящаго и невиннаго господина Голядкина, и отвергаютъ правдоподобнаго господина Голядкина, и уже гонятъ въ толчки благонамѣреннаго господина Голядкина и ужъ сыплютъ щелчки въ извѣстнаго любовію къ ближнему настоящаго господина Голядкина!.. Въ тоскѣ, въ ужасѣ, въ бѣшенствѣ выбѣ-

жалъ многострадальный господинъ Голядкинъ на улицу, и сталъ нанимать извозчика, чтобъ прямо летѣть къ его превосходительству, а если не такъ, то ужъ, по крайней мѣрѣ, къ Андрею Филипповичу, но — ужасъ! извозчики никакъ не соглашались везти господина Голядкина, „дескать, баринъ, нельзя везти двухъ совершенно подобныхъ, дескать, ваше благородіе, хорошій человѣкъ, норовитъ жить по честности, а не какъ-нибудь, и вдвойнѣ никогда не бываетъ“. Въ изступленіи стыда, оглядывался кругомъ совершенно честный господинъ Голядкинъ, и дѣйствительно увѣрялся, самъ, своими глазами, что извозчики и стакнувшійся съ ними Петрушка всѣ въ своемъ правѣ, ибо развращенный господинъ Голядкинъ находился дѣйствительно тутъ же, возлѣ него, не въ дальнемъ отъ него разстояніи, и, слѣдуя подлымъ обычаямъ нравовъ своихъ, и тутъ, и въ этомъ критическомъ случаѣ, непремѣнно готовился сдѣлать что-то весьма неприличное и нисколько не обличавшее особеннаго благородства характера, получаемаго обыкновенно при воспитаніи,—благородства, которымъ такъ величался при всякомъ удобномъ случаѣ отвратительный господинъ Голядкинъ-второй. Не помня себя, въ стыдѣ и въ отчаяніи, бросился погибшій и совершенно справедливый господинъ Голядкинъ куда глаза глядятъ, на волю судьбы, куда бы не вынесло; но съ каждымъ шагомъ его, съ каждымъ ударомъ ноги въ гранитъ тротуара, выскакивало, какъ будто изъ-подъ земли, по такому точно, совершенно подобному и отвратительному развращенностію сердца, господину Голядкину. И всѣ эти совершенно подобные пускались тотчасъ же по появленіи своемъ бѣжать одинъ за другимъ, и длинною цѣпью, какъ вереница гусей, тянулись и ковыляли за господиномъ Голядкинымъ-старшимъ, такъ что некуда было убѣжать отъ совершенно подобныхъ, — такъ что духъ захватывало всячески достойному сожалѣнія господину Голядкину отъ ужаса, такъ что народилась, наконецъ, страшная бездна совершенно подобныхъ, такъ что вся столица запрудилась, наконецъ, совершенно подобными, и полицейскій служитель, видя таковое нарушеніе приличія, принужденъ былъ взять этихъ всѣхъ совершенно подобныхъ за шиворотъ и посадить въ случившуюся у него подъ бокомъ будку... Цѣпенѣя и леденѣя отъ ужаса, просыпался герой нашъ, и цѣпенѣя и леденѣя отъ ужаса, чувствовалъ, что и на-яву едва-ли веселѣе проводится время... Тяжело, мучительно было... Тоска под-

ходила такая, какъ будто кто сердце вырѣзалъ изъ груди...

Наконецъ, господинъ Голядкинъ не могъ долѣе вытерпѣть. „Не будетъ же этого!“ закричалъ онъ, съ рѣшимостью приподнимаясь съ постели, и вслѣдъ за этимъ восклицаніемъ совершенно очнулся.

День, повидимому, уже давно начался. Въ комнатѣ было какъ-то не по обыкновенному свѣтло, солнечные лучи густо процѣживались сквозь заиндевѣвшія отъ мороза стекла и обильно разсыпались по комнатѣ, что не мало удивило господина Голядкина, ибо развѣ только въ полдень заглядывало къ нему солнце своимъ чередомъ, прежде же такихъ исключеній въ теченіи небеснаго свѣтила, сколько, по крайней мѣрѣ, господинъ Голядкинъ самъ могъ припомнить, почти никогда не бывало. Только что успѣлъ подивиться на это герой нашъ, какъ зажужжали за перегородкой стѣнные часы, и такимъ образомъ совершенно приготовились бить. „А вотъ!“ подумалъ господинъ Голядкинъ, и съ тоскливымъ ожиданіемъ приготовился слушать... Но, къ совершенному и окончательному пораженію господина Голядкина, часы его понатужились и ударили всего одинъ разъ. „Это что за исторія?“ вскричалъ нашъ герой, выскакивая совсѣмъ изъ постели. Такъ, какъ былъ, не вѣря ушамъ своимъ, бросился онъ за перегородку. На часахъ былъ дѣйствительно часъ. Господинъ Голядкинъ взглянулъ на кровать Петрушки, но въ комнатѣ даже не пахло Петрушкой: постель его, повидимому, давно уже была прибрана и оставлена, сапоговъ его тоже нигдѣ не было, — несомнѣнный признакъ, что Петрушки дѣйствительно не было дома. Господинъ Голядкинъ бросился къ дверямъ: двери заперты. „Да гдѣ же Петрушка?“ продолжалъ онъ шопотомъ, весь въ страшномъ волненіи и чувствуя довольно значительную дрожь во всѣхъ членахъ... Вдругъ одна мысль пронеслась въ головѣ его... Господинъ Голядкинъ бросился къ столу своему, оглядѣлъ его, обшарилъ кругомъ—такъ и есть: вчерашняго письма его къ Вахрамѣеву не было... Петрушки за перегородкой тоже совсѣмъ не было, на стѣнныхъ часахъ былъ часъ, а во вчерашнемъ письмѣ Вахрамѣева были введены какіе-то новые пункты, весьма, впрочемъ, съ перваго взгляда неясные, пункты, но теперь совершенно объяснившіеся. Наконецъ, и Петрушка—очевидно, подкупленный Петрушка! Да, да, это такъ!

„Такъ это такъ-то главный узелъ завязывался!“ вскри-

чалъ господинъ Голядкинъ, ударивъ себя по лбу и все болѣе и болѣе открывая глаза, „такъ это въ гнѣздѣ этой скаредной нѣмки кроется теперь вся главная нечистая сила! Такъ это, стало-быть, она только стратегическую диверсію дѣлала, указывая мнѣ на Измайловскій мостъ,— глаза отводила, смущала меня (негодная вѣдьма!) и вотъ такимъ-то образомъ подкопы вела!!! Да, это такъ! Если только съ этой стороны на дѣло взглянуть, это, все это и будетъ именно такъ! И появленіе мерзавца тоже теперь вполнѣ объясняется: это все одно къ одному. Они его давно уже держали, приготовляли и на черный день припасали. Вѣдь вотъ оно какъ теперь, какъ оказалось-то все! Какъ разрѣшилось-то все? А ну, ничего! Еще не потеряно время!..“ Тутъ господинъ Голядкинъ съ ужасомъ вспомнилъ, что уже второй часъ пополудни. „Что если они теперь и успѣли...“ Стонъ вырвался у него изъ груди... „Да нѣтъ же, врутъ, не успѣли,—посмотримъ...“ Кое-какъ онъ одѣлся, схватилъ бумагу, перо и настрочилъ слѣдующее посланіе:

„Милостивый Государь мой,

„Яковъ Петровичъ!

„Либо вы, либо я, а вмѣстѣ намъ невозможно! И потому объявляю вамъ, что странное, смѣшное и вмѣстѣ невозможное желаніе ваше — казаться моимъ близнецомъ и выдавать себя за такового, послужитъ ни къ чему иному, какъ къ совершенному вашему безчестію и пораженію. И потому прошу васъ, ради собственной же выгоды вашей, посторониться и дать путь людямъ истинно благороднымъ и съ цѣлями благонамѣренными. Въ противномъ же случаѣ, готовъ рѣшиться даже на самыя крайнія мѣры. Кладу перо и ожидаю... Впрочемъ, пребываю готовымъ на услуги и—на пистолеты.

„Я. Голядкинъ“.

Энергически потеръ себѣ руки герой нашъ, когда кончилъ записку. Затѣмъ, натянувъ шинель и надѣвъ шляпу, отперъ другимъ, запаснымъ ключомъ квартиру и пустился въ департаментъ. До департамента онъ дошелъ, но войти не рѣшился, дѣйствительно, было уже слишкомъ поздно, половину третьяго показывали часы господина Голядкина. Вдругъ одно, повидимому, весьма маловажное обстоятельство разрѣшило нѣкоторыя сомнѣнія господина Голядкина: изъ-за угла департаментскаго зданія вдругъ

показалась запыхавшаяся и раскраснѣвшаяся фигурка, и украдкой, крысиной походкой шмыгнула на крыльцо, и потомъ тотчасъ же въ сѣни. Это былъ писарь Остафьевъ, человѣкъ весьма знакомый господину Голядкину, человѣкъ отчасти нужный и за гривенникъ готовый на все. Зная нѣжную струну Остафьева и смекнувъ, что онъ, послѣ отлучки за самонужнѣйшей надобностью, вѣроятно, сталъ еще болѣе прежняго падокъ на гривенники, герой нашъ рѣшился ихъ не жалѣть, и тотчасъ же шмыгнулъ на крыльцо, а потомъ и въ сѣни вслѣдъ за Остафьевымъ, кликнулъ его и съ таинственнымъ видомъ пригласилъ въ сторонку, въ укромный уголокъ, за огромную желѣзную печку. Заведя его туда, герой нашъ началъ разспрашивать.

— Ну, что, мой другъ, какъ этакъ тамъ того... ты меня понимаешь?..

— Слушаю, ваше благородіе, здравія желаю вашему благородію.

— Хорошо, мой другъ, хорошо; а я тебя поблагодарю, милый другъ. Ну, вотъ видишь, какъ же, мой другъ?

— Что изволите спрашивать-съ? Тутъ Остафьевъ попридержалъ немного рукою свой нечаянно раскрывшійся ротъ.

— Я, вотъ видишь-ли, мой другъ, я того... а ты не думай чего-нибудь... Ну что, Андрей Филипповичъ здѣсь?..

— Здѣсь-съ.

— И чиновники здѣсь?

— И чиновники тоже-съ, какъ слѣдуетъ-съ.

— И его превосходительство тоже?

— И его превосходительство тоже-съ. Тутъ писарь еще, другой разъ, попридержалъ свой опять раскрывшійся ротъ и какъ-то любопытно и странно посмотрѣлъ на господина Голядкина. Герою нашему, по крайней мѣрѣ, такъ показалось.

— И ничего особеннаго такого нѣту, мой другъ?

— Нѣтъ-съ, никакъ нѣтъ-съ.

— Этакъ обо мнѣ, милый другъ, нѣтъ-ли чего-нибудь тамъ, этакъ чего-нибудь только... а? только такъ, мой другъ, понимаешь?

— Нѣтъ-съ, еще ничего не слышно покамѣстъ. Тутъ писарь опять попридержалъ свой ротъ и опять какъ-то странно взглянулъ на господина Голядкина. Дѣло въ томъ, что герой нашъ старался теперь проникнуть въ физіономію Остафьева, прочесть на ней кое-что, не таится-ли

чего-нибудь. И дѣйствительно, какъ будто что-то такое таилось: дѣло въ томъ, что Остафьевъ становился все какъ-то грубѣе и суше и не съ такимъ уже участіемъ, какъ съ начала разговора, входилъ теперь въ интересы господина Голядкина. „Онъ отчасти въ своемъ правѣ“, подумалъ господинъ Голядкинъ, „вѣдь что-жъ я ему? Онъ, можетъ быть, уже и получилъ съ другой стороны, а потому и отлучился по самонужнѣйшей-то. А вотъ я ему и того“... Господинъ Голядкинъ понялъ, что время гривенниковъ наступило.

— Вотъ тебѣ, милый другъ...

— Чувствительно благодаренъ вашему благородію.

— Еще болѣе дамъ.

— Слушаю, ваше благородіе.

— Теперь, сейчасъ еще болѣе дамъ, и когда дѣло кончится, еще столько же дамъ. Понимаешь?

Писарь молчалъ, стоялъ въ струнку и неподвижно смотрѣлъ на господина Голядкина.

— Ну, теперь говори: про меня ничего не слышно?..

— Кажется, что еще, покамѣстъ... того-съ... ничего нѣтъ покамѣстъ-съ. Остафьевъ отвѣчалъ съ разстановкой, тоже, какъ и господинъ Голядкинъ, наблюдая немного таинственный видъ, подергивая немного бровями, смотря въ землю, стараясь попасть въ надлежащій тонъ и, однимъ словомъ, всѣми силами стараясь наработать обѣщанное, потому что данное онъ уже считалъ за собою и окончательно пріобрѣтеннымъ.

— И неизвѣстно ничего?

— Покамѣстъ еще нѣтъ-съ.

— А послушай... того... оно, можетъ-быть, будетъ извѣстно?

— Потомъ, разумѣется, можетъ-быть, будетъ извѣстно-съ.

— Плохо! подумалъ герой нашъ.—Послушай: вотъ тебѣ еще, милый мой.

— Чувствительно благодаренъ вашему благородію.

— Вахрамѣевъ былъ вчера здѣсь?..

— Были-съ.

— А другого кого-нибудь не было-ли!.. Припомни-ка, братецъ?

Писарь порылся съ минутку въ своихъ воспоминаніяхъ и надлежащаго ничего не припомнилъ.

— Нѣтъ-съ, никого другого не было-съ.

— Гм!—Послѣдовало молчаніе.

— Послушай, братецъ, вотъ тебѣ еще: говори все, всю подноготную.

— Слушаю-съ. Остафьевъ стоялъ теперь точно шелковый: того надобно было господину Голядкину.

— Объясни мнѣ, братецъ, теперь, на какой онъ ногѣ?

— Ничего-съ, хорошъ-съ, отвѣчалъ писарь, во всѣ глаза смотря на господина Голядкина.

— То-есть какъ хорошо?

— То-есть такъ-съ. Тутъ Остафьевъ значительно подернулъ бровями. Впрочемъ, онъ рѣшительно становился втупикъ и не зналъ, что ему еще говорить. „Плохо!“ подумалъ господинъ Голядкинъ.

— Нѣтъ-ли у нихъ дальнѣйшаго чего-нибудь съ Вахрамѣевымъ-то?

— Да и все, какъ и прежде-съ.

— Подумай-ка.

— Есть, говорятъ-съ.

— А ну, что же такое?

Остафьевъ попридержалъ рукою свой ротъ.

— Письма оттудова нѣтъ-ли ко мнѣ?

— А сегодня сторожъ Михѣевъ ходилъ къ Вахрамѣеву на квартиру, туда-съ, къ нѣмкѣ ихней-съ, такъ вотъ я пойду и спрошу, если надобно.

— Сдѣлай одолженіе, братецъ, ради Создателя!.. Я только такъ... Ты, братъ, не думай чего-нибудь, а я только такъ. Да разспроси, братецъ, разузнай, не приготовляется-ли что-нибудь тамъ на мой счетъ. Онъ-то какъ дѣйствуетъ? Вотъ мнѣ что̀ нужно; вотъ это ты и узнай, милый другъ, а я тебя потомъ и поблагодарю, милый другъ...

— Слушаю-съ, ваше благородіе, а на вашемъ мѣстѣ Иванъ Семенычъ сѣли сегодня-съ.

— Иванъ Семенычъ? А! Да! Не-уже-ли?

— Андрей Филипповичъ указали имъ сѣсть-съ.

— Не-уже-ли? По какому же случаю? Разузнай это, братецъ; ради Создателя, разузнай это, братецъ; разузнай это все,—а я тебя поблагодарю, милый мой, вотъ что мнѣ нужно... А ты не думай чего-нибудь, братецъ...

— Слушаю-съ, слушаю-съ, тотчасъ сойду сюда-съ. Да вы, ваше благородіе, развѣ не войдете сегодня?

— Нѣтъ, мой другъ, я только такъ, я вѣдь такъ только, я посмотрѣть только пришелъ, милый другъ, а потомъ я тебя и поблагодарю, милый мой.

— Слушаю-съ. Писарь быстро и усердно побѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ, а господинъ Голядкинъ остался одинъ.

„Плохо!“ подумалъ онъ. „Эхъ, плохо, плохо! Эхъ, дѣльцо-то наше... какъ теперь плоховато! Что бы это значило все? Что именно значили нѣкоторые намеки этого пьяницы, напримѣръ, и чья это штука? А! Я теперь знаю, чья это штука. Это вотъ какая штука. Они вѣрно узнали, да и посадили... Впрочемъ, что-жъ,—посадили? Это Андрей Филипповичъ его посадилъ, Ивана-то Семеновича, да, впрочемъ, зачѣмъ же онъ его посадилъ, и съ какою именно цѣлью посадилъ? Вѣроятно, узнали... Это Вахрамѣевъ работаетъ, то-есть не Вахрамѣевъ, онъ глупъ, какъ простое осиновое бревно, Вахрамѣевъ-то, а это они всѣ за него работаютъ, да и шельмеца-то за тѣмъ же самымъ сюда натравили, а нѣмка нажаловалась, одноглазая! Я всегда подозрѣвалъ, что вся эта интрига не спроста, и что во всей этой бабьей, старушьей сплетнѣ непремѣнно есть что-нибудь, то же самое я и Крестьяну Ивановичу говорилъ, что, дескать, поклялись зарѣзать, въ нравственномъ смыслѣ говоря, человѣка, да и ухватились за Каролину Ивановну. Нѣтъ, тутъ мастера работаютъ видно! Тутъ, сударь мой, работаетъ мастерская рука, а не Вахрамѣевъ. Уже сказано, что глупъ Вахрамѣевъ, а это... я знаю теперь, кто здѣсь за нихъ всѣхъ работаетъ: это шельмецъ работаетъ, самозванецъ работаетъ! На этомъ одномъ онъ и лѣпится, что доказываютъ отчасти и успѣхи его въ высшемъ обществѣ. А дѣйствительно, желательно бы знать было, на какой онъ ногѣ теперь... что-то онъ тамъ у нихъ? Только зачѣмъ же они тамъ взяли Ивана-то Семеновича? На какой имъ чортъ было нужно Ивана Семеновича? Точно нельзя ужъ было достать другого кого. Впрочемъ, кого ни посади, все было бы то же самое, а что я только знаю, такъ это то, что онъ, Иванъ-то Семеновичъ, былъ мнѣ давно подозрителенъ, я про него давно замѣчалъ: старикашка такой скверный, гадкій такой,—говорятъ, на проценты даетъ и жидовскіе проценты беретъ. А вѣдь это все медвѣдь мастеритъ. Во все это обстоятельство медвѣдь замѣшался. Началось-то оно такимъ образомъ. У Измайловскаго моста оно началось: вотъ оно какъ началось“... Тутъ господинъ Голядкинъ сморщился, словно лимонъ разгрызъ, вѣроятно, припомнивъ что-нибудь весьма непріятное. „Ну, да ничего, впрочемъ!“ подумалъ онъ. „А вотъ только, я все про свое. Что же это Остафьевъ нейдетъ? Вѣроятно, засѣлъ или былъ остановленъ тамъ какъ-нибудь. Это вѣдь и хорошо отчасти, что я такъ интригую и съ своей сто-

роны подкопы веду. Остафьеву только гривенникъ нужно дать, такъ онъ и того... и на моей сторонѣ. Только вотъ дѣло въ чемъ: точно-ли онъ на моей сторонѣ; можетъ-быть, они его тоже съ своей стороны... и съ своей стороны, согласясь съ нимъ, интригу ведутъ. Вѣдь разбойникомъ смотритъ, мошенникъ, чистымъ разбойникомъ! Таится, шельмецъ! „Нѣтъ ничего“, говоритъ, „и чувствительно, дескать, вамъ, ваше благородіе, говоритъ, благодаренъ“. Разбойникъ ты этакой!“

Послышался шумъ... господинъ Голядкинъ съежился и прыгнулъ за печку. Кто-то сошелъ съ лѣстницы и вышелъ на улицу. „Кто бы это такъ отправлялся теперь?“ подумалъ про себя нашъ герой. Черезъ минутку послышались опять чьи-то шаги... Тутъ господинъ Голядкинъ не вытерпѣлъ и высунулъ изъ-за своего брустверa маленькій-маленькій кончикъ носа,—высунулъ и тотчасъ же осѣкся назадъ, словно кто ему булавкой носъ укололъ. На этотъ разъ проходилъ извѣстно кто, то-есть шельмецъ, интриганъ и развратникъ,—проходилъ, по обыкновенію, своимъ подленькимъ частымъ шажкомъ, присѣменивая и выкидывая ножками такъ, какъ будто бы собирался кого-то лягнуть. „Подлецъ!“ проговорилъ про себя нашъ герой. Впрочемъ, господинъ Голядкинъ не могъ не замѣтить, что у подлеца подъ мышкой былъ огромный зеленый портфель, принадлежавшій его превосходительству. „Онъ это опять по особому“, подумалъ господинъ Голядкинъ, покраснѣвъ и съежившись еще болѣе прежняго отъ досады. Только что господинъ Голядкинъ-младшій промелькнулъ мимо господина Голядкина-старшаго, совсѣмъ не замѣтивъ его, какъ послышались въ третій разъ чьи-то шаги, и на этотъ разъ господинъ Голядкинъ догадался, что шаги были писарскіе. Дѣйствительно, какая-то примазанная писарская фигурка заглянула къ нему за печку; фигурка, впрочемъ, была не Остафьева, а другого писаря, Писаренки по прозванію. Это изумило господина Голядкина. Зачѣмъ же это онъ другихъ въ секретъ замѣшалъ? подумалъ герой нашъ,—экіе варвары! святого у нихъ ничего не имѣется! „Ну, что, мой другъ?“ проговорилъ онъ, обращаясь къ Писаренкѣ: „ты, мой другъ, отъ кого?..“

— Вотъ-съ, по вашему дѣльцу-съ. Ни отъ кого извѣстій покамѣстъ нѣтъ никакихъ-съ. А если будутъ, увѣдомимъ-съ.

— А Остафьевъ?..

— Да ему, ваше благородіе, никакъ нельзя-съ. Его пре-

восходительство уже два раза проходили по отдѣленію, да и мнѣ теперь некогда.

— Спасибо, милый мой, спасибо тебѣ... Только ты мнѣ скажи...

— Ей Богу же, некогда-съ... Поминутно насъ спрашиваютъ-съ... А вотъ вы извольте здѣсь еще постоять-съ, такъ если будетъ что-нибудь относительно вашего дѣльца-съ, такъ мы васъ увѣдомимъ-съ...

— Нѣтъ, ты, мой другъ, ты скажи...

— Позвольте-съ; мнѣ некогда-съ, говорилъ Писаренко, порываясь отъ ухватившаго его за полу господина Голядкина,—право, нельзя-съ. Вы извольте здѣсь еще постоять-съ, такъ мы и увѣдомимъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, другъ мой! Сейчасъ, милый другъ! Вотъ что теперь! вотъ письмо, мой другъ; а я тебя поблагодарю, милый мой.

— Слушаю-съ.

— Постарайся отдать, милый мой, господину Голядкину.

— Голядкину?

— Да, мой другъ, господину Голядкину.

— Хорошо-съ; вотъ какъ уберусь, такъ снесу-съ. А вы здѣсь стойте покамѣстъ. Здѣсь никто не увидитъ...

— Нѣтъ, я, мой другъ, ты не думай... я вѣдь здѣсь стою не для того, чтобъ кто-нибудь не видѣлъ меня. А я, мой другъ, теперь буду не здѣсь... буду вотъ здѣсь въ переулочкѣ. Кофейня есть здѣсь одна; такъ я тамъ буду ждать, а ты, если случится что, и увѣдомляй меня обо всемъ, понимаешь?

— Хорошо-съ. Пустите только; я понимаю...

— А я тебя поблагодарю, милый мой! кричалъ господинъ Голядкинъ вслѣдъ освободившемуся, наконецъ, Писаренкѣ...—„Шельмецъ, кажется, грубѣе сталъ послѣ“, подумалъ герой нашъ, украдкой выходя изъ-за печки. „Тутъ еще есть крючокъ. Это ясно... Сначала было и того, и сего... Впрочемъ, онъ и дѣйствительно торопился; можетъ быть, дѣла тамъ много. И его превосходительство два раза ходили по отдѣленію... По какому бы это случаю было?.. Ухъ! да ну, ничего! Оно, впрочемъ, и ничего, можетъ-быть; а вотъ мы теперь и посмотримъ...“

Тутъ господинъ Голядкинъ отворилъ было дверь и хотѣлъ уже выйти на улицу, какъ вдругъ, въ это самое мгновеніе, у крыльца загремѣла карета его превосходительства. Не успѣлъ господинъ Голядкинъ опомниться,

какъ отворились изнутри дверцы кареты, и сидѣвшій въ ней господинъ выпрыгнулъ на крыльцо. Пріѣхавшій былъ не кто иной, какъ тотъ же господинъ Голядкинъ-младшій, минутъ десять тому назадъ отлучившійся. Господинъ-Голядкинъ-старшій вспомнилъ, что квартира директора была въ двухъ шагахъ. „Это онъ по особому“, подумалъ нашъ герой про себя. Между тѣмъ, господинъ Голядкинъ-младшій, захвативъ изъ кареты толстый зеленый портфель и еще какія-то бумаги, приказавъ, наконецъ, что-то кучеру, отворилъ дверь, почти толкнувъ ею господина Голядкина-старшаго и нарочно не замѣтивъ его, и, слѣдовательно, дѣйствуя такимъ образомъ ему въ пику, пустился скоробѣжкой вверхъ по департаментской лѣстницѣ. „Плохо!“ подумалъ господинъ Голядкинъ, „эхъ, дѣльцо-то наше чего прихватило теперь! Ишь его, Господи Богъ мой!“ Съ полминутки еще простоялъ нашъ герой неподвижно:—наконецъ, онъ рѣшился. Долго не думая, чувствуя, впрочемъ, сильное трепетаніе сердца и дрожь во всѣхъ членахъ, побѣжалъ онъ вслѣдъ за пріятелемъ своимъ вверхъ по лѣстницѣ. „А! Была не была; что же мнѣ-то такое? Я сторона въ этомъ дѣлѣ“, думалъ онъ, снимая шляпу, шинель и калоши въ передней.

Когда господинъ Голядкинъ вошелъ въ свое отдѣленіе, были уже полныя сумерки. Ни Андрея Филипповича, ни Антона Антоновича не было въ комнатѣ. Оба они находились въ директорскомъ кабинетѣ съ докладами; директоръ же, какъ по слухамъ извѣстно было, въ свою очередь спѣшилъ къ его высокопревосходительству. Вслѣдствіе таковыхъ обстоятельствъ, да еще потому, что и сумерки сюда подмѣшались и кончилось время присутствія, нѣкоторые изъ чиновниковъ, преимущественно же молодежь, въ ту самую минуту, когда вошелъ нашъ герой, занимались нѣкотораго рода бездѣйствіемъ, сходились, разговаривали, толковали, смѣялись и даже кое-кто изъ самыхъ юнѣйшихъ, т. е. изъ самыхъ безчиновныхъ чиновниковъ, втихомолочку и подъ общій шумокъ составили орлянку, въ углу, у окошка. Зная приличіе и чувствуя въ настоящее время какую-то особенную надобность пріобрѣсть и найти, господинъ Голядкинъ немедленно подошелъ кой къ кому, съ кѣмъ ладилъ получше, чтобъ пожелать добраго дня, и т. д. Но какъ-то странно отвѣтили сослуживцы на привѣтствіе господина Голядкина. Непріятно былъ онъ пораженъ какою-то всеобщею холодностью, сухостью даже, можно сказать, какою-то строгостью пріема.

Руки ему не далъ никто. Иные просто сказали „здравствуйте“ и прочь отошли; другіе лишь головою кивнули, кое-кто просто отвернулся и показалъ, что ничего не замѣтилъ, наконецъ, нѣкоторые,—и что̀ было всего обиднѣе господину Голядкину,—нѣкоторые изъ самой безчиновной молодежи, ребята, которые, какъ справедливо выразился о нихъ господинъ Голядкинъ, умѣютъ лишь въ орлянку поиграть при случаѣ, да гдѣ-нибудь потаскаться,— мало-по-малу окружили господина Голядкина, сгруппировались около него и почти заперли ему выходъ. Всѣ они смотрѣли на него съ какимъ-то оскорбительнымъ любопытствомъ.

Знакъ былъ дурной. Господинъ Голядкинъ чувствовалъ это и благоразумно приготовился съ своей стороны ничего не замѣтить. Вдругъ одно совершенно неожиданное обстоятельство совсѣмъ, какъ говорится, доконало и уничтожило господина Голядкина.

Въ кучкѣ молодыхъ, окружавшихъ его, сослуживцевъ, вдругъ, и словно нарочно, въ самую тоскливую минуту для господина Голядкина, появился господинъ Голядкинъ-младшій, веселый по-всегдашнему, съ улыбочкой по-всегдашнему, вертлявый тоже по-всегдашнему, однимъ словомъ: шалунъ, прыгунъ, лизунъ, хохотунъ, легокъ на язычокъ и на ножку, какъ и всегда, какъ прежде, точно такъ, какъ и вчера, напримѣръ, въ одну весьма непріятную минутку для господина Голядкина-старшаго. Осклабившись, вертясь, сѣменя, съ улыбочкой, которая такъ и говорила всѣмъ: „добраго вечера“, втерся онъ въ кучку чиновниковъ, тому пожалъ руку, этого по плечу потрепалъ, третьяго обнялъ слегка, четвертому объяснилъ, по какому именно случаю былъ его превосходительствомъ употребленъ, куда ѣздилъ, что сдѣлалъ, что съ собою привезъ; пятаго и, вѣроятно, своего лучшаго друга, чмокнулъ въ самыя губки,— однимъ словомъ, все происходило точь-въ-точь, какъ вснѣ господина Голядкина-старшаго. Напрыгавшись до-сыта, покончивъ со всякимъ по-своему, обдѣлавъ ихъ всѣхъ въ свою пользу, нужно-ль, не нужно-ли было; нализавшись всласть съ ними со всѣми, господинъ Голядкинъ-младшій вдругъ, и вѣроятно ошибкой, еще не успѣвъ замѣтить до сихъ поръ своего старѣйшаго друга, протянулъ руку и господину Голядкину-старшему. Вѣроятно, тоже ошибкой, хотя, впрочемъ, и успѣвъ совершенно замѣтить неблагороднаго господина Голядника-младшаго, тотчасъ же, жадно схватилъ нашъ герой простертую ему такъ неожиданно

руку и пожалъ ее самымъ крѣпкимъ, самымъ дружескимъ образомъ, пожалъ ее съ какимъ-то страннымъ, совсѣмъ неожиданнымъ внутреннимъ движеніемъ, съ какимъ-то слезящимся чувствомъ. Былъ-ли обманутъ герой нашъ первымъ движеніемъ неблагопристойнаго врага своего, или такъ, не нашелся, или почувствовалъ и созналъ въ глубинѣ души своей всю степень своей беззащитности,— трудно сказать. Фактъ тотъ, что господинъ Голядкинъ-старшій, въ здравомъ видѣ, по собственной волѣ своей и при свидѣтеляхъ, торжественно пожалъ руку того, кого называлъ смертельнымъ врагомъ своимъ.—Но каково же было изумленіе, изступленіе и бѣшенство, каковъ же былъ ужасъ и стыдъ господина Голядкина-старшаго, когда непріятель и смертельный врагъ его, неблагородный господинъ Голядкинъ-младшій, замѣтивъ ошибку преслѣдуемаго, невиннаго и вѣроломно-обманутаго имъ человѣка, безъ всякаго стыда, безъ чувствъ, безъ состраданія и совѣсти, вдругъ съ нестерпимымъ нахальствомъ и съ грубостію вырвалъ свою руку изъ руки господина Голядкина-старшаго; мало того,—стряхнулъ свою руку, какъ будто замаралъ ее черезъ то въ чемъ-то совсѣмъ нехорошемъ; мало того,—плюнулъ на сторону, сопровождая все это самымъ оскорбительнымъ жестомъ; мало того,—вынулъ платокъ свой и тутъ же, самымъ безчиннѣйшимъ образомъ, вытеръ имъ всѣ пальцы свои, побывавшіе на минутку въ рукѣ господина Голядкина-старшаго. Дѣйствуя такимъ образомъ, господинъ Голядкинъ-младшій, по подленькому обыкновенію своему, нарочно осматривался кругомъ, дѣлалъ такъ, чтобъ всѣ видѣли его поведеніе, заглядывалъ всѣмъ въ глаза и очевидно старался о внушеніи всѣмъ всего самаго неблагопріятнаго относительно господина Голядкина. Казалось, что поведеніе отвратительнаго господина Голядкина-младшаго возбудило всеобщее негодованіе окружавшихъ чиновниковъ; даже вѣтреная молодежь показала свое неудовольствіе. Кругомъ поднялся ропотъ и говоръ. Всеобщее движеніе не могло миновать ушей господина Голядкина-старшаго; но вдругъ,—кстати подоспѣвшая шуточка, накипѣвшая, между прочимъ, въ устахъ господина Голядкина-младшаго, разбила, уничтожила послѣднія надежды героя нашего и наклонила балансъ опять въ пользу смертельнаго и безполезнаго врага его.

— Это нашъ русскій Фоблазъ, господа; позвольте вамъ рекомендовать молодого Фоблаза, запищалъ господинъ Голядкинъ-младшій, со свойственною ему наглостью сѣменя

и вьюня межъ чиновниками, и указывая имъ на оцѣпенѣвшаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, настоящаго господина Голядкина.—Поцѣлуемся, душка! продолжалъ онъ съ нестерпимою фамильярностью, подвигаясь къ предательски оскорбленному имъ человѣку. Шуточка безполезнаго господина Голядкина-младшаго, кажется, нашла отголосокъ гдѣ слѣдовало, тѣмъ болѣе, что въ ней заключался коварный намекъ на одно обстоятельство, повидимому, уже гласное и извѣстное всѣмъ. Герой нашъ тяжко почувствовалъ руку враговъ на плечахъ своихъ. Впрочемъ, онъ уже рѣшился. Съ пылающимъ взоромъ, съ блѣднымъ лицомъ, съ неподвижной улыбкой выбрался онъ кое-какъ изъ толпы и неровными, учащенными шагами направилъ свой путь прямо къ кабинету его превосходительства. Въ предпослѣдней комнатѣ встрѣтился съ нимъ только что выходившій отъ его превосходительства Андрей Филипповичъ, и хотя тутъ же въ комнатѣ было порядочно всякихъ другихъ, совершенно постороннихъ въ настоящую минуту для господина Голядкина лицъ, но герой нашъ и вниманія не хотѣлъ обратить на подобное обстоятельство. Прямо, рѣшительно, смѣло, почти самъ себѣ удивляясь и внутренно себя за смѣлость похваливая, абордировалъ онъ, не теряя времени, Андрея Филипповича, порядочно изумленнаго такимъ нечаяннымъ нападеніемъ.

— А!... Что вы... что вамъ угодно? спросилъ начальникъ отдѣленія, не слушая запнувшагося на чемъ-то господина Голядкина.

— Андрей Филипповичъ, я... могу-ли я, Андрей Филипповичъ, имѣть теперь, тотчасъ же и глазъ-на-глазъ, разговоръ съ его превосходительствомъ? рѣчисто и отчетливо проговорилъ нашъ герой, устремивъ самый рѣшительный взглядъ на Андрея Филипповича.

— Что-съ? Конечно, нѣтъ-съ. Андрей Филипповичъ съ ногъ до головы обмѣрилъ взглядомъ своимъ господина Голядкина.

— Я, Андрей Филипповичъ, все это къ тому говорю, что удивляюсь, какъ никто здѣсь не обличитъ самозванца и подлеца.

— Что-о-съ?

— Подлеца, Андрей Филипповичъ.

— О комъ же это угодно такимъ образомъ относиться?

— Объ извѣстномъ лицѣ, Андрей Филипповичъ. Я, Андрей Филипповичъ, на извѣстное лицо намекаю; я въ своемъ правѣ... Я думаю, Андрей Филипповичъ, что на-

чальство должно было бы поощрять подобныя движенія, прибавилъ господинъ Голядкинъ, очевидно не помня себя.— Андрей Филипповичъ... но вѣроятно сами видите, Андрей Филипповичъ, что это благородное движеніе и всяческую мою благонамѣренность означаетъ,—принять начальника за отца, Андрей Филипповичъ, принимаю, дескать, благодѣтельное начальство за отца и слѣпо ввѣряю судьбу свою. Такъ и такъ, дескать... вотъ какъ... Тутъ голосъ господина Голядкина задрожалъ, лицо его раскраснѣлось, и двѣ слезы набѣжали на обѣихъ рѣсницахъ его.

Андрей Филипповичъ, слушая господина Голядкина, до того удивился, что какъ-то невольно отшатнулся шага на два назадъ. Потомъ съ безпокойствомъ осмотрѣлся кругомъ... Трудно сказать, чѣмъ бы кончилось дѣло... Но вдругъ дверь изъ кабинета его превосходительства отворилась, и онъ самъ вышелъ въ сопровожденіи нѣкоторыхъ чиновниковъ. За нимъ потянулись всѣ, кто ни былъ въ комнатѣ. Его превосходительство подозвалъ Андрея Филипповича и пошелъ съ нимъ рядомъ, заведя разговоръ о какихъ-то дѣлахъ. Когда всѣ тронулись и пошли вонъ изъ комнаты, опомнился и господинъ Голядкинъ. Присмирѣвъ, пріютился онъ подъ крылышко Антона Антоновича Сѣточкина, который сзади всѣхъ ковылялъ въ свою очередь, и, какъ показалось господину Голядкину, съ самымъ строгимъ и озабоченнымъ видомъ. „Проврался я и тутъ; нагадилъ и тутъ“, подумалъ онъ про себя, „да ну, ничего“.—Надѣюсь, что, по крайней мѣрѣ, вы, Антонъ Антоновичъ, согласитесь прослушать меня и вникнуть въ мои обстоятельства, проговорилъ онъ тихо и еще немного дрожащимъ отъ волненія голосомъ.—Отверженный всѣми, обращаюсь я къ вамъ. Недоумѣваю до сихъ поръ, что значили слова Андрея Филипповича, Антонъ Антоновичъ. Объясните мнѣ ихъ, если можно...

— Своевременно все объяснится-съ, строго и съ разстановкою отвѣчалъ Антонъ Антоновичъ и, какъ показалось господину Голядкину, съ такимъ видомъ, который ясно давалъ знать, что Антонъ Антоновичъ вовсе не желаетъ продолжать разговоръ.—Узнаете въ скоромъ времени все-съ. Сегодня же форменно обо всемъ извѣститесь.

— Что же такое форменно, Антонъ Антоновичъ? Почему же такъ именно форменно-съ? робко спросилъ нашъ герой.

— Не намъ съ вами разсуждать, Яковъ Петровичъ, какъ начальство рѣшаетъ.

— Почему же начальство, Антонъ Антоновичъ, проговорилъ господинъ Голядкинъ, оробѣвъ еще болѣе,— почему же начальство? Я не вижу причины, почему же тутъ нужно безпокоить начальство, Антонъ Антоновичъ... Вы, можетъ-быть, что-нибудь относительно вчерашняго хотите сказать, Антонъ Антоновичъ?

— Да нѣтъ-съ, не вчерашнее-съ; тутъ кое-что другое хромаетъ-съ у васъ.

— Что же хромаетъ, Антонъ Антоновичъ? Мнѣ кажется, Антонъ Антоновичъ, что у меня ничего не хромаетъ.

— А хитрить-то съ кѣмъ собирались? рѣзко пересѣкъ Антонъ Антоновичъ совершенно оторопѣвшаго господина Голядкина. Господинъ Голядкинъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ какъ платокъ.

— Конечно, Антонъ Антоновичъ, проговорилъ онъ едва слышнымъ голосомъ, — если внимать голосу клеветы и слушать враговъ нашихъ, не принявъ оправданія съ другой стороны, то, конечно... конечно, Антонъ Антоновичъ, тогда можно и пострадать, Антонъ Антоновичъ, безвинно и ни за что пострадать.

— То-то-съ; а неблагопристойный поступокъ вашъ во вредъ репутаціи благородной дѣвицы того благодѣтельнаго, почтеннаго и извѣстнаго семейства, которое вамъ добродѣтельствовало?

— Какой же это поступокъ, Антонъ Антоновичъ?

— То-то-съ. А относительно другой дѣвицы, хотя бѣдной, но за то честнаго иностраннаго происхожденія, похвальнаго поступка своего тоже знаете-съ?

— Позвольте, Антонъ Антоновичъ... благоволите, Антонъ Антоновичъ, выслушать...

— А вѣроломный поступокъ вашъ и клевета на другое лицо, обвиненіе другого лица въ томъ, въ чемъ сами грѣшка прихватили? А? Это какъ называется?

— Я, Антонъ Антоновичъ, не выгонялъ его, проговорилъ, затрепетавъ, нашъ герой,—и Петрушку, то-есть человѣка моего, подобному ничему не училъ-съ... Онъ ѣлъ мой хлѣбъ, Антонъ Антоновичъ; онъ пользовался гостепріимствомъ моимъ, прибавилъ выразительно и съ глубокимъ чувствомъ герой нашъ, такъ что подбородокъ его запрыгалъ немножко и слезы готовы были опять навернуться.

— Это вы, Яковъ Петровичъ, только такъ говорите, что онъ хлѣбъ-то вашъ ѣлъ, отвѣчалъ, осклабляясь, Антонъ

Антоновичъ, и въ голосѣ его было слышно лукавство, такъ что по сердцу скребнуло у господина Голядкина.

— Позвольте еще васъ, Антонъ Антоновичъ, нижайше спросить: извѣстны-ли обо всемъ этомъ дѣлѣ его превосходительство?

— Какъ же-съ! Впрочемъ, вы теперь пустите меня-съ. Мнѣ съ вами тутъ некогда... Сегодня же обо всемъ узнаете, что вамъ слѣдуетъ знать-съ.

— Позвольте, ради Бога, еще на минутку, Антонъ Антоновичъ...

— Послѣ разскажете-съ...

— Нѣтъ-съ, Антонъ Антоновичъ: я-съ, видите-съ, прислушайте только, Антонъ Антоновичъ... Я совсѣмъ не вольнодумство, Антонъ Антоновичъ: я бѣгу вольнодумства: я совершенно готовъ, съ своей стороны, и даже пропускалъ ту идею...

— Хорошо-съ, хорошо-съ. Я ужъ слышалъ-съ...

— Нѣтъ-съ, этого вы не слыхали, Антонъ Антоновичъ. Это другое, Антонъ Антоновичъ, это хорошо, право, хорошо и пріятно слышать... Я пропускалъ, какъ выше объяснилъ, ту идею, Антонъ Антоновичъ, что вотъ промыслъ Божій создалъ двухъ совершенно подобныхъ, а благодѣтельное начальство, видя промыслъ Божій, пріютили двухъ близнецовъ-съ. Это хорошо, Антонъ Антоновичъ. Вы видите, что это очень хорошо, Антонъ Антоновичъ, и что я далекъ вольнодумства. Принимаю благодѣтельное начальство за отца. Такъ и такъ, дескать, благодѣтельное начальство, а вы того... дескать... молодому человѣку нужно служить... Поддержите меня, Антонъ Антоновичъ, заступитесь за меня, Антонъ Антоновичъ... Я ничего-съ... Антонъ Антоновичъ, ради Бога, еще одно словечко... Антонъ Антоновичъ...

Но уже Антонъ Антоновичъ былъ далеко отъ господина Голядкина... Герой же нашъ не зналъ, гдѣ стоялъ, что̀ слышалъ, что̀ дѣлалъ, что̀ съ нимъ сдѣлалось и что̀ еще будутъ дѣлать съ нимъ, такъ смутило его и потрясло все имъ слышанное и все съ нимъ случившееся.

Умоляющимъ взоромъ отыскивалъ онъ въ толпѣ чиновниковъ Антона Антоновича, чтобъ еще болѣе оправдаться въ глазахъ его и сказать ему что-нибудь крайне благонамѣренное и весьма благородное и пріятное относительно себя самого... Впрочемъ, мало-по-малу, новый свѣтъ начиналъ пробиваться сквозь смущеніе господина Голядкина, новый, ужасный свѣтъ, озарившій передъ нимъ вдругъ,

разомъ, цѣлую перспективу совершенно невѣдомыхъ доселѣ и даже нисколько не подозрѣваемыхъ обстоятельствъ... Въ эту минуту кто-то толкнулъ совершенно сбившагося героя нашего подъ бокъ. Онъ оглянулся. Передъ нимъ стоялъ Писаренко.

— Письмо-съ, ваше благородіе.

— А!.. Ты ужъ сходилъ, милый мой?

— Нѣтъ, это еще утромъ въ десять часовъ сюда принесли-съ. Сергѣй Михѣевъ, сторожъ, принесъ-съ съ квартиры губернскаго секретаря Вахрамѣева.

— Хорошо, мой другъ, хорошо, а я тебя поблагодарю, милый мой.

Сказавъ это, господинъ Голядкинъ спряталъ письмо въ боковой карманъ своего вицмундира и застегнулъ его на всѣ пуговицы; потомъ осмотрѣлся кругомъ и, къ удивленію своему, замѣтилъ, что уже находится въ сѣняхъ департаментскихъ, въ кучкѣ чиновниковъ, столпившихся къ выходу, ибо кончилось присутствіе. Господинъ Голядкинъ не только не замѣчалъ до сихъ поръ этого послѣдняго обстоятельства, но даже не замѣтилъ и не помнилъ того, какимъ образомъ онъ вдругъ очутился въ шинели, въ калошахъ и держалъ свою шляпу въ рукахъ. Всѣ чиновники стояли неподвижно и въ почтительномъ ожиданіи. Дѣло въ томъ, что его превосходительство остановился внизу лѣстницы, въ ожиданіи своего почему-то замѣшкавшагося экипажа, и велъ весьма интересный разговоръ съ двумя совѣтниками и съ Андреемъ Филипповичемъ. Немного поодаль отъ двухъ совѣтниковъ и Андрея Филипповича, стоялъ Антонъ Антоновичъ Сѣточкинъ и кое-кто изъ другихъ чиновниковъ, которые весьма улыбались, видя, что его превосходительство изволитъ шутить и смѣяться. Столпившіеся наверху лѣстницы чиновники тоже улыбались и ждали, покамѣстъ его превосходительство опять засмѣются. Не улыбался лишь только одинъ Ѳедосѣичъ, толстопузый швейцаръ, державшійся у ручки дверей, вытянувшійся въ струнку и съ нетерпѣніемъ ожидавшій порціи своего обыденнаго удовольствія, состоявшаго въ томъ, чтобъ разомъ, однимъ взмахомъ руки, широко откинуть одну половинку дверей и потомъ, согнувшись въ дугу, почтительно пропустить мимо себя его превосходительство. Но всѣхъ болѣе, повидимому, былъ радъ и чувствовалъ удовольствіе недостойный и неблагородный врагъ господина Голядкина. Онъ въ это мгновеніе даже позабылъ всѣхъ чиновниковъ, даже оставилъ

вьюнить и сѣменить между ними, по своему подленькому обыкновенію, даже позабылъ, пользуясь случаемъ, подлизаться къ кому-нибудь въ это мгновеніе. Онъ обратился весь въ слухъ и зрѣніе, какъ-то странно съежился, вѣроятно, чтобъ удобнѣе слушать, не спуская глазъ съ его превосходительства, и изрѣдка только подергивало его руки, ноги и голову какими-то едва замѣтными судорогами, обличавшими всѣ внутреннія, сокровенныя движенія души его.

„Ишь его разбираетъ!“ подумалъ герой нашъ, „фаворитомъ смотритъ, мошенникъ! Желалъ бы я знать, чѣмъ онъ именно беретъ въ обществѣ высокаго тона? Ни ума, ни характера, ни образованія, ни чувства;—везетъ шельмецу! Господи, Боже! Вѣдь какъ это скоро можетъ пойти человѣкъ, какъ подумаешь, и найти во всѣхъ людяхъ! И пойдетъ человѣкъ, клятву даю, что пойдетъ далеко, шельмецъ, доберется,—везетъ шельмецу! Желалъ бы я еще узнать, что̀ именно такое онъ всѣмъ имъ нашептываетъ? Какія тайны у него со всѣмъ этимъ народомъ заводятся и про какіе секреты они говорятъ? Господи, Боже! Какъ бы мнѣ этакъ, того... и съ ними бы тоже немножко... дескать, такъ и такъ, попросить его развѣ... дескать, такъ и такъ, а я больше не буду; дескать, я виноватъ, а молодому человѣку, ваше превосходительство, нужно служить въ наше время; обстоятельствомъ же темнымъ моимъ я отнюдь не смущаюсь,—вотъ оно какъ! Протестовать тамъ какимъ-нибудь образомъ тоже не буду, и все съ терпѣніемъ и смиреніемъ снесу,—вотъ какъ! Вотъ развѣ такъ поступить?.. Да, впрочемъ, его не проймешь, шельмеца, никакимъ словомъ не пробьешь; резонуто ему вгвоздить нельзя въ забубенную голову... А, впрочемъ, попробуемъ. Случится, что въ добрый часъ попаду, такъ вотъ и попробовать...“

Въ безпокойствѣ своемъ, въ тоскѣ и смущеніи, чувствуя, что такъ оставаться нельзя, что наступаетъ минута рѣшительная, что нужно же съ кѣмъ-нибудь объясниться, герой нашъ сталъ было понемножку подвигаться къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ недостойный и загадочный пріятель его; но въ самое это время у подъѣзда загремѣлъ давно ожидаемый экипажъ его превосходительства. Ѳедосѣичъ рванулъ дверь и, согнувшись въ три дуги, пропустилъ его превосходительство мимо себя. Всѣ ожидавшіе разомъ хлынули къ выходу и оттѣснили на мгновеніе господина Голядкина-старшаго отъ господина Голядкина-младшаго.

„Не уйдешь!“ говорилъ нашъ герой, прорываясь сквозь толпу и не спуская глазъ съ кого слѣдовало. Наконецъ, толпа раздалась. Герой нашъ почувствовалъ себя на свободѣ и ринулся въ погоню за своимъ непріятелемъ.

ГЛАВА XI.

Духъ занимался въ груди господина Голядкина; словно на крыльяхъ, летѣлъ онъ вслѣдъ за своимъ быстро удалявшимся непріятелемъ. Чувствовалъ онъ въ себѣ присутствіе страшной энергіи. Впрочемъ, несмотря на присутствіе страшной энергіи, господинъ Голядкинъ могъ смѣло надѣяться, что въ настоящую минуту даже простой комаръ, если бы только онъ могъ въ такое время жить въ Петербургѣ, весьма бы удобно перешибъ его крыломъ своимъ. Чувствовалъ онъ еще, что опалъ и ослабъ совершенно, что несетъ его какою-то совершенно особенною и постороннею силою, что онъ вовсе не самъ идетъ, что, напротивъ, его ноги подкашиваются и служить отказываются. Впрочемъ, это все могло бы устроиться къ лучшему. „Къ лучшему—не къ лучшему“, думалъ господинъ Голядкинъ, почти задыхаясь отъ скораго бѣга,—„но что дѣло проиграно, такъ въ томъ теперь и сомнѣнія малѣйшаго нѣтъ; что пропалъ я совсѣмъ, такъ ужъ это извѣстно, опредѣлено, рѣшено и подписано“. Несмотря на все это, герой нашъ словно изъ мертвыхъ воскресъ, словно баталію выдержалъ, словно побѣду схватилъ, когда пришлось ему уцѣпиться за шинель своего непріятеля, уже заносившаго одну ногу на дрожки куда-то только что сговореннаго имъ ваньки. „Милостивый государь! Милостивый государь!“ закричалъ онъ, наконецъ, настигнутому имъ неблагородному господину Голядкину-младшему. „Милостивый государь, я надѣюсь, что вы“...

— Нѣтъ, вы ужъ, пожалуйста, ничего не надѣйтесь, уклончиво отвѣчалъ безчувственный непріятель господина Голядкина, стоя одною ногою на одной ступенькѣ дрожекъ, а другой изо всѣхъ силъ порываясь попасть на другую сторону экипажа, тщетно махая ею по воздуху, стараясь сохранить экилибръ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, стараясь всѣми силами отцѣпить шинель свою отъ господина Голядкина-старшаго, за которую тотъ, съ своей стороны, уцѣпился всѣми данными ему природою средствами.

— Яковъ Петровичъ! Только десять минутъ...

— Извините, мнѣ некогда-съ.

— Согласитесь сами, Яковъ Петровичъ... пожалуйста,

Яковъ Петровичъ... ради Бога, Яковъ Петровичъ... такъ и такъ—объясниться... на смѣлую ногу... Секундочку, Яковъ Петровичъ!..

— Голубчикъ мой, некогда, отвѣчалъ съ неучтивою фамильярностью, но подъ видомъ душевной доброты, ложноблагородный непріятель господина Голядкина,—въ другое время, повѣрьте, отъ полноты души и отъ чистаго сердца; но теперь—вотъ право-жъ нельзя.

„Подлецъ!“ подумалъ герой нашъ.—Яковъ Петровичъ! закричалъ онъ тоскливо,—я вашимъ врагомъ никогда не бывалъ. Злые же люди несправедливо меня описали... Съ своей стороны я готовъ... Яковъ Петровичъ, угодно, мы съ вами, Яковъ Петровичъ, вотъ тотчасъ зайдемъ?.. И тамъ отъ чистаго сердца, какъ справедливо сказали вы тотчасъ, и языкомъ прямымъ, благороднымъ... вотъ въ эту кофейную; тогда все само собою объяснится,—вотъ какъ, Яковъ Петровичъ! Тогда непремѣнно все само собой объяснится...

— Въ кофейную? Хорошо-съ. Я не прочь, зайдемъ въ кофейную, съ однимъ только условіемъ, радость моя, съ единымъ условіемъ,—что тамъ все само собой объяснится. Дескать, такъ и такъ, душка, проговорилъ господинъ Голядкинъ-младшій, слѣзая съ дрожекъ и безстыдно потрепавъ героя нашего по плечу,—дружище ты этакой; для тебя, Яковъ Петровичъ, я готовъ переулочкомъ (какъ справедливо, въ оно время, вы, Яковъ Петровичъ, замѣтить изволили). Вѣдь вотъ плутъ, право, что захочетъ, то и дѣлаетъ съ человѣкомъ! продолжалъ ложный другъ господина Голядкина, съ легкой улыбочкой вертясь и увиваясь около него. Отдаленная отъ большихъ улицъ кофейная, куда вошли оба господина Голядкина, была въ эту минуту совершенно пуста. Довольно толстая нѣмка появилась у прилавка, едва только заслышался звонъ колокольчика. Господинъ Голядкинъ и недостойный непріятель его прошли во вторую комнату, гдѣ одутловатый и остриженный подъ гребенку мальчишка возился съ вязанкою щепокъ около печки, силясь возобновить въ ней погасавшій огонь. По требованію господина Голядкина-младшаго, поданъ былъ шоколадъ.

— А пресдобная бабенка, проговорилъ господинъ Голядкинъ-младшій, плутовски мигнувъ господину Голядкину-старшему.

Герой нашъ покраснѣлъ и смолчалъ.

— А, да, позабылъ, извините. Знаю вашъ вкусъ. Мы,

сударь, лакомы до тоненькихъ нѣмочекъ; мы, дескать, душа ты правдивая, Яковъ Петровичъ, лакомы съ тобою до тоненькихъ, хотя, впрочемъ, и не лишенныхъ еще пріятности нѣмочекъ; квартиры у нихъ нанимаемъ, ихъ нравственность соблазняемъ, за-бир-супъ, да мильх-супъ наше сердце имъ посвящаемъ, да разныя подписки даемъ,— вотъ что̀ мы дѣлаемъ, Фоблазъ ты такой, предатель ты этакой! Все это проговорилъ господинъ Голядкинъ-младшій, дѣлая такимъ образомъ совершенно безполезный, хотя, впрочемъ, и злодѣйски хитрый намекъ на извѣстную особу женскаго пола, увиваясь около господина Голядкина, улыбаясь ему подъ видомъ любезности, ложно показывая такимъ образомъ радушіе къ нему и радость при встрѣчѣ съ нимъ. Замѣчая же, что господинъ Голядкинъ-старшій вовсе не такъ глупъ и вовсе не до того лишенъ образованности и манеръ хорошаго тона, чтобъ сразу повѣрить ему, неблагородный человѣкъ рѣшился перемѣнить свою тактику и повести дѣла на открытую ногу. Тутъ же проговоривъ свою гнусность, фальшивый господинъ Голядкинъ заключилъ тѣмъ, что съ возмущающимъ душу безстыдствомъ и фамильярностью потрепалъ солиднаго господина Голядкина по плечу, и, не удовольствовавшись этимъ, пустился заигрывать съ нимъ совершенно неприличнымъ въ обществѣ хорошаго тона образомъ, именно вознамѣрился повторить свою прежнюю гнусность, то-есть, несмотря на сопротивленіе и легкіе крики возмущеннаго господина Голядкина-старшаго, ущипнулъ его за щеку. При видѣ такого разврата, герой нашъ вскипѣлъ и смолчалъ... до времени, впрочемъ.

— Это рѣчь враговъ моихъ, отвѣтилъ онъ, наконецъ, благоразумно сдерживая себя, трепещущимъ голосомъ. Въ то же самое время герой нашъ съ безпокойствомъ оглянулся на дверь. Дѣло въ томъ, что господинъ Голядкинъ-младшій былъ, повидимому, въ превосходномъ расположеніи духа и въ готовности пуститься на разныя шуточки, непозволительныя въ общественномъ мѣстѣ и, вообще говоря, не допускаемыя законами свѣта, и преимущественно въ обществѣ высокаго тона.

— А, ну, въ такомъ случаѣ, какъ хотите, серьезно возразилъ господинъ Голядкинъ-младшій на мысль господина Голядкина-старшаго, поставивъ свою опустѣлую чашку, выпитую имъ съ неприличною жадностью, на столъ. — Ну-съ, мнѣ съ вами долго нечего, впрочемъ... Ну-съ, каково-то вы теперь поживаете, Яковъ Петровичъ?

— Одно только могу сказать я вамъ, Яковъ Петровичъ, хладнокровно и съ достоинствомъ отвѣчалъ нашъ герой,—врагомъ вашимъ я никогда не бывалъ.

— Гм... ну, а Петрушка? Какъ бишь! Петрушка вѣдь, кажется? Ну, да! Что, каковъ? Хорошо? Попрежнему?

— И онъ тоже попрежнему, Яковъ Петровичъ, отвѣчалъ немного изумленный господинъ Голядкинъ-старшій.— Я не знаю, Яковъ Петровичъ... съ моей стороны... съ благородной, съ откровенной стороны, Яковъ Петровичъ, согласитесь сами, Яковъ Петровичъ...

— Да-съ. Но вы сами знаете, Яковъ Петровичъ, отвѣчалъ тихимъ и выразительнымъ голосомъ господинъ Голядкинъ-младшій, фальшиво изображая собою такимъ образомъ грустнаго, полнаго раскаянія и сожалѣнія достойнаго человѣка,—сами вы знаете, время наше тяжелое... Я на васъ сошлюсь, Яковъ Петровичъ; человѣкъ вы умный и справедливо разсудите, включилъ господинъ Голядкинъ-младшій, подло льстя господину Голядкину-старшему.—Жизнь не игрушка—сами вы знаете, Яковъ Петровичъ, многозначительно заключилъ господинъ Голядкинъ-младшій, прикидываясь такимъ образомъ умнымъ и ученымъ человѣкомъ, который можетъ разсуждать о высокихъ предметахъ.

— Съ своей стороны, Яковъ Петровичъ, съ одушевленіемъ отвѣчалъ нашъ герой,—съ своей стороны, презирая окольнымъ путемъ и говоря смѣло и откровенно, говоря языкомъ прямымъ, благороднымъ и поставивъ все дѣло на благородную доску, скажу вамъ, могу открыто и благородно утверждать, Яковъ Петровичъ, что я чистъ совершенно, и что, сами вы знаете, Яковъ Петровичъ, обоюдное заблужденіе, — все, можетъ быть,—судъ свѣта, мнѣніе раболѣпной толпы... Я говорю откровенно, Яковъ Петровичъ, все можетъ быть. Еще скажу, Яковъ Петровичъ, если такъ судить, если съ благородной и высокой точки зрѣнія на дѣло смотрѣть, то смѣло скажу, безъ ложнаго стыда скажу, Яковъ Петровичъ, мнѣ даже пріятно будетъ открыть, что я заблуждался, мнѣ даже пріятно будетъ сознаться въ томъ. Сами вы знаете, вы человѣкъ умный, а сверхъ того благородный. Безъ стыда, безъ ложнаго стыда, готовъ въ этомъ сознаться... съ достоинствомъ и благородствомъ, заключилъ нашъ герой.

— Рокъ, судьба, Яковъ Петровичъ... но оставимъ все это, со вздохомъ проговорилъ господинъ Голядкинъ-младшій.—Употребимъ лучше краткія минуты нашей встрѣчи

на болѣе полезный и пріятный разговоръ, какъ слѣдуетъ между двумя сослуживцами... Право, мнѣ какъ-то не удавалось съ вами двухъ словъ сказать во все это время... Въ этомъ не я виноватъ, Яковъ Петровичъ...

— И не я, съ жаромъ перебилъ нашъ герой,—и не я! Сердце мое говоритъ мнѣ, Яковъ Петровичъ, что не я виноватъ во всемъ этомъ. Будемъ обвинять судьбу во всемъ этомъ, Яковъ Петровичъ, прибавилъ господинъ Голядкинъ-старшій совершенно примирительнымъ тономъ. Голосъ его начиналъ мало-по-малу слабѣть и дрожать.

— Ну, что? Какъ вообще ваше здоровье? произнесъ заблудшійся сладкимъ голосомъ.

— Немного покашливаю, отвѣчалъ еще слаще герой нашъ.

— Берегитесь. Теперь все такія повѣтрія, не мудрено схватить жабу, и я, признаюсь вамъ, начинаю уже кутаться во фланель.

— Дѣйствительно, Яковъ Петровичъ, не мудрено схватить жабу-съ... Яковъ Петровичъ! произнесъ послѣ краткаго молчанія герой нашъ, — Яковъ Петровичъ! Я вижу, что я заблуждался... Я съ умиленіемъ вспоминаю о тѣхъ счастливыхъ минутахъ, которыя удалось намъ провести вмѣстѣ, подъ бѣднымъ, но, смѣю сказать, радушнымъ кровомъ моимъ...

— Въ письмѣ вашемъ, вы, впрочемъ, не то написали, отчасти съ укоризною проговорилъ совершенно справедливый (впрочемъ, единственно только въ этомъ отношеніи совершенно справедливый) господинъ Голядкинъ-младшій.

— Яковъ Петровичъ! Я заблуждался... Ясно вижу теперь, что заблуждался и въ этомъ несчастномъ письмѣ моемъ. Яковъ Петровичъ, мнѣ совѣстно смотрѣть на васъ, Яковъ Петровичъ, вы не повѣрите... Дайте мнѣ это письмо, чтобъ разорвать его въ вашихъ же глазахъ, Яковъ Петровичъ, или, если ужъ этого никакъ невозможно, то умоляю васъ читать его наоборотъ, — совсѣмъ наоборотъ, то-есть, нарочно съ намѣреніемъ дружескимъ, давая обратный смыслъ всѣмъ словамъ письма моего. Я заблуждался. Простите меня, Яковъ Петровичъ, я совсѣмъ... я горестно заблуждался, Яковъ Петровичъ.

— Вы говорите? довольно разсѣянно и равнодушно спросилъ вѣроломный другъ господина Голядкина-старшаго.

— Я говорю, что я совсѣмъ заблуждался, Яковъ Петровичъ, и что съ моей стороны я совершенно безъ ложнаго стыда...

— А, ну, хорошо! Это очень хорошо, что вы заблуждались, грубо отвѣчалъ господинъ Голядкинъ-младшій.

— У меня, Яковъ Петровичъ, даже идея была, прибавилъ благороднымъ образомъ откровенный герой нашъ, совершенно не замѣчая ужаснаго вѣроломства своего ложнаго друга,—у меня даже идея была, что, дескать, вотъ, создались два совершенно подобные...

— А! Это ваша идея!..

Тутъ извѣстный своею безполезностью господинъ Голядкинъ-младшій всталъ и схватился за шляпу. Все еще не замѣчая обмана, всталъ и господинъ Голядкинъ-старшій, простодушно и благородно улыбаясь своему лжеприятелю, стараясь въ невинности своей его приласкать, ободрить и завязать съ нимъ такимъ образомъ новую дружбу...

— Прощайте, ваше превосходительство, вскрикнулъ вдругъ господинъ Голядкинъ-младшій. Герой нашъ вздрогнулъ, замѣтивъ въ лицѣ врага своего что-то даже вакхическое, и единственно, чтобъ только отвязаться, сунулъ въ простертую ему руку безнравственнаго два пальца своей руки, но тутъ... тутъ безстыдство господина Голядкина-младшаго превзошло всѣ ступени. Схвативъ два пальца руки господина Голядкина-старшаго и сначала пожавъ ихъ, недостойный, тутъ же, въ глазахъ же господина Голядкина, рѣшился повторить свою утреннюю безстыдную шутку. Мѣра человѣческаго терпѣнія была истощена...

Онъ уже пряталъ платокъ, которымъ обтеръ свои пальцы, въ карманъ, когда господинъ Голядкинъ-старшій опомнился и ринулся вслѣдъ за нимъ въ сосѣднюю комнату, куда, по скверной привычкѣ своей, тотчасъ же поспѣшилъ улизнуть непримиримый врагъ его. Какъ будто ни въ одномъ глазу, онъ стоялъ себѣ у прилавка, ѣлъ пирожки и преспокойно, какъ добродѣтельный человѣкъ, любезничалъ съ нѣмкой-кондитершей. — „При дамахъ нельзя“, подумалъ герой нашъ, и подошелъ тоже къ прилавку, не помня себя отъ волненія.

— А вѣдь дѣйствительно бабёнка-то не дурна! Какъ вы думаете? снова началъ свои неприличныя выходки господинъ Голядкинъ-младшій, вѣроятно, разсчитывая на безконечное терпѣніе господина Голядкина. Толстая же нѣмка, съ своей стороны, смотрѣла на обоихъ своихъ посѣтителей оловянно-безсмысленными глазами, очевидно, не понимая русскаго языка и привѣтливо улыбаясь. Ге-

рой нашъ вспыхнулъ какъ огонь отъ словъ незнающаго стыда господина Голядкина-младшаго, и, не въ силахъ владѣть собою, бросился, наконецъ, на него съ очевиднымъ намѣреніемъ растерзать его и повершить съ нимъ такимъ образомъ окончательно, но господинъ Голядкинъ-младшій, по подлому обыкновенію своему, уже былъ далеко: онъ далъ тягу, онъ уже былъ на крыльцѣ. Само собой разумѣется, что послѣ перваго мгновеннаго столбняка, естественно нашедшаго на господина Голядкина-старшаго, онъ опомнился и бросился со всѣхъ ногъ за обидчикомъ, который уже садился на поджидавшаго его и очевидно во всемъ согласившагося съ нимъ ваньку. Но, въ это самое мгновеніе, толстая нѣмка, видя бѣгство двухъ посѣтителей, взвизгнула и позвонила, что было силы, въ свой колокольчикъ. Герой нашъ почти на лету обернулся назадъ, бросилъ ей деньги за себя и за незаплатившаго безстыднаго человѣка, не требуя сдачи, и, несмотря на то, что промѣшкалъ, все-таки успѣлъ, хотя и опять на лету только, подхватить своего непріятеля. Уцѣпившись за крыло дрожекъ всѣми данными ему природою средствами, герой нашъ несся нѣкоторое время по улицѣ, карабкаясь на экипажъ, отстаиваемый изо всѣхъ силъ господиномъ Голядкинымъ-младшимъ. Извозчикъ, между тѣмъ, и кнутомъ, и вожжей, и ногой, и словами понукалъ свою разбитую клячу, которая совсѣмъ неожиданно понеслась вскачь, закусивъ удила и лягаясь, по скверной привычкѣ своей, задними ногами на каждомъ третьемъ шагу. Наконецъ, нашъ герой успѣлъ-таки взмоститься на дрожки, лицомъ къ своему непріятелю, спиной упираясь въ извозчика, колѣнками въ колѣнки безстыднаго, а правой рукой своей всѣми средствами вцѣпившись въ весьма скверный мѣховой воротникъ шинели развратнаго и ожесточеннѣйшаго своего непріятеля.

Враги неслись и нѣкоторое время молчали. Герой нашъ едва переводилъ духъ, дорога была прескверная, и онъ подскакивалъ на каждомъ шагу, съ опасностію сломить себѣ шею. Сверхъ того, ожесточенный непріятель его все еще не соглашался признать себя побѣжденнымъ и старался спихнуть въ грязь своего противника. Къ довершенію всѣхъ непріятностей, погода была ужаснѣйшая. Снѣгъ валилъ хлопьями и всячески старался, съ своей стороны, какимъ-нибудь образомъ залѣзть подъ распахнувшуюся шинель настоящаго господина Голядкина. Кругомъ было мутно и не видно ни зги. Трудно было отли-

чить, куда и по какимъ улицамъ несутся они... Господину Голядкину показалось, что сбывается съ нимъ что-то знакомое. Одно мгновеніе онъ старался припомнить, не предчувствовалъ-ли онъ чего-нибудь вчера, во снѣ, напримѣръ... Наконецъ, тоска его доросла до послѣдней степени своей агоніи. Налегши на безпощаднаго противника своего, онъ началъ было кричать. Но крикъ его замиралъ у него на губахъ... Была минута, когда господинъ Голядкинъ все позабылъ, и рѣшилъ, что все это совсѣмъ ничего, и что это такъ только, какъ-нибудь, необъяснимымъ образомъ дѣлается, и протестовать по этому случаю было бы лишнимъ и совершенно потеряннымъ дѣломъ... Но вдругъ, и почти въ то самое мгновеніе, какъ герой нашъ заключалъ это все, какой-то неосторожный толчокъ перемѣнилъ весь смыслъ дѣла. Господинъ Голядкинъ, какъ куль муки, свалился съ дрожекъ и покатился куда-то, совершенно справедливо сознаваясь въ минуту паденія, что дѣйствительно и весьма некстати погорячился. Вскочивъ, наконецъ, онъ увидѣлъ, что куда-то пріѣхали: дрожки стояли среди чьего-то двора, и герой нашъ съ перваго взгляда замѣтилъ, что это дверь того самаго дома, въ которомъ квартируетъ Олсуфій Ивановичъ. Въ то же самое мгновеніе замѣтилъ онъ, что пріятель его пробирается уже на крыльцо и, вѣроятно, къ Олсуфью Ивановичу. Въ неописанной тоскѣ своей, бросился было онъ догонять своего непріятеля, но, къ счастію своему, благоразумно одумался вò-время. Не забывъ расплатиться съ извозчикомъ, бросился господинъ Голядкинъ на улицу и побѣжалъ, что есть мòчи, куда глаза глядятъ. Снѣгъ валилъ попрежнему хлопьями, попрежнему было мутно, мокро и темно. Герой нашъ не шелъ, а летѣлъ, опрокидывая всѣхъ на дорогѣ,—мужиковъ, и бабъ, и дѣтей, и самъ въ свою очередь отскакивая отъ бабъ, мужиковъ и дѣтей. Кругомъ и вслѣдъ ему слышался пугливый говоръ, визгъ, крикъ... Но господинъ Голядкинъ, казалось, былъ безъ памяти, и вниманія ни на что не хотѣлъ обратить... Опомнился онъ, впрочемъ, уже у Семеновскаго моста, да и то по тому только случаю, что успѣлъ какъ-то неловко задѣть и опрокинуть двухъ бабъ, съ ихъ какимъ-то походнымъ товаромъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самъ повалиться. „Это ничего“, подумалъ господинъ Голядкинъ, „все это еще весьма можетъ устроиться къ лучшему“, и тутъ же полѣзъ въ свой карманъ, желая отдѣлаться рублемъ серебра за просыпанные пряники, яблоки, горохъ и разныя разности.

Вдругъ новымъ свѣтомъ озарило господина Голядкина; въ карманѣ ощупалъ онъ письмо, переданное ему поутру писаремъ. Вспомнивъ, между прочимъ, что есть у него недалеко знакомый трактиръ, забѣжалъ онъ въ трактиръ, не медля ни минуты, пристроился къ столику, освѣщенному сальною свѣчкою, и, не обращая ни на что вниманія, не слушая полового, явившагося за приказаніями, сломалъ печать и началъ читать нижеслѣдующее, окончательно его поразившее:

„Благородный, за меня страдающій и навѣки милый сердцу моему человѣкъ!

„Я страдаю, я погибаю,—спаси меня! Клеветникъ, интриганъ и извѣстный безполезностью своего направленія человѣкъ опуталъ меня сѣтями своими, и я погибла! Я пала! Но онъ мнѣ противенъ, а ты!.. Насъ разлучали, мои письма къ тебѣ перехватывали,—и все это сдѣлалъ безнравственный, воспользовавшись однимъ своимъ лучшимъ качествомъ,—сходствомъ съ тобою. Во всякомъ же случаѣ, можно быть дурнымъ собою, но плѣнять умомъ, сильнымъ чувствомъ и пріятными манерами... Я погибаю! Меня отдаютъ насильно и всего болѣе интригуетъ здѣсь родитель, благодѣтель мой и статскій совѣтникъ Олсуфій Ивановичъ, вѣроятно, желая занять мое мѣсто и мои отношенія въ обществѣ высокаго тона... Но я рѣшилась и протестую всѣми данными мнѣ природою средствами. Жди меня съ каретой своей сегодня, ровно въ девять часовъ, у оконъ квартиры Олсуфія Ивановича. У насъ опять балъ и будетъ красивый поручикъ. Я выйду, и мы полетимъ. Къ тому же, есть и другія служебныя мѣста, гдѣ еще можно приносить пользу отечеству. Во всякомъ случаѣ, вспомни, мой другъ, что невинность сильна уже своею невинностью. Прощай. Жди съ каретой у подъѣзда. Брошусь подъ защиту объятій твоихъ ровно въ два часа пополуночи.

„Твоя до гроба
Клара Олсуфьевна“.

Прочтя письмо, герой нашъ остался на нѣсколько минутъ какъ бы пораженный. Въ страшной тоскѣ, въ страшномъ волненіи, блѣдный какъ платокъ, съ письмомъ въ рукахъ, прошелся онъ нѣсколько разъ по комнатѣ; къ довершенію бѣдствія своего положенія, герой нашъ не замѣтилъ, что былъ въ настоящую минуту предметомъ исключительнаго вниманія всѣхъ находившихся въ комна-

тѣ. Вѣроятно, безпорядокъ костюма его, несдерживаемое волненіе, ходьба или, лучше сказать, бѣготня, жестикуляція обѣими руками, можетъ быть, нѣсколько загадочныхъ словъ, сказанныхъ на вѣтеръ и въ забывчивости,— вѣроятно, все это весьма плохо зарекомендовало господина Голядкина въ мнѣніи всѣхъ посѣтителей, и даже самъ половой начиналъ поглядывать на него подозрительно. Очнувшись, герой нашъ замѣтилъ, что стоитъ посреди комнаты и почти неприличнымъ, невѣжливымъ образомъ смотритъ на одного весьма почтенной наружности старичка, который, пообѣдавъ и помолясь передъ образомъ Богу, усѣлся опять, и съ своей стороны тоже не сводилъ глазъ съ господина Голядкина. Смутно оглянулся кругомъ нашъ герой и замѣтилъ, что всѣ, рѣшительно всѣ смотрятъ на него съ видомъ самымъ зловѣщимъ и подозрительнымъ. Вдругъ одинъ отставной военный, съ краснымъ воротникомъ, громко потребовалъ „Полицейскія Вѣдомости“. Господинъ Голядкинъ вздрогнулъ и покраснѣлъ: какъ-то нечаянно опустилъ онъ глаза въ землю и увидѣлъ, что былъ въ такомъ неприличномъ костюмѣ, въ которомъ и у себя дома ему быть нельзя, не только въ общественномъ мѣстѣ. Сапоги, панталоны и весь лѣвый бокъ его были совершенно въ грязи, штрипка на правой ногѣ оторвана, а фракъ даже разорванъ во многихъ мѣстахъ. Въ неистощимой тоскѣ своей подошелъ нашъ герой къ столу, за которымъ читалъ, и увидѣлъ, что къ нему подходитъ трактирный служитель съ какимъ-то страннымъ и дерзко-настоятельнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Потерявшись и опавъ совершенно, герой нашъ началъ разсматривать столъ, за которымъ стоялъ теперь. На столѣ стояли неубранныя тарелки послѣ чьего-то обѣда, лежала замаранная салфетка и валялись только что бывшіе въ употребленіи ножъ, вилка и ложка. „Кто-жъ это обѣдалъ?“ подумалъ герой нашъ. „Неужели я? А все можетъ быть! Пообѣдалъ, да такъ и не замѣтилъ себѣ; какъ же мнѣ быть?“ Поднявъ глаза, господинъ Голядкинъ увидѣлъ опять подлѣ себя полового, который собирался ему что-то сказать.

— Сколько съ меня, братецъ? спросилъ нашъ герой трепещущимъ голосомъ.

Громкій смѣхъ раздался кругомъ господина Голядкина, самъ половой усмѣхнулся. Господинъ Голядкинъ понялъ, что и на этомъ срѣзался и сдѣлалъ какую-то страшную глупость. Понявъ все это, онъ до того сконфузился, что

принужденъ былъ полѣзть въ карманъ за платкомъ своимъ, вѣроятно, чтобы что-нибудь сдѣлать и такъ не стоять; но, къ неописанному своему и всѣхъ окружающихъ его изумленію, вынулъ, вмѣсто платка, стклянку съ какимъ-то лѣкарствомъ, дня четыре тому назадъ прописаннымъ Крестьяномъ Ивановичемъ. „Медикаменты въ той же аптекѣ“, пронеслось въ головѣ господина Голядкина... Вдругъ онъ вздрогнулъ и чуть не вскрикнулъ отъ ужаса. Новый свѣтъ проливался... Темная, красновато-отвратительная жидкость зловѣщимъ отсвѣтомъ блеснула въ глаза господину Голядкину... Пузырекъ выпалъ у него изъ рукъ и тутъ же разбился. Герой нашъ вскрикнулъ и отскочилъ шага на два назадъ отъ пролившейся жидкости... онъ дрожалъ всѣми членами и потъ пробивался у него на вискахъ и на лбу. „Стало-быть, жизнь въ опасности!“ Между тѣмъ, въ комнатѣ произошло движеніе, смятеніе; всѣ окружили господина Голядкина, всѣ говорили господину Голядкину, нѣкоторые даже хватали господина Голядкина. Но герой нашъ былъ нѣмъ и недвижимъ, не видя ничего, не слыша ничего, не чувствуя ничего... Наконецъ, какъ будто съ мѣста сорвавшись, бросился онъ вонъ изъ трактира, растолкалъ всѣхъ и каждаго изъ стремившихся удержать его, почти безъ чувствъ упалъ на первыя, попавшіяся ему извозчичьи дрожки и полетѣлъ на квартиру.

Въ сѣняхъ квартиры своей встрѣтилъ онъ Михѣева, сторожа департаментскаго, съ казеннымъ пакетомъ въ рукахъ. „Знаю, другъ мой, все знаю“, отвѣчалъ слабымъ, тоскливымъ голосомъ изнуренный герой нашъ, „это офиціальное“... Въ пакетѣ дѣйствительно было предписаніе господину Голядкину, за подписью Андрея Филипповича, сдать находившіяся у него въ рукахъ дѣла Ивану Семеновичу. Взявъ пакетъ и давъ сторожу гривенникъ, господинъ Голядкинъ пришелъ въ квартиру свою и увидѣлъ, что Петрушка готовитъ и собираетъ въ одну кучу весь свой дрязгъ и хламъ, всѣ свои вещи, очевидно, намѣреваясь оставить господина Голядкина и переѣхать отъ него къ переманившей его Каролинѣ Ивановнѣ, чтобъ замѣнить ей Евстафія.

ГЛАВА XII.

Петрушка вошелъ, покачиваясь, держась какъ-то странно-небрежно и съ какой-то холопски-торжественной миной въ лицѣ. Видно было, что онъ что-то задумалъ, чувство-

валъ себя вполнѣ въ своемъ правѣ и смотрѣлъ совершенно постороннимъ человѣкомъ, то-есть чьимъ-то другимъ служителемъ, но только никакъ не прежнимъ служителемъ господина Голядкина.

— Ну, вотъ видишь, мой милый, началъ, задыхаясь, герой нашъ,—который теперь часъ, милый мой?

Петрушка молча отправился за перегородку, потомъ воротился и довольно независимымъ тономъ объявилъ, что ужъ скоро половина восьмого.

— Ну, хорошо, мой милый, хорошо. Ну, видишь, мой милый... позволь тебѣ сказать, милый мой, что между нами, кажется, теперь кончено все.

Петрушка молчалъ.

— Ну, теперь, какъ ужъ все между нами кончилось, скажи ты мнѣ теперь откровенно, какъ другъ скажи, гдѣ ты былъ, братецъ?

— Гдѣ былъ? Между добрыхъ людей-съ.

— Знаю, мой другъ, знаю. Я тобою былъ постоянно доволенъ, мой милый, и аттестатъ тебѣ дамъ... Ну, что же ты у нихъ теперь?

— Что же, сударь! Сами изволите знать-съ. Извѣстно-съ, добрый человѣкъ худому тебя не научитъ.

— Знаю, мой милый, знаю. Нынче добрые люди рѣдки, мой другъ; цѣни ихъ, мой другъ. Ну, какъ же они?

— Извѣстно-съ, какъ-съ... Только я у васъ, сударь, больше служить теперь не могу-съ; сами изволите знать-съ.

— Знаю, милый мой, знаю, твою ревность и усердіе знаю; я видѣлъ все это, другъ мой, я замѣчалъ. Я, мой другъ, тебя уважаю. Я добраго и честнаго человѣка, будь онъ и лакей, уважаю.

— Что-жъ, извѣстно-съ! Нашъ братъ, конечно, сами изволите знать-съ, гдѣ лучше. Ужъ такъ оно-съ. Что мнѣ! Извѣстно, сударь, что ужъ безъ добраго человѣка нельзя-съ.

— Ну, хорошо, братецъ, хорошо: я это чувствую... Ну, вотъ твои деньги и вотъ твой аттестатъ. Теперь поцѣлуемся, братецъ, простимся съ тобою...

— Ну, теперь, милый мой, я у тебя попрошу одной услуги, послѣдней услуги, сказалъ господинъ Голядкинъ торжественнымъ тономъ. — Видишь-ли, милый мой, всякое бываетъ. Горе, другъ мой, кроется и въ позлащенныхъ палатахъ, и отъ него никуда не уйдешь. Ты знаешь, мой другъ, я, кажется, съ тобою всегда ласковъ былъ...

Петрушка молчалъ.

— Я, кажется, съ тобой всегда ласковъ былъ, ми-

лый мой... Ну, сколько у насъ теперь бѣлья, милый мой?

— Да все на лицо-съ. Рубашекъ холстинковыхъ шесть-съ, карпетокъ три пары; четыре манишки-съ; фуфайка фланелевая; изъ нижняго платья двѣ штуки-съ. Сами знаете все-съ. Я, сударь, вашего ничего-съ... Я, сударь, барское добро берегу-съ. Я вами, сударь, того-съ... извѣстно-съ... а грѣха какого за мной — никогда, сударь, ужъ это сами знаете, сударь...

— Вѣрю, другъ мой, вѣрю. Я не про то, мой другъ, не про то, видишь-ли, вотъ что, мой другъ...

— Извѣстно, сударь-съ, ужъ это мы знаемъ-съ. Я, вотъ, когда еще у генерала Столбнякова служилъ-съ, такъ отпускали меня, уѣзжали сами въ Саратовъ... вотчина тамъ у нихъ...

— Нѣтъ, мой другъ, не про то, я ничего... ты не думай чего, милый другъ мой...

— Извѣстно-съ. Что ужъ нашего брата-съ, сами изволите знать-съ, долго-ли поклепать человѣка-съ. А мною были довольны вездѣ-съ. Были министры, генералы, сенаторы, графы-съ. Бывалъ у всѣхъ-съ, у князя Свинчаткина-съ, у Переборкина полковника-съ, у Недобарова генерала, тоже ходили-съ, въ вотчину ѣздили къ нашимъ-съ. Извѣстно-съ...

— Да, другъ мой, да, хорошо, мой другъ, хорошо. Вотъ и я теперь, мой другъ, уѣзжаю... Путь всякому разный лежитъ, милый мой, и неизвѣстно, на какую дорогу каждый человѣкъ попасть можетъ. Ну, мой другъ, дай же ты мнѣ одѣться теперь, да, ты вицмундиръ мой тоже положишь... брюки другіе, простыни, одѣяла, подушки...

— Въ узелъ прикажете все завязать-съ?

— Да, мой другъ, да; пожалуй и въ узелъ... Кто знаетъ, что можетъ съ нами случиться. Ну, теперь, милый мой, сходишь и пріищешь карету...

— Карету-съ?...

— Да, мой другъ, карету, просторнѣе и на извѣстное время. А ты, мой другъ, не думай чего-нибудь...

— А далеко уѣзжать хотите-съ?

— Не знаю, мой другъ, этого тоже не знаю. Перину тоже, я думаю, туда же положить нужно будетъ. Какъ ты самъ думаешь, другъ мой? Я на тебя полагаюсь, мой милый...

— Нешто сейчасъ изволите уѣзжать-съ?

— Да, мой другъ, да! Обстоятельство вышло такое... вотъ оно какъ, милый мой, вотъ оно какъ...

CZYTELNIA NOWA
Kosiykowa 24

— Извѣстно, сударь; вотъ у насъ въ полку съ поручикомъ то же самое было-съ; тамъ у помѣщика-съ... увезли-съ...

— Увезъ?... Какъ! Милый мой, ты...

— Да-съ, увезли-съ и въ другой усадьбѣ вѣнчались. Все было заранѣе готово-съ. Погоня была-съ; князь тутъ только-съ вступились, покойникъ-съ, ну, и уладили дѣло-съ...

— Вѣнчались, да... ты какъ же, мой милый? Ты-то какимъ же образомъ, милый мой, знаешь?

— Да ужъ извѣстно-съ, что-съ! Слухомъ земля, сударь, полнится. Знаемъ, сударь, мы все-съ... конечно, съ кѣмъ же грѣха не бывало. Только я вамъ скажу теперь, сударь, позвольте мнѣ, по-просту, сударь, по-холопски сказать; ужъ коль теперь на то пошло, такъ ужъ я вамъ скажу, сударь: есть у васъ врагъ,—суперника вы, сударь, имѣете, сильный суперникъ, вотъ-съ...

— Знаю, мой другъ, знаю; самъ ты, милый мой, знаешь... Ну, такъ вотъ я на тебя полагаюсь. Какъ же намъ теперь дѣлать, мой другъ? Какъ ты мнѣ посовѣтуешь?

— А вотъ, сударь, если вы такъ теперь, такимъ, примѣрно сказать, манеромъ пошли, сударь, такъ вотъ вамъ понадобится тамъ что покупать-съ, — ну, тамъ простыни, подушки, перину другую-съ, двуспальную-съ, одѣяло хорошее-съ, — такъ вотъ здѣсь, у сосѣдки-съ, внизу-съ: мѣщанка, сударь, она; лисій салопъ есть хорошій, такъ можно его посмотрѣть и купить, можно сейчасъ сходить посмотрѣть-съ. Оно же вамъ надобно, сударь, теперь-съ; хорошій салопъ-съ, атласомъ крытый-съ, на лисьемъ мѣху-съ...

— Ну, хорошо, мой другъ, хорошо, я согласенъ, мой другъ, я на тебя полагаюсь, вполнѣ полагаюсь: пожалуй, хоть и салонъ, милый мой... Только поскорѣй, поскорѣй! Ради Бога, поскорѣй! Я и салопъ куплю, только пожалуйста—поскорѣй! Скоро восемь часовъ, скорѣй, ради Бога, мой другъ! Поторопись поскорѣе, мой другъ!...

Петрушка бросилъ недовязанный узелъ бѣлья, подушекъ, одѣяла, простынь и всякаго дрязгу, что̀ сталъ было вмѣстѣ сбирать и увязывать, и стремглавъ бросился вонъ изъ комнаты. Господинъ Голядкинъ, между тѣмъ, схватился еще разъ за письмо, но читать его онъ не могъ. Схвативъ въ обѣ руки свою побѣдную голову, онъ въ изумленіи прислонился къ стѣнѣ. Думать ни о чемъ онъ не могъ, дѣлать что-нибудь тоже не могъ, онъ и самъ не зналъ, что̀ съ нимъ дѣлается. Наконецъ, видя, что время

проходитъ, а ни Петрушки, ни салопа еще не являлось, господинъ Голядкинъ рѣшился пойти самъ. Растворивъ дверь въ сѣни, онъ услышалъ внизу шумъ, говоръ, споръ и толки... Нѣсколько сосѣдокъ болтали, кричали, судили, рядили о чемъ-то,—ужъ это господинъ Голядкинъ зналъ, о чемъ именно. Слышался голосъ Петрушки, потомъ послышались чьи-то шаги. „Боже ты мой! Они сюда весь свѣтъ созовутъ!“ простоналъ господинъ Голядкинъ, ломая руки въ отчаяніи и бросаясь назадъ въ свою комнату. Прибѣжавъ въ свою комнату, онъ упалъ, почти не помня себя, на диванъ, лицомъ въ подушку. Съ минутку полежавъ такимъ образомъ, онъ вскочилъ и, не дожидаясь Петрушки, надѣлъ свои калоши, шляпу, шинель, захватилъ свой бумажникъ и побѣжалъ стремглавъ съ лѣстницы. „Ничего не нужно, ничего, милый мой! Я самъ, я все самъ. Тебя покамѣстъ не нужно, а между тѣмъ дѣло, можетъ-быть, и уладится къ лучшему“, пробормоталъ господинъ Голядкинъ Петрушкѣ, встрѣтивъ его на лѣстницѣ, потомъ выбѣжалъ на дворъ и вонъ изъ дому, сердце его замирало, онъ еще не рѣшался... Какъ ему быть, что ему дѣлать, какъ ему въ настоящемъ и критическомъ случаѣ поступить...

— Вѣдь вотъ: какъ поступить, Господи, Богъ мой? И нужно же было быть всему этому! вскричалъ онъ, наконецъ, въ отчаяніи, куда глаза глядятъ на удачу ковыляя по улицѣ,—нужно же было быть всему этому! Вѣдь вотъ не будь этого, вотъ именно этого, такъ все бы уладилось; разомъ, однимъ ударомъ, однимъ ловкимъ, энергическимъ, твердымъ ударомъ уладилось бы. Палецъ даю на отсѣченіе, что уладилось бы! И даже знаю, какимъ именно образомъ уладилось бы. Оно бы вотъ какъ все сдѣлалось: я бы тутъ и того—дескать, такъ и такъ, а мнѣ, сударь мой, съ позволенія сказать, ни туда, ни сюда, дескать, дѣла такъ не дѣлаются, дескать, сударь вы мой, милостивый мой государь, дѣла такъ не дѣлаются и самозванствомъ у насъ не возьмешь; самозванецъ, сударь вы мой, человѣкъ того—безполезный и пользы отечеству не приносящій. Понимаете-ли вы это? Дескать, понимаете-ли вы это, милостивый мой государь?! Вотъ бы какъ оно и того... Да нѣтъ, впрочемъ, что же... оно вовсе вѣдь не того, совсѣмъ не того... Я-то что вру, дуракъ-дуракомъ! Я-то, самоубійца я этакой! Оно, дескать, самоубійца ты этакой, совсѣмъ не того... Вотъ, однако, развращенный ты человѣкъ, вотъ оно какъ теперь дѣлается!... Ну, куда я

дѣнусь теперь? Ну, что я, напримѣръ, буду дѣлать теперь надъ собой? Ну, куда я гожусь теперь? Ну, куда ты, примѣромъ сказать, годишься теперь, Голядкинъ ты этакой, недостойный ты этакой! Ну, что теперь? Карету брать нужно; возьми, дескать, да подай ей карету сюда, дескать, ножки замочимъ, если кареты не будетъ... И вотъ, кто бы подумать могъ? Ай-да барышня, ай сударыня вы моя! Ай-да благонравнаго поведенія дѣвица! Ай-да хваленая наша. Отличились, сударыня, нечего сказать, отличились!.. А это все происходитъ отъ безнравственности воспитанія, а я, какъ теперь поразсмотрѣлъ да пораскусилъ это все, такъ и вижу, что это не отъ иного чего происходитъ, какъ отъ безнравственности. Чѣмъ бы смолоду ее того... да и розгой подчасъ, а они ее конфетами, а они ее сластями разными пичкаютъ, и самъ старикашка нюнитъ надъ ней: — дескать, ты такая моя, да сякая моя ты хорошая, дескать, за графа отдамъ тебя!.. А вотъ она и вышла у нихъ, и показала намъ теперь свои карты; дескать, вотъ у насъ игра какова! Чѣмъ бы дома держать ее смолоду, а они ее въ пансіонъ, къ мадамъ-француженкѣ, къ эмигранткѣ Фальбала тамъ какой-нибудь, а она тамъ добру всякому учится, у эмигрантки-то Фальбала,—вотъ оно и выходитъ такимъ-то все образомъ. Дескать, подите, порадуйтесь! Дескать, будьте въ каретѣ вотъ въ такомъ-то часу передъ окнами, и романсъ чувствительный по-испански пропойте; жду васъ, и знаю, что любите, и убѣжимъ съ вами вмѣстѣ, и будемъ жить въ хижинѣ. Да, наконецъ, оно и нельзя; оно, сударыня вы моя,—если на то ужъ пошло,—такъ оно и нельзя, такъ оно и законами запрещено честную и невинную дѣвицу изъ родительскаго дома увозить безъ согласія родителей! Да, наконецъ, и зачѣмъ, почему и какая тутъ надобность? Ну, вышла бы тамъ себѣ за кого слѣдуетъ, за кого судьбой предназначено, такъ и дѣло съ концомъ. А я человѣкъ служащій; а я мѣсто мое могу потерять изъ-за этого: я, сударыня вы моя, подъ судъ могу попасть изъ-за этого! Вотъ оно что! Коль не знали. Это нѣмка работаетъ. Это отъ нея, вѣдьмы, все происходитъ, всѣ сыры-боры отъ нея загораются. Потому что оклеветали человѣка, потому что выдумали на него сплетню бабью, небылицу въ лицахъ, по совѣту Андрея Филипповича, оттого и происходитъ. Иначе, почему же Петрушкѣ тутъ вмѣшиваться? Ему-то тутъ что? Шельмецу-то какая тутъ надобность? Нѣтъ, я не могу, сударыня, никакъ не могу, ни за что не могу...

А вы меня, сударыня, на этотъ разъ ужъ какъ-нибудь тамъ извините. Это отъ васъ, сударыня, все происходитъ, это не отъ нѣмки все происходитъ, вовсе не отъ вѣдьмы, а чисто отъ васъ, потому что вѣдьма добрая женщина, потому что вѣдьма не виновата ни въ чемъ, а вы, сударыня вы моя, виноваты,—вотъ оно какъ! Вы, сударыня, вы меня въ напраслину вводите... Тутъ человѣкъ пропадаетъ, тутъ самъ отъ себя человѣкъ исчезаетъ и самого себя не можетъ сдержать—какая тутъ свадьба! И какъ это кончится все? И какъ это теперь устроится? Дорого бы я далъ, чтобъ узнать это все!..

Такъ разсуждалъ въ отчаяніи своемъ нашъ герой. Очнувшись вдругъ, замѣтилъ онъ, что гдѣ-то стоитъ на Литейной. Погода была ужасная: была оттепель, валилъ снѣгъ, шелъ дождь,—ну, точь-въ-точь какъ въ то незабвенное время, когда, въ страшный полночный часъ, начались всѣ несчастія господина Голядкина.—„Какой тутъ вояжъ!“ думалъ господинъ Голядкинъ, смотря на погоду:—„тутъ всеобщая смерть... Господи, Богъ мой! Ну, гдѣ мнѣ, напримѣръ, здѣсь карету сыскать? Вонъ тамъ, на углу, кажется, что-то чернѣется. Посмотримъ, изслѣдуемъ... Господи, Богъ мой!“ продолжалъ нашъ герой, направивъ слабые и шаткіе шаги свои въ ту сторону, гдѣ увидѣлъ что-то похожее на карету.—„Нѣтъ, я вотъ какъ сдѣлаю: отправлюсь, паду къ ногамъ, если можно, униженно буду испрашивать. Дескать, такъ и такъ: въ ваши руки судьбу свою предаю, въ руки начальства; дескать, ваше превосходительство, защитите и облагодѣтельствуйте человѣка; такъ и такъ, дескать, вотъ то-то и то-то, противозаконный поступокъ; не погубите, принимаю васъ за отца, не оставьте... амбицію, честь, имя и фамилію спасите... и отъ злодѣя, развращеннаго человѣка спасите... Онъ другой человѣкъ, ваше превосходительство, а я тоже другой человѣкъ; онъ особо, и я тоже самъ по себѣ, право, самъ по себѣ, ваше превосходительство, право, самъ по себѣ, дескать, вотъ оно какъ. Дескать, походить на него не могу, перемѣните, благоволите, велите перемѣнить и безбожный самовольный подмѣнъ уничтожить... не въ примѣръ другимъ, ваше превосходительство. Принимаю васъ за отца; начальство, конечно, благодѣтельное и попечительное начальство подобныя движенія должно поощрять... Тутъ есть даже нѣсколько рыцарскаго. Дескать, принимаю васъ, благодѣтельное начальство, за отца и ввѣряю судьбу свою, и прекословить не буду;

ввѣряюсь и самъ отстраняюсь отъ дѣлъ... дескать, вотъ оно какъ!

— Ну, что, мой милый, извозчикъ?

— Извозчикъ...

— Карету, братъ, на вечеръ...

— А далеко-ли ѣхать изволите-съ?

— На вечеръ, на вечеръ: куда-бъ ни пришлось, милый мой, куда-бъ ни пришлось.

— Нешто за городъ ѣхать изволите?

— Да, мой другъ; можетъ, и за городъ. Я еще самъ навѣрно не знаю, мой другъ, не могу тебѣ навѣрно сказать, милый мой. Оно, видишь-ли, милый мой, можетъ-быть, все и уладится къ лучшему. Извѣстно, мой другъ...

— Да, ужъ извѣстно, сударь, конечно; дай Богъ всякому.

— Да, мой другъ, да; благодарю тебя, милый мой; ну, что же ты возьмешь, милый мой?..

— Сейчасъ изволите ѣхать-съ?

— Да, сейчасъ, то-есть нѣтъ, подождешь въ одномъ мѣстѣ... такъ, немножко, недолго подождешь, милый мой...

— Да, если ужъ на все время берете-съ, такъ ужъ меньше шести цѣлковыхъ, по погодѣ, нельзя-съ...

— Ну, хорошо, мой другъ, хорошо; а я тебя поблагодарю, милый мой. Ну, такъ вотъ ты меня и повезешь теперь, милый мой.

— Садитесь; позвольте, вотъ я здѣсь оправлю маленько,—извольте садиться теперь. Куда ѣхать прикажете?

— Къ Измайловскому мосту, мой другъ.

Извозчикъ-кучеръ взгромоздился на козла и тронулъ было пару тощихъ клячъ, которыхъ насилу оторвалъ отъ корыта съ сѣномъ, къ Измайловскому мосту. Но вдругъ господинъ Голядкинъ дернулъ шнурокъ, остановилъ карету и попросилъ умоляющимъ голосомъ поворотить назадъ, не къ Измайловскому, а въ одну другую улицу. Кучеръ поворотилъ въ другую улицу, и чрезъ десять минутъ новоприобрѣтенный экипажъ господина Голядкина остановился передъ домомъ, въ которомъ квартировалъ его превосходительство. Господинъ Голядкинъ вышелъ изъ кареты, попросилъ своего кучера убѣдительно подождать, и самъ взбѣжалъ съ замирающимъ сердцемъ вверхъ, во второй этажъ, дернулъ за шнурокъ; дверь отворилась, и нашъ герой очутился въ передней его превосходительства.

— Его превосходительство дома изволятъ быть? спро-

силъ господинъ Голядкинъ, адресуясь такимъ образомъ къ отворившему ему человѣку.

— А вамъ чего-съ? спросилъ лакей, оглядывая съ ногъ до головы господина Голядкина.

— А я, мой другъ, того... Голядкинъ, чиновникъ, титулярный совѣтникъ Голядкинъ. Дескать, такъ и такъ, объясниться...

— Обождите; нельзя-съ...

— Другъ мой, я не могу обождать: мое дѣло важное, не терпящее отлагательства дѣло...

— Да вы отъ кого? Вы съ бумагами?..

— Нѣтъ, я, мой другъ, самъ по себѣ... Доложи, мой другъ, дескать, такъ и такъ, объясниться. А я тебя поблагодарю, милый мой...

— Нельзя-съ. Не велѣно принимать, у нихъ гости-съ. Пожалуйте утромъ въ 10 часовъ-съ...

— Доложите же, мой милый, мнѣ нельзя, невозможно мнѣ ждать... Вы, милый мой, за это отвѣтите...

— Да ступай, доложи. Что тебѣ, сапоговъ жаль, что-ли? проговорилъ другой лакей, развалившійся на залавкѣ и до сихъ поръ не сказавшій ни слова.

— Сапоговъ топтать! Не велѣлъ принимать, знаешь? Ихняя череда по утрамъ.

— Доложи. Языкъ, что-ли, отвалится?

— Да я-то доложу—языкъ не отвалится. Не велѣлъ: сказано—не велѣлъ. Войдите въ комнату-то.

Господинъ Голядкинъ вошелъ въ первую комнату; на столѣ стояли часы. Онъ взглянулъ: половина девятаго. Сердце у него заныло въ груди. Онъ было уже хотѣлъ воротиться, но въ эту самую минуту долговязый лакей, ставъ на порогѣ слѣдующей комнаты, громко провозгласилъ фамилію господина Голядкина.—„Эко вѣдь горло!“ подумалъ въ неописанной тоскѣ нашъ герой.—„Ну, сказалъ бы ты: того... дескать, такъ и такъ, покорнѣйше и смиренно пришелъ объясниться,—того... благоволите принять... А теперь, вотъ и дѣло испорчено, вотъ и все мое дѣло на вѣтеръ пошло. Впрочемъ... да, ну—ничего...“ Разсуждать, впрочемъ, нечего было. Лакей воротился, сказалъ „пожалуйте“, и ввелъ господина Голядкина въ кабинетъ.

Когда нашъ герой вошелъ, то почувствовалъ, что какъ будто ослѣпъ, ибо рѣшительно ничего не видалъ... Мелькнули, впрочемъ, двѣ-три фигуры въ глазахъ: „Ну, да, это гости“, мелькнуло у господина Голядкина въ головѣ.

Наконецъ, нашъ герой сталъ ясно отличать звѣзду на черномъ фракѣ его превосходительства, потомъ, сохраняя постепенность, перешелъ и къ черному фраку, наконецъ, получилъ способность полнаго созерцанія...

— Что-съ? проговорилъ знакомый голосъ надъ господиномъ Голядкинымъ.

— Титулярный совѣтникъ Голядкинъ, ваше превосходительство.

— Ну?..

— Пришелъ объясниться...

— Какъ?.. Что?

— Да ужъ такъ. Дескать, такъ и такъ, пришелъ объясниться, ваше превосходительство-съ...

— Да вы... да кто вы такой?..

— Го-го-господинъ Голядкинъ, ваше превосходительство, титулярный совѣтникъ.

— Ну, такъ чего же вамъ нужно?

— Дескать, такъ и такъ, принимаю его за отца: самъ отстраняюсь отъ дѣлъ, и отъ врага защитите,—вотъ какъ!

— Что такое?..

— Извѣстно...

— Что извѣстно?

Господинъ Голядкинъ молчалъ; подбородокъ его начинало понемногу подергивать...

— Ну?

— Я думалъ рыцарское, ваше превосходительство... Что здѣсь, дескать, рыцарское, и начальника за отца принимаю... дескать, такъ и такъ, защитите, сле...слезно м...молю, и что такія дви...движенія долж...но по...по...поощрять...

Его превосходительство отвернулся. Герой нашъ нѣсколько мгновеній не могъ ничего разглядѣть своими глазами. Грудь его тѣснило. Духъ занимался. Онъ не зналъ, гдѣ стоялъ... Было какъ-то стыдно и грустно ему. Богъ знаетъ, что было послѣ... Очнувшись, герой нашъ замѣтилъ, что его превосходительство говоритъ съ своими гостями, и какъ будто рѣзко и сильно разсуждаетъ съ ними о чемъ-то. Одного изъ гостей господинъ Голядкинъ тотчасъ узналъ. Это былъ Андрей Филипповичъ; другого же нѣтъ; впрочемъ, лицо было какъ будто тоже знакомое,—высокая, плотная фигура, лѣтъ пожилыхъ, одаренная весьма густыми бровями и бакенбардами и выразительнымъ, рѣзкимъ взглядомъ. На шеѣ незнакомца былъ орденъ, а во рту сигарка. Незнакомецъ курилъ, и, не вынимая сигары изо рта, значительно кивалъ головою,

взглядывая по временамъ на господина Голядкина. Господину Голядкину стало какъ-то неловко; онъ отвелъ свои глаза въ сторону, и тутъ же увидѣлъ еще одного весьма страннаго гостя. Въ дверяхъ, которыя герой нашъ принималъ доселѣ за зеркало, какъ нѣкогда то же случилось съ нимъ,—появился *онъ*,—извѣстно кто: весьма короткій знакомый и другъ господина Голядкина. Господинъ Голядкинъ-младшій дѣйствительно находился до сихъ поръ въ другой маленькой комнаткѣ и что-то спѣшно писалъ; теперь видно понадобилось—и онъ явился, съ бумагами подъ мышкой, подошелъ къ его превосходительству и весьма ловко, въ ожиданіи исключительнаго къ своей особѣ вниманія, успѣлъ втереться въ разговоръ и совѣтъ, занявъ свое мѣсто немного за спиной Андрея Филипповича и отчасти маскируясь незнакомцемъ, курящимъ сигарку. Повидимому, господинъ Голядкинъ-младшій принималъ крайнее участіе въ разговорѣ, который подслушивалъ теперь благороднымъ образомъ, кивалъ головою, сѣменилъ ножками, улыбался, поминутно взглядывалъ на его превосходительство, какъ будто бы умолялъ взоромъ, чтобъ и ему тоже позволили ввернуть свои полсловечка. „Подлецъ!“ подумалъ господинъ Голядкинъ и невольно ступилъ шагъ впередъ. Въ это время генералъ оборотился и самъ довольно нерѣшительно подошелъ къ господину Голядкину.

— Ну, хорошо, хорошо; ступайте съ Богомъ. Я поразсмотрю ваше дѣло, а васъ велю проводить... Тутъ генералъ взглянулъ на незнакомца съ густыми бакенбардами. Тотъ, въ знакъ согласія, кивнулъ головою.

Господинъ Голядкинъ чувствовалъ и понималъ ясно, что его принимаютъ за что-то другое, а вовсе не такъ, какъ бы слѣдовало. „Такъ или этакъ, а объясниться вѣдь нужно“, подумалъ онъ,—„такъ и такъ, дескать, ваше превосходительство“. Тутъ въ недоумѣніи своемъ опустилъ онъ глаза въ землю, и, къ крайнему своему изумленію, увидѣлъ на сапогахъ его превосходительства значительное бѣлое пятно. „Неужели лопнули?“ подумалъ господинъ Голядкинъ. Вскорѣ, однакожъ, господинъ Голядкинъ открылъ, что сапоги его превосходительства вовсе не лопнули, а только сильно отсвѣчивали—феноменъ, совершенно объяснившійся тѣмъ, что сапоги были лакированные и сильно блестѣли. Это называется *бликъ*, подумалъ герой нашъ, особенно же сохраняется это названіе въ мастерскихъ художниковъ; въ другихъ же

мѣстахъ этотъ отсвѣтъ называется *свѣтлымъ ребромъ*. Тутъ господинъ Голядкинъ поднялъ глаза и увидѣлъ, что пора говорить, потому что дѣло весьма могло повернуться къ худшему концу... Герой нашъ ступилъ шагъ впередъ.

— Дескать, такъ и такъ, ваше превосходительство, сказалъ онъ,—а самозванствомъ въ нашъ вѣкъ не возьмешь.

Генералъ ничего не отвѣчалъ, а сильно позвонилъ за шнурокъ колокольчика. Герой нашъ еще ступилъ шагъ впередъ.

— Онъ подлый и развращенный человѣкъ, ваше превосходительство, сказалъ нашъ герой, не помня себя, замирая отъ страха и, при всемъ томъ, смѣло и рѣшительно указывая на недостойнаго близнеца своего, сѣменившаго въ это мгновеніе около его превосходительства.— Такъ и такъ, дескать, а я на извѣстное лицо намекаю.

Послѣдовало всеобщее движеніе за словами господина Голядкина. Андрей Филипповичъ и незнакомая фигура закивали своими головами; его превосходительство дергалъ въ нетерпѣніи изъ всѣхъ силъ за шнурокъ колокольчика, дозываясь людей. Тутъ господинъ Голядкинъ-младшій выступилъ впередъ въ свою очередь.

— Ваше превосходительство, сказалъ онъ,—униженно прошу позволенія вашего говорить. Въ голосѣ господина Голядкина-младшаго было что-то крайне рѣшительное; все въ немъ показывало, что онъ чувствуетъ себя совершенно въ правѣ своемъ.

— Позвольте спросить васъ, началъ онъ снова, предупреждая усердіемъ своимъ отвѣтъ его превосходительства и обращаясь въ этотъ разъ къ господину Голядкину,— позвольте спросить васъ, въ чьемъ присутствіи вы такъ объясняетесь? Передъ кѣмъ вы стоите, въ чьемъ кабинетѣ находитесь?.. Господинъ Голядкинъ-младшій былъ весь въ необыкновенномъ волненіи, весь красный и пылающій отъ негодованія и гнѣва; даже слезы въ его глазахъ показались.

— Господа Бассаврюковы! проревѣлъ во все горло лакей, появившись въ дверяхъ кабинета.—„Хорошая дворянская фамилія, выходцы изъ Малороссіи“, подумалъ господинъ Голядкинъ, и тутъ же почувствовалъ, что кто-то весьма дружескимъ образомъ налегъ ему одною рукою на спину, потомъ и другая рука налегла ему на спину; подлый близнецъ господина Голядкина юлилъ впереди, показывая дорогу, и герой нашъ ясно увидѣлъ, что

его, кажется, направляютъ къ большимъ дверямъ кабинета. „Точь-въ-точь, какъ у Олсуфія Ивановича“, подумалъ онъ, и очутился въ передней. Оглянувшись, онъ увидѣлъ подлѣ себя двухъ лакеевъ его превосходительства и одного близнеца.

— Шинель, шинель, шинель, шинель друга моего! Шинель моего лучшаго друга! защебеталъ развратный человѣкъ, вырывая изъ рукъ одного человѣка шинель и набрасывая ее, для подлой и неблагопріятной насмѣшки, прямо на голову господину Голядкину. Выбиваясь изъ-подъ шинели своей, господинъ Голядкинъ-старшій ясно услышалъ смѣхъ двухъ лакеевъ. Но, не слушая ничего и не внимая ничему постороннему, онъ ужъ выходилъ изъ передней и очутился на освѣщенной лѣстницѣ. Господинъ Голядкинъ-младшій—за нимъ.

— Прощайте, ваше превосходительство! закричалъ онъ вслѣдъ господину Голядкину-старшему.

— Подлецъ! проговорилъ внѣ себя нашъ герой.

— Ну, и подлецъ...

— Развратный человѣкъ!..

— Ну, и развратный человѣкъ... отвѣчалъ такимъ образомъ достойному господину Голядкину недостойный непріятель его и, по свойственной ему подлости, глядѣлъ съ высоты лѣстницы, прямо и не смигнувъ глазомъ, въ глаза господину Голядкину, какъ будто прося его продолжать. Герой нашъ плюнулъ отъ негодованія и выбѣжалъ на крыльцо; онъ былъ такъ убитъ, что совершенно не помнилъ, кто и какъ посадилъ его въ карету. Очнувшись, увидѣлъ онъ, что его везутъ по Фонтанкѣ. „Стало-быть, къ Измайловскому мосту?“ подумалъ господинъ Голядкинъ. Тутъ господину Голядкину захотѣлось еще о чемъ-то подумать, но нельзя было; а было что-то такое ужасное, чего и объяснить невозможно... „Ну, ничего!“ заключилъ нашъ герой, и поѣхалъ къ Измайловскому мосту.

ГЛАВА XIII.

...Казалось, что погода хотѣла перемѣниться къ лучшему. Дѣйствительно, мокрый снѣгъ, валившій доселѣ цѣлыми тучами, началъ мало-по-малу рѣдѣть, рѣдѣть и, наконецъ, почти совсѣмъ пересталъ. Стало видно небо, и на немъ, тамъ и сямъ, заискрились звѣздочки. Было только мокро, грязно, сыро и удушливо, особенно для господина Голядкина, который и безъ того уже едва духъ переводилъ. Вымокшая и отяжелѣвшая шинель его пронимала

всѣ его члены какою-то непріятно-теплою сыростью и тяжестью своею подламывала и безъ того уже сильно ослабѣвшія ноги его. Какая-то лихорадочная дрожь гуляла острыми и ѣдкими мурашками по всему его тѣлу; изнеможеніе точило изъ него холодный, болѣзненный потъ, такъ что господинъ Голядкинъ позабылъ уже, при семъ удобномъ случаѣ, повторить, съ свойственною ему твердостью и рѣшимостью, свою любимую фразу, что оно и все-то, авось, можетъ-быть, какъ-нибудь, навѣрное, непремѣнно, возьметъ, да и уладится къ лучшему. „Впрочемъ, это все еще ничего покамѣстъ“, прибавилъ крѣпкій и не унывающій духомъ герой нашъ, отирая съ лица своего капли холодной воды, струившейся по всѣмъ направленіямъ съ полей круглой и до того взмокшей шляпы его, что уже вода не держалась на ней. Прибавивъ, что это все еще ничего, герой нашъ попробовалъ было присѣсть на довольно толстый деревянный обрубокъ, валявшійся возлѣ кучи дровъ на дворѣ Олсуфья Ивановича. Конечно, объ испанскихъ серенадахъ и о шелковыхъ лѣстницахъ нечего уже было думать; но объ укромномъ уголкѣ, хотя и не совсѣмъ тепломъ, но зато уютномъ и скрытномъ, нужно же было подумать. Сильно соблазнялъ его, мимоходомъ сказать, тотъ самый уголокъ въ сѣняхъ квартиры Олсуфья Ивановича, гдѣ прежде еще, почти въ началѣ сей правдивой исторіи, выстоялъ свои два часа нашъ герой, между шкафомъ и старыми ширмами, между всякимъ домашнимъ и ненужнымъ дрязгомъ, хламомъ и рухлядью. Дѣло въ томъ, что и теперь господинъ Голядкинъ стоялъ и выжидалъ уже цѣлые два часа на дворѣ Олсуфья Ивановича. Но относительно укромнаго и уютнаго прежняго уголка существовали теперь нѣкоторыя неудобства, прежде не существовавшія. Первое неудобство—то, что, вѣроятно, это мѣсто теперь замѣчено и приняты насчетъ его нѣкоторыя предохранительныя мѣры со времени исторіи на послѣднемъ балѣ у Олсуфья Ивановича; а во-вторыхъ, должно же было ждать условнаго знака отъ Клары Олсуфьевны, потому что непремѣнно долженъ же былъ существовать какой-нибудь этакой знакъ условный. Такъ всегда дѣлалось и „дескать, не нами началось, не нами и кончится“. Господинъ Голядкинъ тутъ же кстати, мимоходомъ, припомнилъ какой-то романъ, уже давно имъ прочитанный, гдѣ героиня подала условный знакъ Альфреду совершенно въ подобномъ же обстоятельствѣ, привязавъ къ окну розовую ленточку. Но розовая

ленточка теперь, ночью, и при санктпетербургскомъ климатѣ, извѣстномъ своею сыростью и ненадежностью, въ дѣло идти не могла, и, однимъ словомъ, была совсѣмъ невозможна. „Нѣтъ, тутъ не до шелковыхъ лѣстницъ“, подумалъ герой нашъ, „а я лучше здѣсь, такъ себѣ, укромно и втихомолочку... я лучше вотъ, напримѣръ, здѣсь стану“, и выбралъ мѣстечко на дворѣ, противъ самыхъ оконъ, около кучи складенныхъ дровъ. Конечно, на дворѣ ходило много постороннихъ людей, форрейторовъ, кучеровъ, къ тому же, стучали колеса и фыркали лошади и т. д.; но все-таки мѣсто было удобное: замѣтятъ-ли, не замѣтятъ-ли, а теперь, по крайней мѣрѣ, выгода та, что дѣло происходитъ нѣкоторымъ образомъ въ тѣни и господина Голядкина не видитъ никто, самъ же онъ могъ видѣть рѣшительно все. Окна были сильно освѣщены, былъ какой-то торжественный съѣздъ у Олсуфья Ивановича. Музыки, впрочемъ, еще не было слышно. „Сталобыть, это не балъ, а такъ по какому-нибудь другому случаю съѣхались“, думалъ, отчасти замирая, герой нашъ. „Да сегодня-ли, впрочемъ?“ пронеслось въ его головѣ, „не ошибка-ли въ числѣ? Можетъ быть, все можетъ быть... Оно, вотъ это, какъ можетъ быть все... Оно еще, можетъ-быть, вчера было письмо-то написано, а ко мнѣ не дошло, и потому не дошло, что Петрушка сюда замѣшался, шельмецъ онъ такой! Или завтра написано, то-есть, что я... что завтра нужно было все сдѣлать, то-есть съ каретой-то ждать“... Тутъ герой нашъ похолодѣлъ окончательно и полѣзъ въ свой карманъ за письмомъ, чтобы справиться. Но письма, къ удивленію его, не оказалось въ карманѣ. „Какъ же это?“ прошепталъ полумертвый господинъ Голядкинъ: „гдѣ же это я оставилъ его? Стало-быть, я его потерялъ? Этого еще недоставало!“ простопалъ онъ, наконецъ, въ заключеніе. „Ну, если оно въ недобрыя руки теперь попадетъ? (Да, можетъ, попало уже!). Господи! Что изъ этого воспослѣдуетъ! Будетъ такое, что ужъ... Ахъ, ты, судьба ты моя ненавистная!“ Тутъ господинъ Голядкинъ какъ листъ задрожалъ при мысли, что, можетъ-быть, неблагопристойный близнецъ его, набрасывая ему шинель на голову, имѣлъ именно цѣлью похитить письмо, о которомъ, какъ-нибудь тамъ, пронюхалъ отъ враговъ господина Голядкина. „Къ тому же, онъ перехватываетъ“, подумалъ герой нашъ, „доказательствомъ же... да что доказательствомъ!..“ Послѣ перваго припадка и столбняка ужаса, кровь бросилась въ голову господина Голядкина.

Со стономъ и скрежеща зубами схватилъ онъ себя за горячую голову, опустился на свой обрубокъ и началъ думать о чемъ-то... Но мысли какъ-то ни о чемъ не вязались въ его головѣ. Мелькали какія-то лица, припоминались, то неясно, то рѣзко, какія-то давно забытыя происшествія, лѣзли въ голову какіе-то мотивы какихъ-то глупыхъ пѣсенъ... Тоска, тоска была неестественная! „Боже мой! Боже мой!“ подумалъ, нѣсколько очнувшись, герой нашъ, подавляя глухое рыданіе въ груди, „подай мнѣ твердость духа въ неистощимой глубинѣ моихъ бѣдствій! Что пропалъ я, исчезъ совершенно—въ этомъ ужъ нѣтъ никакого сомнѣнія, и это все въ порядкѣ вещей, ибо и быть не можетъ никакимъ другимъ образомъ. Во-первыхъ, я мѣста лишился, непремѣнно лишился, никакъ не могъ не лишиться... Ну, да положимъ, оно и уладится какъ-нибудь тамъ. Деньжонокъ же моихъ, положимъ, и достанетъ на первый разъ: тамъ — квартиренку другую какую-нибудь, мебелишки какой-нибудь нужно же... Петрушки же, во-первыхъ, не будетъ со мной. Я могу и безъ шельмеца... этакъ отъ жильцовъ; ну, хорошо! И входишь и уходишь когда мнѣ угодно, да и Петрушка не будетъ ворчать, что поздно приходишь,—вотъ оно какъ; вотъ почему отъ жильцовъ хорошо... Ну, да положимъ, это все хорошо; только какъ же я все не про то говорю, вовсе не про то говорю?“ Тутъ мысль о настоящемъ положеніи опять озарила память господина Голядкина. Онъ оглянулся кругомъ. „Ахъ, ты, Господи, Богъ мой! Господи, Богъ мой! Да о чемъ же это я теперь говорю?“ подумалъ онъ, растерявшись совсѣмъ и хватая себя за свою горячую голову...

— Нешто скоро, сударь, изволите ѣхать? произнесъ голосъ надъ господиномъ Голядкинымъ. Господинъ Голядкинъ вздрогнулъ; но передъ нимъ стоялъ его извозчикъ, тоже весь до нитки измокшій и продрогшій, отъ нетерпѣнія и отъ нечего дѣлать вздумавшій заглянуть къ господину Голядкину за дрова.

— Я, мой другъ, ничего... я, мой другъ, скоро, очень скоро, очень скоро, а ты подожди...

Извозчикъ ушелъ, ворча себѣ подъ носъ. „Объ чемъ же онъ это ворчитъ?“ думалъ сквозь слезы господинъ Голядкинъ, „вѣдь я его нанялъ же на вечеръ, вѣдь я того... въ своемъ правѣ теперь... вотъ оно какъ! На вечеръ нанялъ, такъ и дѣло съ концомъ. Хоть и такъ простоишь, все равно. Все въ моей волѣ. Воленъ ѣхать и воленъ не

ѣхать. И что вотъ здѣсь за дровами стою, такъ и это совсѣмъ ничего... и не смѣешь ничего говорить; дескать, барину хочется за дровами стоять, вотъ онъ и стоитъ за дровами... и чести ничьей не маретъ,—вотъ оно какъ! Вотъ оно какъ, сударыня вы моя, если только это вамъ хочется знать. А въ хижинѣ, сударыня вы моя, дескать, такъ и такъ, въ нашъ вѣкъ никто не живетъ. Оно вотъ что! А безъ благонравія въ нашъ промышленный вѣкъ, сударыня вы моя, не возьмешь, чему сами теперь служите пагубнымъ примѣромъ... Дескать, повытчикомъ нужно служить и въ хижинѣ жить, на морскомъ берегу. Во-первыхъ, сударыня вы моя, на морскихъ берегахъ нѣтъ повытчиковъ, а во-вторыхъ, и достать его намъ съ вами нельзя, повытчика-то. Ибо, положимъ, примѣрно сказать, вотъ я просьбу подаю, являюсь—дескать, такъ и такъ, въ повытчики, дескать, того... и отъ врага защитите... а вамъ скажутъ, сударыня, дескать, того... повытчиковъ много, и что вы здѣсь не у эмигрантки Фальбала, гдѣ вы благонравію учились, чему сами служите пагубнымъ примѣромъ. Благонравіе же, сударыня, значитъ дома сидѣть, отца уважать и не думать о женишкахъ прежде времени. Женишки же, сударыня, въ свое время найдутся,—вотъ оно какъ! Конечно, разнымъ талантамъ безспорно нужно умѣть, какъ-то: на фортепіанахъ иногда поиграть, по-французски говорить, исторіи, географіи, закону Божію и ариѳметикѣ,—вотъ оно какъ! А больше не нужно. Къ тому же, и кухня, непремѣнно въ область вѣдѣнія всякой благонравной дѣвицы должна входить кухня! А то что тутъ? Во-первыхъ, красавица вы моя, милостивая моя государыня, васъ не пустятъ, а пустятъ за вами погоню, и потомъ подъ сюркупъ, въ монастырь. Тогда что, сударыня вы моя? Тогда мнѣ-то что дѣлать прикажете? Прикажете мнѣ, сударыня вы моя, слѣдуя нѣкоторымъ глупымъ романамъ, на ближній холмъ приходить и таять въ слезахъ, смотря на хладныя стѣны вашего заключенія, и, наконецъ, умереть, слѣдуя привычкѣ нѣкоторыхъ скверныхъ нѣмецкихъ поэтовъ и романистовъ, такъ-ли, сударыня? Да, во-первыхъ, позвольте сказать вамъ по-дружески, что дѣла такъ не дѣлаются, а во-вторыхъ, и васъ, да и родителей-то вашихъ посѣкъ бы препорядочно за то, что французскія-то книжки вамъ давали читать; ибо французскія книжки добру не научатъ. Тамъ ядъ... ядъ тлетворный, сударыня вы моя! Или вы думаете, позвольте спросить васъ, или вы думаете, что, дескать, такъ и такъ, убѣ-

жимъ безнаказанно, да и того... дескать, хижинку вамъ на берегу моря; да и ворковать начнемъ и объ чувствахъ разныхъ разсуждать, да такъ и всю жизнь проведемъ, въ довольствѣ и счастьи; да потомъ заведется птенецъ, такъ мы и того... дескать, такъ и такъ, родитель нашъ и статскій совѣтникъ, Олсуфій Ивановичъ, вотъ, дескать, птенецъ завелся, такъ вы по сему удобному случаю снимите проклятіе, да благословите чету. Нѣтъ, сударыня, и опять-таки дѣла такъ не дѣлаются, и первое дѣло то, что воркованія не будетъ, не извольте надѣяться. Нынче мужъ, сударыня вы моя, господинъ, и добрая, благовоспитанная жена должна во всемъ угождать ему. А нѣжностей, сударыня, нынче не любятъ, въ нашъ промышленный вѣкъ; дескать, прошли времена Жанъ-Жака Руссо. Мужъ, напримѣръ, нынче приходитъ голодный изъ должности,— дескать, душенька, нѣтъ-ли чего закусить, водочки выпить, селедочки съѣсть? Такъ у васъ, сударыня, должны быть сейчасъ наготовѣ и водочка, и селедочка. Мужъ закуситъ себѣ съ аппетитомъ, да на васъ и не взглянетъ, а скажетъ: поди-тка, дескать, на кухню, котеночекъ, да присмотри за обѣдомъ, да развѣ-развѣ въ недѣлю разокъ поцѣлуетъ, да и то равнодушно... Вотъ оно какъ по-нашему-то, сударыня вы моя! Да и то, дескать, равнодушно!.. Вотъ оно какъ будетъ, если такъ разсуждать, если ужъ на то пошло, что такимъ-то вотъ образомъ начать на дѣло смотрѣть... Да я-то тутъ что? Меня-то, сударыня, въ ваши капризы зачѣмъ подмѣшали? „Дескать, благодѣтельный, за меня страждущій и всячески милый сердцу моему человѣкъ, и т. д.“. Да, во-первыхъ, я, сударыня вы моя, я для васъ не гожусь, сами знаете, комплиментамъ не мастеръ, дамскіе тамъ разные раздушенные пустячки говорить не люблю, селадоновъ не жалую, да и фигурою, признаться, не взялъ. Ложнаго-то хвастовства и стыда вы въ насъ не найдете, а признаемся вамъ теперь во всей искренности. Дескать, вотъ оно какъ, обладаемъ лишь прямымъ и открытымъ характеромъ, да здравымъ разсудкомъ; интригами не занимаемся. Не интриганъ, дескать, и этимъ горжусь, — вотъ оно какъ!.. Хожу безъ маски между добрыхъ людей, и чтобъ все вамъ сказать...“

Вдругъ господинъ Голядкинъ вздрогнулъ. Рыжая и взмокшая окончательно борода его кучера опять глянула къ нему за дрова...

— Я сейчасъ, мой другъ; я, мой другъ, знаешь, тот-

часъ; я, мой другъ, тотчасъ же, отвѣчалъ господинъ Голядкинъ трепещущимъ и изнывающимъ голосомъ.

Кучеръ почесалъ въ затылкѣ, потомъ погладилъ свою бороду, потомъ шагнулъ шагъ впередъ... остановился и недовѣрчиво взглянулъ на господина Голядкина.

— Я сейчасъ, мой другъ; я, видишь... мой другъ... я немножко, я, видишь, мой другъ, только секундочку здѣсь... видишь, мой другъ...

— Нешто совсѣмъ не поѣдете? сказалъ, наконецъ, кучеръ, рѣшительно и окончательно приступая къ господину Голядкину.

— Нѣтъ, мой другъ, я сейчасъ. Я, видишь, мой другъ, дожидаюсь...

— Такъ-съ...

— Я, видишь, мой другъ... Ты изъ какой деревни, мой милый?

— Мы господскіе...

— И добрыхъ господъ?..

— Нешто...

— Да, мой другъ; ты постой здѣсь, мой другъ. Ты, видишь, мой другъ, ты давно въ Петербургѣ?

— Да ужъ годъ ѣзжу...

— И хорошо тебѣ, другъ мой?

— Нешто.

— Да, мой другъ, да. Благодари Провидѣніе, мой другъ. Ты, мой другъ, добраго человѣка ищи. Нынче добрые люди стали рѣдки, мой милый; онъ обмоетъ, накормитъ и напоитъ тебя, милый мой, добрый-то человѣкъ. А иногда, ты видишь, что и черезъ золото слезы льются, мой другъ... видишь, плачевный примѣръ; вотъ оно какъ, милый мой...

Извозчику какъ будто стало жалко господина Голядкина.—Да извольте, я подожду-съ. Нешто долго ждать будете-съ?

— Нѣтъ, мой другъ, нѣтъ; я ужъ, знаешь, того... я ужъ не буду ждать, милый мой... Какъ ты думаешь, другъ мой? Я на тебя полагаюсь. Я ужъ не буду здѣсь ждать...

— Нешто совсѣмъ не поѣдете?

— Нѣтъ, мой другъ; нѣтъ, а я тебя поблагодарю, милый мой... вотъ оно какъ. Тебѣ сколько слѣдуетъ, милый мой?

— Да ужъ за что рядились, сударь, то и пожалуете. Ждалъ, сударь, долго, ужъ вы человѣка не обидите, сударь.

— Ну, вотъ тебѣ, милый мой, вотъ тебѣ. Тутъ госпо-

динъ Голядкинъ отдалъ всѣ шесть руб. сер. извозчику, и, серьезно рѣшившись не терять болѣе времени, т. е. уйти по добру по здорову, тѣмъ болѣе, что уже окончательно рѣшено было дѣло и извозчикъ отпущенъ былъ, и, слѣдовательно, ждать болѣе нечего, пустился со двора, вышелъ за ворота, поворотилъ налѣво и безъ оглядки, задыхаясь и радуясь, пустился бѣжать. „Оно, можетъ-быть, и все устроится къ лучшему“, думалъ онъ, „а я вотъ такимъ-то образомъ бѣды избѣжалъ“. Дѣйствительно, какъ-то вдругъ стало необыкновенно легко въ душѣ господина Голядкина. „Ахъ, кабы устроилось къ лучшему!“ подумалъ герой нашъ, самъ, впрочемъ, мало себѣ на-слово вѣря. „Вотъ я и того“, думалъ онъ. „Нѣтъ, я лучше вотъ какъ, я съ другой стороны... Или лучше вотъ этакъ мнѣ сдѣлать?..“ Такимъ-то образомъ, сомнѣваясь и ища ключа и разрѣшенія сомнѣній своихъ, герой нашъ добѣжалъ до Семеновскаго моста, а, добѣжавъ до Семеновскаго моста, благоразумно и окончательно положилъ воротиться. „Оно и лучше“, подумалъ онъ. „Я лучше съ другой стороны, т. е. вотъ какъ. Я буду такъ—наблюдателемъ постороннимъ буду, да и дѣло съ концомъ; дескать, я наблюдатель, лицо постороннее—и только, а тамъ, что ни случись—не я виноватъ. Вотъ оно какъ! Вотъ оно такимъ-то образомъ и будетъ теперь“.

Положивъ воротиться, герой нашъ дѣйствительно воротился, тѣмъ болѣе, что, по счастливой мысли своей, ставилъ себя теперь совсѣмъ лицомъ постороннимъ. „Оно же и лучше: и не отвѣчаешь ни за что, да и увидишь, что слѣдовало... вотъ оно какъ!“ То-есть, расчетъ былъ вѣрнѣйшій, да и дѣло съ концомъ. Успокоившись, забрался онъ опять подъ мирную сѣнь своей успокоительной и охранительной кучи дровъ и внимательно сталъ смотрѣть на окна. Въ этотъ разъ смотрѣть и дожидаться пришлось ему не долго. Вдругъ, во всѣхъ окнахъ разомъ, обнаружилось какое-то странное движеніе, замелькали фигуры, открылись занавѣсы, цѣлыя группы людей толпились въ окнахъ Олсуфія Ивановича, всѣ искали и выглядывали чего-то на дворѣ. Обезпеченный своею кучею дровъ, герой нашъ тоже, въ свою очередь, съ любопытствомъ сталъ слѣдить за всеобщимъ движеніемъ и съ участіемъ вытягивать направо и налѣво свою голову, сколько, по крайней мѣрѣ, позволяла ему короткая тѣнь отъ дровяной кучи, его прикрывавшая. Вдругъ онъ оторопѣлъ, вздрогнулъ и едва не присѣлъ на мѣстѣ отъ ужаса. Ему пока-

залось, — однимъ словомъ, онъ догадался вполнѣ, что искали-то не что-нибудь и не кого-нибудь: искали просто его, господина Голядкина. Всѣ смотрятъ въ его сторону. Бѣжать было невозможно: увидятъ... Оторопѣвшій господинъ Голядкинъ прижался какъ можно плотнѣе къ дровамъ, и тутъ только замѣтилъ, что предательская тѣнь измѣняла, что прикрывала она не всего его. Съ величайшимъ удовольствіемъ согласился бы нашъ герой пролѣзть теперь въ какую-нибудь мышиную щелочку между дровами, да тамъ и сидѣть себѣ смирно, если бъ только это было возможно. Но было рѣшительно невозможно. Въ агоніи своей онъ сталъ, наконецъ, рѣшительно и прямо смотрѣть на всѣ окна разомъ, оно же и лучше... И вдругъ сгорѣлъ со стыда окончательно. Его совершенно замѣтили, всѣ разомъ замѣтили, всѣ манятъ его руками, всѣ киваютъ ему головами, всѣ зовутъ его; вотъ щелкнуло и отворилось нѣсколько форточекъ, нѣсколько голосовъ разомъ что-то начали кричать ему... „Удивляюсь, какъ этихъ дѣвчонокъ не сѣкутъ еще съ дѣтства“, бормоталъ про себя нашъ герой, совсѣмъ потерявшись. Вдругъ съ крыльца сбѣжалъ *онъ* (извѣстно, кто) въ одномъ вицмундирѣ, безъ шляпы, запыхавшись, юля, сѣменя и подпрыгивая, вѣроломно изъявляя ужаснѣйшую радость о томъ, что увидѣлъ, наконецъ, господина Голядкина.

— Яковъ Петровичъ, защебеталъ извѣстный своей безполезностью человѣкъ.—Яковъ Петровичъ, вы здѣсь? Вы простудитесь. Здѣсь холодно, Яковъ Петровичъ. Пожалуйте въ комнату.

— Яковъ Петровичъ! Нѣтъ-съ, я ничего, Яковъ Петровичъ, покорнымъ голосомъ пробормоталъ нашъ герой.

— Нѣтъ-съ, нельзя, Яковъ Петровичъ, просятъ, покорнѣйше просятъ, ждутъ насъ. „Осчастливьте, дескать, и приведите сюда Якова Петровича“. Вотъ какъ-съ.

— Нѣтъ, Яковъ Петровичъ, я, видите-ли, я бы лучше сдѣлалъ... Мнѣ бы лучше домой пойти, Яковъ Петровичъ... говорилъ нашъ герой, горя на мелкомъ огнѣ и замерзая отъ стыда и ужаса, все въ одно время.

— Ни-ни-ни-ни! защебеталъ отвратительный человѣкъ.— Ни-ни-ни, ни за что! Идемъ! сказалъ онъ рѣшительно и потащилъ къ крыльцу господина Голядкина-старшаго. Господинъ Голядкинъ-старшій хотѣлъ было вовсе не идти, но такъ какъ смотрѣли всѣ и сопротивляться и упираться было бы глупо, то герой нашъ пошелъ,—впрочемъ, нельзя сказать, чтобъ пошелъ, потому что рѣшительно самъ не

зналъ, что съ нимъ дѣлается. Да ужъ такъ, ничего, за-одно!

Прежде нежели герой нашъ успѣлъ кое-какъ оправиться и опомниться, очутился онъ въ залѣ. Онъ былъ блѣденъ, растрепанъ, растерзанъ; мутными глазами окинулъ онъ всю толпу,—ужасъ! Зала, всѣ комнаты, — все, все было полнымъ-полнёхонько. Людей было бездна, дамъ цѣлая оранжерея; все это тѣснилось около господина Голядкина, все это стремилось къ господину Голядкину, все это выносило на плечахъ своихъ господина Голядкина, весьма ясно замѣтившаго, что его упираютъ въ какую-то сторону. „Вѣдь не къ дверямъ“, пронеслось въ головѣ господина Голядкина. Дѣйствительно, упирали его не къ дверямъ, а прямо къ покойнымъ кресламъ Олсуфія Ивановича. Возлѣ креселъ, съ одной стороны, стояла Клара Олсуфьевна, блѣдная, томная, грустная, впрочемъ, пышно убранная. Особенно бросились въ глаза господину Голядкину маленькіе бѣленькіе цвѣточки въ ея черныхъ волосахъ, что̀ составляло превосходный эффектъ. Съ другой стороны креселъ держался Владиміръ Семеновичъ, въ черномъ фракѣ, съ новымъ своимъ орденомъ въ петличкѣ. Господина Голядкина вели подъ руки, и, какъ сказано было выше, прямо на Олсуфія Ивановича,—съ одной стороны господинъ Голядкинъ-младшій, принявшій на себя видъ чрезвычайно благопристойный и благонамѣренный, чему нашъ герой до-нельзя обрадовался, съ другой же стороны руководилъ его Андрей Филипповичъ съ самой торжественной миной въ лицѣ. „Что̀ бы это?“ подумалъ господинъ Голядкинъ. Когда же онъ увидалъ, что ведутъ его къ Олсуфію Ивановичу, то его вдругъ какъ будто молніей озарило. Мысль о перехваченномъ письмѣ мелькнула въ головѣ его. Въ неистощимой агоніи предсталъ нашъ герой передъ кресла Олсуфія Ивановича. „Какъ онѣ теперь?“ подумалъ онъ про себя. „Разумѣется, этакъ все на смѣлую ногу, то-есть, съ откровенностью, не лишенною благородства; дескать, такъ и такъ и т. д.“. Но чего боялся, повидимому, герой нашъ, то и не случилось. Олсуфій Ивановичъ принялъ, кажется, весьма хорошо господина Голядкина, и хотя не протянулъ ему руки своей, но, по крайней мѣрѣ, смотря на него, покачалъ своею сѣдовласою и внушающею всякое уваженіе головою,—покачалъ съ какимъ-то торжественно-печальнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ благосклоннымъ видомъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, показалось господину Голядкину. Ему по-

казалось даже, что слеза блеснула въ тусклыхъ взорахъ Олсуфія Ивановича; онъ поднялъ глаза и увидѣлъ, что и на рѣсницахъ Клары Олсуфьевны, тутъ же стоявшей, тоже какъ будто блеснула слезинка,—что и въ глазахъ Владиміра Семеновича тоже какъ будто бы было что-то подобное,—что, наконецъ, ненарушимое и спокойное достоинство Андрея Филипповича тоже стоило общаго, слезящагося участія,—что, наконецъ, юноша, когда-то весьма походившій на важнаго совѣтника, уже горько рыдалъ, пользуясь настоящей минутой... Или это все, можетъ быть, только такъ показалось господину Голядкину, потому что онъ самъ весьма прослезился и ясно слышалъ, какъ текли его горячія слезы по его холоднымъ щекамъ... Голосомъ, полнымъ рыданій, примиренный съ людьми и судьбою и крайне любя въ настоящее мгновеніе не только Олсуфія Ивановича, не только всѣхъ гостей, взятыхъ вмѣстѣ, но даже и зловреднаго близнеца своего, который теперь, повидимому, вовсе былъ не зловреднымъ и даже не близнецомъ господину Голядкину, но совершенно постороннимъ и крайне любезнымъ самимъ по себѣ человѣкомъ, обратился было герой нашъ къ Олсуфію Ивановичу съ трогательнымъ изліяніемъ души своей, но отъ полноты всего, въ немъ накопившагося, не могъ ровно ничего объяснить, а только весьма краснорѣчивымъ жестомъ, молча, указалъ на свое сердце... Наконецъ, Андрей Филипповичъ, вѣроятно, желая пощадить чувствительность сѣдовласаго старца, отвелъ господина Голядкина немного въ сторону и оставилъ его, впрочемъ, кажется, въ совершенно независимомъ положеніи. Улыбаясь, что-то бормоча себѣ подъ носъ, немного недоумѣвая, но во всякомъ случаѣ почти совершенно примиренный съ людьми и судьбою, началъ пробираться герой нашъ куда-то сквозь густую массу гостей. Всѣ ему давали дорогу, всѣ смотрѣли на него съ какимъ-то страннымъ любопытствомъ и съ какимъ-то необъяснимымъ, загадочнымъ участіемъ. Герой нашъ прошелъ въ другую комнату:— то же вниманіе вездѣ; онъ глухо слышалъ, какъ цѣлая толпа тѣснилась по слѣдамъ его, какъ замѣчали его каждый шагъ, какъ втихомолку всѣ между собою толковали о чемъ-то весьма занимательномъ, качали головами, говорили, судили, рядили и шептались. Господину Голядкину весьма бы хотѣлось узнать, о чемъ они всѣ такъ судятъ и рядятъ и шепчутся. Оглянувшись, герой нашъ замѣтилъ подлѣ себя господина Голядкина-младшаго. Почувствовавъ необходимость схватить его руку и отвести

его въ сторону, господинъ Голядкинъ убѣдительнѣйше попросилъ другого Якова Петровича содѣйствовать ему при всѣхъ будущихъ начинаніяхъ и не оставлять его въ критическомъ случаѣ. Господинъ Голядкинъ-младшій важно кивнулъ головою и крѣпко сжалъ руку господина Голядкина-старшаго. Сердце затрепетало отъ избытка чувствъ въ груди героя нашего. Впрочемъ, онъ задыхался, онъ чувствовалъ, что его такъ тѣснитъ-тѣснитъ; что всѣ эти глаза, на него обращенные, какъ-то гнетутъ и давятъ его... Господинъ Голядкинъ увидалъ мимоходомъ того совѣтника, который носилъ парикъ на головѣ. Совѣтникъ глядѣлъ на него строгимъ, испытующимъ взглядомъ, вовсе не смягченнымъ отъ всеобщаго участія... Герой нашъ рѣшился было идти къ нему прямо, чтобъ улыбнуться ему и немедленно съ нимъ объясниться, но дѣло какъ-то не удалось. На одно мгновеніе господинъ Голядкинъ почти забылся совсѣмъ, потерялъ и память, и чувства... Очнувшись, замѣтилъ онъ, что вертится въ широкомъ кругу его обступившихъ гостей. Вдругъ изъ другой комнаты крикнули господина Голядкина; крикъ разомъ пропесся по всей толпѣ. Все заволновалось, все зашумѣло, всѣ ринулись къ дверямъ первой залы, героя нашего почти вынесли на рукахъ, при чемъ твердосердый совѣтникъ въ парикѣ очутился бокъ-о-бокъ съ господиномъ Голядкинымъ. Наконецъ, онъ взялъ его за руку и посадилъ возлѣ себя, напротивъ сѣдалища Олсуфія Ивановича, въ довольно значительномъ, впрочемъ, отъ него разстояніи. Всѣ, кто ни были въ комнатахъ, всѣ усѣлись въ нѣсколькихъ рядахъ, кругомъ господина Голядкина и Олсуфія Ивановича. Все затихло и присмирѣло, всѣ наблюдали торжественное молчаніе, всѣ взглядывали на Олсуфія Ивановича, очевидно, ожидая чего-то не совсѣмъ обыкновеннаго. Господинъ Голядкинъ замѣтилъ, что возлѣ креселъ Олсуфія Ивановича, и тоже прямо противъ совѣтника, помѣстился другой господинъ Голядкинъ съ Андреемъ Филипповичемъ. Молчаніе длилось; чего-то дѣйствительно ожидали. „Точь-въ-точь, какъ въ семьѣ какой-нибудь, при отъѣздѣ кого-нибудь въ дальній путь, стоитъ только встать, да помолиться теперь“, подумалъ герой нашъ. Вдругъ обнаружилось необыкновенное движеніе и прервало всѣ размышленія господина Голядкина. Случилось что-то давно ожидаемое. „Ѣдетъ, ѣдетъ!“ пронеслось по толпѣ. „Кто это ѣдетъ?“ пронеслось въ головѣ господина Голядкина, и онъ вздрогнулъ отъ какого-то страннаго ощуще-

нія. „Пора!“ сказалъ совѣтникъ, внимательно посмотрѣвъ на Андрея Филипповича. Андрей Филипповичъ, съ своей стороны, взглянулъ на Олсуфія Ивановича. Важно и торжественно кивнулъ головой Олсуфій Ивановичъ. „Встанемъ“, проговорилъ совѣтникъ, подымая господина Голядкина. Всѣ встали. Тогда совѣтникъ взялъ за руку господина Голядкина-старшаго, а Андрей Филипповичъ господина Голядкина-младшаго, и оба торжественно свели двухъ совершенно подобныхъ, среди обставшей ихъ кругомъ и устремившейся въ ожиданіи толпы. Герой нашъ съ недоумѣніемъ осмотрѣлся кругомъ, но его тотчасъ остановили и указали ему на господина Голядкина-младшаго, который протянулъ ему руку. „Это мирить насъ хотятъ“, подумалъ герой нашъ, и съ умиленіемъ протянулъ свою руку господину Голядкину-младшему; потомъ, потомъ протянулъ къ нему свою голову. То же сдѣлалъ и другой господинъ Голядкинъ... Тутъ господину Голядкину-старшему показалось, что вѣроломный другъ его улыбается, что бѣгло и плутовски мигнулъ всей окружающей ихъ толпѣ, что есть что-то зловѣщее въ лицѣ неблагопристойнаго господина Голядкина-младшаго, что даже онъ отпустилъ гримасу какую-то въ минуту іудина своего поцѣлуя... Въ головѣ зазвонило у господина Голядкина, въ глазахъ потемнѣло; ему показалось, что бездна, цѣлая вереница совершенно подобныхъ Голядкиныхъ съ шумомъ вламывается во всѣ двери комнаты; но было поздно... Звонкій, предательскій поцѣлуй раздался, и...

Тутъ случилось совсѣмъ неожиданное обстоятельство... Двери въ залу растворились съ шумомъ, и на порогѣ показался человѣкъ, котораго одинъ видъ оледенилъ господина Голядкина. Ноги его приросли къ землѣ. Крикъ замеръ въ его стѣсненной груди. Впрочемъ, господинъ Голядкинъ зналъ все заранѣе и давно уже предчувствовалъ что-то подобное. Незнакомецъ важно и торжественно приближался къ господину Голядкину. Господинъ Голядкинъ эту фигуру очень хорошо зналъ. Онъ ее видѣлъ, очень часто видѣлъ, еще сегодня видѣлъ... Незнакомецъ былъ высокій, плотный человѣкъ, въ черномъ фракѣ, съ значительнымъ крестомъ на шеѣ и одаренный густыми, весьма черными бакенбардами, недоставало только сигарки во рту для дальнѣйшаго сходства. Зато взглядъ незнакомца, какъ уже сказано было, оледенилъ ужасомъ господина Голядкина. Съ важной и торжественной миной подошелъ страшный человѣкъ къ плачевному герою по-

BIBLIOTEKA „KULTURA” Warszawa, Sienkiewicza 4

вѣсти нашей... Герой нашъ протянулъ ему руку; незнакомецъ взялъ его руку и потащилъ за собою... Съ потерянным, съ убитымъ лицомъ оглянулся кругомъ нашъ герой.

— Это, это Крестьянъ Ивановичъ Рутеншпицъ, докторъ медицины и хирургіи, вашъ давнишній знакомецъ, Яковъ Петровичъ! защебеталъ чей-то противный голосъ подъ самымъ ухомъ господина Голядкина. Онъ оглянулся: то былъ отвратительный, подлыми качествами души своей, близнецъ господина Голядкина. Неблагопристойная, зловѣщая радость сіяла въ лицѣ его; съ восторгомъ онъ теръ свои руки, съ восторгомъ повертывалъ кругомъ свою голову, съ восторгомъ сѣменилъ кругомъ всѣхъ и каждаго, казалось, готовъ былъ тутъ же начать танцовать отъ восторга; наконецъ, онъ прыгнулъ впередъ, выхватилъ свѣчку у одного изъ слугъ и пошелъ впередъ, освѣщая дорогу господину Голядкину и Крестьяну Ивановичу. Господинъ Голядкинъ слышалъ ясно, какъ все, что̀ ни было въ залѣ, ринулось вслѣдъ за нимъ, какъ всѣ тѣснились, давили другъ друга и всѣ вмѣстѣ, въ голосъ, начинали повторять за господиномъ Голядкинымъ, что это ничего; что не бойтесь, Яковъ Петровичъ, что это вѣдь старинный другъ и знакомецъ вашъ, Крестьянъ Ивановичъ Рутеншпицъ... Наконецъ, вышли на парадную, ярко освѣщенную, лѣстницу; на лѣстницѣ была тоже куча народа. Съ шумомъ растворились двери на крыльцо, и господинъ Голядкинъ очутился на крыльцѣ вмѣстѣ съ Крестьяномъ Ивановичемъ. У подъѣзда стояла карета, запряженная четверней лошадей, которыя фыркали отъ нетерпѣнія. Злорадственный господинъ Голядкинъ-младшій въ три прыжка сбѣжалъ съ лѣстницы и самъ отворилъ карету. Крестьянъ Ивановичъ увѣщательнымъ жестомъ попросилъ садиться господина Голядкина. Впрочемъ, увѣщательнаго жеста было вовсе не нужно; было довольно народу подсаживать... Замирая отъ ужаса, оглянулся господинъ Голядкинъ назадъ: вся ярко-освѣщенная лѣстница была унизана народомъ; любопытные глаза глядѣли на него отовсюду; самъ Олсуфій Ивановичъ предсѣдалъ на своей верхней площадкѣ лѣстницы, въ своихъ покойныхъ креслахъ, и внимательно, съ сильнымъ участіемъ смотрѣлъ на все совершавшееся. Всѣ ждали. Ропотъ нетерпѣнія пробѣжалъ по толпѣ, когда господинъ Голядкинъ оглянулся назадъ.

— Я надѣюсь, что здѣсь нѣтъ ничего... ничего предо-

судительнаго... или могущаго возбудить строгость... и вниманіе всѣхъ касательно официальныхъ отношеній моихъ? проговорилъ, потерявшись, герой нашъ. Говоръ и шумъ поднялся кругомъ, всѣ отрицательно закивали головами своими. Слезы брызнули изъ глазъ господина Голядкина.

— Въ такомъ случаѣ, я готовъ... я ввѣряюсь вполнѣ... и вручаю судьбу свою Крестьяну Ивановичу...

Только что проговорилъ господинъ Голядкинъ, что онъ вручаетъ вполнѣ свою судьбу Крестьяну Ивановичу, какъ страшный, оглушительный, радостный крикъ вырвался у всѣхъ окружавшихъ его и самымъ зловѣщимъ откликомъ прокатился по всей ожидавшей толпѣ. Тутъ Крестьянъ Ивановичъ съ одной стороны, а съ другой—Андрей Филипповичъ, взяли подъ руку господина Голядкина и стали сажать въ карету; двойникъ же, по подленькому обыкновенію своему, подсаживалъ сзади. Несчастный господинъ Голядкинъ-старшій бросилъ свой послѣдній взглядъ на всѣхъ и на все и, дрожа какъ котенокъ, котораго окатили холодной водой, — если позволятъ сравненіе,—влѣзъ въ карету; за нимъ тотчасъ же сѣлъ и Крестьянъ Ивановичъ. Карета захлопнулась; послышался ударъ кнута по лошадямъ, лошади рванули экипажъ съ мѣста... все ринулось вслѣдъ за господиномъ Голядкинымъ. Пронзительные, неистовые крики всѣхъ враговъ его покатились ему вслѣдъ, въ видѣ напутствія. Нѣкоторое время еще мелькали кое-какія лица кругомъ кареты, уносившей господина Голядкина; но мало-по-малу стали отставать, отставать и, наконецъ, исчезли совсѣмъ. Долѣе всѣхъ оставался неблагопристойный близнецъ господина Голядкина. Заложа руки въ боковые карманы своихъ зеленыхъ форменныхъ брюкъ, бѣжалъ онъ съ довольнымъ видомъ, подпрыгивая то съ одной, то съ другой стороны экипажа; иногда же, схватившись за рамку окна и повиснувъ на ней, просовывалъ въ окно свою голову и, въ знакъ прощанія, посылалъ господину Голядкину поцѣлуйчики; но и онъ сталъ уставать, все рѣже и рѣже появлялся и, наконецъ, исчезъ совершенно. Глухо занывало сердце въ груди господина Голядкина; кровь горячимъ ключомъ била ему въ голову; ему было душно, ему хотѣлось разстегнуться, обнажить свою грудь, обсыпать ее снѣгомъ и облить холодной водой. Онъ впалъ, наконецъ, въ забытье... Когда же очнулся, то увидѣлъ, что лошади несутъ его по какой-то ему незнакомой дорогѣ. Направо и налѣво чернѣлись лѣса; было глухо и пусто. Вдругъ онъ

обмеръ: два огненные глаза смотрѣли на него въ темнотѣ и зловѣщею, адскою радостью блестѣли эти два глаза.—Это не Крестьянъ Ивановичъ! Кто это? Или это онъ? Онъ! Это Крестьянъ Ивановичъ, но только не прежній, это другой Крестьянъ Ивановичъ! Это ужасный Крестьянъ Ивановичъ!..

— Крестьянъ Ивановичъ, я... я, кажется, ничего, Крестьянъ Ивановичъ, началъ было робко и трепеща нашъ герой, желая хоть сколько-нибудь, покорностію и смиреніемъ, умилосердить ужаснаго Крестьяна Ивановича.

— Ви получаитъ казенный квартиръ, съ дровами, съ лихтъ и съ прислугой, чего ви недостоинъ, строго и ужасно, какъ приговоръ, прозвучалъ отвѣтъ Крестьяна Ивановича.

Герой нашъ вскрикнулъ и схватилъ себя за голову. Увы! Онъ это давно уже предчувствовалъ.

1976
1957
1961

1972

WYŻSZA SZKOŁA PEDAGOGICZNA w KIELCACH
BIBLIOTEKA
162065

Biblioteka WSP Kielce
0126776